Международный литературный клуб «Astra Nova», при поддержке издательства «Северо-Запад» объявляет прием текстов в альманах фантастики «Астра Нова».

Альманах соединяет в себе подборку произведений современных авторов, малоизвестных переводов классиков жанра, а так же публицистические материалы, посвященные проблемам литературы и творчества.. Альманах выходит с периодичностью раз в квартал . Объём порядка 10 (десяти) авторских листов. Структура: проза (повести, рассказы, миниатюры, переводы), публицистика, новости, анонсы. Тематика – фантастика, мистика, фэнтези.

Рукописи следует присылать на адрес:

astranova.almanac@yandex.ru

строго в формате doc или rtf, обязательно указывая в тексте произведения имя и фамилию автора или псевдоним и адрес электронной почты для связи; произведения, не подписанные должным образом или присланные в ином формате, рассматриваться не будут. Тексты, присылаемые в альманах, не должны быть напечатаны или опубликованы на бумаге, за исключением малотиражных фэнзинов.

Объем присылаемых текстов до четырех авторских листов (160000 знаков с пробелами). Убедительная просьба, не отправлять сразу много текстов, для ознакомления достаточно трех-четырех произведений. Иллюстративный материал, если он необходим, подавать отдельно от текста.

Рукописи не рецензируются. Редакция вступает в переписку с автором только в случае одобрения произведения, в случае отказа в публикации, автор так же уведомляется.

Все вопросы иного рода: организационные, технические, партнерства или сотрудничества, – следует направлять на имя главного редактора по адресу:

kibervor@yandex.ru

Меморандум
международного литературного клуба
«Astra Nova»

Цели и задачи клуба

1. Объединение писателей-фантастов с целью профессионального роста.

- развитие критической мысли, совершенствование аналитических и литературоведческих навыков;
- исследование потенциальных возможностей человечества. Философское осмысление реальности;
- совершенствование навыков написания рассказов в жанре фантастики и пограничных жанров — интересно, осмысленно и неординарно.

2. Организация и проведение литературных конкурсов с последующим отбором лучших рассказов и продвижением их к публикации в различных журналах, а также формированием собственных альманахов и сборников «Астра новы».

3. Пропаганда жанра фантастики. Отыскание новых площадок для публикации. Открытие новых имён, поддержка начинающих авторов, изучение как известной, так и ныне забытой классики жанра.

4. Освещение актуальных проблем современности в новых ракурсах. Суммирование опыта разных культур, консолидация различающихся между собой точек зрения с целью:

- расширения областей сотрудничества между странами и народами;
- расширения общения и объединения русскоязычных авторов;
- обогащения русского языка в качестве языка международного общения;
- способствования интеграции русской культуры в культуры других стран;
- способствования интеграции других культур в русскую культуру.

5. Подготовка издания и распространение альманахов «Астра-Нова» и сборников фантастических рассказов, отобранных на проводимых клубом конкурсах.

6. Взаимообучение и творческая взаимопомощь молодых русскоязычных авторов фантастики, помощь начинающим авторам.

Меморандум
международного литературного клуба «Astra Nova»

Совет клуба

Председатель: *Кирилл Берендеев*

Зам председателя: *Камелия Санрин*

Исполнительный руководитель: *Светлана Тулина*

Исполнительные члены Клуба: *Александр Антонов, Ольга Денисова, Виталий Карацупа, Злата Линник, Джон Маверик, Ирина Маракуева, Татьяна Помысова, Виталий Слюсарь, Валерий Цуркан*

Члены редакционной коллегии альманаха: *Константин Кривцун, Юлия Крюкова, Григорий Панченко, Анна Райнова*

Выпускающий редактор: *Светлана Тулина*

Верстка: *Ольга Денисова*

Художник: *Анастасия Галатенко*

Переводчики: *Виталий Карацупа, Злата Линник, Виталий Слюсарь*

Отдел связей с общественностью: *Татьяна Помысова*

Главный редактор *Кирилл Берендеев*

Все значимые решения принимаются коллегиально, советом клуба и в обязательном порядке согласовываются с председателем совета. Решения по делегированным вопросам принимаются ответственными лицами согласно делегированным полномочиям. В Клубе действует система назначений.

Основная площадка деятельности Клуба в Москве расположена по адресу: ул. Берзарина д.6 к.1 (библиотека №221)

АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

АСТРА НОВА

An 2(003) 2014

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44
А91

Международный литературный клуб
«Astra Nova»

Print-on-Demand

Астра Нова: альманах фантастики. № 2(003). – СПб.: Издательство
А91 Северо-Запад, 2014. – 288 с.

ISBN 978-5-93835-556-9

Парящий над пропастью пропасти не замечает. Для него все в прошлом: и твердь земли, и прежние страхи, и былая неуверенность. Только шест в натруженных руках да канат под ногами.

Мы пустились в подобное странствие: земля осталась позади, и бездна поделилась связующей далекие берега нитью.

УДК 82-3
ББК 8 (2Рос-Рус) 6-44

© К. Берендеев , составление, вступительное слово, 2014
© Авторы публикуемых произведений
© Издательство «Северо-Запад», 2014

ISBN 978-5-93835-556-9

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственная речь С.С.Смирнова 11
Слово главного редактора 13

МЕЖДУ АЛГОЛОМ И БЕТЕЛЬГЕЙЗЕ

Стихи Евгения Лукина: Объяснительная 15

Максим Тихомиров
Семя солнца 16
Павел Молитвин
Гаснет звездочка в ночи..... 25

Стихи Мартиэль: Баллада о космических убийцах 46

Елена Щетинина
Третий и четвертый 47
Геннадий Ядрихинский
За дверью 61
Влад Копернин
Наследники степи 66
Андрей Бударов
Змея времени 78
Владимир Голубев
Скважина 91

МЕЖДУ НАМИ И НИМИ

Стихи Мартиэль: Любовь и магия 101

Юлия Бекенская
Кошкины сны..... 102
Наталья Сигайлова
Зеркала..... 115
Олег Кожин
Снегурочка..... 117
Софья Ролдугина
Глаз..... 130

Стихи Евгения Лукина: Баллада о невидимом райцентре 139

Екатерина Бакулина
Химера 140
Валентин Орлов
Черная монетка 150
Марина Ясинская
Заговоренные 156
Владимир Кузнецов
Завтрак для Джека 166

Татьяна Томах
Обратная сторона черноты 177
Кристина Каримова
Удиви меня 184
Сергей Игнатьев
Смородова горка 195

МЕЖДУ ГОЛЕМОМ И КТУЛХУ

Стихи Мартиэль: Бедненький демон 211

Кларк Эштон Смит
Путешествие короля Еворана 212
Зотик 228
Мертвец наставит вам рога 229

МЕЖДУ ПРОЧИМ

Интервью с Дмитрием Вересовым 251
Дмитрий Вересов
На все четыре стороны 254
Ольга Денисова
Избранники гневной Планеты 264

МЕЖДУ Ь И Ъ

Стихи Евгения Лукина 267

Анна Самойлова
Кикона 268
Анна Агнич
Бюро находок 269
Евгения Данилова
Мечты сбываются 272
Ника Батхан
Выход в люди 273
Елена Щетинина
Кто убил дракона? 276
Елена Щетинина
Борисевич и домоуправление 279
Александр Карнишин
Черный поезд 281
Роман Демидов
Любовь и рельсы 284
Макс Черепанов
Горящий тур 285
Андрей Скоробогатов
Мальчик и Марсоход 286

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Сергея Сергеевича Смирнова, сотрудника Пулковской Обсерватории и редактора «Астрономического календаря»

Дорогие друзья, название «Астра Нова» не может не тронуть сердце любого человека, неравнодушного к космосу. Тем более — астронома.

Только что исполнилось 125 лет замечательному изданию и замечательному кружку любителей астрономии и физики в Нижнем Новгороде, откуда начался Российский Астрономический Календарь — первое постоянное издание такой тематики в императорской России. Ни Москва, ни Питер, ни Киев, ни Варшава — 4 тогда крупнейших города империи не имели подобного издания. А Нижний Новгород, ну, тоже наверно, входивший тогда в первую десятку по числу жителей, создал вот это издание и сделал его регулярным. Конечно, не обошлось без перерывов — в Гражданскую войну и, к сожалению, в лихие 90-е.

Сейчас мы размышляем, продолжать ли издавать книжную, бумажную версию или перейти всё-таки на компьютерную, потому что её можно править на ходу. А править приходится часто. Казалось бы — звёзды неизменны, но это не так. Постоянно появляются новые интересные объекты, часть из которых можно наблюдать и невооружённым глазом. Вот сейчас, в декабре, например, мы ждём появления кометы Исон — Айсон, как иногда по-английски произносят её название. Видимо, она будет такой же, как те две кометы, которые мы наблюдали в 90-е годы, а вот в этом веке пока ни одной на севере такой яркой не было. И в случае электронной версии правка намного облегчается, элементарно, просто добавка была бы с табличкой координат и лучших фотографий, которые есть на эту тему.

Изредка мы тоже что-то печатаем. Не только таблицы, не только воспоминания космонавтов и астрофизиков, не только новости астрономической науки, но и какие-то художественные тексты, обычно очень короткие, рассказы-миниатюры или даже стихи. Потому что астрономия — это, наверно, действительно одна из самых поэтических наук, во всяком случае, дарящих вдохновение и поэтическое, и музыкальное, и саму идею гармонии, красоты Космоса, в то же время перемежающуюся взрывами, катастрофами, рождениями одних миров и гибелью других.

И здесь, пробежав взглядом по полкам магазина, я с удовольствием вижу полку астрономическую, с весьма доступными для читателя ценами, а книги очень интересные и, может быть, более насыщенные информацией, чем часто бывают сегодняшние альбомы, очень красивые и дорогие, изданные на мелованной бумаге и содержащие массу ошибок. Эти ошибки легко обнаружить. Есть несколько простых тестов, которые сразу ловят авторов на перепечатке устаревшей информации. Посмотрите

в таком красивом навороченном альбоме — сколько указано спутников у Юпитера? Если 16, 25 или даже 40, это значит, перепечатали чужое, не проконсультировались у астрономов-профессионалов. Сейчас уже известно более 60 спутников, что у Юпитера, что у Сатурна. И эта цифра вряд ли останется неизменной надолго, поскольку среди земных астрономов идёт своеобразное соревнование, сколько они разглядят небесных тел.

Теоретически путь на Амальтею проложен давно, и давно именно эти спутники привлекали внимание писателей возможностью почувствовать далёкие миры и вдохновить тех, кто финансирует сложные полеты дорогостоящих космических аппаратов. Брэдбери помог увидеть Марс каким-то очень домашним, простым, хотя и страшным, хотя и с галлюцинациями и обращением в прошлое. Брэдбери приблизил Марс к Земле. И, конечно, среди астрономов тоже были писатели, вот буквально только что у нас был вечер памяти Бориса Натановича Стругацкого, умевшего объединить эти два призвания и слить их воедино. Он был одним из самых известных писателей-астрономов, но далеко не единственным. А если и не пишут сами — то, по крайней мере, любят и ценят фантастику. В нашем клубе книголюбов, к примеру, очень сильная команда знатоков литературы, мы сражались с более крупными организациями, такими как Ленинградский Метрополитен или огромный Физико-Технический Институт имени Иоффе, и побеждали их в знаниях, вот таких несколько неожиданных, может быть, литературных.

И когда название издания — «Астра Нова», то есть новая звезда — это просто замечательно, это счастливый знак, и пусть эта новая звезда успешно горит и зажигает сердца читателей. Желаем полного успеха.

Слово главного редактора

«Парящий над пропастью пропасти не замечает. Для него все в прошлом: и твердь земли, и прежние страхи, и былая неуверенность. Только шест в натруженных руках да канат под ногами.

Мы пустились в подобное странствие. Первым шагом стал конкурс фантастического рассказа «Канатоходец», проходивший в марте – апреле на сайте «Astra Nova». Этот выпуск – наш второй шаг; земля осталась позади, и бездна поделилась связующей далекие берега нитью»…

Это предисловие я написал в сентябре прошлого года, когда, волею обстоятельств, наш пилотный выпуск оказался под вопросом, и лишь стараниями Григория Панченко, предоставившего нам свой журнал «Меридиан» в качестве стартовой площадки, оказался выпущен в качестве спецвыпуска. Этот выпуск виделся нам компромиссом между правдой жизни и устремлениями, балансировкой на тетиве каната. А потом была презентация альманаха в Питере, интервью и отзывы в прессе. Вскоре после презентации нам предоставило свои, уже куда большие возможности издательство «Северо-запад», и следующий выпуск вышел куда солидней, чем мы и сами рассчитывали.

Неудивительно, что захотелось переиздать пилот. Все к этому шло, возражений у издателя не оказалось, так что теперь мы представляем третий, а по сути расширенный первый номер нашего альманаха. Под прежней темой «Канатоходец» и почти прежней обложкой Светланы Тулиной.

К уже опубликованным рассказам добавились иллюстрации Анастасии Галатенко, а еще множество новых рассказов и статей, разбитых на четыре части: научная фантастика, космическая и земная, мистика и готика, перевод текста Кларка Эштона Смита, сделанный специально для нашего издания, публицистика, интервью и на сладкое любителям быстрого чтения — подборка миниатюр, немножко серьезных, немножко смешных.

Среди множества работ каждому найдется наиболее интересная, захватившая и не отпускающая. Быть может, именно она заставит читателя перелистнуть страницы альманаха еще раз. Или приобрести следующий выпуск. Вслед за нами пуститься в путешествие, единственной путеводной нитью в котором — тонкий канат, теряющийся в неведомой дали, до которой так непросто, так желаемо поскорее добраться.

Приятного прочтения!

Кирилл Берендеев

Научная фантастика

Между Алголом и Бетельгейзе

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
художника волгоградского планетария Виктора Криушенко

Когда он выполз — клянусь вам честью —
меняю облик, роняю челюсть,
хватаю камень и молча целюсь,
не будь я Витей!
Встречал я в наших проулках многое,
однажды видел живого йога я,
но шестиногое членистоногое
ещё не видел.

И что досадно — близ места адского
ни А. Стругацкого, ни Б. Стругацкого.
Никто не даст мне совета братского,
а это значит:
всё растолкую (мол, так и так-то),
постигну сущность любого факта,
плюс бездна такта, всё для контакта —
а не контачит!

Кричу: «Здоро́во!» — не понимает,
кладу червонец — не поднимает,
беру обратно — не отнимает.
Такие факты.
Другой бы плюнул, другой ушёл бы,
другой давно уже вырвал кол бы.
Я хлопнул по лбу и вынул колбу —
промыть контакты.

В момент промыли и повторили,
про их планету поговорили,
ещё купили, ещё открыли —
контакт налажен.
Они гуманны — и мы гуманны.
Они гурманы — и мы гурманы.
У них стаканы — у нас стаканы.
Не из горла́ же!

Общались сутки, а утром ранним
облобызались при расставаньи,
не наше пили, не «ративани»,
а их двуокись —

и понял я, когда принял сотую,
что невзначай прогулял субботу я,
но отработаю с большой охотою.
Число и подпись.

Евгений Лукин, 1980

Максим Тихомиров

Семя солнца

Сон длиною в годы подошел к концу, и Клойбер наконец проснулась.

Отсюда, с границ системы, цель её полёта всё ещё выглядела лишь звездой — немного более яркой, чем прочие звёзды, щедрой рукой создателя рассыпанные в небесах. Свет бесчисленных солнц терялся в полыхании облаков межзвёздного газа и пыли, заставляя их сиять многоцветными полотнищами туманностей. По мере приближения к звезде поток её излучения всё нарастал, и несколько дней спустя она превратилась в ослепительно яркий золотистый шарик, который всё рос и рос, щетинясь лучами и затмевая свечение звёздного неба.

Клойбер грелась в лучах чужого солнца, широко раскинув крылья накопителей, встопорщив чешуи радиаторных решёток, подставляя то один, то другой бок потоку тяжёлых частиц и жёсткого излучения близкого уже светила. Сопла ориентации лёгкими импульсами вращали её обманчиво неуклюжее тело вокруг продольной оси, равномерно согревая остывшую за время межзвёздного рейса плоть.

Паруса всё ещё были убраны, и полёт продолжался по инерции. Скорость разгона, которую удалось набрать в потоках мощного ветра безымянной звезды, что осталась далеко позади, сохранялась неизменной все долгие годы полёта сквозь вечное сияние небес центральных районов звёздного скопления.

Пираты-пустотники отстали, затерявшись в кометном облаке на периферии системы. Их убогие жидкостные ракеты, не сумев взять Клойбер из засады, на рывок, вынуждены были лечь на обратный курс к своим ледяным базам, когда была израсходована половина топлива. Клойбер, которая с лёгкостью справилась бы с ними, даже если бы пиратам удалось приблизиться на дистанцию абордажа, лишь отметила для себя, что межзвёздные путешественники явно не редкость в этом секторе скопления — очень уж слаженным было нападение, слишком отработанными маневры, чересчур единым отход. Всё говорило о том, что пиратами кто-то управляет, и управляет железной волей, не позволяя им растрачивать скудные ресурсы окраины на бессмысленное преследование ускользнувшей добычи. Однако теперь Клойбер знала, что ей следует быть осмотрительнее, когда придёт время покинуть систему жёлтой звезды и снова отправиться в путь.

Когда поток солнечного ветра приобрёл осязаемую плотность, Клойбер развернула полотнище паруса, гася скорость полёта. В зоне жизни звезды она легла в дрейф, чувствуя, как в глубине её плоти происходят некие изменения, которые не были для неё новыми, но к которым она так и не смогла привыкнуть за века скитаний среди звёзд.

Чувствуя сладкий трепет предвкушения в глубине своего необъятного тела, Клойбер оставалась на эллиптической орбите в двустах

миллионах миль от солнца, питаясь его лучами, задремывая и просыпаясь вновь.

Она ждала.

* * *

За бесславным возвращением сыновей Аримастар наблюдал с дозорной башни родового гнезда, уродливым наростом украшавшего глыбу темного льда уже не одно столетие. Замок тоже был ледяным — здесь, в кометном облаке, трудно сыскать что-то, сделанное из иного материала.

Испаряя в реакторах последние капли воды, корабли сыновей синхронизировали свои орбиты с орбитой кометы, которая была им домом. Расторопная челядь прыгнула в пустоту и окутала изрядно уменьшившиеся в размерах корабли сплетенной из кометных саргассов сетью. Оставшиеся на поверхности слуги канатами притянули сети к замковым стенам, но его дети, не дожидаясь, когда лёд корабельных бортов коснётся льда кладки, покинули судёнышки и в облачках корректирующих выхлопов из наспинных газовых пузырей помчались навстречу отцу.

Он встретил их без упрёков и брани. Нестройной толпой дети обступили его, пали к его ногам, нависли над ним тенями, перекрывшими свечение далёких звёзд. Они ждали его слов, готовые внимать его недовольству, готовые вкусить яд его разочарования, готовые принять наказание, наложенное им.

Он обвёл их взглядом, подолгу задерживаясь на каждом из лиц. Сыновей была без малого сотня, и он давно уже не помнил имён их всех. Имена старших затерялись в тумане бесконечных лет его жизни, имён молодых он не мог упомнить, ибо память подводила его в последние годы. Аримастар чувствовал, что его долгий век подходит к концу. Вечность прозябания в плену наполненной льдом пустоты — такого ли пожелаешь своим потомкам, уходя?

Сыновья смотрели на него — кто с всепоглощающей преданностью, кто с чувством вины, которое и не пытался скрыть, кто с сомнением во взглядах немигающих глаз. Он в который уже раз за последнюю декаду почувствовал, что уже слишком стар для того, чтобы управлять кланом — но не мог допустить, чтобы те из его детей, чья жажда власти всё сильнее и сильнее давала о себе знать с каждым днём — в речах, манерах, поступках — хотя бы на мгновение почувствовали его слабость.

— Мы потерпели неудачу, отец. Расчёт оказался неверен, — сказал, наконец, за всех самый старший, один из первенцев Аримастара. Голос его был скрипучим и хриплым, как у отца. Ненамного моложе родителя, он немало повидал на своём веку. Тело его было искажено за бесчисленные годы противостояния излучению и пустоте, рубцы, оставленные былыми битвами с воинственными соседями, родственниками по крови, изборождали плоть. Он винит в неудаче меня, подумал Аримастар, чувствуя, как буравит его взгляд сына.

— И вы были нерасторопны, — ответил Аримастар. — И стремились показать каждый свою удаль, вместо того, чтобы согласовать действия и умерить гордыню. Как бы то ни было, — продолжал он, слыша, как волной нарастает возмущённый ропот, — результат налицо. Она ушла. И вряд ли у нас будет второй шанс.

— Но она всё ещё здесь, отец, внутри системы, — возразил голос помоложе, и Аримастар с удивлением понял, что помнит имя обладателя этого голоса. — Она раскрыла парус для торможения, прежде чем мы потеряли её из виду.

Игрим. Да, точно. Из самых младших, рождённых Матерью в глубоком посмертии, задолго до того, как она умерла окончательно, и прежде, чем её иссыхающее тело стало приносить только неполноценные плоды.

Один из последних… Но даже ему уже очень много лет. Клан угасает. Ещё немного, несколько столетий, может быть, тысяч лет — и их род, его, Аримастара, род, сгинет навеки.

Дети ждали его ответа. Глядя на Игрима, патриарх сказал:

— Пусть даже ты и прав, и она подняла парус не для нового разгона в своём путешествии невесть куда, и пусть даже, обманутая призывом нашего маяка, будет ждать сладкого свидания у тёплого солнца… От этого нам не легче, сын. Мы не знаем наверняка, намерена ли она остаться в системе, и если да — то надолго ли. Нам неизвестны её истинные цели, но даже если она и пробудет у солнца достаточно долго — нам-то что с того? Мы не сумели обуздать её здесь, где мы сильны — и теперь она так далеко от нас, что её и вовсе могло бы не быть на свете.

Взгляд Игрима был всё так же пронзителен, и даже тени смущения не промелькнуло в нём.

— Мы знаем, что она есть, и что она здесь, отец, — сказал он. — Наша неудача не должна стать приговором для рода. Я берусь выполнить то, что не может не быть исполнено — в одиночку, или вместе со своими братьями, если они захотят присоединиться ко мне. Мне нужно твоё благословение, отец.

— Что ты задумал? — спросил Аримастар, тщательно пряча всколыхнувшуюся вдруг в душе надежду, которой давно уже не было там места.

И тогда Игрим поведал отцу свой план.

* * *

Время шло.

Клойбер то и дело выныривала из дрёмы, навеянной живительным теплом близкого солнца, и слушала голоса в пространстве. Звёзды всё так же шептали о вечном; сёстры Клойбер, пересекая скопление, слали ей привет и хвастали успешными романами с встреченными ими в пути незнакомцами — а она всё ждала того, кто позвал её сюда годы назад, посулив то, от чего она не могла отказаться, ибо таково было её предназначение — дарить жизнь и расселять её по просторам Вселенной.

Ей некуда было спешить, пусть даже ожидание и затянулось. Призыв, направлявший её полёт, умолк — но она верила, что межзвёздный скиталец обязательно придёт за ней к маленькой жёлтой звезде, которая станет домом для их потомства.

Клойбер была простодушна и не могла даже заподозрить обмана.

Она ждала и надеялась, потому что не могла иначе.

* * *

Создание катапульты потребовало всех ресурсов энергии, которыми располагал клан. Всё то, что долгие годы запасали резервуары накопителей, собирая ажурной сетью коллекторов крохи солнечного излучения, достигающие границ системы, пошло

в ход. Аримастар с лёгким сердцем расставался с богатством — терять было нечего, и в случае неуспеха конец клана попросту приблизился бы на десяток-другой лет.

Удача же, сколь бы призрачной она ни была, сулила клану бессмертие.

Ставки были высоки, и патриарх решил пойти на риск — к явственному недовольству старших сыновей, которые предпочли бы стабильность векового прозябания среди комет эфемерной надежде на возрождение рода в цвете былого могущества.

На построение направляющей для катапульты пошёл хребет Матери клана, что многими его сыновьями было воспринято не иначе, как святотатство. Гигантский остов Прародительницы, тысячи лет покоившийся в полыхающих небесах ледяного мира, освободили от остатков иссушенной вакуумом плоти, которая также пошла на строительство, распавшись в химических реакторах на составляющие ее элементы.

Глядя, как исполинский хребет, облепленный неустанно трудящимися челядинцами, обрастает рёбрами индукционных катушек, Аримастар с лёгкой грустью вспоминал то далёкое время, когда впервые увидел свет звёзд, выйдя из утробы той, что была Матерью ему — а впоследствии, когда семя её единственного отпрыска зародило в ней новую жизнь, стала Прародительницей всего клана.

Когда истерзанное тело Матери достигло границ системы жёлтого солнца, она уже умирала. Не сумев распознать в мирной звезде, давшей приют ей и ставшей колыбелью для ее потомства, готовую вот-вот полыхнуть огненным цветком сверхновую, Мать обратилась в бегство слишком поздно, когда светило утратило стабильность и обратило в шлак и пепел ближайшие миры. Опалённая короной распухающего солнца, она впала в кому на выходе из системы и летела в межзвёздной пустоте, безмолвная, агонизирующая, бесконечно долгие годы. Проносящиеся мимо солнца тенетами гравитации постепенно замедляли её бег сквозь пространство и время, пока, наконец, жёлтое солнце не захватило её в плен, превратив в ещё одну комету среди сонма ледяных скиталиц, стерегущих границы его системы.

Аримастар, зачатый у другого солнца, появился на свет посреди величественного танца висящих в пустоте льдин. Долгое время он оставался один, занятый выживанием в условиях, к существованию в которых изначально не был готов совершенно. Меняя свое тело под негостеприимную среду нового дома, он, унаследовавший с кровью Матери все знания цивилизации прародителей, сумел после долгих проб и ошибок приспособиться к жизни в пустоте, извлекая необходимые телу вещества и энергию из кометного льда.

Похожий на своих пращуров не более, чем была похожа на них Мать, и в той же мере отличаясь от неё самой, Аримастар стал идеальным существом для жизни в невесомости на границе вселенского Ничто. Когда модификации, которым он подверг своё тело, полуосознанно, на грани инстинкта, управляя его перестройкой, закрепились в его крови, Аримастар перешёл к следующему шагу.

Он зачал свой клан в функционирующих ещё ячейках могучей репродуктивной системы Матери, которая уже не была живой, не став, впрочем, и окончательно мёртвой.

* * *

За миллионы лет скитания по Вселенной раса путешественников, давно позабывшая координаты материнского мира, претерпела бесчисленное множество изменений своего внешнего облика и внутреннего устройства, уйдя по ветвям древа эволюции настолько далеко от изначального Предка, что потомки его казались теперь представителями совершенно разных видов. Бесконечное множество вариаций формы, размера, обмена веществ и прочих свойств организмов, абсолютно непохожих теперь ни друг на друга, ни на хрупкого примата, отважившегося некогда бросить вызов необъятному простору Вселенной, позволили выходцам с третьей планеты жёлтого карлика, давно затерявшегося в водоворотах звёзд, заселить собственную Галактику и выйти за её пределы, неся семя жизни и разума к незаселенным ещё мирам.

Неимоверно разнясь внешне, наследники древней расы, меж тем, сохранили возможность к зачатию совместного потомства от любых комбинаций участвующих в размножении особей. Записанная в крови видовая память позволяла потомкам различных ветвей племени звёздных странников осваивать все пригодные для той или иной формы жизни уголки космоса — и непригодные тоже.

Разумная жизнь неторопливо распространялась по всей Вселенной.

* * *

Прежде, чем тело Матери умерло окончательно, Аримастар успел произвести на свет несколько тысяч своих единокровных потомков. Часть из них превратились под его пристальным вниманием в узкоспециализированные, непригодные к размножению особи, став слугами зарождающегося клана. Именно они обеспечивали относительный комфорт новому племени космических охотников и собирателей, которые посвятили свои жизни поиску добычи в облаке кометного льда.

Некоторым из своих первенцев, агрессивным и целеустремленным, как и сам отец, самцам, Аримастар позволил оплодотворить Праматерь, встав во главе собственных кланов, которые со временем отселились от родового гнезда, время от времени напоминая о себе в пограничных стычках за скудные ресурсы кометного пояса.

Потом Мать угасла окончательно. Её гигантская мумия оставалась для клана объектом почитания и немым напоминанием о том, откуда произошли его члены.

Шло время, годы слагались в века, века — в тысячи лет, проходящих под сенью пламенеющих небес. Неуклонная череда неизбежных в жёстких условиях существования клана несчастных случаев и смертей от истощения в особенно трудные годы сократило число членов до неприемлемо низкого уровня. Тогда, использовав череп Матери в качестве направляющей антенны и потратив по крупицам накопленный за столетие энергоресурс, Аримастар и послал в межзвёздную бездну сигнал призыва в надежде, что он будет услышан и понят.

Род нуждался в воспроизводстве. В сложной структуре сигнала был зашифрован зов могучего самца, способного к размножению, способного обеспечить комфорт и безбедное будущее своему потомству.

Аримастар надеялся, что ни одна из полуразумных Матерей, услышав

этот зов, не сможет противостоять древнейшим инстинктам.

Он не ошибся.

* * *

И теперь, глядя на последние приготовления своего угасающего рода, старый патриарх верил, что они смогут в конце концов добиться успеха. Самка, способная подарить его клану будущее, пришла по его призыву. Решившись на обман, Аримастар не испытывал ни малейших угрызений совести. Существование на зыбкой грани жизни и смерти научило его прагматизму. Он верил в то, что цели нужно добиваться любой ценой — и с радостью обнаружил сходные мысли в рассуждениях одного из своих младших сыновей.

Именно Игриму суждено стать продолжателем их рода. Аримастар давно решил это для себя. Чтобы избежать ненужного противостояния между своим преемником и теми из старших сыновей, что до сих пор оставались с ним, Аримастар приказал им погрузиться в глубокий сон — и они не осмелились ослушаться приказа дряхлеющего вожака. Теперь они спали в своих пещерах глубоко под поверхностью кометы, и лишь новый его приказ мог запустить необходимые для пробуждения процессы в их телах.

Когда всё было готово, Аримастар вморозил тела десятков своих сыновей в вырубленные из кометного льда корабли, дал последнее напутствие Игриму и тепло простился с ним. Когда ложе пилота наполнила стремительно замерзающая вода, сквозь покрывающую тело младшего корку льда Аримастар разглядел в глазах своего наследника лишь преданность и обожание.

Теперь он был спокоен — независимо от результата их отчаянной попытки.

Накопители выпустили из застывших недр чудовищный импульс энергии, и гроздь ледяных снарядов в оплётке из полос накопленного за всё время существования клана, а потому драгоценного, металла пронеслась по нацеленной в центр системы направляющей материнского хребта и устремилась к солнцу.

Аримастар долго смотрел вслед своим сыновьям, зная, что не увидит больше никого из них.

Потом он усыпил слуг и спустился в недра своей кометы. Погружаясь в сон, который мог длиться вечно, Аримастар приказал самому себе проснуться лишь тогда, когда его отыщет разумное существо, близкое ему по плоти и крови.

Его потомок.

Иначе пробуждение теряло всякий смысл.

Аримастар уснул.

* * *

Клойбер разбудили ненавязчивые сигналы, которые посылали её мозгу органы, отвечающие за навигацию Матери внутри солнечной системы. Впервые после долгих лет дрёмы её жизни угрожала опасность — призрак опасности, которую сочли за благо преувеличить чуткие системы безопасности, которые уже много раз прежде спасали её от увечий и смерти, предвестники которых были не менее эфемерными на первый взгляд.

Присмотревшись получше и обшарив пространство лучами радаров, Клойбер поняла, откуда исходит угроза. Несколько десятков комет, нарушив привычный порядок вращения небесных тел по их исконным орбитам, приближались к ней, выйдя из-за массивной туши газового

гиганта, по орбите которого Клойбер дрейфовала уже давно. Излучение солнца разогрело лед, и кометы окутались дымкой атмосферы, отрастив шлейфы газопылевых хвостов.

Нечто странное было и в том, что они двигались столь близко друг к другу, и в синхронности их скоростей, и в приблизительном сходстве масс кометных тел. Их орбиты пересекали её собственную в опасной близости от Клойбер, и она дала дюзами импульс, уходя от вероятного столкновения.

Кометы неожиданно изменили траекторию своего движения, проделав этот манёвр на удивление слаженно, и резко ускорились. Теперь Клойбер отчётливо различала в спектральном рисунке их хвостов следы радиоактивных веществ от примитивных реакторов, вмороженных в массы льда.

Пираты настигли её. Назначенное ей невесть кем свидание обернулось смертельной ловушкой.

Времени на разгон не оставалось, и Клойбер была вынуждена принять бой.

* * *

Лёд пилотского ложемента давно растаял, и вода обнимала Игрима со всех сторон, превратившись в противоперегрузочный гель под воздействием смешавшихся с растаявшим льдом органических добавок. Отдавая братьям приказы в ультракоротковолновом диапазоне, Игрим руководил боем, призом в котором была новая жизнь для его клана.

Необъятное тело Матери, подсвеченное лучами солнца и отраженным газовым гигантом светом, неуклюже разворачивалось прямо перед ними, раскрывая щели орудийных портов, щетинясь пиками противоабордажной защиты, отчаянно ловя лепестками энергосборщиков излучение солнца. Облака корректирующих выхлопов окутали её тело подобием атмосферы, плавники гравитационных движителей играли с тяготением звезды и планеты-гиганта, пытаясь увести Мать из-под удара.

Далеко-далеко позади Игрим ощущал незримое пока присутствие еще нескольких десятков родственных по крови разумов, не принадлежащих к его собственной стае. Он понял, что это его старшие братья, давным-давно основавшие свои кланы в царстве космического льда, предприняли те же действия, что и его отец, единые с ним в желании продолжить свой род.

Они не успевали к битве. Игрим и сопровождавшие его верные клану братья станут первыми, кто коснётся плоти Матери и даст начало тысячам тысяч новых жизней, которые смогут заселить систему от центральных планет до внешней её границы.

В случае же, если удача отвернётся от них, братья-отщепенцы получат свой шанс — но не раньше.

Игрим выпустил облако ложных целей и снарядов-перехватчиков и нырнул во главе боевого порядка своей стаи к развернувшейся им навстречу Матери.

Она встретила их залпом из главного калибра.

Пространство наполнилось хаосом битвы.

* * *

Клойбер отмахивалась от танцующих вокруг её огромного тела судёнышек импульсами силовых полей, поражала их ракетными ударами, распыляла в пространстве минные завесы из алмазной крошки. Пираты

откатывались, теряя часть кораблей, которые разлетались облачками водяного пара, а потом набрасывались на неё снова и снова с поражающей её настойчивостью.

Вместо полного сил и неуемной страсти партнера Клойбер нашла у жёлтой звезды лишь разочарование и досадные мелкие проблемы. Она не жалела о потраченных на бесцельное ожидание годах — в её распоряжении оставалась ещё целая вечность, которую она проведёт куда более полезным для себя образом, когда покинет эту злополучную систему…

Вот только разберётся с этой досаждающей ей мелюзгой.

Не понимая замысла пиратов, Клойбер, считающая жизнь наибольшей ценностью во Вселенной, до поры до времени старалась быть сдержанной, по мере сил ограничивая смертоносность ответа своих систем безопасности. Однако в ней всё больше росло раздражение — пираты упорно не желали оставить её в покое, бросаясь в самоубийственные атаки и разбивая в ледяное крошево свои жалкие корабли при попытках пробиться сквозь поставленную ею защиту.

Отвоевав у пиратов достаточно обширный сектор пространства, Клойбер выстрелила солнечный парус, развернувшийся в огромное полотно. Поток солнечного ветра наполнил его, и Мать начала манёвр, который должен был увести её из-под атаки безумных самоубийц.

Несколько кораблей бросились на перехват, пересекая её курс в опасной близости. Шлепками силовых полей она отшвырнула их со своего пути, уже не заботясь о сохранности тех, кто управлял ледяными судёнышками.

В этот момент их реакторы одновременно взорвались, превратившись в маленькие, но очень близкие солнца. Парус испарился, а Клойбер на мгновение ослепла.

Этого мгновения оказалось достаточно для того, чтобы один из кораблей взял её на абордаж.

* * *

Покинув свой многострадальный корабль, нанизавшийся при посадке на острия пик, Игрим пробирался сквозь лес антенн и чешуй-терморегуляторов, усеивавших поверхность тела Матери. Её шкура едва заметно пружинила под его ногами, когда он отталкивался от неё для следующего прыжка. Ведомый будоражащим разум ароматом феромонов самки, Игрим безошибочно отыскал путь к одной из клоак Матери.

Створки шлюза мгновенно отреагировали на его прикосновение — сработали феромоны самца, обильно выделяемые его телом в горячке боя.

Игрим оказался во влажной тьме. Его зрение быстро перестроилось, но даже и без него он чётко знал, куда должен двигаться. Стенки тоннеля мягко пульсировали, подгоняя его вперёд, и наглухо смыкались позади. Время от времени тоннель ветвился, но Игрим шёл туда, куда вело его обоняние.

Наконец он нашел её.

Ячейка, мембрана которой гостеприимно лопнула при его приближении, встретила его одуряющим запахом страсти, в котором он поспешил раствориться — весь, без остатка.

Последней мыслью, мелькнувшей в его захлебывающемся в волнах экстаза сознании, было то, что он счастлив в это мгновение, как никогда прежде.

Потом Игрима не стало.

Чуть позже он возник снова — в миллионах своих крошечных копий, терпеливо ждущих момента, когда им можно будет появиться на свет.

* * *

Клойбер совершенно чётко ощутила момент оплодотворения — и тотчас прекратила сопротивление. Нечто подобное, видимо, почувствовали и оставшиеся пираты, которые тут же вышли из боя и легли в дрейф на орбите вокруг газового гиганта. Пираты, которые шли им на подмогу извне, изменили курс и снова ушли к границам системы.

Ничто не мешало Клойбер вынашивать нежданное потомство. Инстинкты вели её, и спустя много месяцев она оказалась на орбите небольшого мира, богатого водой и атмосферой, третьего по счёту от местного солнца.

Там она и рассеяла миллионы своих детей, которые к моменту рождения превратились в самостоятельные половозрелые особи.

У существ, которых она произвела на свет в этот раз, было два разных пола. Клойбер не знала, почему — но сочла, что таково было желание неизвестного ей отца их общих детей.

Когда её дети нырнули в атмосферу планеты, которая отныне становилась их домом, Клойбер, испуская призывный клич, полный страсти и вожделения, покинула систему жёлтой звезды и совсем скоро растворилась в океане звёзд.

* * *

В своей ледяной усыпальнице, среди безмолвно кружащихся во тьме комет, под пологом вечного сияния мириад солнц, Аримастар ждёт, когда его пробудит от сна длиной в тысячи лет разумное существо, близкое ему по плоти и крови.

Каким оно будет?

У спящего нет ответа на этот вопрос. Пока — нет.

Придет время — и он узнает.

И пусть даже это случится еще очень нескоро, Аримастар спокоен — ему некуда спешить.

А пока он спит, не видя снов.

Сон его безмятежен.

Максим Тихомиров

Родился, живу и работаю в городе Дивногорске Красноярского края, в центре континента, у подножия самой - некогда - мощной гидроэлектростанции мира. Доктор. Пишу давно. Публикуюсь недавно.

О публикациях: сборники издательства Эксмо («Настоящая фантастика», «Дети Хедина», «А зомби здесь тихие»), издательства «Фантаверсум» («Квартирный вопрос», «Я+Я», «Коэффициент интеллекта»), издательства «Снежный ком» («Фантум-2»), альманах «РБЖ-Азимут» и «Авторъ»...

Дипломы — Роскон-2012 за победу в «Роскон-грелке», дипломы фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг» за 2 и 3 места в мастер-классах 2010 и 2011 гг.

Павел Молитвин

ГАСНЕТ ЗВЕЗДОЧКА В НОЧИ

1

— У тебя есть семья, в этом твоём Санкт-Петербурге? — спросила Рита, не поворачиваясь.

Ей не следовало об этом спрашивать, и я промолчал. Сделал вид, что сплю.

— Не прикидывайся. Я по дыханию слышу, что ты не спишь. Так есть у тебя семья на Земле? — повторила Рита, и я вспомнил, как совсем недавно этот же вопрос, только по-другому сформулированный, задала мне Ветка.

«Где ты пропадаешь четыре месяца в году? — спросила Ветка, когда мы брели по заснеженному, безлюдному парку, подсвеченному огромной луной и редкими фонарями, и потому кажущемуся сказочно прекрасным. — Только не втюхивай мне про спецзадания, агента 007 и зарубежные командировки. Имей совесть, не держи меня за дуру.»

«Ты помнишь, что случалось с жёнами Синей Бороды, когда они совали нос в запретную комнату?» — спросил я, и тотчас пожалел о своих словах.

«Помню, — сказала Ветка. — Но у тебя нет бороды. Впрочем, с тобой ни в чём нельзя быть уверенной. Ладно, скажи, где пропадаешь, а потом убей, если оно того стоит. Не могу я больше так жить. — Она помолчала и, не дождавшись ответа, спросила: — Кстати, у тебя там есть женщина? Почему ты молчишь? Есть? Может, тебе с ней больше повезло, и она даже… подарила тебе сына? Или дочь?»

Что я мог ей ответить? Не мог же я рассказывать ей о Станции, Рите и химеридах? Или мог? Не про Риту, разумеется, а про Станцию и химеридов?..

За восемь лет совместной жизни Ветка не раз спрашивала меня о причинах моих ежегодных отлучек. И каждый раз я рассказывал ей новую, загодя придуманную байку. Однако в этот раз у меня не было настроения плести небылицы, и я рассказал правду, которую она, разумеется, приняла за очередную сказку. Это была страшная сказка, но она понравилась Ветке, потому что я правильно расставил акценты и не стал упоминать о том, что могло бы её огорчить.

Выглядело рассказанное в ту зимнюю ночь примерно так.

Вскоре после окончания института, отправившись в лес за грибами, я наткнулся на летающую тарелку. Будучи юным и легкомысленным, забрался в нее, она стартовала и доставила меня на космическую станцию, устроенную инопланетянами неподалеку от Земли. На Станции меня встретили три человека и эларец, которого звали Гэл.

«Мел?» — переспросила Ветка, и я сказал, что нет, звали его Гэл, он был в десять раз симпатичнее Мела Гибсона, и имел огромные изумрудные глаза. Если бы я сказал, что глаза у Гэла серые, нормального размера, это бы её разочаровало.

Гэл рассказал мне о назначении Станции, а группа поддержки, состоящая из таких же землян, как я,

отвечала на мои каверзные вопросы. После беседы я согласился присоединиться к работавшим на Станции людям и два года проходил соответствующую подготовку, после чего мне было присвоено звание «перехватчика».

«И кого же ты перехватывал?» — спросила Ветка, напоминавшая мне порой ребёнка.

Несмотря на мои ежегодные исчезновения, она отчаянно хотела завести ребёнка. Мальчика или девочку — всё равно. Но не могла. Скверно сделанный в юности аборт не позволял ей иметь детей.

Я рассказал ей о химеридах, прилетавших в Солнечную систему из подпространства и питавшихся эмоциональной энергией землян. Если перехватчикам не удавалось уничтожить этих тварей, они высасывали из людей пси-энергию и так истощали их иммунную систему, что люди не могли противиться болезням и умирали. Так погибли когда-то обитатели Атлантиды. Вызванная их исчезновением техногенная катастрофа привела к тому, что кора земного шара сдвинулась относительно его центра и древний материк оказался под толстенным слоем снега и льда, получив впоследствии название «Антарктида».

«Ух ты!» — сказала Ветка и крепче ухватила меня за локоть… Она не боялась ходить со мной ночью по паркам, набережным каналов и дискотекам. Дважды к нам приставали какие-то придурки и мне приходилось лишать их памяти. Ментальный удар обладает замечательным свойством — превращая человека в безмозглое существо, он не нарушает работу внутренних органов, и единственным последствием его применения является получасовой провал в памяти. Зрелище ползающих на карачках мужиков, из раззявленных ртов которых текут слюни, не доставляло Ветке удовольствия, зато позволяло чувствовать себя со мной в безопасности…

Со времён гибели Атлантиды, продолжал я, химеридам не удавалось вволю попастись на орбите Земли. И всё же, случалось, они успевали куснуть от сладкого пирога. Тогда по Европе и другим материкам прокатывались пандемии холеры, оспы и чумы, уносившие иной раз до двух третей населения таких стран, как Франция, Италия и Германия. В начале двадцатого века это привело к пандемии инфлюэнцы — так называемой «испанки».

«Ну, ты и врать!» — восхитилась Ветка, и я не стал убеждать её, что говорю чистую правду. Впрочем, полуправда и есть самая страшная ложь, поскольку изобличить её труднее всего.

«А как вы перехватываете этих самых… химеридов?» — спросила Ветка и шмыгнула покрасневшим носом.

Она всё-таки успела замёрзнуть, и я пожалел, что не уговорил её надеть под пальто тёплую безрукавку.

«Мы используем аппараты, которые во много раз усиливают наше ментальное воздействие на химеридов, — сказал я. — Наш ментальный посыл сталкивается с энергией всасывания химеридов, и они взаимоуничтожаются, как лед и пламя. После чего химериды перестают существовать. Ведь эти твари не имеют формы, в привычном нам понимании. Они являются скоплением энергетических полей. Этаким сгустком энергий, исчезающим после нашего воздействия

без следа. Поэтому с ними нельзя договориться, а обычное оружие не причиняет им вреда».

«Почему ты пишешь статьи для газет и журналов, а не фантастические романы?» — спросила Ветка. Я ответил, что мюнхгаузенов и без меня хватает, к тому же врать из любви к искусству — это одно, а за деньги — совсем другое. Мы посмеялись, и только подходя к дому, Ветка снова спросила: «А есть у тебя на Станции женщина?»

Я заверил её, что, разумеется, нет. Там работают только мужчины, поскольку у женщин совсем иной тип пси-энергии.

«Опять врёшь», — грустно сказала Ветка, и на этот раз она была права. Больше половины работающих на Станции — женщины. Но зачем уснащать сказку ненужными подробностями?..

— Сандро, ты будешь отвечать, когда с тобой разговаривают? — спросила Рита, и я, притворно зевнув, сказал сонным голосом:

— Ты нарушила мой первый, самый сладкий и крепкий сон.

— Я хочу знать, есть ли у тебя жена. И дети, — сказала Рита. — Прости, что разбудила, если ты и правда спал.

— У меня нет жены, — солгал я, хотя терпеть не могу говорить неправду.

— А я замужем, — сказала Маргарита и теснее прижалась ко мне спиной. — И теперь у нас будет ребёнок. Светленький, весь в тебя. Но это ничего, у моего мужа белокожая мать. Так что светлый цвет кожи ребёнка никого не удивит. Свекровь наверняка станет говорить, что он пошёл в неё, и будет гордиться этим. Она давно хочет иметь внука. Или внучку.

Рита была смуглокожей и жила в Бразилии. Я не спросил, как относится её муж к ежегодным четырёхмесячным отлучкам красавицы-жены. И как он отреагирует на появление ребенка. Мне не хотелось думать о её муже. Лучше бы Маргарита о нём не упоминала.

— Почему ты ни о чем не спрашиваешь меня? — спросила она. — Мог бы, например, поинтересоваться, есть ли у меня дети. Или порадоваться, что скоро станешь отцом.

— Я радуюсь, — сказал я. — Но пока ещё не проникся. Ты же знаешь, я малость туповат.

— Ты хитрый, лживый, любвеобильный самец, — сказала Рита и повернулась ко мне лицом. — Надеюсь, у меня родится сын. И он будет похож на тебя.

Я накрыл её губы своими, и больше она меня ни о чем не спрашивала.

2

За одиннадцать лет это был седьмой сигнал тревоги D-класса во время моего дежурства. Это означало, что химерид, вынырнувший на краю Солнечной системы, обладал тем же типом ментального потенциала, что я и ещё шесть человек, составлявших дежурную смену перехватчиков D-класса. Семь классов химеридов — семь дежурных смен по семь человек в каждой. Стало быть, всего дежурных перехватчиков на Станции сейчас 49. Остальные 98 дежурных находятся на Земле, работают или отдыхают. Если химерид окажется супером, или их будет несколько, мы успеем вызвать подмогу, связавшись со сменщиками нашего класса по информ-браслету. За ними будет послана летающая тарелка — скоростной индивидуальный

модуль, предназначенный для доставки перехватчиков на Станцию, и мы встретим химеридов в полной боевой готовности.

Обычно нам не приходится вызывать подмогу. Химериды — «гасители жизни», предпочитают странствовать по Вселенной в одиночку и редко совершают налёты вдвоем, тем более втроем. Что же касается суперов, то их появление — ещё большая редкость, и Гэл, сдаётся мне, мечтает встретить хотя бы одного на протяжении своей жизни. И, хоть обитатели Элары живут по пятьсот с лишним лет, вряд ли ему повезёт: супергасителей в нашей части Вселенной почти не осталось.

Услышав сигнал тревоги, я забрался в боевой кокон, надвинул забрало умножителя на лицо, вложил запястья и щиколотки в фиксаторы и стал считывать возникшую перед глазами информацию.

Химерид D-класса возник на траектории Сатурна и вновь ушел в подпространство, чтобы вынырнуть в непосредственной близости от Земли. Или где-то в невообразимо отдаленном районе космоса. Такое тоже случалось, хотя и редко.

Эти твари даже из подпространства чуяли искажённую ауру Земли и слетались на пир, как стервятники на падаль. Не зря эларцы зовут их «космическими вампирами», или «космическими пиявками». Мы называем их химеридами из-за отсутствия формы, и каждый на своем экране моделирует образ этих тварей в соответствии со своим представлением о том, как должен выглядеть носитель абсолютного зла. Кто-то изображает их в виде чёрной кляксы, этакой безличной тучи; кто-то — в виде дракона или какой-нибудь омерзительной твари вроде помеси богомола с тарантулом. Ирэйя — ответственная за нашу психологическую подготовку — не возражает, полагая, что эти анимации вызывают у нас ассоциативную связь с компьютерными игрушками и снимают стресс, неизбежный при встрече с химеридом… Не знаю, не знаю. Времена, когда я испытывал от этого стресс, давно миновали.

На темном экране забрала высветились, помимо данных о химериде и о моём психофизическом состоянии, семь звёздочек. Команда перехватчиков в сборе. Теперь ждем.

Остальные обитатели Станции, не задействованные в гашении химерида, заняли места в адаптивном отсеке.

Рита взяла с собой незаконченную фигурку каймана, который в ближайшие дни украсит её и без того большую коллекцию. Очаровательных зверушек, вырезанных из палисандра, ореха, красного или чёрного дерева, она сдаёт на комиссию в арт-салоны — и так совмещает работу с хобби. На мой взгляд, зверьё у нее выходит на редкость симпатичное, но сама Рита относится к созданным ею фигуркам иронически, называя их поделками для эстетов. И жалуется, что нет в ней божественной искры, без которой ремесленнику, сколь бы искусен он ни был, не суждено стать художником. Она мечтала заниматься монументальной живописью, создавать фрески в стиле Риверы, Сикейроса и Ороско, а вместо этого вытачивает из дерева безделушки.

Каждый из обитателей Станции имеет хобби, которое, как правило, связано с работой, выполняемой на Земле. Я пишу статьи, Юра Бубкарис составляет библиографию литовской

маринистики, Жаклин Фаризо занимается офортами, царапая виды Парижа на покрытых лаком цинковых пластинках, Артур Агранян трудится над монографией о грибах. Ведь, несмотря на ежедневные тренировки для поддержания формы, времени у нас тут хоть отбавляй, и потратить его хочется с пользой. В том, что наши хобби пересекаются с работой, нет ничего странного — возвращаясь на Землю, мы находим на своём банковском счету приличную сумму, позволяющую выбирать дело по вкусу, или не работать вообще. Тимоти Джонсон, например, ни о какой профессиональной деятельности даже слышать не желает — проводит дни и ночи на австралийских пляжах или в море, а когда надоедает серфинг, уходит под воду с аквалангом. О пребывании на Станции и охоте на химеридов он, пожимая плечами, говорит: «Работа как работа, мне нравится. Непыльная и хорошо оплачивается».

Я думал примерно так же, пока не провел положенный мне отпуск — чуть меньше семи месяцев, без учёта затраченного на дорогу времени, — на Эларе. Изредка Ирэйя рекомендует одному из перехватчиков посетить её родину, и, поскольку являющиеся мягкой формой приказа рекомендации нашего психолога, врача, психоаналитика и социолога принято неукоснительно претворять в жизнь, избранник отправляется на Элару. Какими соображениями руководствуется Ирэйя, давая свои рекомендации, неизвестно — но впечатления от посещения её родины остаются незабываемые.

Подобное потрясение я испытал дважды — когда увидел летающее блюдце и Гэл пригласил меня подняться на борт, и узнав, что люди, как и другие человекообразные расы, входящие в состав Содружества — результат деятельности эларцев, создававших на подходящих планетах зачатки новых цивилизаций путём прививки своих генов местным приматам. Но что-то у них на Земле не заладилось, и она никак не превратится в благополучный, благоустроенный мир, который не нуждается в защите от химеридов.

На Элару и другие миры Содружества, в которое входит три с половиной десятка обжитых человекообразными расами планет, химериды не нападают. У этих планет здоровая, если можно так выразиться, аура, хорошая иммунная система, и они представляют собой отменно функционирующие организмы, на которые космические вирусы нападать не решаются.

Побывав на Эларе, обитатели которой уже тысячи лет не пользуются деньгами, не знают войн и преступлений, я как-то по-другому взглянул на прежнюю жизнь. И на свою работу перехватчика. Возможно, если бы я не встретился там с Мо-э-ми, мне удалось бы сохранить лёгкое отношение к жизни, свойственное Тимоти Джонсону, и не задаваться вопросами, которыми по штату задаваться не положено…

«Я стараюсь не упускать случая пообщаться с землянами, прилетающими погостить на Элару, — сказала Мо-э-ми, когда мы парили над широкой сонной рекой, лениво струящей отливающие золотом воды среди лугов, покрытых пестрым цветочным ковром. Вернее, не сказала, а помыслила, поскольку

эларцы давно освоили телепатию. Так же, как и левитацию — выданный мне антигравитационный пояс использовался здесь только детьми, для подстраховки. А пси-сканер — серебряный обруч, отдалённо похожий на корону, был предназначен для общения с обитателями иных миров. — Вы единственные не вписываетесь в концепцию Гооторы — важной составляющей нашей программы освоения Галактики».

Я поинтересовался, о какой из концепций Гооторы идёт речь, поскольку деятель этот, живший на Эларе задолго до появления на Земле первых человекообразных, успел наследить в разных областях науки, а перехватчиков на Станции не слишком-то загружали теорией. Что, как я теперь понимаю, было в высшей степени гуманно.

«В основу Колонизаторской концепции была положена мысль, что в процессе развития любая цивилизация достигает гармонии отношений между нравственным уровнем общества и того, что вы называете техническим прогрессом. Земля, к сожалению, является исключением из этого правила, — телепатемы Мо-э-ми передавали интонации голоса цветом и изобиловали разнообразными оттенками, так что нетрудно было различить дружелюбное подтрунивание, иронию, печаль или радость. — Тем интереснее нам знать, как воспринимает наш мир человек, живущий на планете, треть населения которой голодает, а каждый десятый страдает от ожирения, где ни на мгновение не утихают войны; существуют тюрьмы и лагеря; по улицам бродят маньяки… И людям доставляет радость приносить своим близким страдания».

Я попытался объяснить Ми, что всё не совсем так, однако не преуспел в этом.

Мы опустились на высокий, поросший травой холм, с которого открывался прекрасный вид на излучину реки, обгрызшей его с одной стороны так, что он напоминал половинку круглого хлеба. Устав от умных разговоров, я предложил Ми сыграть в детскую игру с выкидыванием пальцев: «камень-ножницы-простыня». Она согласилась. И я, так же, как и во время игры в «ладушки» — кто по чьей ладони успеет хлопнуть первым, которой сам же ее научил, — позорно проиграл.

Иногда мне казалось, что Ми изучает меня, как редкий экспонат, — одна из её профессий была исторический биолог. Или биоисторик. А может, психобионик. Я так и не понял, поскольку на Земле такой профессии не существует. Да и не слишком пытался понять.

Эларцы, несмотря на тёмную кожу, похожи на светлых богов: улыбчивые, предупредительные и бесконечно далекие. Я чувствовал себя так, словно снова стал малышом и донимаю взрослых дурацкими вопросами. Добрые, внимательные и снисходительные к моей… э-э-э… неосведомленности взрослые стараются удовлетворить мое любопытство и говорить со мной на доступном мне языке, вот только толку от их стараний мало. В лучшем случае я понимал четверть того, что они говорят, и в этом отношении Ми стала счастливым исключением. Я понимал почти все её телепатемы, если не пытался копать вглубь. Из чего следовало, что половину сказанного ею я понимал неправильно…

— Пойдем купаться! — предложила Ми, и, не дожидаясь ответа, одним движением выскользнув из светло-желтого комбинезона, прекрасно оттенявшего ее тёмную, с фиолетовым отливом кожу, с разбега прыгнула в реку.

Я последовал за ней, переполненный чувством беспричинной радости, отголоски которой испытывал всякий раз, вспоминая стремительный полет со своей странной подругой, всемогущей и хрупкой, мудрой и бесшабашной, словно в её поджаром, мускулистом теле прекрасно уживались два человека…

Мне не доводилось слышать, чтобы кто-то из перехватчиков побывал на Эларе дважды. Во-первых, она слишком далеко от Земли — в случае нужды на подмогу оттуда нужного перехватчика не вызовешь. А во-вторых… к хорошему привыкаешь слишком быстро. После Элары я чувствовал себя не слишком, скажем так, комфортно на Земле. Хотя кое-кто из наших считает, что жить в зазеркалье — чересчур утомительное занятие и привыкнуть к тамошним чудесам землянин будет не в состоянии даже через сотню лет.

В чём-то они, безусловно, правы. Эларцы, за исключением тех, кто часто общается с землянами, а это, в основном, учёные, гостящие на Станции по полгода, а то и больше, не похожи на людей. Имея схожее устройство тел — сторонники теории панспермии были правы, и генные инженеры при колонизации лишь ускорили процесс превращения приматов в людей, они отличаются от нас мимикой, жестикуляцией, манерой общения, поведенческими стереотипами и многим другим. Чтобы облегчить контакт, эларцы адаптируют к нашему восприятию не только свои имена, название родной планеты, но и внешность. Услышав от меня, что героинями наших женских романов являются рыжеволосые зеленоглазые девы с большим бюстом и узкой талией, Мо-э-ми на следующий день предстала передо мной именно в таком виде, повергнув в изумление, граничащее с шоком. К несчастью, я забыл сказать, какого цвета должна быть кожа героинь, и Ми осталась темнокожей, что, в сочетании с рыжими волосами и зелёными глазами производило ошеломляющий эффект.

«Полчаса перед зеркалом — и любой из нас может изменить свою внешность, — заверила она меня, — умение управлять своим телом вошло в курс основных школьных предметов. Самое трудное при этом — научиться изменять цвет и фактуру волос.»

Ни Гэл, ни Ирэйя ни разу не проделывали такой фокус на Станции, не желая, по-видимому, травмировать психику перехватчиков и подчеркивать существующие между нами различия.

… Ми стрелой вылетела из воды и, взмыв над рекой, опустилась на вершине холма. Врубив антиграв, я тоже вырвался из речных объятий и, приземлившись подле Ми, попал в её объятия. Или она — в мои.

«Могучий лев и трепетная лань». Впрочем, кто из нас был львом, а кто ланью — это ещё вопрос…

А потом она запела чудную, не похожую на те, что мне приходилось слышать раньше, песню без слов. Есть какое-то специфическое название

у такого пения, но оно вылетело у меня из головы. Впрочем, не в названии суть. Казалось, вместе с Ми пело высокое небо, прикрытое на западе легким флером облаков, и река с поразительно чистой и вкусной водой, и луга, что пахли Эларой…

Тревожно загудел зуммер, и на экране забрала высветилось сообщение о том, что химерид вынырнул из подпространства вблизи Земли. Кибермозг, запеленговав его и вычислив оптимальную точку для сближения, бросил Станцию на перехват. В запястья мои впились безинъекционные присоски кибермеда, автоматически включились противоперегрузочные компенсаторы, и меня объяла спасительная тьма.

3

До начала спарринга с химеридом оставалось двадцать пять минут. Процедура эта прекрасно отработана и не дает сбоев. С вывалившейся из подпространства тварью мы обычно справляемся в течение полутора-двух часов, и, если раньше я волновался перед каждым боем, то теперь сохраняю спокойствие, граничащее со скукой. Со скукой и безнадёжностью, сравнимой с той, что, вероятно, испытывали Данаиды, Сизиф и безымянная падчерица, по приказу злой мачехи носившая воду в решете. Кстати, не были ли эти персонажи придуманы кем-то из перехватчиков, живших за сотни, а то и за тысячи лет до меня?

Естественно, знания о химеридах и перехватчиках не могли не просочиться в человеческую среду, и должны были как-то отразиться в легендах и мифах. Возможно, именно поэтому мотив борьбы Добрых и Злых богов присутствует в любой религии. Почему бы не предположить, что предания о химеридах претворились, например, в скандинавской мифологии в истории о злобных ледяных великанах, огромном волке Фенрире, владычице страны мертвых Хель и прочих отрицательных персонажах, сражавшихся на стороне хаоса? Ибо в наших глазах химериды — безусловно, порождения хаоса, уничтожающие любую разумную жизнь.

Ближе других к пониманию потусторонних, или лучше сказать, космических сил был Лавкрафт, создавший цикл повестей и рассказов о Великих Старых Богах: Ктулху, Хастуре, Ллойгоре, Жхаре, Итакве, Ньярлатотепе и прочих. Потому-то кое-кто из наших называет химеридов порождениями Хастура — мифологической твари, приходящей из космической бездны. Или детьми Хастура, которые и впрямь появляются из гибельных пучин подпространства, куда корабли Содружества не смеют углубляться, опасливо проносясь по кромке, несмотря на стремление сократить чудовищные расстояния, разделяющие обжитые человекообразными расами миры.

В последние годы я редко читаю художественную литературу, но Лавкрафта прочитал и поразился той обреченности, с которой он воспринимал действительность…

Было ли это сверхчувственное в*и*дение присутствия неких иррациональных, враждебных разуму сил, рыщущих по Вселенной в поисках добычи, или он, подобно мне, знал о дамокловом мече, который будет занесен над Землей до тех пор, пока аура её не просветлеет?..

Я прислушался к ощущениям и убедился, что регулярные

тренировки не прошли даром. Тело моё, повинуясь команде, застыло, заледенело, превратилось в скорлупу, тонкую оболочку, внутри которой хаотические вихри энергий сплетались в жёсткую спираль; та уплотнялась, скручивалась всё туже, сжималась всё сильнее — чтобы в нужный момент распрямиться и ударить.

Как-то раз, когда Ветка особенно достала меня расспросами о моих ежегодных отлучках, я, чтобы чуток окоротить её, показал фокус-покус с использованием одного из видов энергий, аккумулируемых перехватчиками. Дело было на Карельском перешейке, где мы разбили палатку на берегу безымянного озера: нависшая над водой гранитная глыба взорвалась от энергетического удара, словно сотня ручных гранат. Зрелище было эффектным и надолго отбило у Ветки желание изводить меня иезуитскими вопросами.

Да-а-а, хорошее было времечко… Тогда я ещё резвился, словно щенок, силы бурлили во мне, как вода в кипящем котелке, я чувствовал себя избранным и всемогущим. Мне казалось, стоит лишь поднапрячься, и я осчастливлю не только Ветку, но и весь мир…

Я не сразу заметил, что тихонько напеваю себе под нос — каждому присущи свои маленькие слабости:

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед от звезды до звезды,
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы…

А заметив, тут же перестал петь.

Во-первых, на боевом посту петь не положено, а во-вторых… Увы, караваны ракет не помчат ни нас, ни наших потомков «от звезды до звезды». Дни нашей цивилизации, судя по всему, «сочтены в мале», и вряд ли даже мудрые эларцы сумеют предотвратить её закат…

Очевидная причина этого — учащающиеся с каждым десятилетием нападения химеридов, вызванные тем, что аура, создаваемая человечеством, по мере его количественного роста всё сильнее темнеет. Люди не становятся лучше, а население планеты растет в геометрической прогрессии. В течение двадцатого века население Земли выросло в четыре раза, с полутора миллиардов человек до шести с половиной. Согласно прогнозам демографов, к середине двадцать первого века оно увеличится до девяти миллиардов…

Соответственно, гнильцой от планеты попахивает всё сильнее, что привлекает стервятников из самых отдалённых уголков бездонной черноты космоса. Оптимистов, вроде Жаклин Фаризо, это не пугает, ведь и потенциальных перехватчиков, паранормальные способности которых находятся в латентном состоянии и пробуждаются на Станции искусственно, год от года рождается всё больше, и недостатка в этих живых орудиях, незаменимых в борьбе с химеридами, не предвидится.

Так-то оно так, кто бы спорил? Необходимыми для уничтожения химеридов способностями обладает едва ли не каждый второй землянин, просто у одних разбудить их легче, у других — труднее. Можно увеличить количество перехватчиков на Станции, или даже создать вторую, третью, четвёртую Станцию для борьбы с незваными гостями из гибельной

жути подпространства, но решит ли это видимую невооруженным глазом проблему? Если эманации испускаемого ноосферой планеты зла увеличиваются пропорционально росту населения планеты, то возникает законный вопрос — надо ли её спасать?

На то, что люди изменятся, надежды нет. Они не желают меняться, в этом убедила меня работа журналистом и реакция читателей на самые злободневные статьи. Не изменятся они ещё и потому, что угодливые СМИ кормят читателя остреньким — «жареным» и «клубничкой», после чего остальное уже кажется слишком пресным и почти несъедобным.

«Ты хороший человек, но плохой журналист, — сказала Ветка, прочитав мою очередную статью, называвшуюся «Рыбий дом». — Вот если бы ты написал серию статей про маньяков, да ещё с подробным описанием всех совершённых ими злодеяний, тогда…»

Той статьей я очень гордился. Я был в состоянии авторского восторга, того самого, пребывая в котором, по случаю, кажется, завершения «Бориса Годунова», Александр Сергеевич, двойной мой тезка, с воплем: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» — швырнул перо в стену.

Гордиться было чем. Узнав о том, что на Каспийском море проводится уникальный эксперимент, я списался с создателям «Рыбьего дома» и напросился в гости. Задача, которую решала группа тамошних учёных, выглядела впечатляюще — найти способ насыщения морской воды кислородом, который обладает способностью быстро окислять и таким образом уничтожать загрязнения. Три грамма кислорода на один грамм нефти… Учёные устроили сложный рельеф дна: опустили на дно бетонные блоки — своеобразные рифы. За год блоки обросли водорослями, содержание кислорода рядом с ними стало в полтора раза больше, чем в соседних слоях воды; вокруг появились косяки рыб…

Писать статьи на живом материале — штука дорогая, не каждой редакции по карману посылать журналиста на место событий. Но я-то могу себе позволить такую роскошь — и статья, на мой взгляд, вышла любопытная. Казалось бы. Но редактор еженедельника, где я публиковался, в восторг не пришёл. Более того, посоветовал писать о чем-нибудь более актуальном. «Журналистское расследование — вот путь к кошельку и сердцу читателя! — изрёк он, вздымая ухоженный указательный палец. Не просто палец — перст указующий. — Грохнули давеча директора ликёроводочного завода — вот это тема! Есть где порезвиться, даже не вылезая из-за компьютера. Аналогичные случаи поискать, пошерстить, что о них умные люди писали, и бахнуть статьи три-четыре…» Он мечтательно прикрыл глаза, а вернувшись с небес на землю, со вздохом подытожил: «Ну, рыбы так рыбы, найдём и для них «подвал».

Аналогичные разговоры происходили и прежде, но именно этот оказался переломным, и после него я написал статью об эвакуаторах, которые прикормились около детской больницы. Повела мамаша больного ребёнка на госпитализацию, а её машину — цоп! — и эвакуировали, за то, что оставлена не там, где надо. А поскольку стоянок для машин у больницы не предусмотрено… Вроде бы, в тему. Остро, не про рыб. К

сожалению, это оказалась последняя моя статья, опубликованная в том славном еженедельнике.

Но были ведь и другие газеты и журналы!

После полутора дюжин таких статей «не про рыб» я вдруг обнаружил, что круг изданий, в которых мои очерки всё ещё готовы печатать, катастрофически сузился. Иллюзий по поводу «свободы слова» и прочих пёстрых, блескучих фантиков у меня и прежде не было. Но не было прежде и ощущения того, что ложь пронизывает окружающую действительность, подобно тому, как корни растения — землю в тесном горшке. Хуже того, я почти физически чувствовал, что рано или поздно либо растение должно погибнуть, либо корни должны разорвать горшок…

О том, что мир катится в пропасть, говорили на заре христианства первые священнослужители, пели древние скальды, предрекая кто Рагнарёк, кто Апокалипсис. Скверный конец нашей цивилизации предсказывает и большая часть учёных, но это, в общем-то, никого не волнует. Также как и то, что каждый из нас смертен. Все там будем, легкомысленно отмахиваемся мы, пока не столкнёмся с безносой лицом к лицу и не заглянем в её пустые глазницы. И вот тогда-то всё вдруг становится с ног на голову. Нечто подобное человек испытывает, когда общеизвестный факт, что мир наш, с каждым годом набирая ускорение, несётся к гибели, доходит до него как кошмарная и непреложная истина. Истина, вызывающая оторопь, отупляющее чувство безнадёжности, безвыходности, бесцельности — как всего сущего, так и собственного существования. На простенький вопрос: Как с этим ощущением бессмысленности мироздания жить? — не дал вразумительного ответа ни один из сонма философов, веками растекавшихся мыслью по древу и развлекавшихся пустопорожней игрой ума…

И надо было совершенно утратить чувство реальности, чтобы потребовать ответа на этот вопрос у Ветки, затащив её гулять по Петроградской стороне.

Случилось это после того, как в следующем по счёту еженедельнике, где пару недель назад был опубликован мой очередной памфлет, мне выдали положенный гонорар и вежливо сообщили, что в моих услугах больше не нуждаются. Это явилось для меня неожиданностью, я ведь не о заказных убийствах или поджогах писал, а всего-навсего порассуждал о странной тенденции, наметившейся в верхнем эшелоне руководства супердемократических стран десятилетиями тасовать одну и ту же колоду чиновников. И задался вопросом — если в президенты США, вслед за Бушем-старшим выбирают Буша-младшего, а на его место метит супруга предыдущего президента Клинтона — это признак демократии или плутократии? И неужто в Польше так мало достойных государственных деятелей, что у кормила власти оказываются братья-близнецы Качинские? Как-то даже неловко, когда президент и премьер страны носят одну и ту же фамилию. Но зато не удивляет, когда, следуя за форвардами демократии, в Аргентине на президентский пост баллотируется сенатор Кристина Фернандес — супруга президента

Нестор Кирхнер, а Фиделя Кастро сменяет его брат — Рауль. Зародилась эта тенденция, разумеется, не сейчас, начало ей было положено братьями Кеннеди, рвавшимися к власти, а нарвавшимися на крупные неприятности. Однако теперь единичные случаи превращаются в какое-то мировое моровое поветрие, заставляющее призадуматься, не лучше ли было бы иметь во главе страны государя-батюшку, царя-короля, либо императора…

Ну кому, казалось бы, тут на автора или редакцию обиды строить?

Тем не менее, через неделю после появления памфлета все редакционные компьютеры оказались заражены весьма специфическим вирусом «Трайдент», уничтожившим, помимо текущих материалов, ещё и солидную часть архива. По мнению руководства, это не было случайностью, и спровоцировал внезапную атаку «Трайдента» именно мой опус.

Наверное, будь я моложе, это польстило бы моему самолюбию, но я не так уж молод — и ни счастливым, ни польщённым себя не почувствовал. Хуже того, у меня возникло ощущение, будто я в очередной раз врезался головой во что-то твёрдое, неразличимое впотьмах, хотя, чтобы избежать этого, достаточно было вытянуть перед собой руки…

Я позвонил Ветке и уговорил её сбежать с работы. Встретил на Австрийской площади, и мы тихо почапали по Каменноостровскому проспекту, над которым нависло низкое, но не угрожающее, а какое-то очень привычное, и потому уютное, темно-серое небо. Я ныл и жаловался на жизнь, Ветка терпеливо слушала меня, а потом, угостив мороженым, как раскапризничавшегося ребёнка, повлекла в зоопарк, где вся земля была усыпана парадной желто-красной листвой. Мы скормили зверям купленный по дороге батон и пакет круглых конфет-лимончиков, после чего как-то незаметно выбрели на пляж перед Петропавловкой.

Из-за того, что день выдался пасмурный, кроме нескольких вцепившихся в свои этюдники художников и двух-трех горбившихся под порывами ветра пар, на пляже никого не было. Нева катила свою тяжёлую, стеклянисто-тёмную массу под крышей насупленного, тучного неба, и растянувшаяся по краю противоположного берега хилая цепочка приземистых, мелких дворцов казалась скверной шуткой, неуместной картонной декорацией, чуждой и этой великой реке, и вечному небу. Зато и реке, и небу в полной мере соответствовала угловатая туша крепости, залёгшая на краю водной дороги, как сторожевой пес, вызывающе растопырив гранитные локти бастионов и равелинов, увенчанные декоративно-дурковатыми башенками-шипами. Потому что настоящие-то шипы — бронзовые дула пушек — лишь угадывались в глубине амбразур…

— А за бедных, больных и старых
Боль меня постоянно мучит!
Не хочу за стихи гонораров!
Дайте мне — золотой ключик!

— продекламировала, с трудом перекрикивая ветер, Ветка бог весть чьи стихи — и добавила. — Почему бы не грезить о золотом ключике тому, для кого гонорары не являются основным источником дохода и средством к существованию?

Ветка была законченной фаталисткой, убеждённой, что человек в принципе лишён свободы воли, и все его поступки детерминированы генами, воспитанием и общественным устройством. А потому, если что-то, на наш взгляд, идёт или катится не туда, куда бы нам хотелось, значит, неправы, скорее всего, мы сами, а не то, что идёт или катится не в должном направлении.

«Что можем мы изменить, видя, что старухам перестали уступать место в метро? — спросила она меня как-то, прочитав мою статью о новом веянии — скупке озёр на Карельском перешейке. — И что могут изменить власть имущие всего мира, даже если сильно захотят? Все они винтики системы, её заложники. Причём, может статься, даже в большей степени, чем простые смертные. А раз так, самое лучшее — принять мир таким, каков он есть, расслабиться и получить удовольствие».

Наверно, подобный подход помогал Ветке мириться с моими четырехмесячными командировками и с невозможностью иметь ребёнка. Я не осуждал её. В конце концов, сакраментальный вопрос: «достойно ль смиряться под ударами судьбы, иль надо оказать сопротивленье»? — задают себе лишь те, перед кем он встаёт. А остальные, читая мои статьи о несовершенствах мира, которые в наших силах устранить, лишь пожимали плечами и спрашивали: «Тебе надо в это вникать? Тебе, может, за это деньги платят? Ведь платят-то за другое»!

Или говорили ещё проще, как Ветка: «Мне бы твои проблемы».

«Мне бы твои проблемы! — крикнула Ветка, в последний момент успев подхватить берет, сорванный с её головы яростным порывом ветра. Пушистые, мягкие волосы взвились, облепив лицо золотой паутиной, и разлетелись, образовав вокруг головы искрящийся ореол. Или нимб. Ветка захихикала, попыталась заправить под берет мешанину длинных волос. Они струились у неё между пальцами, вырывались, как живые существа, плясали на ветру радостными победными вымпелами, и я испугался, что шквал вот-вот подхватит мою Элли и унесёт в Волшебную страну. Поймав мой взгляд, она смутилась, и, прекратив тщетную борьбу с волосами, сунула берет в карман красно-коричневого плаща, вздувавшегося на ней, как парус, несмотря на широкий кушак, разделявший, её, казалось, на две части. Ухватилась за мой локоть, и мы ощупью побрели к Кронверкскому проливу, поскольку теперь уже нас обоих ослепила золотая волна её окончательно взбесившихся волос.

Ветка всегда старательно делала вид, что сочувствует мне, но на самом деле полагала, что либо у меня ум за разум зашёл — с каждым время от времени случается, либо я с жиру бешусь. Она одинаково прижималась к моему локтю, когда я делился новой завиральной идеей, рассказывал вычитанную байку, бахвалился, или ныл, как больной зуб. Ей было хорошо со мной, тепло, как она говорила, и порой я действительно начинал воспринимать её как греющуюся на коленях кошку, которой действительно нет дела до моих забот и тревог…

Любовь — очень сильное чувство. Любовь помогала мне на Эларе, на Станции и на Земле. Но даже она не может заменить всё. Без неё плохо, но одной её недостаточно, чтобы выжить в мире, где не можешь найти себе места. И, будучи единственным

светом в окошке, она не могла помочь мне выбраться из пучины обречённости, затягивавшей меня, как болотная жижа, как зыбучие пески…

Худо мне стало на Земле после гостевания на Эларе, куда перехватчиков дважды на отдых не посылали. И правильно — мне и одного раза оказалось более чем достаточно, чтобы вспоминать об этом мире как о земле обетованной. Хотя Тимоти Джонсон отозвался об Эларе более чем сдержанно: «Похоже, в общем, на Австралию. Только людей поменьше и природа побогаче. Но народ там всё же ушибленный. Антигравы у них — двух моделей. И никаких изысков. Подводные скутера — четырёх моделей. Чистая функция, и ничего для души. Не понимаю».

Тимоти не понимал, зачем было элярцам в незапамятные времена становиться вегетарианцами. Он называл их образ жизни спартанским и недоумевал по поводу отсутствия того, что на Земле принято называть роскошью. «У нас, при всей нашей скудости, сотни, тысячи разных марок автомашин выпускают, а у этих рационалистов все индивидуальные модули — одного типа. Разве что выкрашены по-разному».

Мы как-то поспорили с Тимоти, и я сказал, что, на мой взгляд, элярцы — рачительные хозяева, и, если бы человечество использовало свой интеллектуальный, технический и материальный потенциал более рационально, нам удалось бы безболезненно решить массу проблем, начиная от голода и эпидемий в странах третьего мира, кончая лечением таких болезней, как рак и СПИД. Тимоти поморщился, признавая мою правоту, и тут же, упрямо тряхнув головой, заявил, что «не хотел бы жить в таком скучном и правильном мире».

Он жил в мире, где люди мёрли как мухи — от болезней, маньяков, ДТП, водки, семейных неурядиц, пограничных инцидентов, войн и поганой экологии — и считал, что всё это в порядке вещей. Ну не чудн*о* ли? А ведь Тимоти — добрый, отзывчивый и разумный парень… Что ж, будем считать, ему повезло. А меня вот неудержимо тянуло на Элару, после посещения которой я не мог найти себе места на Земле. К чему бы я ни прикладывал здесь силы, за что бы ни брался — всё оказывалось либо мелким, никчёмным, не стоящим возни, либо «священной коровой», касаясь которой, я проявлял себя как асоциальная личность, которой достойные люди вынуждены рано или поздно давать от ворот поворот…

Тревожная трель, прервавшая мои размышления, означала, что Станция вышла в расчётный сектор пространства и разворачивается для атаки. На экране это выглядело как сближение двух точек, но в действительности Станция разворачивалась, раскрывалась подобно гигантскому серебряному цветку навстречу химериду. Жилые, производственные, энергетические и модули технического обслуживания трансформировались в огромные лепестки — края воронки-поглотителя. Сравнение с цветком и пчелой было, однако, неточным, поскольку химерид не интересовался Станцией — это она стремилась ему навстречу, блокируя подлёт к Земле.

Тактический экран не позволял мне видеть планету во всей красе. Но я столько раз любовался её изображением на обзорных экранах Станции, что сейчас в этом не было нужды.

Удивительно, как за два с половиной века до выхода человека в космос, Михаил Юрьевич Лермонтов сподобился увидеть её глазами космонавта и написать: «спит Земля в сиянье голубом»!

Смешно сказать, но одно время «кочующие караваны в пространстве брошенных светил» ассоциировались у меня с планетами, жизнь на которых была погублена химеридами. Раньше я свято верил в безусловную нужность нашей миссии, и лишь потом мне пришло в голову, что, уничтожая химеридов, мы оказываем дурную услугу Содружеству миров и всем тем цивилизациям, которым ещё только предстоит выйти в космос.

Если бы я верил в существование Всевышнего, то заподозрил бы в химеридах скорее его посланников, чем противников. Ведь, по существу, они уничтожали неудавшиеся, нежизнеспособные цивилизации и, объективно говоря, способствовали выживанию достойных.

Вот только с верой в Бога у меня как-то не очень получалось. Отчасти причина этого крылась в межконфессиональных дебатах и разногласиях, свидетельствовавших о том, что институты церкви озабочены отнюдь не вопросами веры, а делами земными, корыстными. В детстве, помнится, я дивился тому, что представители разных религий не могут договориться между собой. Уж христиане-то, по крайней мере, могли бы это сделать запросто, отбросив формальные противоречия. Да и с мусульманами, если как следует разобраться, их разделяет не так уж много. Со временем до меня дошло, что объединения и слияния церквей, несмотря на постоянную говорильню на эту тему, не желает ни одна из конфессий. Ведь создание экуменистской церкви означало бы признание, что все люди, народы и страны равны перед Богом. И что тогда станет стоить американское: «In Got we trust» или немецкое: «Gott mit uns»? Своего Бога можно убедить, что ты вправе строить собственное благополучие на несчастье других, которые поклоняются не тому Богу и, стало быть, по определению неправы. Свой Бог может посмотреть сквозь пальцы на то, что его чада жалуются на ожирение в то время, как неверные умирают от голода и эпидемий, но как отнесётся к этому Общий Небесный Отец?

Впрочем, и без привлечения божественной версии я всё меньше склонен был видеть в химеридах кровожадных монстров. Теперь они всё чаще представлялись мне санитарами Вселенной, выполняющими в космосе те же функции, что волки в лесах или крокодилы в Ниле. Быть может, это вовсе не коварные твари, демонические сущности, родившиеся из вещества, распылённого меж звезд, а творения ещё более древней и мудрой, чем эларская, цивилизации, которая создала их для защиты разумных рас от злобных выродков, в чьей генетической программе произошел сбой, и выход которых на космические просторы принесёт столько зла, что любые превентивные меры по предотвращению этого оправданы и гуманны?

Как-то, перечитывая «Солярис», я ужаснулся фразе одного из героев о том, что цель выхода людей в космос — не стремление узнать новое, не попытка взглянуть на себя со стороны, используя изменившуюся систему координат, а всего лишь стремление расширить Землю до размеров Вселенной.

Естественно, я поделился своими сомнениями с Гэлом. Внимательно выслушав меня, он сообщил, что подобные гипотезы о происхождении химеридов уже выдвигались и были отвергнуты. Прежде всего потому, что разные цивилизации проходят разные стадии развития, и безошибочно предсказать, что какая-то из них в силу неких специфических черт со временем будет представлять угрозу для остальных, невозможно. «До сих пор, — сказал Гэл, — мы с цивилизациями монстров не сталкивались и вряд ли столкнёмся. Разумным существам свойственно находить выход даже из тупиковых, казалось бы, ситуаций. Да и ваша цивилизация представляет угрозу исключительно для себя самой, так что говорить об охранительных функциях химеридов по меньшей мере смешно»…

Чистый и звонкий звук горна, пропевшего сигнал: «К бою!» — возвестил о том, что трансформация Станции завершена. Боевые коконы перехватчиков D-класса заняли центральное положение в зеве распахнутого в сторону химерида цветка.

Я был готов, давно готов. Я чувствовал себя гигантским водохранилищем, до краев заполненным тяжёлой серебряной водой, грозящей перехлестнуть через край плотины, и едва ли не с облегчением переместил ментальные блоки, освобождая узенький пока что проход для истечения энергии. И вот она пошла на умножители, которые синхронизировали её с энергетическими эманациями моих товарищей по вахте, усилили, преобразовали и, закрутив в лепестках отражателей тугим жгутом, швырнули навстречу химериду…

4

Сгорбившись в кресле, Гэл не мог оторвать глаз от панели информатора, где среди россыпи ровно мерцавших зелёных огней болезненно пульсировала кроваво-красная звёздочка Саши Иванова. Как всегда в случаях самопроизвольного выброса пси-энергии меддиагност бездействовал. Сначала он не фиксировал сбоев в работе организма перехватчика. То есть сбои, конечно, были, но в пределах отклонений, неизбежно возникавших при энергетическом выбросе. А потом, когда выброс энергии скачком вырос на три порядка, диагност просто зашкалило. И тут уж ничего нельзя было поделать — феномен лавинообразного энерговыброса приводил к столь стремительному старению человеческого организма, что за ним не могла бы поспеть самая совершенная регенерационная аппаратура, даже если бы Сандро удалось извлечь из боевого кокона до завершения спарринга с химеридом и трансформации Станции.

Химерид истаивал на глазах. Приборы показывали, что его энергоёмкость убывает по экспоненте, неудержимо стремясь к нулю. Шесть перехватчиков успели выйти из спарринга, прекратив выброс энергии, и лишь Сандро продолжал извергать её, причём текла она уже не сплошным потоком, а выхлёстывалась толчками, словно последние фонтанчики крови вылетали из обезглавленного тела…

Гэл болезненно поморщился и закрыл глаза. Он непроизвольно настроился на менто-волну Сандро и испытывал те же чувства, что запертый в боевом коконе перехватчик. Он чувствовал, как из груди рвётся невидимая струя пламени, сжигая наплывающее

на планету облако мрака, и то, грозное и могучее совсем недавно, теперь плавилось и таяло, исходя смрадным чёрным дымом. Таяло, плавилось — и всё же оставалось ещё губительно сильным, злобным, голодным и яростным. Оно было материальным воплощением зла, и он не хотел и не мог сдержать выброс охранительной энергии, хотя прекрасно знал, что и сам испаряется, усыхает, съёживается, как проколотый воздушный шарик, по мере её истечения. Но это не страшило его, а, напротив, радовало. Душа не желала более беречь себя и поддерживать в умирающем теле трепетный огонёк жизни. Словно спринтер на последних метрах дистанции, она рвалась к финишу, испытывая сладостный восторг в предчувствии близкого и победного завершения боя. Смерть на миру была красна, и пьянила, и завораживала иллюзия, что гибнет он за правое, за святое дело. И была эта иллюзия лучшим из того, что он испытал в жизни, и ни за какие мыслимые и немыслимые сокровища и блага не поменял бы он этот миг торжества и смерти. Ибо мёртвые сраму не имут, и ни у кого не достанет духу винить их в том, что проклятые вопросы и нерешённые задачи они оставляют в наследство живым…

Ментальный вызов Ирэйи вырвал Гэла из контакта с перехватчиком, но он не стал выходить на связь. Говорить было не о чём. Спасти Сандро не было никакой возможности и, что бы ни думала по этому поводу Ирэйя, именно они были виновны в его смерти. В смерти *всех* перехватчиков, погибших от спонтанного выброса энергии. Потому что, при всей его спонтанности, он случался только у определённой категории людей. Точнее, у людей, пребывавших в определённом состоянии духа, определить которое не составляло труда, а вот изменить было практически невозможно.

Гэл знал, что Сандро находится на грани срыва, но ничем не мог ему помочь. Судьба его была предрешена и, если бы он не погиб здесь и сейчас, эта участь постигла бы его чуть позже — на Земле. Ведь перехватчики гибнут не от столкновения с химеридами, а от невозможности решить возникшие перед ними проблемы, одна из которых — осознание собственной ненужности и обречённости дела, которому они служат. Порой, впрочем, им помогают уйти из жизни. Так, на пороге собственного дома был расстрелян немецкий богач-меценат, а латиноамериканский полковник Родригес, возглавивший заговор офицеров, взлетел на воздух — в машину его, после доноса «крота», подложили мину. Этим парням не помогли ни паранормальные способности, разбуженные эларцами, ни своевременное увольнение из рядов перехватчиков, которое должно было уберечь их от спонтанного выброса энергии…

Увы, увы! Гэл сознавал, что ситуация с ними была столь же безнадёжной и безвыходной, как и вся долгосрочная программа защиты Земли от химеридов. По-видимому, программа была ущербной изначально, поскольку не учитывала возможность однобокого прогресса земной цивилизации. Разработчики программы были убеждены, что, защитив землян от внешней угрозы, они дадут им возможность разобраться с внутренними проблемами — но этого, к несчастью, не произошло. И теперь уже, похоже, не произойдёт.

Разумеется, положение дел можно изменить — есть много способов принести на Землю систему своих ценностей, навязать её людям. Внедрив её, эларцы спасут население планеты, но при этом оно утратит свою уникальность, самобытность и неповторимость. Пусть даже иногда порочную, хотя в чём-то привлекательную. Это просто иной способ уничтожить цивилизацию землян и признать, что проведенный некогда его предками эксперимент провалился.

Будучи эларцем, он мог утешать себя сентенцией, что отрицательный результат — тоже результат. Но могло ли это служить утешением Сандро? И тем из перехватчиков, кто без электронного прогнозиста видел, что земная цивилизация старательно взращивает букет гибельных проблем, на решение которых времени уже не осталось?

Электронный оракул смоделировал несколько вариантов будущего Земли, среди которых не оказалось ни одного обнадёживающего.

Различные комбинации техногенных и природных катастроф, вызванных ухудшающейся экологической обстановкой, неизбежно спровоцируют вооружённый конфликт с применением ядерного оружия.

Прогрессирующее вырождение генофонда, связанное с нарастающей ролью медицины, происходящее на фоне старения наиболее технологически развитых наций, неизбежно приведёт к смене мировоззрения, а рост населения Земли — к девальвации человеческой жизни.

Расслоение человечества на голодающих и зажравшихся, глобалистов и антиглобалистов, мусульман и христиан, чёрных и белых, высокообразованных и неграмотных продолжается, разрушая надежды эларцев на торжество *планетарного мышления*, которое одно только и может спасти этот обречённый мир.

Да и может ли ещё? Зародыши понимания того, что люди — братья, и проблемы у них общие, гибнут, не успев дать сколько-нибудь полноценных всходов. Как мудро заметил некогда Блез Паскаль: «*Люди в большинстве своём обладают способностью не думать о том, о чем не хотят думать*» — и робкие попытки сторонников плана локального вмешательства исправить положение только подтверждают правоту блестящего математика и религиозного мыслителя, автора научных трактатов, создателя первого здешнего калькулятора и многоместных омнибусов…

Судорожно мигавшая на панели информатора звёздочка погасла, и Гэл совершенно по-человечески втиснул лицо в ладони и застонал. А в голове всплыл обрывок стиха, написанного полвека назад кем-то из перехватчиков по такому же точно поводу:

Хоть кричи, хоть не кричи,
Гаснет звёздочка в ночи…

И тотчас из включённого интеркома грянул бравурный марш, посвящённый завершению спарринга с химеридом:

Напрасной борьбы не бывает
И жизнь прожита не зря —
Летит, не сойдя с орбиты
Спасенная нами Земля…

Гэл поморщился и до минимума убавил звук — какой-то шутник пытался изобрести гимн перехватчиков и, как это часто случается с

сочинителями гимнов, не преуспел. С чего бы Земле покидать свою орбиту, даже если бы химериду удалось присосаться к её энергополю? Тем не менее, у сляпанного кое-как гимна нашлись поклонники — и вот вам результат…

В перехватчики старались брать преимущественно гуманитариев, потому что среди них чаще попадаются идеалисты, а главное — им было труднее раскопать, что весь персонал Станции давно уже можно было заменить машинами и, стало быть, функции, которые на них возложены, не ограничиваются спаррингами с химеридами.

План локального вмешательства, принятый около пяти веков назад — когда стало ясно, что земная цивилизация не торопится оправдывать надежды на её качественное изменение, — предусматривал использование перехватчиков в качестве носителей просветительских и мировоззренческих идеалов. Медленное, подспудное внедрение их, по мнению разработчиков плана, должно было стимулировать изменения в сознании землян, причём сделать это следовало в высшей степени деликатно, чтобы сохранить самобытность здешней цивилизации.

Решить технические задачи было нетрудно. Заморочки начались, когда эларцы столкнулись с несовершенными нравственными императивами общества, попытка изменить которые не увенчалась успехом. Да и не могла увенчаться — есть вопросы, которые не в силах решить за людей ни добрые, многомудрые эларцы, ни придуманные их предками Яхве, Христос, Аллах, Будда и прочие всезнающие и всемогущие божества.

Перехватчики, не сумев выполнить роль дрожжевой закваски, гибли на Земле один за другим, а кое-кого смерть настигала здесь, в результате спонтанного выброса энергии, вызванного апатией и безысходностью. На Земле это встречается в той или иной форме не так уж редко — например, если супруги прожили вместе многие годы и один из них умирает, второй, как правило, вскоре тоже уходит из жизни. Врачи, как водится, ставят более или менее правдоподобный диагноз, но…

— Гэл, к тебе можно?

Он с отвращением взглянул на динамик и хмуро разрешил:

— Входи.

У Марго были чёрные, жёсткие, курчавые, как у овцы, волосы; шапка их казалась слишком тяжёлой для высокой шеи. Из-за чёрного, плотно облегавшего сухощавое тело комбинезона она представлялась Гэлу хрупкой и ранимой — совсем неподходящей парой для медведеподобного Сандро. Однако Ирэйя полагала, что они идеально дополняют друг друга.

Дополняли, — поправил он себя, вглядываясь в пепельное лицо Марго, на котором чёрными провалами выделялись горящие лихорадочным блеском глаза.

— Почему это случилось с ним? Неужели вы ничего не можете сделать? — спросила она ломким, пронзительным голосом, до побеления стискивая неестественно переплетённые тонкие пальцы.

— Ты же знаешь, что происходит при спонтанном выбросе энергии. Человек превращается в подобие мумии. Мы не умеем оживлять трупы.

— Почему?

— Согласно одной из гипотез, в излучении некоторых химеридов присутствуют угнетающие человеческую психику обертоны, — соврал Гэл, рассудив, что именно так надо понимать заданный Марго вопрос. — С этим мы пока ничего поделать не можем. Но исследования в этом направлении ведутся и…

— Ты полагаешь, меня можно купить этой байкой? — с кривой усмешкой спросила Марго, и Гэл, хорошо чувствовавший перемены в психополе собеседников, понял, что ему надо либо говорить правду, либо постараться немедленно свернуть этот тягостный, бесполезный разговор.

Но какую правду он мог ей сказать? Что Сандро оказался слишком слаб, чтобы нести взваленный на него груз ответственности и безысходности?

А я, стало быть, силён. Или просто равнодушен? — спросил себя Гэл, подумав, что в нём самом стало слишком много человеческого. И, не в состоянии ничего изменить, он начинает, подобно людям, уповать на чудо.

Но с чего бы чуду произойти? Хорошее чудо, или, лучше сказать, то, что кажется непосвящённому зрителю чудом, требует серьезной подготовки и работы до кровавых мозолей, как говорят земляне. Каждый из которых по отдельности не так уж и плох. Неприятности начинаются, когда их количество достигает критической массы…

— Ирэйя говорила, что Сандро… переживает трудный период, — сказала Марго, и Гэлу отчаянно захотелось попросить её уйти и дать ему побыть одному. По-своему он любил Сандро, и давно уже понял, что приносимые ими жертвы бессмысленны. Но ни он, ни его коллеги, многие столетия занимающиеся проблемами Земли, не видели выхода из сложившейся ситуации. И смерть Сандро была песчинкой по сравнению с теми бедами, которые ждали их впереди.

Кто-то из землян писал, что если в первом действии на сцене висит ружьё, к концу спектакля оно должно выстрелить.

Если чудовищные запасы оружия продолжат пополняться, а виды его — совершенствоваться, значит, рано или поздно, оно будет пущено в ход.

Засорённость информационного поля Земли достигла предела; экологическая загрязнённость, по мнению некоторых экспертов, группа которых постоянно работает на Станции, перевалила критическую черту; процесс разрушения природной среды принял необратимый характер, и современными технологиями землян не может быть остановлен.

Потепление набирает обороты, и недалёк тот час, когда все прибрежные города уйдут под воду.

Но пир во время чумы продолжается и, может быть, правы пессимисты, утверждавшие, что Станцию давно следовало демонтировать, предоставив землян их участи. По крайней мере, всё тогда произойдёт быстро, и мир этот не будет веками агонизировать, захлёбываясь в собственных нечистотах…

— По совету Ирэйи я соврала Сандро, сказав, что у меня будет от него ребёнок. Но это не помогло…

— Чего ты хочешь от меня, Марго? Ты же знаешь:

Каждый кует сам себе судьбу,
И каждый несёт свой крест…

— Мне жаль, что я соврала, — продолжала Марго, не слушая Гэла.

Похоже, ей просто надо выговориться, подумал он и пожалел, что сделать это она решила здесь, а не в кабинете Ирэйи.

— Я бы хотела, чтобы у меня действительно родился от него сын! Но я так старательно предохранялась… И пусть мир гибнет, и человеческая цивилизация летит в тартарары, я всё равно хотела бы растить ребёнка Сандро… Ты меня слышишь?

— Слышу, — сказал Гэл. — Тебе надо принять волновой душ. И поговорить с Ирэйей. Она лучше меня знает, что помогает в таких случаях.

— Я поговорю с ней. Но прежде я хочу, чтобы ты ответил. Можешь ты сделать так, чтобы я всё же родила ребёнка Сандро? Знаю, моё желание выглядит противоестественно. И всё же… Я хочу, чтобы в этом проклятом мире от него осталось хоть что-нибудь! Это ты можешь понять, многомудрый, сердобольный, белый и пушистый?! Заставляющий нас носить воду в решете и дивящийся, что первыми уходят самые совестливые и впечатлительные?

Гэл зажмурился, испытав вместе с болью нечто вроде страха высоты, трепета перед океанским простором, яростью землетрясения и сметающего всё на своем пути торнадо. Какая дикая, неукротимая жажда жизни! Какая яростная, нерассуждающая сила любви! Поистине, чувства этой женщины сродни стихии…

И, глядя в широко распахнутые, требовательные глаза Маргариты дель Аверро, подумал, что, пожалуй, у землян, несмотря на самые скверные прогнозы, всё же есть шанс выжить.

Пройдя сквозь слёзы и муки, сквозь кровь и гибель миллиардов, этот мир, возможно, сумеет возродиться. Это будет чудом, но вера людей в чудо чудовищно заразительна. И, может статься, именно она помогала Гэлу и его товарищам веками нести свою безнадёжную вахту, защищая от химеридов инфицированную злом планету…

Павел Молитвин

Молитвин Павел Вячеславович, родился в 1958 году в Ленинграде. Учился в художественной школе при институте им. Репина. Окончил архитектурный факультет ЛИСИ, очную аспирантуру. Работал архитектором, редактором, журналистом, преподавателем.

Рассказы и повести публиковались в газетах, журналах, коллективных сборниках. Издано более 10 книг: «Город Желтой черепахи», «Магистерий», «Закон звезд», «Спутники Волкодвава» и т.д.

БАЛЛАДА
О КОСМИЧЕСКИХ УБИЙЦАХ

Когда ваш локатор парсеков за тридцать
Увидит, что кто-то вам целится в зад,
Не падайте духом, ведь это убийцы,
Космических файтеров славный отряд.

Сначала вам всадят по полной программе
Ионным тараном в подставленный тыл,
А после пойдут автогеном поганым
Обшивку уделывать эти скоты.

И это зверье сковырнет, как болячку,
Неделю назад лишь починенный люк.
И ваша совсем еще новая тачка
Толпою маньяков наполнится вдруг.

Осклабятся члены разнузданной банды
И, следуя знаку, что даст им главарь,
О светлые головы вашей команды
Начнут корабельный ломать инвентарь.

На камбузе кока посадят в кастрюлю,
И будет он булькать в подливке мясной.
А робот-уборщик нарвется на пулю
И будет гоняться за вами с метлой.

Размазан по стенке бедняга механик,
На кучке зубов прикорнул капитан.
А в рубке командной сидит атаман их
Веганским ликером блюя на экран.

Главарь от ликера совсем косоглазый
Велит с колымаги валить до поры.
И ухнет она, как на дно унитаза,
В разверстую варежку черной дыры.

А где-то стадами проносится мимо
В своих суперкрейсерах славный патруль…
Но все же по-прежнему недостижимы
Маньяки-убийцы, как кельвинский нуль.

Мартиэль

Елена Щетинина

ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ

Всё будет прекрасно, потому что сказки,
в которые мы верим, ещё живут на земле…

В. Каверин.

— Нам очень сложно это читать, — входя в кают-компанию, сказал Р'Лан, по обыкновению окруженный голограммами.

Денис взглянул на ллеу и на мгновение прикрыл глаза. В самих ллеу — теплокровных прямоходящих ящерообразных чуть выше человеческого роста — не было ничего особо неприятного человеческому восприятию. Однако эти призрачные двойники/тройники/четверники-голограммы, создаваемые небольшим прибором на поясе, который всегда носил каждый ллеу, по какой-либо причине оказывавшийся единственным представителем своего рода в радиусе хотя бы пары сотен метров… они… как бы это правильно сказать… нервировали…

— Мы не можем выключить аппарат, — поняв причину гримасы, извинился Р'Лан.

— Нет-нет-нет, всё в порядке, — искренне запротестовал Денис. — Все в порядке. Я же рассказывал, что это просто… ммм…чуть непривычно для нас — и всё.

— Да, мы помним, — кивнул ллеу. Голограммы так же синхронно закивали. Денис еле удержался, чтобы снова не зажмуриться.

Ллеу были весьма непривычными для человеческого понимания существами. Нет-нет, не в физическом смысле, к внешнему облику всегда можно привыкнуть, что и происходило достаточно быстро — спасибо, правда, тому, что и сами ллеу были более-менее антропоморфны. Гораздо сложнее дело обстояло с образом мышления ящеров и их социальной структурой. Учёные называли это достаточно мудрёными словами и приводили в пример то пчёл, то муравьев — но суть была примерно одна: ллеу не мыслили себя вне коллектива. У них не существовало индивидуума, индивидуальности — и, как следствие, всего того, что эти моменты влекли за собой — то есть именно того, что и свойственно каждому человеку, от ребёнка до старика.

На внешнем уровне это выражалось в том, что ллеу всегда говорили о себе во множественном числе и там, где не могли появиться кучкой, использовали суррогат в виде немых и абстрактных голограмм. А что было на более глубинном уровне…с этим не смогла бы разобраться и целая армия психологов, даже с клонированным доктором Фрейдом во главе.

Но, в общем-то, это всё не мешало людям и ллеу работать вместе — пусть и не в очень тесном контакте. Или вот даже, как сейчас, лететь вместе до пункта назначения на одном челноке-беспилотнике.

— Так почему сложно? — поинтересовался человек. — Плохой перевод?

— Не думаем, — покачал головой Р'Лан. Голограммы повторили его

движение. Денис отметил для себя, что они чуть запаздывали. Наверное, необходимо время для того, чтобы считать действие носителя и затем отзеркалить его с некоторыми вариациями в трёх лицах…то есть мордах… то есть…ну да ладно, в общем.

— А тогда почему? — они летели уже три дня и от скуки стали обмениваться литературными текстами — они сошлись на этой формулировке — своих цивилизаций. Что-то нашлось на планшетнике Дениса, что-то оказалось на комкопе Р'Лана — в общем, было как убить собственно и не сопротивляющееся этому убийству время.

— Нам очень сложно… — ллеу задумался, подбирая слова. — Нам очень сложно, когда думает один.

— Да, но это наше мышление, — кивнул Денис. — Точно так же думают люди. Так думает каждый человек. «Я» — а не «мы».

— И никогда-никогда не бывает «мы»?

Теперь настала очередь Дениса задуматься.

— Нет, ну почему же… Такие прецеденты бывали, и не раз… и до сих пор бывают.

— Например? — спросил Р'Лан, поудобнее усаживаясь в кресле. Кстати, а почему у ллеу нет хвостов? Ведь тогда бы их образ ящеров был бы целиком укомплектован… — мелькнуло в голове у Дениса.

— Нуууу… — протянул Денис, отмахнувшись от попытки мысленно приладить Р'Лану хвост. — Например… например… Вот, например, цари нередко писали в указах что-то вроде «Мы, Николай Второй»…

— И? — заинтересованно наклонился вперед ллеу. Вкупе с голограммами над Денисом нависло сразу четыре ящера.

— И ничего, — развел руками тот. — Это просто… это… это так было принято. Этикет, в общем.

— Хм… — задумался ллеу. — Но это немного не то, что у нас.

— Я знаю, — кивнул Денис. — Я рассказал это для того, чтобы пояснить, что у нас тоже есть «мы».

— Ваше «мы» не «тоже есть», — покачал головой Р'Лан. — Это совершенно иное «мы». Поэтому нельзя сказать, что оно «тоже есть». Можно, наверное, сформулировать, как «есть» — но «тоже» не совсем корректно, так как…

— Хорошо, хорошо, хорошо… — миролюбиво поднял руки вверх Денис. — Сдаюсь. Я не мастер в лингвистике, ты же знаешь.

— «Вы», — поправил ллеу. — Знаем.

— Да, да, да, извини…те… — смутился Денис. — Никак не могу привыкнуть.

— Всё в порядке, — беззлобно кивнул ллеу. — Даже ваши дипломаты долго не могли сориентироваться, что ваше «Вы» уважительное и наше «мы» обычное — совершенно разные вещи.

— Ну а вообще, как книга? — спросил Денис, чтобы сменить и одновременно поддержать тему.

— Книга? — удивленно поднял планшет ллеу.

— Книгой мы называем не только материальный предмет, — пояснил Денис, — но и текст, сюжет…историю, в общем. Такой…несколько архаический момент.

— Аааа… — протянул Р'Лан и тут же хитро прищурился: — «Мы»?

— Да, «мы», — усмехнулся Денис. — Ну так как?

— Сложно.

— Ну да, да, да… я помню…речь от первого лица, да.

— Не только, — ллеу постучал когтями друг о друга — жест, аналогичный человеческому пощелкиванию пальцами. — Не только…Ваш индивидуализм, конечно, является краеугольным камнем невозможности абсолютного понимания текста…

Денис тихонько вздохнул — ллеу были прирождёнными лингвистами, только вот то и дело сбивались на сухую терминологию. Видимо, ещё одно следствие их психологии — невозможно обезличенному существу говорить лично.

— …однако мы можем абстрагироваться от него и принять как данность, — невозмутимо продолжил Р'Лан. — Но кроме этого существует и некоторое количество других вещей, которые затрудняют…

— Мммм? — отозвался Денис, так и не сориентировавшись — то ли ему это интересно, то ли он продолжает слушать из вежливости — хех, «краеугольного камня» любой дипломатии.

— Например, банальное незнание фактов вашей истории…

— А, Великая Отечественная, — кивнул Денис.

— Это что?

— Это война…ну, про которую там рассказывается…

— Если мы не ошиблись, там упоминается две войны, — задумчиво повернулся к голограммам ллеу.

— А, точно, — сделал неопределённый жест Денис. — Но та, так… как бы это сказать… менее известна у нас, что ли…

— А у вас войны делятся на более известные и менее известные? — удивился ллеу.

— Ну разумеется, — не меньшим удивлением парировал человек. — Само собой. Во-первых, это зависит от того, в твоей стране она была — или нет. Это раз. Во-вторых…

— Хммм… — задумчиво и протяжно произнес Р'Лан. — Но для нас нет разницы, в какой из точек планеты произошла катастрофа. Это является общим для всех ллеу.

— Не забывай… — предупредил Денис, и, увидев, как непроизвольно поморщился ящер, спохватился: — Не забывайте, у нас разное восприятие.

— Да понятно, понятно, — махнул лапой ллеу. — Точнее, нет, не понятно — а известно. Понять я этого всё равно не могу. Но вот смотрите…

— Смотри, — улыбнулся Денис.

— Да, смотри, — ллеу неуклюже растянул тонкие губы, подражая человеческой улыбке, а потом часто-часто заморгал тяжёлыми веками — собственно, улыбаясь по-своему. — Такая мелочь — и в то же время такая важная…

— Да нет, — махнул рукой Денис. — Не настолько важная, как для вас. Если вы говорите мне «смотрите» — это очень вежливо, официально, а если «смотри», то это более дружески, что ли.

— Дружески?

— Так… — опешил Денис. — У вас, что, нет такого понятия как «дружба»?

Ллеу пожевал нижнюю губу — типично человеческий жест. Интересно, он их, исконный — или же Р'Лан подхватил его на какой-то из человеческих баз?

— Не думаю, — наконец покачал головой ящер. — Сам принцип слитых индивидуальностей исключает возможность рассматривать некое единение индивидуальностей как

особую категорию, которую вы именуете дружбой.

Денис развёл руками.

— Ну тогда ясно, почему вам непонятна эта книга. Но может хотя бы…любовь?

Ллеу снова покачал головой.

— Тоже проблема в индивидуальностях? — догадался Денис.

Р'Лан кивнул.

Денис вздохнул.

— Но тогда я никак не смогу объяснить. Это слишком… слишком человеческая книга.

— Но нам нужно научиться понимать людей, — возразил Р'Лан. — И не только дипломатам — но и простым ллеу, тем, кто будет работать вместе с вами. Или хотя бы рядом.

— Я не смогу, понимаете, не смогу, — покачал головой Денис. — Я всего лишь капитан облегчённых разведчиков — не психолог, не учёный… я даже изъясняться красиво не умею.

— А мы — капитан буровых истребителей, — прикрыл глаза в своей улыбке ллеу. — Так что, возможно, это даже к лучшему, что тут нет психологов и учёных. Давайте, попробуйте.

Денис снова вздохнул.

— Но как?

— Ну хотя бы… хотя бы… — ллеу поднял планшетник. — Хотя бы на этой книге?

* * *

Еще через три дня они добрались до покрытого льдами и снегом астероида ДГ-16, на котором находились их базы.

Там они достаточно сухо простились — ибо так и не успели — а может, и не очень хотели? — а может, просто не смогли? — или не сумели? — или это было просто невозможно по причине их такого разного мышления? — подружиться и достаточно легко расстались, каждый окружённый своими сородичами.

Денис ещё несколько раз оглядывался и видел, как исчезли голограммы, когда ллеу оказался среди своих.

И долго-долго потом, на пути к базе, пытался представить — как это, когда ты никогда не бываешь один?

* * *

Спустя сутки на базе ллеу в шатре старейшины надрывался передатчик.

Ещё полчаса назад майор базы землян был корректен и даже вежлив — но сейчас вежливость и дипломатия полетели ко всем чертям, и он не выбирал слова, выражения и интонации, наговорив уже на пару-тройку хорошеньких галактических войн.

Ллеу же были вежливы — но непреклонны.

— Вы должны нас понять, — медленно сказал старейшина. — Мы не хотели бы быть причиной межпланетного конфликта.

— Какой конфликт? — прохрипел уже сорвавший голос человек.

— Обыкновенный, — пожал угловатыми плечами ящер, словно собеседник мог его увидеть. — Мы не найдём вашего человека, что послужит предлогом для мыслей о том, что мы его и не хотели-то искать, что в свою очередь послужит основой для…

— Но вы его и так не хотите искать! — взревел майор.

— Да, — кивнул ллеу. — И честно вам говорим об этом, а также выдвигаем разумные доводы, чтобы вы поняли, что это не исключительно

личностные элементы, а всего лишь здравое и логическое рассуждение.

— Чёртовы ящерицы, — прошипел передатчик.

— Мы не обратим внимание и на данную попытку оскорбить нас, — спокойно ответил ллеу. — Принимая во внимание вашу родовую специфику взаимоотношений в коллективе, мы понимаем, насколько наш отказ вам неприятен. Но мы бы попросили вас учесть, что наша специфика отличается от вашей. И, обращаясь за помощью к нам, вам необходимо учитывать, что вы начинаете играть на нашем этико-моральном поле.

Рация промолчала.

— Надеюсь, вы войдёте в наше положение, — сказал старейшина.

— Кто бы вошёл в наше… — пробурчал майор, но его тут же перебил женский голос: — Прошу прощения, с кем я имею честь беседовать?

— Третий ингердард пятой кальзы Р'Лоо, — отчеканил ящер.

— Третий ингер… — растерянно протянула женщина, но ей тут же зашептали невидимые помощники: «Полковник, полковник». — Полковник Р'Лоо, с вами теперь разговаривает майор Ольховская.

— Нам очень приятно, — туманно ответил ллеу.

— Мне бы хотелось попробовать переубедить вас…

— Попробуйте, — покорно согласился старейшина.

* * *

Денис мрачно смотрел на огромную тушу, с хрипом выталкивающую воздух из лёгких. Надо же было такому случиться, что тарлан умудрился поскользнуться — или попасть в какую-то яму под снегом — и сломать — или же сильно вывихнуть себе лапу. Денис плохо знал, как в таких случаях поступают с тарланами — а точнее, не знал вообще — но старая фраза «загнанных лошадей пристреливают» и сцена из «Анны Карениной» неумолимо всплывали в его памяти. Всё осложнялось ещё и тем, что было более чем полсотни градусов ниже нуля по Цельсию — а до ближайшей базы полсотни же километров. К тому же наступала ночь, температура грозила упасть ещё градусов на тридцать, и не было и мысли о том, чтобы самостоятельно добираться до ближайшего жилья.

Денис ещё раз обошел тарлана кругом. Нечто вроде бегемота на мосластых тонких ногах, покрытого длинной грубой шерстью — как вообще можно было подумать о том, чтобы такое животное использовать в качестве средства передвижения? Понятно, конечно, что это автохтон, но они же явно не предполагали того, что на них сверху ещё кто-то будет сидеть. А уж тем более, что этот кто-то будет гнать их куда-то против воли.

— Чёрт, — попытался сплюнуть Денис, но плевок превратился в льдинку и, упав, пробил червоточинку в рыхлом снегу. На ум пришли рассказы Джека Лондона. Пилот поежился — как он помнил, в тех рассказах подобная ситуация обычно заканчивалась плачевно.

В общем-то, ничьей вины в происходящем не было.

Обычная стандартная ситуация — «тревога, тревога, гипс снимают, клиент уезжает!». Кто-то не успел что-то сделать — и кому-то поручили срочно успеть разрулить. Учитывая, что первым «кто-то» Денис никогда не

был — ему выпала роль «кого-то» второго. Собственно и требовалось-то всего — добраться до соседней базы, что в паре сотен километров, и сообщить о том, что тамошний радист уже три дня как несёт несусветную чушь, и надо бы проверить код-процессор, пока не приехало начальство и все десять земных баз не облажались единым и стройным махом.

Снегоходы все были заняты — собственно, их и так было немного — так что к его услугам предоставили ленивого и вечно что-то жующего — что тут можно было достать жевательного под вечной же мерзлотой?! — тарлана. И вот надо бы Денису ещё тогда, когда он скептически разглядывал эту слоноподобную тушу, к которой словно по какой-то дурацкой ошибке — или по не менее дурацкой шутке — приделали оленьи ноги — надо бы ему ещё тогда было отказаться и подождать глайдер. Так ведь нет!

Тарлан дёрнулся и попытался встать.

Надо рассуждать логично.

Итак, животное сейчас недееспособно. Это раз.

Надвигается ночь. Это два.

На ледяном щите при ночной температуре животное станет окончательно и бесповоротно недееспособным. Это три.

И как четыре — так же унедееспособится и сам Денис. Если, конечно, не позаботится о себе. И причём, прямо сейчас.

Ну что ж…

Денис глубоко вздохнул, приставил пистолет чуть повыше левого уха тарлана и спустил курок.

Животное мелко задёргалось и стихло.

* * *

Через час майор Ольховская в полной мере прониклась пословицей «Скорее ветерок подвинет скалу, чем изменится мнение ллеу». Старейшина был непреклонен — и, что самое неприятное, находил совершенно чёткие и логические доводы в свою пользу.

— Хорошо… хорошо…хорошо… — наконец сдалась она. — Я поняла… мы поняли… Извините, что побеспокоили… извините… Мы просто думали, что хотя бы во имя дружбы… возможной дружбы…извините.

Послышалось что-то, очень похожее на сдавленные рыдания, и передача прервалась.

— Людей так сложно понять… — сказал старейшина. — И при этом они так и не могут понять, что нас понять не легче. Не понимаем такого непонимания простейших понятий.

Все остальные ллеу базы, присутствующие при этом, застыли внимательным кругом.

— Они не могут понять… — Р'Лоо задумался, подбирая слова. Он не был хорошим — по меркам не только ллеу, но и людей — лингвистом, но чуял, что совершил некоторый перебор со словами, однокоренными к «пониманию». — Они не могут проникнуться… — это слово было более близким по смыслу тому, что хотел сказать ллеу. — …не могут проникнуться тем, что их ценности не только отличны от наших ценностей, но и совершенно не коррелируют с нашим образом мыслей.

— Разве ценности могут быть отличны? — раздался задумчивый голос из круга.

Старейшина задумался в ответ.

— Это сложный философский вопрос… Мне кажется, что его стоит обсуждать дольше, глубже и в несколько иной обстановке, чем здесь и сейчас.

— Да, — согласился тот же голос. — Но дело в том, что этот вопрос был одним из основных в их доводах. Они пытались сказать нам, что если бы мы обратились к ним с такой же просьбой, то они бы нам помогли.

— Это голая теория, — покачал головой Р'Лоо. — Более того, теория, направленная на то, чтобы нас переубедить.

— Тем не менее, в ней, как и в любой теории, существует скрытая возможность стать аксиомой, — возразил голос.

Старейшина прикрыл глаза тяжёлыми веками, покачался несколько секунд туда-обратно и медленно открыл глаза.

— Нам кажется… нам кажется… дело тут не в желании обсудить определённый вопрос, — хитро сказал он.

— Да, — признался голос.

— Тогда…?

— Мы знаем его, — сказал высокий молодой ллеу, делая шаг вперёд.

Окружающие прислушались к чему-то внутри них и согласно закивали головами.

— Да, да, да, мы летели с ним на «Ван Дер Граафе»…

— Он хороший человек, — продолжил Р'Лан. — Может быть, он мог бы быть и неплохим ллеу.

Окружающие вгляделись во что-то внутри них и снова согласно закивали головами.

— Мы пойдём, — сказал Р'Лан.

Старейшина долго молчал. Все доводы молодого ллеу он прочувствовал в себе и колебался, стоит ли с ними соглашаться.

— Р'Лан, — наконец произнес он. — Вы же работали с людьми не больше любого из нас… но в чём же дело?

Ллеу рассеянно постучал когтями.

— Это сложно объяснить… — задумчиво сказал он. — Очень сложно… очень… это так просто… и в то же время очень сложно…

— Но это… путь для понимания людей? — подсказал Р'Лоо.

— О да! — с жаром воскликнул ллеу. — О да! Это краеугольный камень в человеческих ценностях.

— Хм… — задумался старейшина. — Тогда вы очень важны для нас — и мы не можем отпустить вас.

Р'Лан замер.

— Л-логично, — выдавил он.

— Только вы смогли хотя бы немного приблизиться к пониманию человеческих ценностей, — продолжил Р'Лоо. — В любом случае для нашей базы это лучше, чем ничего.

Р'Лан кивнул.

— Таким образом, — логично закончил старейшина. — Мы не можем вами рисковать. Во всяком случае, пока вы не передали свои знания нам.

— Но… — попытался запротестовать Р'Лан. — Если я сейчас не пойду, то таким образом всё мое знание человеческих ценностей будет абсолютно ненужно — ведь я совершу поступок, противоречащий им.

— Хм… — снова задумался полковник. — Логично.

Наступила тишина.

— Мы не считаем, что этот поступок верен, — наконец сказал старший ллеу.

Р'Лан кивнул.

— Мы думаем, что это может лишить нас вас, — продолжил тот.

Р'Лан снова кивнул.

— Но мы уважаем ваше решение так, как если бы оно было наше, — вздохнул старейшина.

* * *

И привилегия европейских дворян греть ноги в вспоротом животе вассала, и даже та старая сказка про звездные войны, когда героя прячут от холода в брюхе животного… Да, конечно, старый приём — очень неприятный и дюже вонючий — но позвольте, жить-то как-то надо. И очень, надо сказать, хочется жить…

Он ещё раз скептически окинул взглядом тушу тарлана. В общем, из неё бы получилась неплохая палатка… вот только…

Следующие полчаса он занимался тем самым «вот только». Анатомию тарланов он не знал совершенно — но в данном случае она была ему совершенно ни к чему. Вырезать всё, что вырезается — и закопать в снег неподалеку. Хищников здесь не водилось — по одной простой причине, что здесь также не водилось ничего из того, что могли бы жрать эти самые хищники. Изредка появлявшиеся в данных краях путники наподобие Дениса в расчёт не принимались, так как даже в таких критических случаях мяса с них было мало — и это мясо ещё надо было выгрызть из термокостюма, который, между прочим, весьма сильно сопротивлялся любой попытке извлечь из него человека — даже если это извлечение было, собственно, инициировано самим человеком.

Да, надо сказать, воняло… Он, конечно, постарался максимально аккуратно вырезать всю требуху, чтобы ничего не лопнуло и не разлилось — но всё равно, внутри воняло. Хотя в принципе, да, да, да, как там говорилось у классика — «ко всему привыкает человек». Вспомнить бы ещё, у какого классика…

Какое-то время Денис размышлял над вопросом — если бы тарлан не сломал ногу, то смог бы он пристрелить того ради… хм… крыши над головой? Скорее всего, долго бы пытался изобразить из себя древнего монгольского кочевника и спрятаться под брюхом, в шерсти — что он, собственно, и пытался сделать некоторое время назад с трупом — но рано или поздно всё-таки ему бы пришлось цинично выбирать — или он или тарлан. И выбор был бы очевиден. Да, конечно, он любит животных и всё прочее — но не ценой же собственной жизни. Только вот… кто гарантирует, что за время этого выбора он бы не получил фатальных простуды или обморожений?

Старательно выскребя брюшину от всего, что могло ещё сильнее испортить ему пребывание в ней, он залез внутрь и аккуратно прикрыл разрез лоскутом шкуры.

Мда.

Капитан облегчённых разведчиков… восемь удачных вылетов… три медали… и прячется в брюхе дохлого животного. Какой позор… какой пассаж… какая ирония…

Но жить хочется.

Как же хочется жить!

Снаружи стало холодать.

* * *

Р'Лан уже выбрался на основную траекторию, на которой затерялся его бывший коллега по кораблю, когда что-то тихонько хрупнуло в районе пояса.

Ллеу замер и, боясь даже подумать о том, что произошло, опустил глаза вниз.

Из развороченной коробочки торчали маленькие платы и разноцветные провода. Словно выпотрошенное живое существо.. — мелькнуло в голове у Р'Лана.

Хрупкий прибор не выдержал низкой температуры, его попросту разорвало.

Ллеу коротко пискнул.

Руль вырвался из внезапно дернувшихся лап, машину занесло, перевернуло, седока выкинуло в снег — и к счастью, потому что ещё долгих полминуты снегоход кувыркался по жёсткому насту, постепенно превращаясь во что-то малоузнаваемое.

Но Р'Лана судьба машины уже совершенно не волновала.

Лежа на снегу, он сворачивался во всё более и более тугой клубок, подобный тому, какими юные ллеу появляются на свет — и тихо пищал — как пищат те же юные ллеу.

И вовсе не боль была тому причиной.

Точнее, не физическая боль.

Ллеу не могут быть одни.

Ллеу никогда, ни единого мгновения своей жизни не бывает один.

И даже потом, в смерти, его прах смешивается в Хранилище с прахом всех тех тысяч ллеу, что жили до него — а потом и с теми тысячами, что жили после — но никогда, никогда, никогда, ни один ллеу не бывает один.

В их народе ходят истории о том, как ллеу терялись, пропадали, оказывались вдруг в оглушающем, ослепляющем, убивающем одиночестве. Если их успевали найти — то это были потерявшие рассудок жалкие существа. Если же приходили слишком поздно — то к праху сотен предков добавлялась ещё одна горсточка.

Ллеу не может быть один.

* * *

Он проснулся резко, словно подброшенный подземным толчком. Он никак не мог запомнить, отчего происходит такое — то ли судорожное движение во сне, то ли какое-то влияние извне, а может и что-то третье, о котором ему не рассказывали.

Но сейчас его озаботило совершенно другое.

Холодно.

Холодно, холодно, холодно.

Ветер бьёт о тушу, в которой он лежит, скорчившись, как эмбрион-переросток, и словно каким-то непонятным, немыслимым способом пробирается внутрь, дотягивается до него своими холодными пальцами, проникает под кожу и уже гуляет там, внутри него, вымораживая и выхолаживая всё, до чего может дотянуться.

Холодно, холодно, холодно.

Холодно.

А ещё хочется есть.

По отдельности это было бы терпимо — но вот вместе превращается в гремучую и совершенно смертельную смесь.

Необходимо — жизненно необходимо и так же жизненно важно — обогреться и поесть. Иначе через несколько часов здесь будет уже два трупа.

Труп, нафаршированный трупом — мысленно хихикнул Денис.

И тут же оборвал себя — так, сейчас не до чёрного юмора. Пусть тот и не дает упасть духом — но так же и отвлекает мозг от более важных мыслей. А конкретно — что сейчас делать. Точнее, нет, что делать, было ясно — обогреться и поесть.

Но как обогреться и что поесть?

Он пошарил по карманам.

Да, НЗ-запас активного топлива у него есть, зажигалка по умолчанию встраивается в краги перчаток.

А как быть с едой?

А никак… — ответил голос у него в голове. Ты сидишь на еде, под едой и в еде. А ещё часть еды у тебя прикопана в снегу. Поэтому просто-таки и не могу тебе даже и посоветовать, как же быть с едой?

Да, конечно, был определённый риск, связанный с тем, что мясо — а, точнее, требуха — могла оказаться ядовитой. Это было риском даже в условиях плотно укомплектованной всеми медикаментами базы — и совершенно фатальным здесь, в заснеженном нигде и никогда.

Но если пища могла оказаться ядовитой — а могла и нет, то в случае голода исход был ясен и однозначен. Без пищи Денис начнёт замерзать уже через час, а часа через четыре встанет на прямой и неумолимый смертный путь.

Он прикинул варианты и провёл примерные аналоги с известными ему земными животными. Да, конечно, никто не гарантирует схожий метаболизм и тем более, никто не получится за такую скользкую вещь, как усвояемость вообще — но выбора, как он уже понял, не было.

Так что он, закрыв лицо очками и задыхаясь от ветра, пополз к закопанной требухе. Там решительно отмел всё, более-менее напоминающее кишки, желудок, мочевые и прочие пузыри — и вытащил явное сердце.

Есть в этом что-то сюрреалистичное, достойное кисти старых мастеров, как Ле Бойе, Грачевский или Дали… мда. Сидеть в туше гигантского животного и жарить там его же мясо… мда… Но самое сюрреалистичное в этом мире — это сама жизнь.

* * *

Р'Лан тихонько пищал.

Чёрная пустота навалилась на его сознание и стала медленно поглощать и засасывать. Р'Лан был боец, лучший на курсе — но что можно поделать против врага, с которым не знаешь, как бороться? Что можно поделать против врага, которым, по сути, являешься ты сам?

Одиночество, одиночество, одиночество…

Никого нет рядом.

Никого нет в тебе.

Никого, никого, никого…

Словно от тебя отрезали кусок… даже нет, нет, нет… словно ты сам — кусок бывшего себя. Кусок даже не отрезанный, нет — вырванный, выгрызенный, безжалостно и жестоко, и выкинутый прочь, как можно дальше, без надежды на нахождение, без надежды на приживание. Без надежды ни на что…

И тебе остаётся только гнить, замерзать, иссыхать, вянуть — любой вариант на твой выбор. Любой вариант. Только вот исход — один.

Р'Лан ворочался в снегу и, краешком сознания понимая весь ужас происходящего, не мог выбрать, что же будет лучше — сойти с ума, прежде

чем замёрзнуть — или же замёрзнуть прежде, чем сойти с ума.

И тут…

— *Помню просторный грязный двор и низкие домики, обнесённые забором. Двор стоял у самой реки, и по вёснам, когда спадала полая вода, он был усеян щепой и ракушками, а иногда и другими, куда более интересными вещами* — раздался тихий голос.

Р'Лан открыл глаза и резко сел.

Перед ним стоял человек, кажется — ллеу не очень хорошо разбирался в человеческих возрастах, но кажется, это был молодой парень, невысокий и черноволосый.

— К-кто вы… — выдавил ящер.

Парень улыбнулся и одновременно мелко-мелко заморгал.

* * *

Итак, мрачно размышлял Денис. Разумеется, надежда умирает последней и всё такое. Это чудесно и великолепно. С одной только поправкой — она нередко умирает на мгновение позже смерти самого носителя надежды. А такой расклад ему совсем не улыбался.

Однако нужно быть реалистом. Он на ледяном щите. Рации нет — вопрос, почему рации нет, спишем на собственную непростительную халатность. Еды ограниченное количество — и с каждым разом принятие еды уменьшает кров. Кров… ну вот только что кров ещё некоторое время — помним о еде, да? — может послужить, а потом уже и с ним начнутся проблемы. Самостоятельно он никуда не доберётся — будь то путь назад, вперёд или в какую угодно сторону.

Остается только сидеть и ждать. Смотрим чуть выше на пункты еды и крова. Сидеть и ждать остаётся совсем немного. Может, даже день. А то и меньше. Холод — коварная штука. Чёрт.

Он закрыл глаза.

* * *

— Что означает «бороться и искать, найти и не сдаваться»? — спросил его тогда, кажется, целую вечность назад, Р'Лан.

— Эмн… — растерялся Денис. — В смысле?

Ллеу задумался.

— В прямом.

Теперь настаёт черед Дениса задуматься.

— Это… это строчка из стихотворения.

— Стихотворения? — переспрашивает ллеу.

— Да, это… это… — Денис щелкает пальцами, пытаясь пояснить наиболее понятными ящеру словами и при этом не сильно вдаваясь в подробности, о которых он сам не имеет никакого понятия. — Это такой… такой тип книг.

— Аааа… — тянет ллеу, и по интонации Денис догадывается, что тот ничего не понял.

— Я потом покажу, — обещает он.

Р'Лан согласно кивает.

— Ну так что это за строчка? — напоминает ллеу.

— Ах, да… это строчка из стихотворения «Улисс»…

— Ул'лис? — интересуется, видимо, услышав что-то знакомое по звучанию, Р'Лан.

Денис было открывает рот, чтобы сделать краткий обзор гомеровской поэмы, но тут же осекается:

— Так… думаю, что в этом случае мы уползём так далеко, что про первый вопрос придётся забыть…

— Логично, — кивает ллеу. — Ну так что тогда означает «Бороться и искать, найти и не сдаваться»?

* * *

— *Мечты исполняются, и часто оказывается реальностью то, что в воображении представлялось наивной сказкой…* — тихо говорит парень, шагая рядом.

— Что такое сказки? — спрашивает ллеу.

Снегоход был совершенно разбит, так что пришлось идти пешком, то и дело поскальзываясь на неверном и коварном насте.

Парень идёт рядом, и ллеу так и не может разобрать черты его лица. Иногда ему кажется, что тот похож на Дениса, иногда — на генерала, которого часто показывали по видеофону, а ещё иногда — видится, что у парня не человеческое лицо, а такое знакомое, ллееное. Но каждый раз, как Р'Лан пытается приглядеться, его спутник начинает таять в воздухе, словно относимый резким ветром — и тогда ллеу скорее отворачивается, чтобы не потерять его.

Чтобы не остаться одному.

* * *

— Бороться, — говорит Денис. — Бороться… это значит… значит биться.

— Бьются на войне, — резонно отвечает ллеу. — То есть, эта фраза неприменима в невоенное время?

— Как раз нет, — качает головой Денис. — Как раз наоборот… именно в мирное время она чуть ли даже не более важна.

— Но почему? Почему, если бьются только на войне?

— Отнюдь… Биться можно и в мирное время. И даже нужно.

— Но с кем? Неужели… неужели создавать себе врагов?

— О нет… — смеётся Денис, но тут же осекается, увидев, как серьёзен ллеу. — Вовсе нет.

— А с кем тогда?

— С собой. С обстоятельствами. С судьбой. Со всем тем большим и малым, что всё время встречается на пути в обычной жизни. Неужели у вас такого нет?

Ллеу не отвечает.

* * *

— *…что всю жизнь всегда бывало так: всё хорошо — и вдруг крутой поворот, и начинаются «бочки» и «иммельманы».*

— Да уж… — смеётся Р'Лан. — Совершенно точно. Как-то раз мы решили пойти в дервераксе, так вот там…

Он рассказывает этому неизвестному парню свою жизнь — а тот слушает, слушает, слушает, кивает головой, и снова слушает — как будто он сам был ллеу, как будто сам ходил в дервераксы, пил гресст, воевал с драбами… как будто он сам был Р'Ланом.

* * *

— А искать? — спрашивает ллеу. — Ищут же только потерянное. Значит, сначала надо что-то потерять?

— Нет, — качает головой Денис. — Иногда просто ищут. Да, и потерянное тоже… но так же ищут… просто ищут… то, что никогда не видели… просто знают, что оно есть.

— А если это знание ошибочно? — резонно спрашивает ллеу.

— Иногда дело не в находке, а в поиске, — отвечает Денис.

* * *

— *«Вперёд» — называется его корабль. «Вперёд», — говорит он и действительно стремится вперёд. Нансен об Амундсене…»* — толкает его под локоть парень.

— Вперёд! — выкрикивает Р'Лан.

И с этим выкриком бросает вперёд свое сильное, гибкое молодое тело и преодолевает ещё пару метров.

— Вперёд! — кричит ллеу во всю мощь своих лёгких, перекрикивая ветер. — Вперёд!

И не оглядывается назад, зная самое главное — тот парень идёт рядом с ним.

Тоже идёт вперёд.

Вперёд — рядом с ним.

Рядом с ним.

С ним.

С ним?

* * *

— Но найти? — спрашивает ллеу. — Тут так же говорится и о найти?

— Находят не только что-то. Находят ещё и себя.

* * *

— *И вот огромное, великолепное чувство охватило меня. Жить!* — раздаётся из-за плеча.

— Жить! — повторяет ллеу.

Жить! Жить каждой минутой! Каждым мгновением!

Жить даже сейчас, в этом холоде и ветре, в снегу и морозе — просто жить! Неважно как — главное что.

Главное — просто жить.

* * *

— И не сдаваться… — задумчиво произносит ящер.

— Это… — пытается пояснить Денис.

— Не надо, я понимаю, — мягко останавливает его ллеу.

* * *

— *Я просто видела, что за тем миром мыслей и чувств, который я знала прежде, в нём появился ещё целый мир, о котором я не имела никакого понятия,* — вдруг тихо говорит девушка, которая всё это время шла рядом с ними, и которую всё это время чувствовал, но никак не мог увидеть Р'Лан.

И тут ллеу задыхается. Нет, не от недостатка кислорода, сильного рывка ветра или еще чего — нет. Он задыхается от того самого мира мыслей и чувств. Того самого — человеческого — мира, о котором ему дотоле лишь объясняли.

Он задыхается — и яркой вспышкой приходит воспоминание, как их в детстве учили плавать, как вообще учат плавать маленьких ллеу.

Бросают в воду и ждут.

Просто ждут.

А они — малыши с только-только прорезавшейся чешуей — задыхаются, точно так же задыхаются в воде, потеряв из лёгких последний воздух — как вдруг в единый момент раскрываются жабры и они получают в подарок ещё один мир.

Мир подводных чудес — в придачу к миру надводных диковин.

И сейчас, так же в единый момент после долгого удушья, словно жабры раскрываются в душе ллеу — и он видит, обоняет, охватывает, и понимает, понимает, понимает — хотя знает, что понять придётся ещё больше — весь новый дивный чудный мир.

Мир людей.

* * *

По окаменевшей от мороза шкуре тарлана постучали.

— Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь? — насмешливо, да, да,

да, эта интонация считается у них насмешкой, проскрипел знакомый и такой родной — странно, как быстро что-то может стать родным? — голос.

Денис кубарем выкатился из импровизированного жилья.

И только там, снаружи, щурясь от слепящего света, он понял, как дико и пугающе выглядит — потрёпанный, перемазанный в требухе — рядом с подтянутым и аккуратным ллеу.

Стоп.

Ллеу?

Одним ллеу?

Голограмм вокруг Р'Лана не было, как не было и столь привычной коробочки на поясе.

— Ты пришёл… — выдавил Денис и тут же спохватившись поправился, хотя в этом не было никакой нужды: — Вы пришли?

Ллеу помолчал, обдумывая вопрос.

— Нет, Я пришёл, — сказал он вдруг, делая ясное и не оставляющее никаких сомнений, ударение.

Потом щёлкнул кнопкой маячка, и тот, замигав красным диодом, стал посылать беззвучный, но при этом такой громкий сигнал об их местонахождении.

— Нет… — вдруг поправил сам себя ллеу, оглядываясь по сторонам и назад, словно ища кого-то. — Нет… *МЫ* пришли. *МЫ*.

И в тот момент, и даже годы спустя Денис готов был поклясться, поклясться всем самым ценным и дорогим — он ясно и невозможно отчётливо увидел на снегу следы.

Следы двух людей рядом с отпечатками лап ллеу.

— МЫ, — повторил Р'Лан, с нежностью, гордостью и — неужели это была дружба? — глядя на эти следы.

А потом следы развернулись и пошли прочь.

Елена Щетинина

Родилась 9 марта 1981 года в Омске. Закончила Омский Государственный университет по специальности «культурология» и магистратуру «история». Работала журналистом в газетах, журналах и на радио, ведущим кинопремьер и киноклубов, преподавателем вуза, экскурсоводом, музейным работником.

Имею ряд научных публикаций; ряд «журналистских» публикаций; художественные публикации: проза (фантастические рассказы) в альманахе Б. Стругацкого «Полдень XXI век», коллективных сборниках «Складчина», «Когда-нибудь мы встретимся», «Годовые кольца», «Можно коснуться неба», литературно-критические статьи в сборнике «ПарОм», поэзия в альманахе «Переводчик», коллективном сборнике «Когда сильна уверенность в тебе…»

Лауреат областной молодёжной литературной премии Ф.М. Достоевского (2010, поощрительная, проза; 2012, основная, проза).

Геннадий Ядрихинский

ЗА ДВЕРЬЮ

Я давно не боюсь того, кто живёт в шкафу.

Когда я ложусь спать, мама не оставляет включённым ночник, как раньше. И мне не страшно ночью подняться и в полной темноте пройти к туалету. Меня даже совсем не пугают огромные пауки в кладовой.

Но я боюсь того, кто дышит за дверью.

На часах половина первого. Мама вернётся только утром. А за дверью Он.

И Он намного страшнее живущего в шкафу. Потому что тот, кто живёт в шкафу, никогда не скрёбся о дверь, он никогда так низко и протяжно не стонал, он просто был ненастоящим.

Тот, кто дышит за дверью, пришёл вечером вместе с большой снежной бурей, из тех, что так часто бывают здесь в эту пору года. Ураган, как обычно, обрушился внезапно. Быстро стемнело, я запустил генератор, чтобы включить свет. Генератор стоит в предбаннике. Предбанник — такая комната, где стоит генератор. То есть, конечно, никакой он не предбанник, просто это помещение отделяет остальные комнаты от входной двери, за которой вечный холод и лёд.

Потом я вернулся в комнату. Не так часто мне приходилось оставаться одному, нужно было брать всё от этих недолгих часов свободы. Но чувство вседозволенности, которым я наслаждался весь день, к вечеру угасло. Ветер выл в трубе, жёстко колотил в плексиглас окон и кидался снегом. Радиоприёмник на всех частотах шипел как змея, иногда тонко взвизгивая, недовольный тем, что я кручу настроечную ручку. Закончив издевательство над приёмником, я замер у книжной полки. Все книги в доме я прочитал по несколько раз, но что ещё было делать. Старая бумажная книга с залистаными страницами. Я сел на диван, стал читать.

Скрипнула дверь в мамину комнату. Взгляд вправо. Луч света из комнаты пробивался через щель, выхватывая из темноты куски мебели. Я продолжил чтение, но смысл упорно скрывался от меня. Пару минут я тупо водил глазами по одному и тому же месту, пока строки не стали плавать и двоиться. Звук повторился. Я отложил книгу. Подошёл к двери. Слабой струйкой из маминой комнаты полз холод.

Резко толкнул дверь, включил свет. Ничего. Почти ничего…

Оконная рама была распахнута. Улица вытягивала тепло, снег усыпал кровать и письменный столик. Я подбежал, захлопнул окно. Под ногами лужей растекался талый снег. Сердце бухало тугими ударами, над головой раскачивалась лампа, убаюкивая тени. С криком я побежал по всем комнатам, везде включая свет. Почему-то свет мне казался надёжным спасением.

«Дурак, трус, это всего лишь ветер»,- говорил я себе, когда, убедившись, что все окна и двери закрыты, упал в кресло.

В комнате сгущалась тишина. Это странная тишина, в трубе на разные голоса поёт ветер, ураган стучится в окна, но это она. Чтобы как-то погасить её гнетущее давление, я снова включил приёмник. Снова одно и то же на всех частотах. Я испугался, что шум помешает мне услышать… Что? Я сам не знал.

Я лёг на диван и укрылся, посчитав, что сон сможет украсть меня из этого неприятного вечера. Но сон не приходил. Едва я закрывал глаза, мерещилось, что кто-то крадётся, совсем рядом. Тишина рисовала пугающие картинки. Я открывал глаза. Ничего.

Посмотрел на часы. Одиннадцать. Время тянулось медленно, слишком медленно. Но я почти заснул. И Он пришёл на границе сна.

Протяжный вой, глухой и мрачный. Мне хотелось верить, что это часть сна, но вслед за воем я услышал скребущий звук. Будто огромная когтистая лапа пробовала дверь предбанника на прочность. Я вскочил. Мурашки бегали по телу. Взгляд пойманной мухой метался по двери.

На цыпочках прошёл туда, откуда раздавались звуки. Дверь в предбанник, естественно, была надёжно заперта. Я прислонился ухом к холодному дереву. С другой стороны раздавалось лишь ровное бормотание генератора — ещё один звук, выпадающий из восприятия, если слышишь его ежедневно. Но это был не единственный звук, я различал отчётливые повторяющиеся: хлоп, хлоп… Этого не могло быть! Наружная дверь, что закрывалась на щеколду, хлопала от порывов ветра. Значит, кто угодно мог быть в предбаннике!

Я осадил себя на этой мысли. Снаружи буря, ни живой души на десятки километров кругом. Это бред.

Дверь содрогнулась, и я услышал, как что-то твёрдое скребёт по ней, разрывает волокна древесины. Я отшатнулся в сторону и, замерев, остался стоять. Наверное, я был похож на восковую фигуру в тот момент. Но ведь я не мог показать тому, кто за дверями, что я здесь рядом. Может, он не услышит меня, не учует, уйдёт туда, откуда пришёл… Опять я обманывал себя. Ну не уйдёт же он в бурю.

Пять минут, десять, полчаса. Гость больше не заявлял о себе, я немного успокоился. Ноги затекли, больше стоять я не мог. Медленно, чтобы не скрипнул пол, я опустился на корточки. Минута, пять, десять. Тишина. Я почти поверил, что мне всё это показалось. Я сел на пол, с трудом вытянув онемевшие ноги. Скрип. Тихий-тихий. Воображение стократно усилило звук. Но ничего не случилось. Ни воя, ни поскрёбывания. Ничего.

Я уткнулся в колени и заплакал. Заплакал, как маленький. Скорее бы утро, скорее бы мама вернулась. Я шмыгал носом. Было тихо. Совсем тихо.

Когда он работает, ты не слышишь его, но стоит отключить генератор — и ты понимаешь — вот она тишина. Обглоданный страхом мозг не сразу сообразил, что произошло, но когда понял, всё внутри

меня сжалось, кровь отхлынула от лица и рук. Мгновение — и свет плавно угас.

Мрак. Это ещё хуже тишины. Это уже не мурашки. Это был леденящий давящий ужас.

Я поднялся. Почему-то представилось, что дверь должна открыться именно сейчас. Не дожидаясь этого, я бросился на кухню. Там в шкафу были свечи. В темноте я ориентировался неплохо, оставаться без света было не в первой. Но рядом был ужас, он стоял за моим плечом, и я чувствовал его дыхание. Чтобы хоть как-то развеять свой страх, я говорил вслух какую-то бессмыслицу, постоянно раздвигал воздух перед собой руками и оборачивался.

Вот они. Свечи, спички. Дрожащий огонёк. Не скажу, что стало лучше. Полумрак куда страшнее мрака. Свечка освещала совсем мало пространства. По-хорошему надо было спуститься в кладовку, чтобы взять лампу. Но для меня это было просто немыслимо.

Я прошёл обратно и в нерешительности замер у всё тех же дверей. Я — слух. Звук из предбанника. Глубокое мерное дыхание с небольшой хрипотцой. Оно страшило и завораживало. И в конце концов совпало с моим собственным. Это ещё больше напугало. Я представил, как с другой стороны стоит Он и, так же как я, прислушивается.

Порхающие тени от пламени свечи добавили беспокойства. А если кто-то ещё и внутри? Может, один из них пролез через окно и спрятался в маминой комнате. Я почувствовал давящий взгляд. Воображение нарисовало фигуру за спиной. Я резко обернулся. Никого.

На руке часы. Смотрю на время. Половина первого. Мама вернётся только утром. За дверью Он. Моё тело по двери сползает на пол. Спиной чувствую Его.

Дыхание у Него тяжёлое, неровное. Он кажется больным.

Эта мысль поражает меня и отрезвляет. Во мне просыпается новый голос. А вдруг это человек, может, ему нужна помощь? Второй голос: почему он молчит? А если это страшная местная тварь?

Чушь! Здесь нет фауны…

А что ты знаешь об этом месте?

Я знаю, что сегодня разбился самолёт. Я знаю, что мама их ищет. А если это один из них?

Мой внутренний спор обрывает хлопок наружной двери. Дыхания больше нет. И того, кто дышит за дверью тоже.

Я встаю. Прислоняюсь к двери ухом. Слушаю изо всех сил. Буря утихла. Наружная дверь едва-едва постукивает.

Проходит четверть часа прежде, чем я решаюсь это сделать. Но я это делаю. Моя рука ложится на дверную ручку. Срабатывает механизм замка. Двери распахиваются, сквозняк тушит свечу. Но за краткое мгновение до того, как меня окутывает темнота, я вижу: передо мною Он.

* * *

Вездеход шёл на пределе скорости, но женщина подгоняла водителя как могла. Рядом с ней сидевший мужчина без уверенности в голосе говорил:

— Анна, это лишь собака, да ещё со щенком. Они не смогли бы преодолеть и половины этого пути.

— Это берсерки, они выведены для этого места.

Вездеход качало на ухабах, заносило в стороны.

— Вижу станцию,- произнёс водитель.

— О, Боже!

— Что такое?

— Он никогда не выключил бы свет!

Женщина выпрыгнула из машины, едва открылся люк, и, проваливаясь по колено в снег, побежала к строению. Луч фонарика, привязанного к дулу её автомата, метался из стороны в сторону. Вслед за ней бросились остальные. Женщина добралась до дверей первая, она распахнула их и осветила предбанник. Щеколда оказалась сломанной, дверь напротив исполосована царапинами когтей, будто ножами.

Гримаса слепой материнской ярости исказила лицо женщины. Бегущие следом ворвались в здание как раз в тот момент, когда она дёрнула ручку дверей. Внутри было темно, но три луча фонарей сошлись в одной точке, там, где лежал мальчик лет десяти.

Автомат выпал из рук матери. Он был бесполезен. Её сын просто спал. И во сне чему-то улыбался. Рукой он укрывал маленького пушистого щенка.

Геннадий Ядрихинский

Родился в 1988 г. в бывшей Азербайджанской ССР, в городе Сумгаит. Прожил там крайне короткий срок и еще в младенчестве был транспортирован родителями в Беларусь, где проживаю и сейчас. Работаю в правоохранительных органах, заочно получаю историческое образование.

Публикациями и наградами избалован не был. Участвовал в некоторых сетевых конкурсах, иногда побеждал. В последнее время отошел от написания рассказов, засел за крупную форму.

Влад Копернин

НАСЛЕДНИКИ СТЕПИ

C'etait la republique d'emportés par le vent[1]

Старая республика была легендарной республикой. Блеск и богатство, роскошь и великолепие, пышность и мощь. Все это было, и все ушло. Заброшены дворцы и фабрики, стоят без плуга поля, и коса не касается цветущих лугов. И уж тем более — никто не работает в шахтах. Один порыв мятежного ветра — и все унесло прочь. Глубокие слепые норы, глухие слепые окна, и ветер — ветер везде. Ветер, который дует сам для себя. сам играет с бумажным мусором, сам себе играет колыбельную в трубах — и сам спит под нее в детских кроватках и в изящных альковах. Только там, где нет ветра — спрятался человек. В самой глухой норе самой глубокой шахты маленькая тусклая лампа освещает грубо сколоченный стол, выхватывает из мрака корешки энциклопедии, сваленной в углу. Отблески желто-синего огонька скачут по бороде и усам человека, склонившегося над книгами. Он старается меньше дышать, чтобы не расходовать драгоценный воздух, он терпит смрад и спертость этого места, где нет всемогущего ветра — нового Короля Над Горой. Он терпит. Он знает, что его работа — как труд мальчика с совочком, который хочет построить плотину. Он знает, что ткань его исследований трещит и рвется, как крепдешин легкого платьица в железных челюстях механического гиганта. Он знает, но не оставляет своей работы. Поддерживает необходимую жизнь, охотясь на крыс. Когда в его дверь стучат мертвецы, он открывает дверь без страха — нужны свечи и мыло, даже такой ценой. Он знает. Он знает, что пока его записи — как письмо дикаря созвездию большой медведицы, но он знает так же, что только ему под силу повернуть время. Он знает, что дикарь улыбнется и запоет, когда с большой медведицы прилетит помощь. Он знает, что однажды, стоя на берегу укрощенного океана, повзрослевший мальчик будет с гордостью любоваться могучей плотиной, отбросив старый стертый ненужный совок. Дорога в сорок тысяч километров начинается с одного шага. и этот шаг сделан.

Ce sera la république d'emporté par le vent[2]

Бескрайняя степь дала им приют, травяной ковер — пищу истощенному табуну, а две кобылицы — молоко не только для хилоногих, чахленьких жеребят, но и ребёнку. Тому, кого нужно было спрятать. Тому, кого нужно было лелеять и беречь, как кощееву иглу. Тому, кто был беззащитнее слепого кутёнка и опаснее безумной акульей тигрицы.

Младенцу-шаману, лишённому права видеть. Младенцу-царю, лишённому царства. Последнему из звёздного рода.

Когда-то его предки вели за собой несметные дружины — теперь только двое стариков сохранило верность: пастух, древний, как сама степь, да беззубая кормилица, груди которой забыли про молоко, как полярная ночь забывает о печальной рыбе-солнце.

Когда-то его держава касалась всех великих морей, и драгоценные каменья венчали величие дворцов, а чудные машины вели войну и облегчали бремя мира. Теперь только

[1] Это была республика унесенных ветром

[2] Это будет республика унесенных ветром

полсотни кляч вяло плелось за железными конями труппы бродячих актёров — тех, кто приютил эти осколки титанического зеркала. Кто укрыл от непогоды беспомощного птенца. Кто дал им путь.

От головной машины к деревянной повозке со сложенной юртой движется человек. Чёрная хламида скрывает фигуру, на лице клювастая чёрно-жёлтая маска. Кормилица Ирге улыбается, этот странный даже для жонглёра человек — единственный посторонний, к которому доверчиво тянет ручки малютка. Юношеский голос звучит озабоченно:

— Главный говорит, за нами погоня. Видимо, в городке что-то заметили. Через час ожидаем гостей.

Ирге спокойна:

— Часом раньше, часом позже… В этой степи тысяча лет как один час — что делать, когда он наступит?

— Но, бабушка Ирге, — не унимается маска, — может, вам лучше занять место в середине каравана? В случае чего — мы прикроем. Главный сказал: раз вы взяли наш путь, будем идти вместе до конца.

Ребёнок смеётся. Запрокидывает в бездонное степное небо бездонные голубые глаза.

— Вот видишь, — качает его кормилица, — у нас общий путь, но разные судьбы. И наша судьба встретит нас в середине каравана, и в начале, и в конце — если так суждено.

Маска пожимает плечами, не выдерживает, щекочет младенца. Младенец доволен, его смеху вторят дальние птицы.

— Что ж, я передам Главному твой ответ, бабушка Ирге. Наш путь — ваш путь.

— Наш путь — ваш путь, молодой капитан, — щурит узкие тёмные глаза старуха. — Иди с миром.

Вечернее марево дрожит над степью. Издалека видны клубы пыли. Преследователи не жалеют топлива, они мчатся выполнить приказ хозяина. Младенец кашляет, сжимает маленькие кулачки. Ровно-лазоревое небо начинает темнеть, островки облаков растут над процессией.

Ребёнок не ел с утра — и очень мало пил. Веселье минуло — на смену ему идут злость и обида. Вечерний час — когда старый пастух доит кобылиц и приносит ему парное молоко — наступил, прошёл, давно прошёл — а вместо живительной белой влаги приходится глотать пыль.

Издалека начали стрелять. Щепки от повозки больно вонзаются в нежную детскую кожу. Голубые раскосые глаза темнеют, небо наливается грозным свинцом.

Ребёнок кричит — и раскаты грома отвечают ему, глушат канонаду, глушат на миг всё, что ни есть в великой степи. Одноглазый пастух достаёт из кисета чёрные кости с блестящими отметинами, подбрасывает и ловит на лету. Разжимает кулак: дубль. Пять-пять. Снова бросок: пять-четыре. Улыбается, довольный.

Малютка-шаман бьёт ногами в дощатый пол — и одновременно раскалённые иглы молний бьют в чёрные джипы преследователей. Переворачивают, сметают с воздушной подушки, несут, волочат по ковыльному ковру.

Взрыв. Ещё, и ещё один — и только догорают на обочине остовы. Бесполезно искать живых. Те, кто видел чудо, не могут — не должны вернуться к хозяину и доложить об увиденном.

Ветер в лицо, в спину, в бок. Ветер со всех сторон. Чёрная хламида хлопает гигантскими крыльями, но маска бесстрастна и сурова. Тот, кого старуха назвала капитаном, видел всё.

Ветер свистит — удушливый, жаркий. Дышать невмочь. Последний из звёздного рода — такой могучий, и такой беззащитный — заливается плачем. И с неба сплошной стеной падает на степь ливень.

Хлопает дверь головной машины:

— Я всё видел, Хельги. Это сделал он, я клянусь тебе! Боже, что нам делать, куда бежать? Ты главный, сделай же что-нибудь!

— Спокойно, кэп. Спокойно, — раскатистый басок Главного обволакивает фургон, уносит проблемы, заставляет их развеяться, как облака табачного дыма. — Мы дали им путь, не в последнюю очередь по твоей просьбе. Что теперь? Придётся идти до конца — правильно говорит старуха.

— Но Хельги, я видел другое. Я видел, как этот оборванец, пастух, подбрасывал кости и ловил их, и улыбался — перед самыми молниями.

— И что?

— А то, что он играет в кости с самой смертью. Останови. Чёрт возьми, останови же машину, останови караван! Стёкла заливает водой, ты не видишь куда едешь!

— И что будет?

— Не знаю. Но в такой ливень мы всё равно… — мальчишеский голос звенит от напряжения. — Нужно свериться с картой. Нужно выбрать дорогу. Останови же, тормоз, тормоз дави! — выкрикивает, пытается отобрать руль.

Главный резким ударом поддых отбрасывает его на место. Ворчит:

— Сиди спокойно, пацан! Мало ещё разбиться из-за тебя. Здесь замок одного из баронов. Я там был лет десять назад — встретили хорошо. Если старый барон жив — встретят хорошо и теперь.

А ещё раз такое выкинешь — как шут свят, рёбра тебе пересчитаю, и ряса твоя не поможет. Неделю не встанешь, понял?

— Не пересчитаешь, — нагло скалится из-под маски юнец. — Иначе кто в вашем «Гамлете» будет капитана Кирка играть? Пушкин?

Хельги суеверно сплёвывает через правое плечо, делает охраняющий знак. Хоть и доброе имя произнесено — но кто их знает, этих древних богов? Лучше поберечься. Капитан сдвигает маску на лоб, так что прорези на длинных щеках приходятся вровень с глазами — а нижняя половина лица открыта. Довольный, скалит жемчужины зубов.

А глаза — глаза бегают, в их уголках безумие. Страха? Отчаяния? Надежды?

Во дворе замка раскисшая земля. Ливень кончился, но грязь скользит под ногами, вязнут колёса машин. Ругается челядь — приютил барон на свою голову! Ругаются жонглеёры — ливнёвку не чистили, проходимцы, только баронский хлеб зря пожирают.

Сам барон встречает гостей, не замочив щегольских лаковых туфель. Антиграв-площадка парит над двором, и уже неважно, магия или чудеса древней науки удерживают её. Он выдёргивает из общей толпы и сумятицы Хельги, обнимает как старого друга.

Перешёптываются. Делятся новостями. Челядь и труппа за это время находят место и машинам — по

гаражам на нижних ярусах, и людям — по флигелям и пристройкам, и даже табуну — за стенами замка, на широком степном приволье. Там же разбивают юрту скитальцы, утратившие старый путь и нашедшие новый.

Толчея и сутолока сменяется весёлой суматохой: объявлено, что несмотря на усталость, труппа даст представление нынче же вечером. Солнышко, пробившее тучи, радует закатным багрянцем.

Вот уже готов помост, вот вся свободная от обязанностей дворня собралась на редкое развлечение — дрессированные акульи тигры грациозно вертятся на карусели, ловят зубами на лету подброшенных голубей. Карликовые слоны забавно топочут по направляющим в мини-гонках, и самые азартные из зрителей делают ставки.

Но это всё пока светло. Это для разогрева. Это для приведения публики в надлежащее состояние и надлежащий вид. А когда зажигают факелы, когда наступает мрачное время двойного света и на балконе занимает резной трон сам хозяин замка в древнем фраке и не менее древнем церемониальном цилиндре — тогда начинается главное. Пьеса. Ещё не виданный, но известный по слухам и пересказам «Гамлет». С таинственной новой звездой — он, говорят, даже спит в маске.

Со сцены стекает густая красная краска, призванная обозначить реки пролитой крови, и приветом потустороннего звучит из-за кулис знаменитая начальная фраза:

— Пусть Гамлета к погосту отнесут, как воина, четыре капитана!

Под мерный звук барабанов из кулис выходят четыре высоких фигуры, тащат носилки. Зрители замирают — узнают знакомых с детства по бабкиным страшным сказкам героев. Капитан Сорви-голова в рваном камуфляже, с головой подмышкой правой руки. На голове огромные тёмные очки: кажется, злая стрекоза сейчас сорвётся с места, чтобы жалить, жечь, рвать и хватать. Капитан Очевидность с завязанными глазами и нерабочими электронными весами в руке. Капитан Джек-воробей в серой птичьей маске с коротким клювом, на деревянной ноге. И, конечно, любимый всеми Капитан Кирк — с золотой киркой, всё в той же черной хламиде и чёрно-серебряной остроклювой маске:

— Достиг я звёзд и к терниям спустился, где черви правят бал и горы тлена. Что человек, что концентрат из праха — мне шут один святой, бедняга Юрик, сказал в беседе пьяной (кстати, где он?)

— Я здесь, — замогильный голос со всех сторон хлынул на площадь, заставляя собравшихся в сумеречном свете содрогнуться если не от страха, то от неожиданности — и в распахнувшихся кулисах возник огромный, в человеческий рост, череп в островерхом шлеме.

Барон не отрываясь смотрит на сцену. Так смотрят приговорённые к смерти в ожидании милости хозяина. Так смотрят преступники, собравшиеся в тёмной комнате, на комиссара-сыщика: кому из них придётся отвечать за всех? Так смотрят на икону, на фамильное привидение, на восставшего из гроба или до срока почившего.

Сидящий рядом на табурете Хельги радуется — редко искусство настолько сильно задевает сильных мира сего.

Но не изгибы сюжета, поединки на световых шпагах, вспышки огненных шаров и потусторонние явления влекут барона. И не философские глубины монологов, не едкий сарказм разговоров притягивают степного лорда.

Он следит только за чёрной фигурой в чёрно-серебряной маске. Когда Капитан Кирк покидает сцену — старик безвольно откидывается на спинку резного трона и рассеянно блуждает взглядом за далёким степным горизонтом, среди первых звёзд и последних рубиновых лучей дневного светила.

В такие моменты его рука треплет за ухо любимую гончую — только успевай отдёргивать пальцы, чтобы не попасть под огненную струю дыхания — и не замечает ожогов. Стоит же на помосте появиться восходящей звезде театра, барон каменеет. Взгляд прикован к бесформенной фигуре, пытается прожечь маску, сбросить чёртову хламиду — чтобы не мешала, к чёрту, к дьяволу, к самому хозяину.

Вот — последняя сцена. Свет гаснет на помосте, гасят факелы по всему двору, строго предупреждённая прислуга затемняет окна замка — и в полной черноте степной полуночи слышен стук — несомненно стук в крышку гроба. И финальный вопрос несчастного немёртвого принца: «Кто там?» — переходит в вопль истерики и ужасающего потустороннего понимания: «КТО ТАМ!?»

Вспыхивает на балконе огонёк — барон слишком сильно скрутил ухо адской гончей. В этой вспышке старик хватает за ворот Хельги, тянет к себе, горячо шепчет на ухо:

— Кто это был?

— Ну, трактовка пьесы неоднозначна, — хрипит в железной руке барона Главный жонглёр.

— Дурак, — отпускает его лорд. — Я про Капитана Кирка — в прошлый раз у тебя был другой.

— А, — потирает шею актёр. — Это наш новенький. Тот умер от красной смерти, а нужно было ставить пьесу. Вы же знаете наш путь, господин барон — шоу должно продолжаться…

— Не части, — прерывает его старик. Во дворе гром аплодисментов, музыка, яркий свет, салют, общее ликование. Перекрикивает: — Я спросил — кто это? Отвечай быстро, понял?

— Да, ваша милость. Я не знаю его. Он пришёл перед самой пьесой — уже в этом костюме, когда я искал и не мог найти никого. Предложил сыграть. Потом остался.

— Имя? Фамилия? Документы?

— Нет ни того, ни другого, ни третьего, — снова потирает шею Хельги. — Для нас это не требуется, вы же знаете.

— Когда появился?

— Чуть больше года назад.

— И ни разу не снял маску? Так и ходит, как дурак?

— Так и ходит, господин барон. Мы ему всё прощаем — сумасшедшие сборы, сами понимаете.

— Понимаю, — барон теребит седые волосы, проводит рукой по дочерна загорелым щекам: — Вот что, пришли-ка мне его в башню через час.

— Но… — пытается протестовать жонглер.

— Никаких «но». Ты знаешь мои правила, — отрезает барон. Адская гончая весело хрипит синими искрами.

Белый свет стосвечных ламп заливает апартаменты барона. Белый шёлк обоев, белые кружева алькова, белый атлас костюма. Снежно-белые волосы на дочерна загорелом лице.

Белая лайковая перчатка обтягивает одну руку — вторая чернеет, обожжена адским огнем.

Зелёные глаза сверлят безмолвную чёрную фигуру, замершую посреди комнаты:

— Кто ты? Откройся.

— Я Капитан Кирк. Так меня называют все, господин барон.

— Я не спрашиваю, как тебя называют! — кубок с вином летит в стену, багряные разводы украшают белизну. — Я спрашиваю, кто ты?

— Я жонглёр, господин барон.

Дребезжащее старческое хихиканье:

— Да уж вижу, что не епископ. Кто ты, сам хозяин тебя забери? А, дрожишь! Не хочешь, чтобы призывали его?

— Вовсе не дрожу, господин барон, — юношеский голос спокоен. Только видно, как нездоровым блеском сверкают из-под маски глаза. — Но я действительно бродячий жонглер Капитан Кирк, и мне нечего больше рассказать о себе, ваша милость!

Барон обходит упрямца по кругу, оценивает с ног до головы, как купец в базарный день. Пытается прикоснуться к хламиде — с серебряной накладки срываются искры. Лорд довольно жмурится, баюкает обожжённую руку:

— Силён. Хитёр. Горд… — медлит, повторяет: — Сильна. Хитра. Горда. Не так ли?

Капитан медлит — то ли набирает воздуху в грудь для достойного ответа, то ли в растерянности. Резким движением лорд хватает серебряный клюв маски рукой, затянутой в белую лайку. Искры не причиняют вреда — рывок, и маска сброшена. Тёмные волосы тяжело падают на чёрную хламиду, фигура переламывается пополам, садится. Белизна комнаты давит, заставляет собраться, грозно алеет пятно на стене.

Радостный хохот:

— Вот видишь, глупышка! Я вижу насквозь и без сказочных икс-потоков. Ну что ты? Что? Я хочу видеть твои глаза! Не прячься.

Капитан обхватывает колени руками, прячет лицо от назойливого старика. Слышны сдавленные рыдания. Барон торжествует:

— Я хочу видеть твои глаза, красавица моя. Посмотри на меня. Посмотри! — грозно кричит, бьёт чёрной ладонью наотмашь. Фейерверк искр, на белом великолепии комнаты остаются прожжённые чёрные отметины: — Посмотри на меня, чертовка! Посмотри, чёртова дочь!

Отпущенной пружиной взвивается фигура, тёмные волосы отброшены с лица, в волчьи зелёные глаза степного лорда смотрят такие же: волчьи, зелёные, злые:

— Да, я чёртова дочь! Если мой отец по своим мерзостям сам чёрт, то что остается дочери, как не быть чертовкой?

— Любашь, — тянет барон. Тяжело опускается в кресло, пьёт из графина. — Так вот какая ты стала. Я знал. Я сразу знал, как только вы въехали в ворота…

— И я знала, что нельзя сюда приезжать. Но выхода не было, — просто говорит красавица. Берёт со стола яблоко, хищно вгрызается жемчугами зубов. — Ну что, теперь попытаешься запереть меня здесь?

— Тебя, пожалуй, запрёшь, — хихикает старик. — Вся в мать.

Чёрная молния сквозит по комнате, звук пощёчины — и барон потирает

обожжённую щеку, а его дочь уже снова в своём кресле, тяжело дышит:

— Не смей говорить о матери! Ты не достоин называть её, чудовище, изверг! Ненавижу тебя. Ненавижу!!!

Стрельчатые окна раскрыты настежь, крик из высокой башни далеко разносится по степи. Разбуженный, плачет в юрте младенец. Плачет. В ответ ему снова начинает собираться гроза. Первые тяжёлые капли бьют по черепице замка. Кормилица гладит дитя, подносит к его губам флягу с молоком. Белые струйки стекают на пол, ребенок доволен. Смеётся. Засыпает под пение птиц.

Старый лорд ходит по комнате, его голос журчит, уговаривает, пытается достучаться до гордячки-дочери:

— Ты можешь ненавидеть меня, хоть я и твой отец. Ты можешь ненавидеть наш замок — хотя это и твой дом. Но ты не можешь ненавидеть наш род! Наш род должен править этой землёй. А ты — баронесса! Хочешь ты этого или нет. Я не призываю полюбить меня, — старик задыхается, снова пьёт из графина, вино капает на атлас рубашки — как кровь.

— Мне всё равно, — звенит девичий голос. — Я ушла с этого пути: мой новый путь дали мне жонглёры, и к старому возврата нет.

— Нет ли? — хитро щурится зеленоглазый старик.

— Нет, — твёрдо отвечает молодая волчица. — За мной встали на этот путь ещё трое. Я не могу предать тех, кто передо мной — и тех, кто идут за мной, не могу оставить без помощи.

— Любашь! — гремит барон, — Что тебе в этих оборванцах? Ты одна из нас, ты из баронов, как все твои предки. Как я. Как твоя мать…

— Не смей, — устало просит девушка. — Прошу тебя, отец, не смей говорить о ней.

— Если тебе станет легче — мне жаль, — шепчет старик. Рвёт ворот рубахи, глотает из окна дурманящий степной воздух. — Я пытался вернуть её, ты знаешь? Ты видишь на мне эти отметины?

— Не слепая, — ехидно срезает зеленоглазая. — Сначала довёл до ада, потом пытался (ключевое слово — пытался) вытащить.

Барон роняет голову на руки, надолго замирает в глубоком кресле:

— Любашь… Может быть, ты ещё поймёшь меня…

— Никогда!

— Не перебивай. Но сейчас прислушайся — в тебе должен быть зов крови. Зов пути. Что говорит он тебе?

— Зов пути, — медленно, потусторонне вещает девушка, — велит мне идти с труппой. И защищать того, кто идёт с нами.

— Этого я и боялся, — шепчет лорд. — Именно этого я ждал. И боялся.

— Ты? Ты боялся, отец? — подскакивает баронесса. — Поверю чему угодно, только не этому. Ты просто давишь на меня: столетиями не было такого калдана, чтобы наша кровь застывала, дрожа, как у дикого зайца!

— Ага, — улыбается лорд, — всё-таки голос крови ещё не умолк в тебе. Но сейчас — просто поверь, я боялся. И был прав.

Он позвонил, велел принести новый кувшин и новую рубашку. Баронесса надела маску, и в молчании ждали слуг. Смотрели на тонкую алую полоску нового дня.

Когда хлопнула дверь, старик просто сказал:

— Хозяин издал приказ любой ценой захватить этого младенца. Ты знаешь, кто он?

— Знаю. Но с каких пор волки степи слушают чьих-то приказов? — девушка тянется к вину, наливает себе бокал. — Хозяин — для псов. Так мы всегда говорили.

— Я и сейчас повторю это. Но боюсь, нашего мнения никто не спросит. Дворня кишит его шпионами. Я просто ничего не смогу сделать — сюда уже вылетели. Потому и спрашиваю тебя ещё раз…

— Ты всё-таки чудовище! — вскакивает девушка, — и ты молчал всё это время?

Она бросается к двери, но лорд нажимает кнопку на подлокотнике, лязгает тяжёлый замок.

— Подожди.

— Выпусти меня, ты всё равно не удержишь степную волчицу, будь ты хоть трижды матёрый…

— Заткнись и слушай, — отец наотмашь бьёт её по лицу. — Если ты не можешь уйти с нового пути — давай его мне. Я пойду с тобой.

— А голос крови? А «владеть землей»? — недоуменно трёт щёку баронесса.

— К чёрту. Мой путь — твой путь.

— Мой путь — твой путь, отец. Что будем делать?

Старик бросает за окно антиграв-площадку, она призывно подрагивает.

— Быстро. К юрте!

Степь расцветала навстречу новому дню. Где-то далеко слышалось пение свирели — Любашь показалось, что она разглядела высокую чёрную фигуру музыканта с ослепительно белым, гладким ликом и тёмными провалами глаз.

Мелодия брала за душу, говорила о вечном покое и вечном невозвращении, о том, что будет время — и дряхлое солнце, наконец, погаснет — и звёзды потухнут одна за другой… Музыкант приближался, теперь волчьи глаза баронессы и старого лорда превосходно видели его — и ошибиться было невозможно. Сама смерть спешила заступить им дорогу к юрте.

У откинутого полога сидел старый пастух. Давешние кости лежали перед ним, белые отметины показывали «два-один». Узкий глаз смотрел грустно — дед видел только своего визитёра, степные волки не интересовали его:

— Твой ход. В этот раз у тебя неплохие шансы.

Музыкант остановился, любовно протёр костяную свирель, спрятал в рукав. Наклон, бросок костей. Чёрные точки сверкают в высоком утреннем небе.

«Один». Вторая костяшка катится по подстилке, игрок останавливает её длинным белым пальцем. «Один».

— Ты поддаёшься, — укоряет древний, как степь, пастух. — Ты поддаёшься?

Звучит бесстрастное:

— я никогда не поддаюсь. просто такова судьба. я буду рядом, старик.

И тает, как морок. От замка слышно гудение — на лёгкой циклетке спешит взволнованный Хельги.

Барон и Любашь, наконец, могут двигаться, говорить. Любашь первая спрашивает:

— Дедушка, это была сама Смерть?

— Да, — тихий шелест, как сама степь ковыльным шёпотом делится своими тайнами. — Это смерть звёздного рода. Когда-то она косила тысячами, а теперь у неё осталась последняя работа. Мы играем с ней в кости, и пока мне везёт…

— Можешь не продолжать, — резко прерывает барон. — Сюда летит

хозяин, до полудня он будет здесь. Замок мне не отстоять — прятаться в нём бесполезно. Но я задержу его. Бегите. Собирайте пожитки, гоните коней…

Из палатки слышится смех, ему вторят птичьи трели. Внутри как будто светлее, чем снаружи.

Подъехавший Хельги спрыгивает с циклетки:

— Это правда, что я слышал?

— Правда, — качает головой барон.

— Правда, — неожиданно звонким голосом отвечает кормилица Ирге. — Мы все должны задержать его. Мальчик выживет — об этом позаботится одна из них.

Она широким жестом показывает на табун.

— Эти клячи? — не верит барон.

— Клячи! — смеется старик. Достаёт нож, не жалея, режет себе ладонь. — Смотрите!

И протягивает сочащуюся кровью руку ближайшей лошади. Та лижет, преображается. Глаза блестят, из ноздрей валит дым.

— Не медлите! — призывает Ирге. — Сажайте ребёнка на лошадь, она вывезет. Судьба…

— Погодите со своей судьбой, — прерывает барон. — Судьба помогает тому, кто сам себе помогает. Вы знаете про Медведь-гору?

Старики и Хельги кивают. Из ворот замка выезжают одна за другой машины — видимо, он успел отдать приказ выдвигаться.

— Вам нужно как можно скорее достичь Медведь-горы. Любашь разбудит спящего. Тогда мы ещё посмотрим — кто будет прятаться!

— Но это далеко. С двойным грузом она столько не протянет, — с сомнением шамкает Ирге.

— Протянет, — рубит воздух ладонью дед. И пока никто не успевает ничего сказать, с размаху всаживает нож себе в горло. Алый фонтан бьёт в небо, кобылица вздрагивает, прядёт ушами, на лету ловит раскрытым ртом алую струю. Жадно пьёт. Её бока на глазах круглеют, ноги наливаются силой. Изо рта валит огонь.

Не снимая маски, Любашь взлетает на спину, горячит лошадь пятками. Ирге заботливо отдаёт ей младенца:

— Справишься, дочка? Это тебе не просто лошадка…

— Я дочь степного барона! — кричит девушка, вонзает каблуки в бока огнедышащей демонице:

— Хейййййййй-йа!

И бешеная скачка сквозь степную пыль, по ковыльным просторам — к Медведь-горе.

Замок опустел. Челядь разбежалась, несколько явных шпионов пойманы, связаны, лежат в жонглёрских фургонах. Фургоны не жалеют топлива, летят над степью к неведомой никому цели.

Старый барон остаётся в замке один. Слышен стрекочущий звук. Чёрные стрекозы — пропеллеры наточены, фасеточные глаза источают злобу — летят к замку. Разговаривать с ними не о чем. Сам хозяин послал их, и следом по земле тянутся вереницей грозные дизельмехи. У них нет пути назад — победить или не вернуться.

Барон поднимается на стену замка, парит на своём антиграве. Поднимает церемониальный посох, начинает читать заклинание:

— Вот север, тучи нагоняя, дохнул, завыл — и вот, сама: идет волшебница-зима!

Небо над замком темнеет. Холод. Резкий холод сковывает степь, ломает траву. Ветер бросает в фасеточные глаза вертолётов ледяную крошку. Ледяные стрелы пронзают летающих монстров.

Их много, они мечут в ответ огненные шары и куски раскалённого свинца. Но барон не сдаётся:

— Под ледяной своей корой ручей немеет; всё цепенеет, лишь ветер злой, бушуя, воет и небо кроет седою мглой.

Ничего не видно в снежном мороке. Дизельмехи разрушают замок, камень за камнем, строение за строением. Вертолёты стреляют в человечка — такого маленького — посмевшего бросить вызов могуществу хозяина. Он ищет — и почти нашёл — последнего из звёздного рода. Он ищет — и торжествует победу, роет механическими окулярами землю, поднимает горные хребты гидравликой мышц.

Наглый волк, маленький человечишка будет уничтожен. Распилен лопастями-ножами. Растерзан свинцом из шестиствольных картечниц. Свален огненными шарами. Он обречён.

Но сначала — сначала он уничтожит своим упорством воздушный флот хозяина. Раздавленные стрекозы валяются на заснеженном степном просторе, отогревают своими кострами помороженный ковыль.

Дизельмехи добрались до топливных складов. Взрыв. Адский, чудовищный взрыв.

Любашь не слышит его — слишком далеко. Но чувствует — у неё больше нет дома, и сердце сжимается от тоски: «Отец!»

— Будь сильной, дочка! Теперь ты — полноправная баронесса, — слышит она.

— Я не подведу, отец!

Вдалеке туманной дымкой видна уже Медведь-гора. Но далеко. Слишком далеко. А демоница выдыхается, вновь превращается в простую лошадь. Ещё немного, и под ними окажется обычная кляча. Её драгоценная ноша — последний из звёздного рода — смотрит раскосыми голубыми глазами, улыбается. Он повелевает грозами — и сам скоро станет грозой народов и стран — но сейчас он беззащитен и беспомощен.

Острыми жемчужинами клыков она вспарывает вену на руке. Наклоняется к пасти кобылы, на ходу заставляет её слизывать кровь. Скачка. Бешеная скачка.

Те, кто разделил с ними путь, ставят фургоны кругом — испытанная временем таборная тактика. Сколько-то они продержатся против дизельмехов. Слуги-предатели пущены на корм лошадям, степные демоны теперь рвутся в бой.

Схватка безумна, огненное дыхание кобылиц против железной хватки машин, автоматическое оружие жонглёров против огненных шаров нанятых волшебников.

Актёры тоже обречены. Их меньше. Они слабее.

И кобылица снова сдаёт. Вены почти пусты. Баронесса чуть не падает от слабости. Последнее решение — наклоняется к бедру. Зубами выдергивает кусок мяса. Бросает в пасть кобылице. Падает без сил в мягкий белый ковыль, чудом успев подбросить младенца.

Он вцепляется ладошками в гриву, смеётся в полную силу. И этому смеху вторит гора. Стонет. Рычит. Ворочается.

Падают камни с вершины, во все стороны летят деревья, разбегаются зайцы и лисы.

Медведь — огромный бурый медведь встаёт на задние лапы, потом тяжело опускается на одно колено перед младенцем на истощённой кобыле. Нежно сажает его себе на спину. Осторожно поднимает девушку, кладёт рядом.

Идёт медленно. Кажется, не торопится — но через мгновение он уже у места побоища.

Перевёрнутые фургоны горят, защитники лагеря держатся вокруг головной машины. Хельги машет рукой — мол, всё кончено.

Не всё. Победный рык — и вновь торжествующий смех младенца-шамана.

Спящий проснулся.

Последний из звёздного рода, и дева на буром звере — теперь движутся на запад. Теперь — кому-то другому предстоит прятаться.

Голубые раскосые глаза смотрят в бездонный степной небосвод, прозревая иные времена.

И тогда, уже очень скоро, глядя на лошадиные морды и лица людей, на безбрежный живой поток, поднятый его волей и мчащийся в никуда по багряной закатной степи, он вновь и вновь будет думать: где «я» в этом потоке?

Город, которого нет

Он хохочет в лицо пурге. Злая старуха бросает в лицо мальчику острые ледяные иголки, а он радостно смеётся навстречу им. Он знает, что стоит махнуть рукой — и всё стихнет, и ночной лес застынет снежною сказкой, и мириады разноцветных искр вспыхнут под луной.

Малыш откидывает капюшон тёплой куртки из оленьей шкуры, ветер треплет светлые волосы, раскосые голубые глаза щурятся, но не моргают.

Пять лет — самый хороший возраст, чтобы наслаждаться первой настоящей зимой в лесу, метелью, скоростью сумасшедшей гонки по целинной дороге.

Его спутница не так весела. Девушка постоянно оглядывается, вслушивается в вой ветра и отдалённый вой волков. Её волчьи глаза ищут опасность повсюду, ждут засады, ждут нападения.

Над дорогой, не езженной сотню лет, как арка, склонилось тонкое деревце. Его согнул ветер, придавил к земле холодной тяжестью снег. Снегоход с волокушей не пройдёт под ним сходу. Придётся останавливаться. Ловушка? Возможно. Глушит мотор. Достаёт из кармана «гюрзу», осматривается, прислушивается. Только волчий вой — да вой ветра.

Малыш спокоен:

— Мы оторвались, капитан. Он не мог бежать за нами так быстро по глубокому снегу.

Девушка гладит его по голове, грустно улыбается:

— Ему не обязательно бежать, чтобы достать нас. Острым клювом он разрывает реальность — и ходит, как хочет и где хочет.

— Если он придёт сюда — я убью его молнией!

— Не успеешь. В его руках — смертоносные стволы, он не знает промаха.

— Тогда нам нет смысла бояться. Пусть будет как будет, капитан.

Девушка невесело смеётся:

— Ты мудр не по летам, малыш. Если так — давай ставить юрту. Заночуем здесь.

Когда юрта готова и в очаге приветливо горит огонь, мальчик доверчиво кладёт голову на колени спутнице:

— Расскажи про город, которого нет.

— Я сто раз рассказывала!

— Расскажи ещё.

— Хорошо. Далеко-далеко от нашей степи, и далеко отсюда (хотя может быть, уже и не так далеко) есть город, которого нет. Он занесён снегом и зимой и летом, и тёмными громадами высятся дома — до самого неба.

— До самого-самого неба?

— Да. И никто не знает, где этот город — люди ушли оттуда столетия назад, и птицы боятся залетать туда, и самые отважные волки обходят его стороной. А посреди города, на холмах — замок из красного кирпича с высокой белой башней. С вершины этой башни видны все уголки земли, а в подвалах — несметные сокровища.

— Золото? Рубины?

— Книги. Знания.

— И мы возьмём их?

— Конечно, милый. Спи, скоро тебе стоять на часах.

— Если он придёт, я убью его молнией!

— Да, родной. Спи.

Мальчик закрывает тёмные-тёмные раскосые глаза, а девушка задумчиво треплет его волосы. Она не верит тому, что говорит — она просто ищет жилище древних в надежде найти хоть что-то ценное. Она не знает ещё, что уже утром сквозь туманную пелену они увидят тёмные громады давно покинутых домов, проедут по заброшенным мостовым и в лабиринте безмолвных улиц — отыщут красный замок с рубиновыми звёздами на шпилях. И поднимутся на самый верх белой башни, и спустятся в подвал, и примут по закону и по обычаю наследие предков.

А если за ними придёт подосланный хозяином — мальчик убьёт его молнией.

Влад Копернин

Коренной москвич. Вырос в районе, приравненном к Крайнему Северу, среди доски, трески и тоски. Живет в городе ветров и шпилей, дворцов и болот, островов и туманов. Поэт на службе вечности и прозаик у истории на полставки.

Победитель и призер литературных конкурсов. Счастливо женат.

Андрей Бударов

ЗМЕЯ ВРЕМЕНИ

Солнце дамокловым моргенштерном повисло в зените, беспощадно обрушивая вниз обжигающие лучи. Всё живое спряталось, пережидая дневную жару. Только роботы продолжали терпеливо ковырять песок. Раскопки велись шестую неделю, а каковы результаты? Несколько осколков костей да глиняные черепки. И то, и другое не представляло особого интереса, поскольку возраст находок был невелик. Такого добра навалом в музеях по всему миру.

Сергей Духонин стоял на белом крыльце жилого комплекса и с тоской осматривал унылый пейзаж пустыни. Здесь, под козырьком, было хоть какое-то убежище от нещадно палящего солнца. Да и то — долго не простоишь.

Вытерев пот со лба, Сергей в который раз оглядел горизонт. Песок, один песок. Жёлтый, высветленный добела полуденным солнцем на вершинах холмов, и тёмный, почти чёрный, в тени. Песок был всюду. Он постепенно заносил жилкомплекс, и на крыльцо уже не приходилось подниматься по ступенькам. Крыльцо теперь не возвышалось над уровнем земли… над уровнем песка… Оно было вровень. Но песку и этого мало. Он стремился засыпать всё. Даже роботы-уборщики внутри жилкомплекса не справлялись — песок умел проникать и туда. Песок хрустел на зубах во время еды, песок был в постели…

Когда же всё это кончится?

В сухом воздухе звуки разносились далеко, но, кроме тихого шороха, производимого «кротами», слышно не было ничего. И неудивительно — кто по доброй воле полезет под яростные лучи солнца, рискуя заработать ожоги?

Только Шило.

Куда он запропастился? Отсутствует уже час. Жаль, не связаться — дурак-Шилов не берёт с собой уоки-токи.

Возможно, когда-нибудь это подведёт его. Лишь бы не сейчас, не в этой экспедиции. На вопрос: почему не пользуется рацией? — Шилов неизменно давал один и тот же ответ: потерял.

Не верилось.

Ещё минут тридцать — и придётся отправляться на поиски. А это, строго говоря, запрещено инструкцией: в лагере всегда должен оставаться хотя бы один участник экспедиции. Духонин плюнул.

Слюна не хотела отделяться от губ, пришлось наклониться и подождать, когда медленный тягучий плевок оторвётся и плюхнется в желтизну песка рядом с крыльцом.

Сергей зашёл внутрь, в одуряюще-могильную прохладу жилкомплекса. Стащил с себя остро пахнущую пытом тенниску. Утёр ею подмышки и бросил на пол. К тенниске сразу засеменил уборщик, чтобы утащить в стирку.

Духонин сел к компу. Всё в норме. «Кроты» в порядке, только пятому скоро придётся смазку поменять. Как обычно. Тоска.

Может, поискать Шило? Как бы не спёкся он там, на солнце. Помрёт — что делать тогда? Сергей вывел на экран изображение с камер, установленных

на зондах. Угу, вот и сухонькая фигура Шилова — белая на жёлтом. Начальник с мешком идёт домой. Тьфу ты — в лагерь, конечно. Дожили, теперь домом стал называть.

А для Шила, наверное, это и есть дом родной — всю жизнь в таких экспедициях провёл. Есть люди, которые считают его лучшим археологом современности.

Шилов вошёл в жилкомплекс и поинтересовался бодрым голосом:

— Ну что, Серёга, как там? Ничего нового?

— Ничего, совершенно ничего, я уж весь извёлся — когда ж, наконец, появится что-то стоящее?

Сергей был счастлив попасть в команду Шилова. Поначалу. Теперь жалел, что отправился сюда, в эту глушь. Нет, в общем-то, ничего сложного, сиди у компа и следи за тем, чтобы роботы не разбежались, как шутил начальник.

Да, его шуточки тоже достали. Вот и сейчас…

Духонин вздрогнул. Шило швырнул на стол рядом с компом, поближе к Сергею, изжелта-коричневую змею. Пришлось, тыкая с осторожностью маркером, проверить — мёртвая или нет. Начальник мог и живую подбросить — с него станется.

Вроде дохлая.

— Не боись, не боись… — протянул Шилов, стягивая белый защитный костюм.

— Сан Саныч, что, сегодня опять змей будете готовить?

— Ага. Тебе самому-то не надоели консервы? Всё равно, что падаль жевать.

— Ну и что. Зато она сертифицирована, и точно ничем не заболеешь. А у этих змей неизвестно какая зараза внутри.

— Так ведь у тебя же есть медлаб. Сделай анализ, — посоветовал Шилов. Он вытряхивал на пол песок из седой шевелюры и короткой неухоженной бороды, и робот-уборщик уже суетливо крутился под ногами, подметая сор.

— Не все анализы можно сделать в полевых условиях, — поучающим тоном произнёс Сергей. — Опасность всё равно остаётся, а я не собираюсь рисковать здоровьем.

— А-а, — махнул рукой Шилов. — Тебя не переспоришь. Хочешь, так ешь свои консервы.

Он ушёл мыться, а Сергей просмотрел текущую инфу. Больше для очистки совести — будь что-то важное, комп давно бы уже просигналил.

Всё по-прежнему.

Сигнал компа раздался ближе к вечеру, когда стала падать температура снаружи, и можно было выходить без особых предосторожностей.

Один из «кротов» что-то раскопал. Тот самый, пятый. В сущности, так он назывался по привычке — на самом деле его следовало именовать четвёртым, ведь номер два уже давно вышел из строя. Но мозги в монотонной рутине экспедиции отупели, и менять названия категорически отказывались.

Голый до пояса Шило выскочил из жилкомплекса и побежал к месту находки. Сергей не стал проглядывать инфу на компе, а поплёлся следом. Всё какое-то развлечение. Не черепок же там глиняный…

Робот уже докопал до горизонта, относящегося к протерозою, а значит, даже костей динозавров быть не могло. Спина Шилова с остро выступающими лопатками закрывала обзор, и Сергей не видел, что именно «крот» нашёл там, на дне раскопа.

— Сан Саныч, может быть, вам помочь чем-нибудь нужно?

— А? — отозвался начальник. — Да нет, сам справлюсь.

Сергей пошёл обратно.

Шило совсем спятил в этом пекле. Экспедицию надо было сворачивать ещё неделю назад, но он упёрся: это же такой шанс, такая возможность!

Духонин сплюнул, избавляясь от нескольких песчинок, неизвестно как попавших в рот. Экспедиция завязла надолго. В последние годы у Шилова появилась мания: докопаться до начала. До поверхности первоначальной Земли. Прокопать насквозь всё, что отложилось за четыре с половиной миллиарда лет геологической истории планеты.

И здесь, именно в этом месте, он был максимально близок к осуществлению своей мечты. В Канзарадо взрывы во время Последней войны смели в сторону верхние геологические слои, и образовался гигантский котлован на полконтинента. Работа археологов, специализировавшихся на палеозое и более ранних эпохах, значительно облегчилась.

На крыльце Сергей на секунду обернулся. Раскалённый добела солнечный диск уже коснулся огненным краем линии горизонта, до наступления темноты остались считанные минуты. Вытянувшиеся тени песчаных барханов пролегли на восток, указывая, в какой стороне ожидать завтрашний рассвет.

Шилов вернулся нескоро. На седой шерсти груди его блестели бусинки пота.

— Чем хороши эти «кротяры», — сказал он, расчёсывая пальцами спутавшуюся бороду, — так это тем, что хоть и медленно копают, но уж ничего не пропустят. Вот, смотри.

Он показал пакетик с находкой. Что-то вроде мелких косточек. Сергей равнодушно отвёл взгляд. Останки трилобита.

— Ну, Серёга, теперь попрёт, — бодро сказал Шилов.

Угу. Это Духонин уже слышал от него несколько раз. Но предсказатель из Шила был как… Сергей задумался над сравнением, и обнаружил, что в голову ничего не идёт. А раньше, до экспедиции, подобных проблем не возникало. Ведь Настя — студентка-филолог. Каких-то словечек и выражений удалось нахвататься у неё, какими-то перед ней красовался…

Эх, Настя, Настя… Когда же доведётся увидеть тебя живьём, а не на экране? Этот придурок Шило, похоже, не собирается сворачивать раскопки, хотя ничего достойного не нашли до сих пор.

Вечерний разговор с Настей только усилил желание поскорее вернуться домой. Она была, как всегда, озорна и весела, много шутила, и Сергей в который раз пожалел, что поехал сюда.

* * *

День проходил за ночью, сутки складывались в недели, но экспедиция продолжалась, а песок оставался песком.

Сергей дурел в монотонности серых дней, каждый из которых был томительно-бесконечен, пока длился, пока был «сегодня», но казался лишь одним мгновением, когда становился «вчера».

Шилов приносил со своих прогулок змей и ящериц, чтобы хоть немного разнообразить рацион. Сергей пару раз тоже ходил погулять на солнцепёке… Была мысль предложить Шилу охотиться ночами, ведь холод — не жара, вынести можно. Вот только у начальника был

свой резон для дневной охоты. Сергей подозревал, что так Шилов избавлялся от скуки, ведь выпивка всегда планировалась на вечер, а днём делать было нечего. Должно быть, в таком режиме «главный археолог современности» работал во всех своих экспедициях.

Настя стала избегать виртуальных встреч с Сергеем. Когда звонил он, не всегда отвечала, а сама звонить прекратила вовсе. Сергей злился, но ничего поделать не мог. Он начал подозревать, что Настя нашла другого, ближе и доступнее.

Иногда Сергей ловил себя на мысли о том, что тупеет в этом пекле. Он перестал читать, забросил комп-игры, а фильмы смотрел без малейшего интереса. Всё это казалось ему далёким и ненужным, как зажигалка для некурящего. На ежеутренних сеансах связи с Фениксом часто отвечал невпопад. Диспетчер — обычно это была Марина, брюнетка с короткой стрижкой, — хмурилась, но терпела. Постепенно разговоры с ней сокращались, пока не стали минимальными — по две реплики с каждой стороны.

Вечерами Сергей начал пить с Шиловым. Откуда тот брал спиртное, не спрашивал. Должно быть, доставляли вместе с продовольствием, по личной просьбе, подкреплённой деньгами. Оказалось, что у Шилова организм гораздо крепче, и Сергей к полуночи непременно напивался до бесчувствия. Жаловался на сложности с Настей, а начальник уверял, что, когда вернутся, найдёт Серёге девку лучше, — но это нисколько не могло утешить. Спасало одно — всегда было достаточно алкоголя, чтобы забыться. Порой Шилов сам начинал плакаться, как ему тут плохо, в этом песке, но на справедливый вопрос: кто виноват, что экспедиция застряла? — впадал в раж и доказывал пользу раскопок для науки…

Потом Сергей отключался. Начальник укладывал его спать, а по утрам шутил про опухшую физиономию и красные глаза, на что оставалось только скрипеть зубами и беззвучно ругаться.

День проходил за ночью, сутки складывались в недели, но экспедиция продолжалась, а песок оставался песком.

* * *

Утром Сергея разбудил сигнал компа. Шилов уже давно был на ногах и бегал где-то снаружи, так что к экрану пришлось тащиться самому.

С трудом продрав глаза, припорошённые песком, Сергей обнаружил: наконец что-то случилось. Что-то серьёзное. Однообразность серых дней нарушилась яркой отметиной неожиданного праздника. Настоящая находка, похоже.

Быстро умылся, посмотрел в зеркало. Там отразилось вполне обычное лицо. Правда, весьма болезненного вида — из-за похмелья. Тёмные круги под глазами, морщины недовольства на лбу. Лицо заросло многодневной рыжеватой щетиной, что определённо не шло Сергею. «Надо бы побриться, наверное…» — появилась вялая мысль. Появилась — и умерла. Сергей принял таблетку от головной боли, обул ботинки и отправился к раскопу. Начальник уже был там. Возился на самом дне. Шилов никогда полностью не доверял роботам, но с облегчением сваливал на них рутинную работу. Зато когда появлялась находка…

Подойдя, Сергей встал на край раскопа, и вниз потекли струйки песка.

— Уйди, уйди, — закричал Шилов.

Сергей отскочил, что привело к неслабому обвалу. Шилов длинно,

обстоятельно выругался. Его голос глухо доносился снизу, и слов почти не разобрать было, но общий смысл улавливался.

Раствор, которым «кроты» укрепляли стенки раскопов, пересыхал на солнце, терял клеящие свойства и переставал держать песчинки вместе.

— Что там, Сан Саныч?

Ответа не было.

Сергей взглянул на небо. Солнце ещё только начинало подъём к зениту, но уже стало жарко. Невдалеке прошуршала ящерица. Оглянувшись на звук, Сергей бездумно проследил за ней.

— Эй, — позвал Шилов.

Сергей приблизился к краю раскопа, и начальник подал ему тщательно упакованный в непрозрачную плёнку увесистый предмет величиной с ладонь.

По инструкции не полагалось перемещать находки таким образом. Но мало кто пользовался спецзажимами и боксами, выложенными изнутри мягким пластиком.

— Иди сделай анализ, а я тут ещё повожусь, — проворчал Шилов. Но глаза блестели так радостно, что Сергей удивился. Странно — почему начальник доверился ему, а не отправился сам определять возраст находки? Может быть, там, на дне, есть что-то ещё?

Вернувшись в жилкомплекс, Сергей развернул плёнку.

И чуть не выронил предмет на пол. Финтифлюшка из белого металла с красноватыми искорками, пробегавшими по её поверхности.

— Так не бывает, — почти беззвучно прошептал Сергей.

Он не мог даже предположить, что это за предмет. Для чего предназначен. Не говоря уж о том, как эта штуковина оказалась в докембрии, когда ещё только-только начали появляться животные.

Палеоконтакт?

Сергей минут десять смотрел на игру рубиновых искорок, размышляя, чем бы могла оказаться находка. Что бывает размерами в ладонь? Да всё, что угодно! Простая игрушка? Коробочка для хранения чего-нибудь? Ящичек? Угу, шкатулка Пандоры. Сергей с осторожностью поместил находку в нишу чёрного темпорометра. Вжал кнопку до упора. Ниша закрылась непроницаемым щитком, аппарат начал работу, мелко дрожа, будто показывая усердие.

Сергей принялся готовить завтрак. Ткнул пару кнопок на панели кухонного комбайна, убрал со стола всё, что осталось от вчерашней гулянки, выбросил мусор.

Шилов не возвращался, и Сергей забеспокоился. Выскочил наружу, трусцой добежал до раскопа и замер, не ступая на самый край.

— Сан Саныч, есть там что-нибудь ещё?

Начальник покачал головой. Совершенно непонятно было, почему он не выбирается со дна раскопа, чего ждёт — ведь робот сообщит, если что-то обнаружит. Сергей потоптался на месте, развернулся, намереваясь уйти, но задал ещё один вопрос:

— Может быть, вы тоже сейчас завтракать будете? Я приго…

— Уже, — отозвался Шилов.

Сергей отправился восвояси. Не задерживаясь, чтобы не обгореть.

Во время завтрака устроился за компом, периодически бросая нервный взгляд на экран, чтобы просмотреть свежую инфу, выданную машиной о находке. Виртуальная модель белого металлического предмета медленно вращалась в верхней части дисплея.

Теперь можно было разглядеть подробности, от которых раньше отвлекала игра красноватых искорок.

Прямоугольный параллелепипед с закруглёнными рёбрами и вершинами, как бы истёршимися во время использования. Впрочем, для чего находка предназначена, ещё предстояло выяснить. Размеры: длина — чуть больше ста пятидесяти миллиметров, ширина — почти сто, толщина — тридцать. На всех гранях, кроме одной, нечёткое рельефное изображение: стилизованные цветы.

Ниже модели на экран выводились строки полученных сведений, непривычно скупые. Сергей удивлённо качал головой и подгонял комп ругательствами. Тот не обращал внимания. А время шло. Время ожидания, которое тянется в несколько раз дольше обычного. Наконец раздался сигнал о завершении операции первичного сбора данных. Сергей поперхнулся.

Возраст — плюс пятьдесят лет. Или около того. Это было невозможно, да вообще немыслимо. Сергей засмеялся. Комп определил, что эта находка — из будущего. Неужели такое предусмотрено программой?..

Впрочем, кто бы поставил ограничения в программе? Кто мог предположить, что комп заглючит и вычислит возраст находки неправильно?

Сергей покачал головой. Нет, что ни говори, но шутка отличная. Может быть, и экспедиция не такая зряшная, как раньше казалось? Хотя нет, о подобных казусах всё же лучше узнавать из СМИ, сидя дома, чем находить их самому, неделями глотая песок и боясь высунуться на улицу, под солнечные лучи.

Вошёл Шилов, странно тихий и молчаливый.

— Сан Саныч, — с энтузиазмом начал Духонин, но осёкся, взглянув в лицо начальнику. — Ну, это… Темпор говорит, только через пятьдесят лет такие штуки появятся.

— Я не удивлён. Нисколько.

— Вы там ещё что-то нашли, да?

— Нет, Серёжа, — тихо сказал Шило. — Ничего там больше нет.

— Нужно сообщить в Феникс…

— Нет, подожди пока. — Шилов посмотрел на часы. — Они скоро позвонят, но ты ничего не говори им. Понял?

— Понял, — опустил глаза Сергей.

— Сообщим потом, когда сами точно выясним. А пока молчи.

— Сан Саныч, ведь не может быть, чтобы там был предмет из будущего?

— Кто его знает. Может — не может… — Шилов подёргал бороду. — Попробуй разобраться, может, с компом что-то? Ещё раз запусти программу.

— Конечно, я и сам об этом думал.

Феникс вышел на связь как обычно — в десять. К этому времени Сергей побрился, умылся, переоделся в чистое и сидел у компа в напряжённом ожидании. Шилов натянул на себя защиткостюм и вышел на улицу — видно, снова направился к пятому. Начальник, похоже, решил больше не выпускать «кротов» из поля зрения. Что же он там ещё отыскал? Так ведь и будет молчать.

Сергея слегка трясло, но он почти не замечал этого.

— Здравствуйте, — сухо произнесла диспетчер.

Нервно облизнув губы, Сергей ответил:

— Здравствуйте.

— Всё нормально?

— Да, у нас всё в порядке, — закивал Сергей. — В совершенном порядке.

И заискивающе улыбнулся. Это его и выдало.

— Точно? — Марина бросила недоверчивый взгляд из-под чёрных бровей. И переменила тон. — Есть что-нибудь новое?

Сергей отвёл взгляд в сторону. И замер, понимая, что утаить ничего не смог и спасать положение уже поздно.

— Что вы нашли? — мягко спросила Марина.

Сергей почувствовал в её голосе поддержку, ободрение, и начал рассказывать — другого выхода не оставалось. Он выложил всё в подробностях и переслал по Сети добытую инфу о непонятном предмете. Диспетчер покачала головой, но обещала немедленно отправить данные начальству.

Уши Сергея — он прямо физически ощущал — горели, руки норовили спрятаться под столом, чтобы не было видно их дрожи, а голова сама собой вжималась в плечи. Сергей несколько раз оглядывался, чтобы убедиться: Шилов не стоит за спиной.

Марина отключила связь, и Сергей быстро выскользнул из-за компа, как будто кресло стало раскалённой сковородой, на которой черти поджаривают грешников в Аду. Метнулся в санузел, набрал в ладони холодной воды и погрузил в неё лицо. И долго стоял так, пока жидкая прохлада утекала сквозь пальцы.

* * *

Сергей несколько раз выходил наружу, обходил лагерь по периметру и возвращался обратно, к жилкомплексу.

Яркое солнце полыхало как глаз разгневанного Одина в скандинавских мифах. «Кроты» продолжали методично копать, и чуть слышный шелест песка, поднимаемого ими на поверхность из раскопов, казался неприятной музыкой. Она нервировала и раздражала.

Шилова нигде не было видно, и Сергей понял, что начальник опять ушёл на охоту. Даже в такой день не мог оставить своей любимой забавы! Совсем уже сбрендил — активное солнце на него так действует, что ли? Как он вообще может жрать этих змей? Сергей сплюнул в сердцах.

Плевок угодил на грудь, и, размазывая слюну ладонью, Сергей тихо матюкался, всё больше осознавая, что его злость на Шилова вызвана простонапросто чувством вины. Легче на душе не становилось.

Постояв немного на крыльце, Сергей вошёл в жилкомплекс и снял защитный костюм. Выпил стакан воды. Диагностика закончилась, и он просмотрел результаты. Всё в норме, как и должно быть. Повреждённые файлы восстановлены, вирусов нет…

Сергей вновь запустил программу определения возраста находки. Он успел пообедать и поискать Шилова с помощью зондов — не нашёл, — прежде, чем комп выдал результат. Возраст металлической штуковины: больше четырёх миллиардов лет.

Это потрясло Сергея. «Как же так? — шептал он. — Как же так?» Улетучилась надежда на то, что предмет был секретной военной разработкой и попал глубоко под землю при ядерных взрывах Последней войны. Если он в самом деле из далёкого прошлого, почему так хорошо сохранился? Особые свойства материала? А почему комп сумел правильно определить возраст? И вообще — правильно ли определил? И если вспомнить первоначальную ошибку с датировкой…

Сергей медленно качал головой, закрыв глаза, и чувствовал, что сходит с

ума. А Шилова всё не было и не было. И ждать его было невыносимо.

Сергей несколько раз выходил наружу, обходил лагерь по периметру и возвращался обратно, к жилкомплексу.

* * *

Шилов появился ближе к вечеру.

— Попрятались все. — Пояснил он, снимая защиткостюм. — Не хотел пустым возвращаться. Так-то нашёл парочку, не зря мотался по пустыне.

— Сан Саныч… — начал Сергей и замолчал.

— Ну что, что?

— Короче, возраст теперь за четыре миллиарда зашкалил…

— Ага, понятно. Что-то ещё?

— Нет, ничего, — выдохнул Сергей и отвернулся.

— Есть какие-нибудь новые версии?

— Да нет…

— А я вот поразмышлял сегодня хорошенько. Кажись, придумал кое-что…

— Сан Саныч! — Вскинулся Сергей.

— А?

— Да нет, ничего. Я так… — Сергей умолк.

— Поня-атно… — тихо протянул Шило. — Ужин готов?

— Нет, я сейчас, быстро.

— Не спеши, вместе приготовим.

На ужин были змеиное мясо с рисом. Шилов удивлённо поднял брови, когда увидел, что Сергей не собирается открывать тушёнку. Но не спросил ничего.

Во время еды Шилов нацарапал пару фраз в полевой тетради. Кое в чём он придерживался вековых традиций. И пусть тетрадь уже давно была не бумажной, а стило только внешне напоминало карандаш, суть свою дневниковые записи сохраняли.

Выпили за находку. Потом ещё. В какой-то момент Сергей обнаружил, что рассказывает о том, как выдал диспетчеру всё, что знал о штуковине, а у Шилова темнеет лицо, дыхание становится тяжелее, руки сжимаются в кулаки. Осёкшись, Сергей опустил глаза.

И почувствовал, как в лицо впечатывается кулак Шилова. Сергей оказался на полу и, пытаясь встать на ноги, забарахтался на чуть отпружинивающем пластике, как слепой щенок в воде. Поднялся, наконец, — в этот момент его мотнуло в сторону — поставил на место упавшую табуретку и сел, старательно отворачиваясь от Шилова. На глаза наворачивались слёзы обиды и злости.

— Эх ты… — в голосе начальника сквозило неприкрытое презрение. — Духоня…

Сергей, не поднимая головы, молчал: оправдываться смысла не было.

— Ты же знаешь, — сказал Шилов, — это был очень хороший шанс выйти в люди. Ты-то ещё молодой, успеешь… А вот мне пора задумываться об уходе на покой. Я бы хотел уйти в момент успеха. А теперь…

Он махнул рукой. Сергей вжал голову в плечи. Отберут ведь, отберут у них находку те, из Феникса. Припишут заслугу себе. Отберут…

Сергей едва удерживался от того, чтобы не провести ладонью по ноющей скуле. Но притронуться к ней на виду у Шила было бы равнозначно новому унижению. Выпили ещё. Молча.

Пришёл в чувство Сергей около компа. С экрана в ярости кричала Настя:

— Ну и что?! Не нужен ты мне, понимаешь? Не нужен!

Сергей что-то мямлил, но она не слушала:

— Не звони сюда больше! Слышишь? Не звони! Сиди в своей Америке и копай песок! И не мешай мне жить!

Настя обрубила связь, а Сергей ещё долго сидел перед компом, наблюдая за вращением электронной модели, изображавшей металлическую штуковину. А потом вальнулся в постель.

Утром вставать не хотелось. Сергей долго лежал с закрытыми глазами, ни о чём не думая, ничего не желая. Болела голова, во рту было погано, а на душе — ещё хуже.

— Сергей, ты не видел мои бритвенные принадлежности? — Спросил Шилов ровным голосом.

— Нет, не видел, Сан Саныч, — мигом откликнулся Духонин и закашлялся оттого, что в горло попал песок. — А кх-где они были, вы, кх-кх, помните?

— Да выкладывал я их, кажется…

Они долго искали шиловский бритвенный набор, пока, наконец, Сергей не предложил начальнику свой. Отказа не последовало.

Дожидаясь, когда кухонный комбайн сготовит завтрак, Сергей задумался над тем, почему Шилов вдруг пожелал сбрить бороду. Может быть, начальник просьбой о помощи старался наладить отношения? Что ни говори, а экспедицию нужно дотянуть до завершения, и лучше при этом вести себя как приличные люди, без скандалов и ссор.

— Э-э… Сергей, а где звездарка?

Сергей не сразу понял, о чём идёт речь. О штуковине, конечно.

Выбритый начальник смотрелся непривычно молодо. Вдобавок он надел цивильные брюки со стрелочкой и белую рубашку с коротким рукавом — вместо своей полевой формы: голый торс и мятые штаны. Из-за радикальных изменений во внешности Шилов казался незнакомцем. И это, конечно же, вызывало чувство дискомфорта. С вечно нечёсаной бородой и неряшливой наружностью Шилова Сергей давно сжился, и новый (точнее — старый, до-экспедиционный, забытый) облик начальника… Ноги, правда, остались босые, и, уцепившись за привычную деталь, Сергей отвлёкся от размышлений:

— Я ещё не доставал из темпора. Должна быть там, вообще-то.

Шилов извлёк из ниши темпорометра штуковину и начал разглядывать, оглаживая голый подбородок. Затем неопределённо хмыкнул и положил вещицу в чёрный бокс, на мягкую пластмассу. Ещё некоторое время не сводил глаз с серебристой финтифлюшки, потом резко захлопнул крышку. Поставил на полку, отошёл.

Комп просигналил о вызове из Феникса.

— Я отвечу, — твёрдо сказал Шилов.

Сергей вышел из-за компа и отправился завтракать. Накатила обида, хотя он и понимал, что обижаться не вправе. «Нет, всё нормально, — подумалось, — так и надо. Я не справился, он теперь вообще перестанет подпускать меня к компу. Да, всё нормально. Так и надо». Сергей чувствовал, что на глазах вот-вот появятся слёзы. Завтракая, он прислушался к разговору Шилова с диспетчером.

— Нет, мой подчинённый не сошёл с ума. Просто в пустыне у многих людей начинаются лёгкие психические расстройства, в этом нет ничего странного. К сожалению, я слишком поздно узнал о его замысле, поэтому не смог помешать ему отправить вам ложную инфу…

Сергей низко склонился над тарелкой. Очень уж гладко излагает Шилов, наверняка готовился заранее. А то, что он выставляет подчинённого

свихнувшимся дураком, просто бесило, уязвляло сильнее вчерашней настиной злости. И шиловского удара. Сергей потрогал синяк. Надо задействовать медлаб.

— Да, — продолжал Шилов, — весь ход наших раскопок отражён в полевом дневнике. Когда вы почитаете его, убедитесь, что ничего подобного мы не находили…

Та-ак, значит, Шилов намерен ещё и документы подделать. Интересно, как он собирается это выполнить, если в компах ничего не смыслит и умеет лишь нажимать две-три клавиши? Не иначе, думает запрячь в это Сергея. Хорошо, посмотрим, посмотрим…

Ничего смотреть Сергей не собирался. Прикажет Шилов — придётся делать. Ведь надо как-то искупать вину.

— Нет, сейчас выслать не могу. Я в компах не силён, а Сергею медлаб прописал на ближайшие несколько дней полный покой… Нет, помощь не нужна… Да, я уверен.

Когда разговор закончился, Сергей пил чай. Шилов подошёл, опустился на стул — грузно, несмотря на сухощавое телосложение, — напротив Сергея, и спросил:

— Ты свою задачу понял?

Сергей поднял голову, наткнулся на утомлённый взгляд начальника, и вновь уставился в чашку.

— Понял.

Сергей занимался чисткой данных и не видел, что случилось. Шилов был снаружи, когда раздался сигнал компа об опасности. Сергей вывел на экран изображение с зонда, и обнаружил, что возле пятого «крота» начальник катается по земле, а от него спешно уползает змея. Сергей выскочил под солнце как был — не надевая защиткостюм.

Кисть правой руки Шилова посинела, на ней отчётливо выделялся след змеиного укуса. Сергей бухнулся на колени рядом с Шиловым и срывающимся голосом прокричал:

— Что делать?..

— Перетяни руку…

Сергей вытащил ремень шиловского защиткостюма, из-за спешки застревавший в шлёвках, и крепко стянул им запястье начальника. Тот извивался на песке и дышал часто-часто.

— Что дальше?

Но Шилов уже был без сознания.

Сергей схватил его под мышки и потащил к жилкомплексу. Было тяжело, сцепленные пальцы рук сводило от неудобной крепкой хватки, но он сумел втащить начальника внутрь. Медлаб сразу принялся за работу. Когда первая и самая необходимая помощь была оказана, Сергей решился, наконец, обработать ожоги, которые получил под неистовым дневным солнцем.

Шилов пришёл в себя. Первое, что он сказал:

— Не сообщай в Феникс.

— Хорошо.

— Мне осталось немного. Запоминай всё, что скажу.

— В каком смысле?

— В прямом!

Шилов не мог пошевелить укушенной рукой, и, по сводкам медлаба, правый бок терял чувствительность.

— Уроборос, — прохрипел Шилов. Черты лица у него заострились.

— Что-что?

* * *

Шилов успел рассказать о том, что такое Уроборос.

Абсолютно верно, считал он, сравнение времени со змеёй, свернувшейся в кольцо и кусающей свой хвост. С

Уроборосом. И неважно, просто ли держит змея свой хвост в пасти, или пожирает саму себя, или рождается из самой себя — всё это суть одно: время, Время — непознаваемое и таинственное Время.

Сергей говорил, что всё это знает, что нет нужды тратить время на пересказ этой ерунды — пусть начальник лучше говорит что-то на самом деле необходимое… Но тот не слушал, не слышал ни единого слова, и продолжал тихим срывающимся голосом выдавливать из себя инфу по Уроборосу.

Изображения змеи, кусающей собственный хвост, были ещё у древних египтян. Продолжили традицию финикийцы и греки, индийцы и китайцы. В скандинавской мифологии существует змей Йормунганд, который обвивает мир людей — Мидгард. Землю. Когда наступит Рагнарёк, Йормунганд поглотит Землю. И придёт конец всему. Правда, Мир возродится… Но это уже будет другой Мир. Другая Земля, другие люди.

Шилов говорил натужно, лицо его налилось кровью, на лбу выступил пот. Временами по его телу прокатывались судороги, заставлявшие умолкать. А потом хриплый голос продолжал сбивчивый рассказ.

Рагнарёк — Конец Света — наступит очень скоро, так думал Шилов. Не случайно их экспедиция сумела добраться до изначальной Земли. Это знак… Сергей уже не прерывал его, какими бы глупыми и ненужными ему ни казались звучащие слова. Он изрядно бы позабавился, услышав подобные сказки в другое время и в другом месте. А сейчас, если честно, весёлого было мало. Человек умирал.

Шилов всё же ощутил скептическое настроение Сергея, но сказал, что верить в это и не нужно. Положение дел не изменится от того, веришь ты или нет.

— Как ты думаешь… что я нашёл в раскопе ещё, кроме звездарки? — спросил Шилов.

— Не знаю, — ответил Сергей.

— Я нашёл там, — просипел Шилов, — помнишь… у меня не хватало пуговицы на рубашке?

Сергей не помнил, но кивнул.

— Так вот, — просипел Шилов, — эту пуговицу я всё время… забывал пришить. Всё откладывал… на потом… Я нашёл её в раскопе. Её откопал четвёртый… И тогда я пришил. Вон, посмотри…

Сергей посмотрел — не хотелось расстраивать умирающего. Пуговица действительно оказалась пришита вручную, но это подтверждало слова начальника, разумеется, лишь отчасти. Сергей очень хотел отвернуться, чтобы не смотреть в лицо полутрупу, но пересилил себя.

— Да, — прошептал Шилов. — Вещи, которые нам не нужны… Которые мы теряем… Все они оказываются там… За гранью времён… под слоем изначальной… Земли. Не всё можно найти… видимо. С ходом времени… предметы должны как-то… уничтожаться. И здесь ведь тоже… не вечно. Но то, что попало туда… совсем недавно… Это обнаружить… можно…

А потом он умолк.

Шилов успел рассказать о том, что такое Уроборос.

* * *

Сергей вытащил консервы из кладовки и поместил мертвое тело на освободившееся место. Затем принялся сворачивать лагерь: дал команду трудолюбивым «кротам» выбираться

из раскопов, приказал жилкомплексу начинать сборы. Позвонил в Феникс, рассказал о произошедшем.

На этот раз отвечала не Марина, а горбоносый незнакомец с холодным взглядом. Стервятник как он есть. Сходство усиливала длинная кадыкастая шея, торчавшая из ворота серой сорочки. А под строгим серым костюмом вполне могло скрываться тщедушное птичье тело. Мужчина не задавал лишних вопросов, спокойно выслушал Сергея и обещал, что скоро прибудут люди для помощи. Сергей обнаружил, что его раздражает невозмутимость и деловитость стервятника, а также доверие незнакомца к его словам — к словам человека, который, предположительно, являлся психически не вполне здоровым.

Итак, времени осталось совсем мало. Тщательно зачистить следы инфы о находке не успеть. Ну и пусть. Пусть это будет сделано грубо, топорно — объяснения можно выдумать после. Главное — удалить достоверные сведения из полевого дневника: видеокадры с зондов, личные записи Шилова (почерк у него — корявый и малопонятный, поэтому придётся стирать всё подряд) и данные, поступавшие с «кротов». Оставить нужно только то, что мог бы натворить человек в состоянии помрачённого сознания. Кстати, вот и нашлось хорошее оправдание неаккуратной работе.

Сергей принялся за работу.

К вечеру он всё сделал в общих чертах. Помощь из Феникса ещё не прибыла, и ожидание выматывало хуже ломовой работы. Сергей старательно отводил от себя мысли о Шилове, но соседство с мертвецом серьёзно напрягало.

Начальнику теперь беспокоиться было не о чем. Шилов тихонько лежал себе в кладовке — на тысячи километров вокруг не было места холоднее — и не мучился больше ни от жары, ни от прочих человеческих невзгод. Как последний истинный археолог, он умер в экспедиции, и раскоп стал ему могилой.

Решив проверить выполнение отданных команд, Сергей обнаружил, что «кроты» уже заползли в «норы». Все, кроме пятого. В движущиеся части набился песок, и робот вышел из строя. В который раз.

Сергей оделся в защиткостюм, взял тюбик смазки и вышел к раскопу, возле которого вяло шевелил лапками пятый. Сняв с него кожух, наскоро вымел песок, смазал механизм и направил робота в «нору». Потом забрался в раскоп — напоследок.

Под ногами скрипнуло. Сергей смахнул песок, налетевший в раскоп сверху, и обнаружил ещё одну находку. Это был уоки-токи, потерянный Шиловым ещё в начале экспедиции. Якобы потерянный. Сергей пошевелил землю вокруг… Так и есть — ну конечно же! Бритвенный набор Шилова.

Сергей рассмеялся. Да — это, видно, очередная шуточка начальника. Вернее, последняя. Он сам закопал свои вещи, чтобы подтвердить бредовую теорию о Времени-Уроборосе. Интересно получается…

Выкашляв песок, Сергей вспомнил про штуковину. Она никак не вписывалась в предположение о розыгрыше. И комп… Шилов же не мог подстроить результаты анализа темпорометра. Значит…

Ничего это не значит. Комп глючил — глючил из-за попавшего под кожух песка. А финтифлюшка — это какая-нибудь вполне обычная

вещица, которая во время Последней войны была трансформирована ядерным взрывом в нечто непонятное. И не такое бывало.

Сергей успокоенно выдохнул и ковырнул ногой песчаный холмик. Оттуда вывалилась распухшая человеческая рука, и на краю ладони горели две багровые точки змеиного укуса. Сергей попятился, запнулся об уоки-токи и упал навзничь.

Небо ещё не остыло, при взгляде на него резало глаза. Сергей опустил веки. Шилова не могло быть здесь. Он должен лежать в холодной кладовке, куда его с таким трудом удалось засунуть. Если только… У Сергея перехватило горло, он вздрогнул и с трудом принял сидячее положение.

Неужели Шилов был прав, когда сказал, что у Сергея психическое расстройство? Неужели у него было умопомрачение, и он сам оттащил тело начальника не в кладовку, а в раскоп? Сергей вскочил, выбрался наверх и побежал в жилкомплекс. Кладовка была пуста.

Сергей сел на коробку с консервами и закусил губу. Нужно откопать его и притащить в кладовку. Нужно откопать и притащить… Но сначала…

Он вынес наружу бокс со штуковиной и зарыл в песке — прямо так, не открывая. Боялся, что финтифлюшка снова его зачарует. Расскажешь стервятнику ещё и про эту находку с её возрастом — сразу упекут в психушку.

Мимо прошелестела серенькая ящерица, быстро перебирая лапками. Сергей проводил её взглядом. Может, и зря Шилов не охотился на рептилий поблизости от лагеря. Глядишь, выловил бы всех, и не умер бы… Не убил бы его Уроборос с чешуйчатым телом…

Сергей выплюнул несколько песчинок.

Рагнарёк — это просто красивая легенда. Но если всё же верить в неё, а не в своё сумасшествие, то сколько осталось человечеству?

Пятьдесят лет. Около того. Не так уж и мало. Сергей взглянул на запад.

Солнце закатывалось.

Андрей Бударов

Андрей Бударов родился в 1981 году в городе Вологда, там же и вырос.

Освоил ряд профессий – от автоэлектрика до охранника, от грузчика до библиотекаря, от сотрудника хлебозавода до журналиста.

Окончил филологический факультет ВГПУ.

Публиковать фантастические произведения начал в 2004 году. Рассказы печатались в антологиях издательства «Эксмо», в альманахе «Полдень, XXI век», в региональных изданиях.

В последнее время занялся переводами рассказов Дэшилла Хэммета, а также англоязычных фантастических произведений.

Владимир Голубев

СКВАЖИНА[1]

— Ну-с, господа президенты, кто из вас ответит: где надо держать голову? Вот вы, мистер Грант. Что? Правильно. В холоде. А ноги? Да, в тепле. Вы молодец, мистер Грант. Не зря вы украшали собой пятидесятидолларовую купюру. Но не вы это придумали, насчёт, значит, головы в холоде. Это до вас было придумано, и вообще до людей. То есть когда это придумали, людей ещё на Земле не было. Кто же тогда придумал? Тот, кто придумал и всё остальное: деревья, зверей, людей. Мать-Природа. Мать-Земля. Только нам-то что? Мы знай, сверлим свои дырки, где ни попадя, не печалясь о последствиях. Вот и досверлились. И я поучаствовал. Своими, вот этими, значит, руками, чуть всё не погубил. А может, уже погубил. Не знаю… Вы будете меня слушать, господа… э… портреты?

Я родился здесь, в Цинциннати, рос тихим мальчиком. Отец служил морским офицером, я его почти и не видел. Он уходил в море на два, а иногда и на четыре месяца. Мать помню, как вечно уставшую женщину. Шумных игр я не любил, зато читал книги. Перечитал к десяти годам всё, что было дома. И даже те две книги, в которых ничего не понимал. «Популярная астрономия» и неизвестно откуда взявшаяся «Тектоника литосферных плит». Астрономия поддалась раньше. В двенадцать я «заболел» звёздами. Телескопа, конечно, не было, но отец держал дома прекрасный, абсолютно новый морской бинокль, в хрустящем кожаном футляре. И разрешал мне им пользоваться. Планеты, звёзды… Я соорудил деревянную подставку для бинокля, чтобы не держать его в руках. Одно было плохо: зимой, когда темнеет рано, наблюдать и рисовать холодно. А летом мама не разрешала ночью выходить на улицу. К тому же сильно мешало городское освещение. Так что моё увлечение постепенно перешло в теоретическую область, я прочитал ещё две или три книги по астрономии, какие нашлись в нашей школьной библиотеке. Эти книжки стояли рядом с полками фантастики, которую я тоже полюбил. Годам к четырнадцати интерес к астрономии остыл, ведь предмет изучения *никогда* не удастся потрогать руками. Геология — другое дело, планета Земля — вот она, под ногами, образцы можно собирать хоть сейчас. Я стал чаще брать в руки «Тектонику». Спасибо моей учительнице по географии, она мне объясняла непонятные термины и места в книге. Я ходил на берег нашей Огайо и тайком собирал коллекцию разноцветных камешков, обкатанных водой, которые были на вид ничуть не хуже тех морских камней, что продавали в зоомагазине для украшения аквариумов. Почему тайком? Да очень просто. Мальчики моего возраста играли в баскет, думали о танцах и девочках, а я, видимо, созревал с опозданием, и возраст собирания коллекций пришёл ко мне позже. Я набрал множество красивых камней, и даже попытался их классифицировать, но все они, оказалось, были либо полевым шпатом, либо гладкими кусками

[1] Рассказ-победитель международного конкурса «Галилей». Впервые опубликован в сборнике «Галилей — 2007», Харьков, Украина.

гранита. Или просто щебнем, который когда-то рассыпали с дырявой баржи. Но я не разочаровался в геологии, будь она неладна. Хотя наука ни в чём не виновата. Это всё люди. Их жадность до подземных богатств, а также похвальная жажда знаний…

В университете Пенсильвании гляциологию нам преподавал профессор Ричард Элли. Он прямо-таки заразил меня своей любовью ко льду. Лёд, господа президенты, это просто песня. Застывшая песня погоды на матери-Земле. Машина времени, позволяющая заглянуть в прошлое.

Геологи — бродяги. Уже в процессе учёбы я ездил на полевые исследования в Гренландию. А потом… Африка, ледники Килиманджаро, горы Южной Америки, Тибет, Памир, Аляска, опять Гренландия. И, разумеется, кладезь ледяных сокровищ — Антарктида. Стажировался у профессора Лонни Томпсона, в университете Огайо… У него в специальном хранилище лежат сотни ледяных кернов со всего мира! Не думайте, господа, что лёд холоден и скучен. По льду можно узнать даже о принятии законов! Ага, вам стало интересно? Например, закон о запрете добавок в бензин. Скажем, тетраэтилсвинца. Этот яд с некоторого года не появляется в ледяных отложениях. Спасибо, господа президенты!

В Гренландии я стал изучать периодичность ледниковых периодов. Медленные колебания средней температуры с периодом в сто тысяч лет легко объясняются изменением эксцентриситета земной орбиты. Но есть ещё другие факторы: прецессия земной оси, а ещё нутации[1]… А ещё вулканизм и движение литосферы. Удары астероидов. Всё это вместе даёт труднопредсказуемое поведение средней земной температуры. Но при таком количестве влияющих факторов, последние десять тысяч лет она необычайно стабильна. Это поразительно. А последние пятьсот лет…

Что-то становится холодно, господа президенты. Где мои книги? Так-так, что там у нас на сегодня? Неделю назад я принялся за полки фантастики. Айзек Азимов? Никогда вас особенно не любил, с вашими роботами, мистер Азимов. А вы толстый! Придётся вас, уж извините, разорвать пополам, иначе не засунуть в печку…

Жить в библиотеке хорошо. Сперва, как всё началось, я таскал книги домой, тратя силы, и топил печку там. Но снегопад не прекращался, мой дом стало заносить по крышу, и я перевёз печку на оторванной дверце шкафа, прямо в библиотеку. Выбрал самую маленькую комнату, чтобы топить поменьше. Здесь, на четвёртом этаже.

Спасибо моему деду. Он купил эту печку у русского эмигранта, который не знал, что у нас в Огайо морозов не бывает. А, может, и знал, да был недоверчив и запаслив. Печка долго валялась у меня в подвале, а теперь вот спасает от смерти. Русские называли её «буржуй», что есть по-французски «городской». Правда, города как такового уже нет. Хорошо, что библиотека на четвёртом этаже. А всего в здании их шесть, этажей. Это тоже хорошо, потому что медведи наглеют, а сюда они не доберутся. Пока снегу не навалит доверху. Сейчас рыхлый снег заносит второй этаж, и белые медведи в нём тонут. Они, кажется, учуяли мой подснежный туннель, который я выкопал через улицу, к супермаркету. Там

[1] Небольшие колебания земной оси, налагающиеся на ее прецессионное движение и обусловленные притяжением Солнца и Луны.

я беру консервы и замёрзшие продукты, до которых звери ещё не добрались. Вот песцы — те хуже медведей. Они не ленятся прокапываться на первый этаж магазина. Снег всё заваливает, а они — знай себе копают. Жрут всё подряд, сволочи. Я, сколько мог, стаскал продуктов в кладовку магазина, и закрыл там. Но и мне туда добраться не просто. Пистолета у меня нет, а тащить М-16 тяжело и неудобно. В тесном тунеле с ней не развернуться. Вот и приходится ходить безоружным. Рано или поздно они меня съедят, это уж точно.

Ну вот, уже теплее. Не отворачивайтесь, мистер Джефферсон! Вам стыдно смотреть, как американец-учёный сжигает труды американца-писателя? Но я не доктор Геббельс, и жгу книги вовсе не из идеологических соображений. Что? Вы считаете, что разницы нет? Что факт сожжения не зависит от причин? Обращение в пепел людских мыслей есть уничтожение истории? Да, наверное, так это выглядит. Но прошлое нужно для тех, у кого есть будущее. А если будущего нет? Род людской если и возродится, то с самого начала. С каменных топоров и набедренных шкур. Сейчас они едят друг друга там, на экваторе. И вряд ли им понадобятся книги из этой прекрасной библиотеки в ближайшие пять тысяч лет. Так что же добру пропадать? А так хоть я поживу, сколько получится. На чём я остановился?

Да, последние десять тысяч лет средняя температура Земли необычно стабильна. А последние пятьсот лет, как я выяснил, колебалась не более, чем на полградуса. В геологии я не нашёл больше таких стабильных периодов. Нормой являются «малые» ледниковые периоды, резкие скачки климата по всей планете. Но когда человек стал, собственно, человеком, не в смысле вида Homo sapiens, а в смысле существа социального, с климатом произошло ну, просто чудо. Как будто Кто-то (пусть пока это будет привычный вам Бог), создал тепличные условия. Как будто не обошлось без разумной, дружественной и могущественной воли. В результате численность людей возросла с каких-то четырёх миллионов аж до шести миллиардов. И не говорите, уважаемый мистер Вашингтон, что всё это благодаря стойкости духа, упорству и трудолюбию. Потому что все эти замечательные качества ничто против льда толщиной в две мили. Не тот, извините, уровень.

Для учёных было бы крамолой искать высших покровителей рода человеческого, будь то Бог, или пришельцы со звёзд, или ещё кто-то. А чтобы совсем не замалчивать тему (что тоже ненаучно), была изобретена некая уловка, под названием «антропный принцип». Вы, господа, политики, вряд ли с ним знакомы, поэтому я вам объясню. Ведь теперь торопиться ни вам, ни мне решительно некуда.

Оказывается, эту странность Вселенной давно заметили астрономы. И физики. И астрофизики. И химики. И геологи. По всему выходит, что мир устроен именно так, что в нём может появиться человек. Можно сказать сильнее: в нашем мире *должен был* появиться человек. И задать вопрос: а почему мир именно таков? Почему таков заряд электрона, и гравитационная константа, и сильные взаимодействия нуклонов внутри ядра именно таковы, как есть? И множество других физических постоянных? Стоит одной из них быть иной хоть на йоту, как станет невозможным существование звёзд, и ядерных реакций, не говоря

уж о планетах и жизни. Наука невнятно отвечает: случайность. Допустим. Хотя если просчитать вероятность такого совпадения, оно будет настолько малым, что уже берут сомнения.

Ну, хорошо. Звёзды возникли. Планеты тоже. *Пока* оставим космос в покое. А жизнь? Вот тут извините. Рассмотрим в лупу нашу Землю. Опять невероятное совпадение случайных факторов: расстояние от Солнца, наличие жидкой воды и большой ложки, перемешивающей раствор, полного набора нужных элементов и условий для образования органики. Какой ложки? Да Луны, конечно! Даже удары молний, провоцирующие *нужные* реакции. Опять совпадение? А знаете ли вы, господа президенты, что вероятности событий, приведших к искомому событию, перемножаются? И если подсчитать вероятность случайного возникновения живой клетки, то она не превысит единицы, делённой на число атомов во Вселенной. Здесь наука начинает наступать себе на пятки. То есть строго научный расчёт приводит к крушению строго научных принципов. К примеру, бритвы Оккама. По строгому расчёту, жизнь существовать не может. А поскольку она существует, то объяснить её без привлечения чьего-то изначального замысла не получается. Церковь ликует!

Чтобы как-то вывернуться, наука провозглашает: она, видите ли, отвечает не на вопрос «ПОЧЕМУ?», а только на вопрос «КАК?» Ей, мол, не надо знать, «ПОЧЕМУ?» А почему? Нет ли здесь кризиса науки? Некоторые считают, что антропный принцип обсуждению не подлежит. Что принцип этот не более чем логическое упражнение, которым заниматься вовсе не обязательно. Мир таков как есть, и это не обсуждается. Другими словами, так угодно Богу. Вот и пойми, научно это или нет. Я всё же предпочитаю термину «Бог» другой термин: «мать-Земля». Для этого у меня есть все основания.

Да, жизнь появилась. И развивается. Но она *слишком хорошо* приспособилась к существующим условиям. И даже в меловом, не столь уж далёком периоде, нет никаких причин для возникновения разума. Если Она хотела создать разум, то перестаралась с условиями. К концу мела Ей уже совершенно ясно, что динозавры не подходят на роль разумных существ, ввиду своей холоднокровности. Мама настолько их взлелеяла, что они даже не создали свою внутреннюю «печку». В таких шикарных условиях «печка» просто ни к чему. Узкий температурный диапазон динозавров расширить было нельзя. Это качество навсегда приковало их к жарким тропическим болотам, где только и могли они жить. А разум предполагает исследование мира. Значит, «дино сапиенса» не будет. Что же делать? Логично — убрать бесперспективных ящеров, резко ухудшить условия и создать новые виды. Борьба с природой — вот ключ к разуму. И в первую очередь — с низкими температурами. Можно было подождать очередного большого оледенения. Но Она не такова. Она не хочет ждать. На теплой Земле нет нужного инструмента. И Она обращается к космосу. И вот, в конце мела, астероид сметает девяносто процентов видов. Не сто, и не двадцать, а именно, сколько надо. Быстро и эффективно. Вскоре расцветают теплокровные. И приматы! Малые оледенения довершают дело. Без разума приматам не выжить. А жить-то ужас как хочется. Вот вам и люди. Очень вовремя вымирают

саблезубые тигры, пещерные медведи, огромные леопарды и прочие опасные для людей хищники. Опять совпадение? Не смешите меня…

Скоро первые люди начинают смутно что-то подозревать. Что существует некий Куратор, незримо ведущий их за руку. Возникают религии.

А последние десять тысяч лет, как я уже говорил, на Земле просто тепличные условия. Да что там говорить! Понадобилось топливо? Пожалуйста — каменного угля запасено столько, что весь так и не сожгли. Нужен металл? Нет проблем! Изобретаете двигатель? Молодцы, вот вам нефть. Хотите атомную энергию? Есть уран в достаточном количестве. Задумали электронику? Кремния — навалом. И даже есть красивые игрушки, вроде тех, что мы считаем драгоценностями… Список можно продолжать. Наша ослеплённая любовью Мама давала нам всё, что бы мы ни захотели…

А вот скорость света, наоборот, сделана очень маленькой, в масштабе Вселенной. Чтобы мы не разбежались от своей любящей Мамочки…

Что вы, мистер Адамс, хмуритесь? Вам надоела моя лекция? Так я не хочу сойти с ума, а других собеседников у меня просто нет и быть не… Опять вы про это, мистер Адамс!

Это был медведь, вы же все его видели! Мистер Форд, вы же висите как раз напротив окна, подтвердите! Скажите мистеру Адамсу! Вы наверняка его видели! Я не люблю, когда медведи подходят близко к зданию. Это опасно. И вы сами меня учили, что интересы Америки превыше всего. А он мог и не быть американцем. То есть мог быть совсем даже агрессором. Тогда уже смеркалось. Было плохо видно. Я не мог рисковать. И нанес превентивный удар. Из винтовки. Утром песцы таскали… Да какое еще окровавленное пальто! Это была шкура. Молодого медведя. Просто такого необычного темного цвета. Знаю! Это был бурый медведь. Я его застрелил. А песцы к утру съели. И хватит об этом! Мало ли, что он кричал! Просто ревел. Здесь не слышно. НЕ СЛЫШНО!!!

Вот ещё книга. «Четыреста пятьдесят один градус по Фаренгейту»! Мистера Брэдбери. Мистер Брэдбери написал целую книгу о сожжении книг! Ха-ха-ха! Он мог бы выпустить книгу просто с чистыми листами. Клянусь, тепла от неё было бы ровно столько же! Полезайте в печку, мистер Брэдбери.

А это что? Боже милосердный! «Тектоника литосферных плит»! С неё-то всё и началось! Погоди. Я же брал книги с полки фантастики. Как она туда попала?

Ха-ха-ха! Ой, не могу! «Тектоника» — фантастика?

Стоп. Минуту. Движение литосферных плит — фантастика?!

А ведь теперь это ПРАВДА! Страшная правда.

Материки *больше не двигаются*. И «Тектоника» попала на полку фантастики. Случайность? Может быть. Конечно. Пусть она разделит участь фантастики — в огонь. В огонь. В огонь!

О чём я говорил? О Мамочке. Она перестаралась. У людей часто так бывает. Родительская любовь перерастает в свою противоположность. В тормоз. Или, того хуже, капризный ребёнок получает в руки заветные спички. А то и дедушкин револьвер. Мы и есть дети. И погубили свою Мамочку.

Ну, ладно. Итак, надеюсь, я вас, господа, убедил в существовании Куратора. Или Бога, или Мамы, называйте,

как хотите. Высшего разума. Поскольку я учёный, то для меня совершенно естественно возник вопрос: а где он находится? Этот самый мозг? Как реальный объект. Ничего придумать так и не смог. До тех пор, пока…

В своё время начались космические исследования. Нам, геологам, без образцов камней и грунта, в космосе изучать нечего. Золотой век космогеологии только маячил на горизонте. Мы получили лунный грунт, и даже один из нас посетил Луну, но это была пока больше символичная, чем научная работа. А вот открытие океана Европы — спутника Юпитера, стало началом конца. Океан тот покрыт льдом толщиной более двух миль. Возможно, там даже есть жизнь. Но до него не добраться. Аппарат летит туда три года, и нет даже проекта, как пробить там толщу льда… нам бы очень этого хотелось. Европа — наша последняя надежда найти в Системе жидкую воду, то есть шанс на внеземную жизнь. И тут наша Мама, видя новое увлечение дитяти, предоставило ему для опытов модель океана Европы — линзу подледниковой воды, так называемое озеро «Восток». Как я теперь уверен, свою голову. Собственно, озеро так не называлось. Просто оно находится на самом Южном полюсе, в центре Антарктиды, где стоит русская научная станция «Восток». Не мудрствуя лукаво, его так и назвали. Толщина льда в этом месте — полторы мили. Ну, просто идеальная модель. Скажете, совпадение? Так вовремя и так похоже? Даже отвечать не буду.

Как вы сказали, мистер Грант? Голову надо держать в холоде? Вот именно. Мама так и делала. Она нашла для своего мозга идеально холодное, очень стабильное и недоступное место. А мы, из космоса, его обнаружили. Температура воды, по данным радиозондирования, тридцать пять по Цельсию. Вот тут бы и задуматься…

Мама легко могла бы пресечь наши попытки бурения, вообще смести с ледника и буровую, и саму станцию «Восток». И не допускать нас туда, пока мы не поумнеем, и не поймём, что не везде можно бесцеремонно совать свои сверла… Она, к сожалению, этого не сделала. Говорю «к сожалению», хотя сам наверняка погиб бы при этом; я был участником варварского бурения. Но остались бы живы моя жена, сын и дочка, и ещё много-много других жен, сыновей и дочек, и внуков, и внучек…

Не смотрите на меня, мистер Рузвельт. Да, это слёзы. Да, я плàчу. Это я их всех убил. Я запустил дизель. Я вот этой рукой нажал рычаг. И прошёл последние метры скважины. А ведь Она предупредила! Тот внезапный и сильнейший шквал, чуть не свалившій буровую. При ясном-то небе… Толстые тросы-растяжки выдержали. Я чудом увернулся от упавшей откуда-то сверху доски. Русские сказали: родился в рубашке. Не уверен. Может, лучше бы тогда погибнуть, чем видеть теперешний кошмар, и знать, что это ты его причина. Тогда никто не понял… И вся наша команда, с весёлым криком «русские не сдаются!», продолжила бурение. А потом…

Подброшу-ка ещё книжечку. Плохо они греют, книжки. Дерево лучше. Но я давно сжёг всю мебель. Что теперь? Артур Кларк. Многоуважаемый мистер Кларк. «Космическая одиссея», бог мой! Любимая книга юности. Но нет, читать не буду. Теперь всё в печь. Немного тепла, мистер Кларк. Простите, мистер Кларк.

Потом? Когда бур пробил лёд и зацепил мозг Мамы… конечно, озеро,

покрытое трехкилометровой толщей ледника, находится под давлением. Заранее прикидывали: около трёхсот атмосфер. Ну и что? По расчётам, вода поднимется по скважине метров на пятьдесят, подождём, пока замёрзнет, потом спокойно высверлим керн уже озерного льда. И тихо-мирно получим образец подлёдной водички. Биологи ждали сенсации. Жизни, не знающей Солнца. Уже потирались руки в предвкушении диссертаций, наград и званий… Но все ошиблись. С давлением — на порядок. Самое меньшее. Так вот, когда бур прошёл насквозь… что? Диаметр? Несколько дюймов…

Сначала вылетели трубы. Одна за другой. Они били снизу в буровую вышку, ломаясь и круша на мелкие обломки промёрзший металл. Трубы срубили одну «ногу» буровой, и трос растяжки потянул её вниз. И тут…

То, что вылетело следом за трубами, явно водой не было. Фонтан горячей красно-серой массы с яркими белыми прожилками. Она хлестала из скважины на высоту десяти этажей. Снег вокруг буровой стал красным. Налетел шквал, один, другой. Порывы ветра валили с ног. Раздался грохот падения вышки. Что? Что вы сказали, господин Рейган? Взять жидкость на анализ? Да, мысль мелькнула. Но тот звук, что раздался… Это был вой, жуткий, будто миллион волков разом затосковали о своей волчьей доле, будто сто тысяч вьюг и метелей, в желании похоронить мир, вторили им. Многоголосый вой на одной смертной ноте… Волосы встали дыбом. Нас охватил панический страх. Какие анализы! Все побежали. Кто куда. Мы и не заметили, что небо уже заволокло тучами. Началась метель. Мама старалась закрыть снегом свою, возможно, смертельную, рану в голове. Видимость упала до десяти футов. Никто не знал, куда бежать. Мне повезло. Я и один русский, Виктор, до станции добрались. Остальные бросились не в ту сторону, и навсегда сгинули в метели. Они стали первыми жертвами.

Как я добрался до Цинциннати, рассказывать не буду. Скажу одно: русские лётчики — отчаянные парни. Если бы не они… В мире творилось ужасное. Волна холода и снега, расширяясь от Южного полюса концентрически, захватывала всё новые, более северные, параллели. Люди в поисках тепла рванули к экватору, на транспорте царил хаос. Южные моря замерзали. Многие гибли в давках, кто-то прокладывал дорогу к кораблям и самолётам с помощью оружия. Те, кто не сумел уехать (а таких, естественно, было большинство), умерли в своих домах, засыпанных снегом. Без электричества, газа и пищи. Люди, рвущиеся к экватору с юга, не знали, что такая же волна идёт к нему с севера. Только белые медведи получили новый огромный ареал обитания, полный замёрзших трупов людей и животных. Надо лишь немного покопаться в снегу. Песцы тоже не обижены, их вроде стало больше. Две встречные волны… нет, они не встретились, не дойдя до экватора, думаю, градусов по пять с каждой стороны. Солнце их остановило. Там, в этой полосе, шириной в десять градусов, остались условия для жизни. Но что там творится сейчас — я не представляю. И не хочу туда. Там, наверное, уже друг друга доедают… я лучше умру здесь.

Здесь, в библиотеке, я понял всё. Почему Она так сделала. Почему Мама позволила нам провертеть дыру в её голове. У Неё не было выбора. Да! Так она, может, ещё выживет и когда-нибудь оправится. И будут другие разумные

существа. Или Она разочаруется в разуме, и не будет больше играть в эти опасные игры. Будут просто животные. Разве это плохо? А то, что эволюция обязательно приводит к разуму, далеко не факт. Так случилось на Земле, да, но я, надеюсь, доказал вам, господа, что это была вполне сознательная селекция. Ведь акулы с крокодилами за двести миллионов лет не стали разумными. А других планет, имеющих жизнь, мы не знаем. Так чего же она испугалась? Я долго думал, вопрос казался неразрешимым. Но потом, уже здесь, прочитав книги по астрономии… конечно!

Кто могущественнее Её? Кто помог Ей повернуть эволюцию к разуму, уничтожив динозавров? Только Он, повелитель комет и астероидов, Юпитер! Это Он, по её просьбе, в конце мелового периода подобрал подходящий астероид из Пояса, не большой и не маленький, а в самый раз, и ювелирно отклонил его орбиту так, чтобы нанести прицельный удар в Землю, не задев Мамину голову.

В Солнечной системе имеется единственное тело, не имеющее метеоритных кратеров. Угадайте, какое? Правильно, мистер Эйзенхауэр, это Европа. Это не та Европа, которую вы освободили от наци. А другая, маленький спутник большого Юпитера. Маленький, но очень важный. Голову надо держать в холоде, мы это знаем. Но на самОм Юпитере нет холодных мест, он весь состоит из горячих газов, и свои мозги он держит подо льдом Европы, точь-в-точь, как Мама держит мозги подо льдом Антарктиды. Отсутствие кратеров объясняли тем, что вода заполняет трещины после ударов метеоритов, замерзает, и поверхность льда остается гладкой. Но мы-то с вами теперь знаем, что повелитель гравитации просто-напросто не позволяет камням бить себя по голове, отклоняя их траектории.

А что же Мама? Она поняла наши замыслы. Что мы рано или поздно доберёмся до Европы и просверлим скважину там. И тогда старина Юп в гневе швырнёт в Землю, нашу колыбель и обитель, астероид побольше, чем в тот раз. Размером этак миль в сто. Чтобы гарантированно уничтожить всякую жизнь, в том числе и саму Маму. То есть она имела выбор между смертью и тяжёлой травмой, которая, уничтожив огромную часть её бестолковых разумных детей, позволит ей жить дальше — или в безмятежности, среди нового животного мира, или в страхе, ожидая от возродившегося человечества новых научных подвигов. Она выбрала второе. И подставила голову под наше сверло.

Теперь она без сознания. А у нас ледниковый период. Когда она очнётся — не знает никто. И очнётся ли? Наверняка это будет нескоро. В геологии все происходит медленно. Теперь, господа президенты, вы всё знаете.

Я когда-то ездил на Канарские острова — там был просто рай земной. Синее небо, синее море. Белые цветы, белые одежды. Что там теперь? Ужас. Синие трупы под слоем белого снега… песцы и медведи их выкапывают… Ужас, ужас…

* * *

— Ну, что, Доктор, как там наш американец?

— Пока плохо. Сильнейшее сотрясение мозга. Бредит. Я в английском не очень, но он вспоминает то президента, то маму.

— Вот что значит настоящий патриот. Сначала президента, и только

потом маму. Представляю, что бы я нёс в бреду, получив доской по голове…

— Ты, Витя, такого удара не выдержал бы. А у него на удивление прочный череп. Парень просто родился в рубашке. Я больше боюсь за ключицу: как бы не перелом. Опухло всё. Как же так вы доску на вышке не закрепили?

— Всё мы закрепили. Но такой шквал налетел — оторвал. Сорок пять метров в секунду, представляешь? Анемометр просто взбесился. Метео обычно предупреждает. А тут ничего, да и небо ясное… я такого раньше не видел. Хотя в Антарктике всякое бывает. С Мак-мердо[1] связались?

— Конечно. Они обещали своего врача с оборудованием прислать, но у них сейчас погоды нет. Не разрешают вылет. Наш-то рентген не работает. А парень не транспортабелен пока. Бурение прекратили?

— С чего бы? Русские не сдаются! Осталось метров десять. Эх, Доктор, закончим бурить, и домой. Надоела холодрыга. Поеду на Канары, отогреваться. Небось, премиальных хватит, а, Доктор? Да хрен с ними, с деньгами, ещё где-нибудь набурим. Эх, Канары-канарейки! Синее небо, синее море. Ладно, побежал на буровую. Блю-у-ууу канари-и-иии…

[1] База снабжения внутриконтинентальных научных станций США. Расположена на полуострове Росса.

Владимир Голубев

Голубев Владимир Евгеньевич. Родился 12 августа 1954 года в г. Кинешма Ивановской обл.

Живу в Рязани, работаю электриком на заводе.

Имею более сорока публикаций, в том числе журнале «Полдень XXI век», «Шалтай-Болтай», «Уральский следопыт», «Порог» (Украина), «Безымянная звезда», сетевом «Магия ПК». В 2009 г. вышел мой авторский сборник «Гол престижа», изданый на грант администрации Рязанской обл., по итогам литературного конкурса.

Награды:

1. «Золотое перо» - награда лауреата конкурса «Галилей».
2. «Звезда Ампары» - награда лауреата конкурса «Звезды ВнеЗемелья».

Мистика

Между нами и ними

ЛЮБОВЬ И МАГИЯ

Ты всемогущ и вездесущ,
Горяч и прям, как солнца луч,
Нет для тебя проблем, сомнений и преград.
Ты — супермен, герой и бог
И, в целом, в общем-то, неплох.
Для всех неплох. А для меня — нахал и гад.

У всех любовь, как у людей,
В меня ж влюбился чародей.
Вот чудеса, другие скажут, повезло!
Да чтобы вам таких чудес, —
Любой на стенку бы полез,
Мой маг ведь все как будто делает назло.

Он не букет душистых роз —
Метеорит с луны принес,
Он вместо оперы водил меня в астрал.
Любовным зельем опоил, —
Нет чтоб хоть раз коньяк налил!
За что господь меня так люто покарал?

Святой водою из окна
Я поливаю колдуна:
От серенады сна лишился весь квартал.
Хоть кол теши на голове,
Он будет вновь входить сквозь дверь,
Когда его сюда никто не приглашал.

Ну сколько можно повторять,
Что надо ноги вытирать!
Покрыт следами мой несчастный потолок.
Утюг по воздуху летит...
Кончай кудесничать, бандит!
Ни разу, сволочь, по хозяйству не помог.

Пускай ты крут, пускай ты маг, —
Я не люблю тебя, дурак!
Давай бери утюг под мышку и вали!
Когда ж услышал он отказ,
Аж искры брызнули из глаз.
Каков мерзавец, чуть квартиру не спалил!

А ну-ка сматывай канал
И хватит пачкать мой ментал,
А то сама тебя прирежу без ножа!
И хоть ты лопни, мой колдун,
Я не с тобой в кино пойду,
А с экстрасенсом со второго этажа.

И хоть ты тресни, мой колдун,
Я не с тобой в кино пойду,
А с йогом Петькой со второго этажа.

И хоть ты сдохни, мой колдун,
Я не с тобой в астрал уйду,
А с шарлатаном со второго этажа!

Мартиэль

Юлия Бекенская

КОШКИНЫ СНЫ

…ты же темный, как кошкины сны,
потеряешься в городе этом, найдет полицейский,
а ты только «мяу» да «ы-ы».

Д. Воденников

Заболела она глупо, в разгар лета. ОРВИ, сказал доктор. Да какое, там, к черту, ОРВИ? Что это вообще за зверь?

И еще этот обморок, в самом начале. Ленка, словно став на миг гуттаперчевой, вдруг скользнула на пол, свернулась эмбрионом и затихла.

Болела долго. Металась на простынях, и легкое тело ее стало вдруг жарким и неуклюжим. Никита заметил, что днем ей легче. Возвращался с работы, заставал почти в норме. А вечером она опять бредила, скатываясь в полусон, или вдруг открывала глаза, глядела с испугом.

А после оказалось, что она от Никиты отвыкла. Смотрела в упор, словно чужая. Даже домой не хотелось: словно его выдавливало из общего их пространства. Сегодня, наконец, прорвалось.

— Я не знаю, почему так. Ты входишь — мне дышать трудно. Как аллергия… — она осунулась, желтые тени залегли под глазами, скулы стали резче.

— И что мне делать? — спросил он растеряно.

— Не знаю, — она смотрела виновато. — Может, мне пока к маме уехать? Одна я боюсь. Сны… я сама себе снюсь, представляешь? В зеркалах. Двойниками. Не страшно бы, но это — не я. Смотрит, просит: отдай. Я сто раз спрашивала, что? Что? А она — отдай, и плачет…

— Уедет она… Давай без резких движений. Ты отдыхай, а я за снотворным схожу, — Никита погладил ее по плечу. Она не отстранилась, но было видно, как напряглась спина.

Он вышел на улицу. Аллергия на мужа. Нормально, да? Представилось, как в оскаленной мине рекламный агент протянет ему упаковку: — аллергия на мед, пыльцу и супруга? Аэрозоль «недышин» — мы вам поможем!

Но не игра это, не притворство. Другое. Ладно, там видно будет…

Питер мок под дождем. Глядя по сторонам, Никита думал привычно: почему у нас не моют окна домов? Вся Лиговка в грязных стеклах. Вот, полюбуйтесь: витрина, сто лет как не мытая, в ней — странная жестянка: то ли самогонный аппарат, то ли — робот из старого советского фильма. На синем бархате — звезды из фольги. Цирк! Сверху вывеска — «Трактир на Млечном пути». Внизу меню мелом на дощечке: кофе, бизнес-ланчи, банкеты, свадьбы… Цветным мелом приписка:

Колдунья.
Вход со двора

Он пожал плечами и почему-то прошел во двор. Желтый колодец неприязненно щерился окнами. Единственное крыльцо в три ступеньки

заканчивалось облупленной дверью. Белела табличка: «прием с 11 до 23». Пока Никита стоял и думал, зачем он тут, дверь приоткрылась.

— Заходи, — сказали ему, — чего стоять, раз пришел.

Колдунье было за шестьдесят. Смуглая, словно выдубленная солнцем и ветром кожа, седой еж волос и пронзительные глаза делали ее похожей, скорее, на флибустьершу в отставке, чем на деревенскую бабку-шептунью.

Он сидел в кресле напротив и следил, как маленькие крепкие руки тасуют колоду. Женщина смотрела без улыбки. Спросила дату рождения. Достала планшетник, поводила тонким ногтем по сенсорному экрану. Никита хмыкнул: даешь смычку метафизики и нанотехнологий! Сейчас еще, в ногу со временем, клонирует гипоалергенного Никиту и решит их с Ленкой проблему.

— Два года назад, в августе, — спросила она, — у вас что случилось?

— Ничего, — не сразу ответил Никита. Пальцем в небо, наверно, тыкала, а — попала. Раз такая умная, пусть сама скажет, и спросил: — А что?

Женщина сказала, перейдя почему-то на «ты»:

– Я скажу, а ты слушай. Если ошибаюсь — уйдешь. Она у тебя светловолосая, высокая. Мерзнет часто, в рукава руки прячет. Два года назад, когда… ты знаешь, что было, она чуть с ума не сошла.

Верно, подумал Никита, какой-то доброхот из агентства позвонил ей… перепутал, дебил. Их с Чижом перепутал. Ленка чуть не спятила тогда…

– Она боится. Каждый день боится, что ты не вернешься. Страх у нее с тех пор. Сны у нее…

В цвет, подумал Никита.

– Она задыхается иногда, — продолжала колдунья, — ей все мерещатся те завалы. Кажется, что воздуха нет…

…Воздуха нет. Каменное крошево, пыль, песок во рту, на зубах, на языке. Рот сухой, хочется сплюнуть, а нечем. Дышать тоже хочется. Невыносимо, мучительно хочется дышать. Заорать никак, сдавлена грудь. Ччерт. Откуда она это знает?!

Колдунья не спускала с него глаз. Никита медленно кивнул.

Из-за двери появился мужчина. Небольшого роста, юркий, в улыбчивых морщинах, он принес с собой запах табака и мангала. Встал за спиной, положил женщине руки на плечи и чмокнул в макушку:

— Подхалтуриваем?

— Мешаешь, Рик, — она поморщилась. Сказала Никите: — Подожди здесь. Мы с мужем на минутку…

Оба вышли. Из приоткрытой двери долетали обрывки разговора:

— …опять за старое? Отберут же лицензию!..

— …сам, представляешь? Надо же, как, — женский голос был растерян.

— Прошлый раз нас вышибли из Мюнхена, — гнул свое мужчина. — Вот почему я шкурой сейчас чувствую неприятности?..

— Две недели назад, — женщина заговорила тише, до Никиты долетело последнее слово, — с той стороны…

— Марго, — простонал мужчина, — и ты открыла?..

Снова женский шепот, потом возглас мужчины:

— Ну, ведь безобидный же, да? Из местных травок? Корень женьшеня там, репей, ваниль с подорожником?..

После ответа женщины повисло молчание, потом дверь со стуком захлопнулась.

Какое-то время Никита не слышал ничего. Потом мужчина заголосил:

— …открыть! А если ты ошибаешься? Ты представляешь, как можно влипнуть?! Господи, какое место удобное: центр, метро, аренда нормальная. Повара приличного нашел! — он причитал, как дервиш.

— Хорошо, — женский голос стал ледяным, — сейчас я пойду и скажу ему «до свидания», так? — и столько в этом «так» было силы, что моментально представил Никита, как взметнулся на мачте Веселый Роджер, тугим влажным ветром выгнуло паруса, и по воле маленькой крепкой руки рванула лихая шхуна на абордаж…

Муж пошел на попятный:

— Тихо, тихо. Не кипятись! А если…

Неразборчивая скороговорка. Рик сдался:

— Тоже, вроде, ничего страшного… Ладно, идем. Человек ждет…

Будет сейчас клоунада, решил Никита. Впарят ему про дорогу дальнюю и даму треф, продадут жабьей икры полкило или хвост убитой в полночь гадюки — на счастье. Только откуда она про Ленку-то знает?

– Иди, — сказала Марго. — К ней иди. И не волнуйся. Все у вас хорошо теперь будет. Муж проводит, — и, кивнув на прощание, вышла.

И все?! — подумал Никита.

Мужчина повел его через коммунальные дебри. Остановился у обшарпанной двери, не той, через которую его впустили.

— Ну, бывай, — сказал хозяин. Если что — до четырех утра я тебя подожду. Вечер у тебя впереди и полночи.

Никита пожал плечами: с какой бы стати ему сюда возвращаться? И вышел.

Дворик был уже другой. Обычное дело — сквозная квартира на два выхода. Только зачем этот цирк?

Дождь кончился, ошметки облаков скользили по небу. Путь домой оказался длиннее — проходной двор, через который он привык срезать дорогу, был забран решеткой. Окольными тропами выбрался на Марата, нырнул в колодец родного двора.

Позвонил, дверь открылась. Ленка распахнула глаза, прижала к губам ладошки, смотрела, будто не веря, потом бросилась на шею:

— Ты…

– Я, — опешил Никита, — а кто еще?

– Ничего не говори, — она повела его в дом, — потом, все потом. Сейчас ребята придут! Сейчас будет праздник.

Она сновала из кухни в комнату, накрывала на стол и щебетала. Как здорово, что он вернулся. Как теперь классно все будет. Теперь и окончательно все у них станет хорошо. Он хмыкнул. Может, потом и расскажет, как Никитушка-дурачок за чудом ходил. Но не теперь. Кого она, интересно, позвала? Сюрприз будет.

И сюрприз — был. Они ввалились все и сразу, хлопали его по плечу, жали руку. Сенька с Кайзером, года два их не видел, Карась… а этот как? Он же вроде… того? Никита слышал, говорили о каком-то страшенном ДТП на Кольцевой. Слухи? Конечно, слухи! И Серега пришел. Этот живей

всех живых, шуршит себе — от Зимнего до Смольного. Чиж ввалился, огромный, громогласный…

Чиж? Не может этого быть.

Он сам, Никита, ходил к его матери. Не хотел, боялся, а — пошел. Кто-то должен был. Никита тогда с ним фотографом напросился, командировка была на месяц, от агентства новостей…

…Пустая улица, вода журчит из раздолбанных водопроводов, коты орут, как оглашенные. И они с Чижом, два идиота под южным небом в городе Н, где гортанная речь, а звезды злы и огромны, как блюдца. Где эхом войны — мины в домах, в тех странных домах, где вперемешку слепые глазницы выбитых стекол и стеклопакеты с дымами буржуек.

И дом. Вернее, уже не дом, а обрубок. Дурацкое это пари, рулетка гусарская, после которой он намертво бросил пить… Он да Чиж, оба пьяные в дым, хихикают и идут. Туда…

Никита вспомнил, как сидел на кухне, мусолил ложечкой кофе, смотрел в прозрачные, выплаканные до бесцветья глаза…

Два года тому, ровнехонько. Чиж, Саня Чижов, город Н. Тела не нашли… Как же это?!

Чиж крепко пожал ему руку, потом отвел глаза:

— Живой, черт! А мы тебя чуть… — и тут уже кто-то другой окликнул его, полез здороваться, и Никиту подхватило потоком. С непривычки, с развязки он как-то быстро сделался пьян, но никто не заметил. А за столом совсем не стало времени расспросить, потому что во всем этом шуме, бликах, запахах каждый говорил о своем и со всеми сразу:

— …ору что есть мочи: Зенитушка, дави! Чуть сердце не выскочило!..

— Ленок, да не суетись ты, присядь. Тут все свои…

— Да какой это, к черту, движок? Вот у бэшки — да, это движок…

Они шумели, чокались, и всем хватало еды и места. Ночь качалась, звенели подвески на люстре, лица краснели, и над столом висел тот праздничный шум, в котором невозможно говорить с кем-то одним и серьезно, а только со всеми — и про разную ерунду.

А когда обе стрелки на часах замерли в верхней точке, ставни на окнах с уличной стороны вдруг захлопнулись сами собой. Дом дрогнул, зазвенели приборы.

— Это что?.. — спросил ошалело Никита. Отродясь не было в доме ставен, никогда не закрывались снаружи окна.

— Разводят, браток, — весело пояснил кто-то, — ты что, придремал, что ли? Полночь уже. Первый развод.

Ставни открылись. Никита подскочил к окну и оторопел: вместо привычного колодца двора под окнами плескалась Нева.

Теперь дом выходил фасадом на набережную. На том берегу красиво светились купола Смольного собора.

— Что за бред?! — вырвалось у него.

— Охта? — разочаровано протянул Карась, подходя, — Да уж, не повезло. Пилить мне теперь до Гавани хрен знает как. Такси, что ли, вызвать?

— Подожди, — Лена подошла, обняла Никиту, положила голову на плечо, — еще в полчетвертого переедем, будет поближе.

— Да пора мне уже, — засобирался Карась, — сейчас тачку вызову. Кто со мной, ребята?

Никита тупо смотрел в окно. Лена погладила его по волосам и сказала:

— Знаешь, а когда ты пропал… нет, лучше не буду… Хотя, скажу. Я ставни сломала. Представляешь? Специально. Садилась у окна. Все смотрела тебя среди них. Среди прозрачных, — она заговорила тише. — Потом кто-то наябедничал, механики приехали и доктор. Грозил. А мне было все равно.

Она словно очнулась:

— Нет, не думай, что я сумасшедшая. Просто ждала… не верила, что ты пропал. Глупости разные делала… последний раз, недели две назад… — она оглянулась. — Ой, ребята собираются, пойду провожать, — и скрылась в прихожей.

Подошел Саня Чиж и встал рядом.

— Что-то ты не в себе, Кит, — сказал он, — Ты прости, — он замялся, — я, как вернулся тогда, хотел к матери твоей зайти, но… не смог. А ведь и к лучшему, да? — он был уже сильно пьян, и бас его гудел, как труба.

Никита молчал. Что происходит? Как они из центра переехали на набережную? Почему Нева? Что за бред? Может, он спит?

— Стукни меня, Сань. Только легонько, — попросил он.

— Да ты что, браток? — застеснялся тот, — думаешь, я тогда сбежал? Меня оттуда выдернули, после твоей истории, словно морковку с грядки.

— Ага, — продолжил Никита, не сводя с него глаз. — Позвонил Леонидыч, весь на измене, и визжал в трубку: в двадцать четыре часа! Чтобы духу не было!

— А ты откуда знаешь? — удивился Чиж.

Потому что это на меня Леонидыч орал, хотелось сказать Никите, это я из Н в двадцать четыре часа сваливал, это меня откопали, а ты остался лежать в той дыре, разметало тебя, так, что и пуговиц не нашли. Два года тому…

Но сказал другое:

— Ничего я не знаю. Я даже не врублюсь, как это мы сейчас переехали.

— Дык разводят, Кит. Первый развод — в полночь, потом — после трех, забыл, что ли? Где ты пропадал-то, братишка? Хотя — не сейчас. Зайду на днях, и расскажешь.

— Мосты разводят? — уточнил Никита.

— Мосты?.. — Саня заржал, — Мосты… разводят? Ну ты дал! Помнишь песенку: в этом городе нет постоянных, кроме солнца, мостов и котов? Похоже, ни хрена ты не помнишь. Город разводят!

— Зачем? — спросил он.

Саня сказал терпеливо:

— Чтобы пропустить корабли.

— А мосты?

— Что — «мосты»? Что ты докопался до мостов?

— Ну, мост разводится и корабли идут.

— Куда идут?

— Куда надо. По Неве.

— А откуда они знают, где в этот раз Нева потечет?!

Никита вытаращил глаза. Чиж помотал башкой и сказал:

— Харе дурака валять! Ты ж не настолько контуженый. Может, тебе пока с выпивкой завязать, а? Мосты — константа. Растут по графику, глянь расписание. За триста лет раз двадцать всего менялось, теперь постоянно. Не зря же место выбрано? Мосты растут,

формируют русло, а город уже разводят вокруг, чтоб удобно было. График можно в интернете скачать… Что тебе еще из напомнить? Из букваря? Мама мыла раму. Дважды два четыре. Слушай, — оживился он, — А давай я тебя, действительно, стукну? Для освежения…

— Я тебе стукну, — улыбаясь, пригрозила Лена, которая подошла неслышно и встала рядом, — Саша, тебя ребята просили поторопить…

— Ладно, бывай, — Чиж сунул ему лапищу, — созвонимся на днях. Мосты разводить, — повторил он, — юморист контуженный…

На посошок, прошуршало в прихожей. И все опять улыбались, жали клешню, а потом удивительно быстро для таких больших, шумных, нетрезвых всосались в задверную ночь и исчезли.

Чуть позже, когда вызверился серпом в окошке тонкий месяц, Ленка обняла его и сказала:

— Сегодня два года, как… но я почему-то знала. Позвонила ребятам. Мы никогда не говорили, что ты погиб. Ушел. Значит, должен вернуться. Год назад собирались, решили, что если придешь, никто ни о чем тебя не спросит. Но ты мне расскажешь? Не сейчас, потом?..– она заглянула в глаза.

Значит я погиб, думал Никита. А Чиж остался. Стоп. Я? Вот он я. Дом? Мой же дом! Только дурацкие ставни. И Нева под окнами.

Тут его ждали. Вот только где это — тут?..

— Я даже к колдунье ходила, — сказала Лена, — две недели назад…

Облако волос под его рукой было невесомым. Светлые пряди, чуть светлей, чем у… его Ленки? Эта — другая. Бедная девчонка, подумал он. Ленка же… почти. Наверно, так сестрами-близнецами бывает: как две капли похожи, но нужна-то — одна. И точно знаешь, кто именно.

Она смотрела на него. Внимательно и грустно.

— Ты не расскажешь мне? Ты что… не рад? — спросила она.

— Рррад, — сказал он с запинкой.

И что рассказывать? Жил дома, с тобой, долго и счастливо. До этого вечера. А она два года ждала его здесь. Да не его! Другого Кита, которого нет на этом свете, наверное. Смелого, бедового… потому и остался там, в провале. А выкарабкался — другой…

А может… а если это наркотик, и он грезит? Конечно! Подмешали что-то в питье, вот и сглючило. Мозг обрадовался, стал услужливо толкать по этому пути: ты спишь, это сон…

— Хочешь, завтра съездим к доктору, — вдруг предложила Ленка. — Он очень известный: гипноз там, тренинги… восстановление памяти. Я посмотрела на всякий случай…

— На какой случай? — спросил Никита.

Приехали. Где ты, где ты, белая карета? А ведь ее тоже что-то смущает. Он другой. Похож, да не тот. Как воскресший кот с кладбища домашних животных. А тот неплохой, похоже, чувак был. Как все обрадовались! Вот уж свезло увидеть собственные поминки.

И что теперь делать? До четырех, сказал ему Рик. А потом что? Он превратится в тыкву? Или просто не сможет вернуться?

— На какой случай? — повторил он. Она не ответила.

Бедная девочка. Бедная, ага, сказал внутри кто-то злой. А кто кричал его Ленке: отдай? Кто его сюда затащил?

— Лена, как звали колдунью? — спросил он.

— Зачем тебе? Глупости же…

— Такая маленькая, смуглая, с седыми волосами?

— Толстая, огромная, с рыжей крашеной копной, — засмеялась она и обхватила его за шею.

Ну врет же! Тоже чувствует, что все не так.

— Лена, — спросил он, — ты что, знала? Что я — не он? Другой Никита?.. Ты знала?

Вспугнутые птицы в ее глазах поднялись. Взгляд потемнел, и стало яснее несходство. С мягкой, молчаливой Ленкой. Его Ленкой.

— Что ты говоришь? — ровно сказала она. — Разве есть на свете другой? Давай спать. А завтра будет новый день.

И ты поведешь меня к доктору, подумал Никита, на лоботомию, угу… Бредовый день, бредовый город. Как сказал Чиж? Кроме солнца, мостов и котов? Неожиданно для себя спросил:

— Солнце, мосты и коты… почему коты?

— Спроси сам, — она отвернулась, кусая губы. — На лестнице Ватсон дежурит.

На лестнице. Ватсон. Дежурит. Нормально?

— Так я… пойду? — спросил он чужую женщину с лицом Ленки.

— Ты вернешься, — ответила она. — Чуток подумаешь и вернешься. Я проснусь, а ты уже будешь здесь.

Никита вышел, не ответив. На лестнице закурил.

— Я же сто раз просил дымить пролетом выше, — раздался голос. Никита оглянулся в поисках собеседника. На подоконнике сидел крупный рыжий кот.

— Здрастьте, — сказал он — Ватсон?

— Ага, — откликнулся кот, — и тебе не хворать. Предвижу вопрос. Отвечаю: говорю тут действительно я.

Никита затушил сигарету.

— Мне нужно на Лиговку, — сказал он.

— К Марго собрался, — Ватсон прищурился. Его голос ровным мурчащим дискантом звучал прямо у Никиты в голове. — Она мне кило парной телятины обещала. Ты ей напомни при случае…

— Ты знаешь Марго? Ты понимаешь, что тут происходит?..

— Вообще или в частности? — осведомился кот.

Никита взглянул на часы.

— Некоторым жаль потратить пять минут на разговор, который может сберечь им сутки, — заметил Ватсон.

— Я слушаю, дружище, — вздохнул он.

— Теория котоцентризма, — начал кот.

Издевается, подумал Никита.

— Теория котоцентризма, — продолжил собеседник с нажимом, — уходит своими когтями в тот период, когда зарождался этот город. Петербургский пра-кот, любимец Петра…

— Разве у Петра был кот? — спросил Никита.

— Петр построил город, — был веский ответ, — разве можно сделать что-то стоящее, не имея поддержки кота?

— Да, в самом деле…

Кот застыл, словно проверяя, нет ли в ответе иронии, и продолжил:

— Мы не любим перемен. Поэтому все, что можно было сделать постоянным, стало таким: дождь идет строго по расписанию, мосты растут по схемам. Пра-коту пришлось повозиться, намурлыкивая архитекторам

чертежи. Весь город, развод которого — произведение искусства, подчинен ритмам котогармонии. И только вода переменчива.

Никто не знал, где возникнет Нева в следующий раз. Годы наблюдений позволили обезопасить котов и горожан. Установить порядок, в котором никто не рискует проснуться в одно ужасное утро в своем доме, в своей постели, но на дне речном…

— Круто, — восхитился Никита. — А как вообще тут передвигаются, когда город разведут?

— Никак, — припечатал кот, — на развод города нельзя смотреть. — Он словно цитировал по памяти: — Его необходимо переждать за ставнями, или — прижавшись к любой вертикальной тверди, исключая гранит…

— Почему гранит?

— По кочану! — отрезал он. — Гранит — это набережные. Самая нестабильная структура после воды.

— Тэкс, — он задумался. — На Лиговке тебе делать нечего, нет там Марго. Метро запечатано до пяти… вот бедолаги, кто застрял — так и катаются по кругу. Значит, сейчас выйдешь на набережную. Дороги — час с небольшим, только в три тридцать опять город разводят. В обрез.

— А… завтра? — спросил Никита.

— Если тебе сказали сегодня, значит сегодня. Завтра тебе откроют, только вот куда ты от них попадешь? Твердо решил?

— Н-не знаю, — сказал Никита с запинкой. — Но не нравится мне. Как я понял, Лена, — он покосился на дверь, — что-то сделала, чтобы вызвать сюда… Черт, вызвать — как духа, прям! Меня из… оттуда, короче. И думает, что я останусь. Она похожа, но — другая.

— Интересно, какой бы стала твоя, если б ты пропал? — заметил кот.

— А она понимает, что я — не тот?

— А тебе что за дело, если решил?

— Ну, надо же ей объяснить…

— Что? Что она украла тебя у другой? Что ты — не тот, которого она любила, а тот пропал насовсем? И ты готов на все, чтоб удрать, потому что она — такая же, да не та? А ты думал, горе женщину делает мягче и красивей?.. — прозвучало в голове скороговоркой.

— Ты что? — крикнул Никита, — да какое тебе дело?!

— Эти твои мысли, как рыбки в аквариуме. Плавают так близко, что зацепить их — пара пустяков… — он растопырил когти и деликатно погрыз между ними, — опять собаки блох натащили, чтоб их…

— Но это же не мой мир, — заорал Никита, — я привык мосты разводить, понимаешь? Мосты! Я не умею тут жить!

— А хочешь? — спросил кот.

— Интересно было бы… посмотреть. И живы все тут. Кроме меня…

Кот смотрел, не мигая. Словно ждал, когда до Никиты дойдет.

— Живы… все? — прозревая, спросил он, — мама… батя?..

— Я тебе что, горсправка? — огрызнулся тот. — Мне-то откуда знать?

— Понятно, — кивнул Никита, — я пойду, наверное. Только попрощаться надо бы?..

— Иди уже, — ответил Ватсон, — поняла она все. Засунь свои прощалки знаешь куда?

— Ты чего, рыжий? — опешил Никита.

— Думаешь, легко? — прошипел кот. — Я дежурный. Весь подъезд: головные, сердечные боли, живот

или артрит — все на мне. Боль душевная — туда же! Слава богу, нормальные люди спят. Только на первом этаже у мальца зубки режутся. И вы оба на мою голову. Иди!

Никита кивнул и пошел по ступенькам. Бросив взгляд вверх, увидел, как исчезла светлая полоска под дверью.

— Про телятину не забудь, — прозвучало вслед.

Та же Нева. Привычный запах — огуречный с воды и бензиновый с улиц. Нормальный Питер, а не город Рубика, где в смотрящих — коты. За полдороги он не встретил ни одного прохожего. Как они вообще тут живут? Сидят за ставнями, бедолаги. А самая козырная питерская отмазка — мосты развели, не успел? У них, наверное, так: город развели… светлая память!

Клочками потянулся туман. Никита шел, потом бежал, понимая, что не успевает. Двадцать семь минут четвертого. Сейчас ему надо быть где угодно, но не на улице. Увидел мост, бросился к нему и понял вдруг, что уже не один.

Появились люди. Первый, второй, потом еще, и вот уже вокруг полно народу: наряженные кокетки с зонтами и в шляпках, бритоголовый амбал, старуха с лицом пресным, как ржаная горбушка… Брели бесшумно, поодиночке и группами. Совсем близко прошмыгнула стайка хорошеньких девчонок в мини-юбках, с глазами большими и пустенькими.

Никита стоял на мосту. Крепко вцепившись в перила, смотрел, как тает, съедается туманом гранит, исчезают деревья, а дома, ворочаясь неуклюже, начинают распадаться, как кубики, разбросанные в досаде малышом-великаном.

Простоволосые и в париках, бедняки и франты, чиновники в камзолах и каторжане в цепях, с язвами на мосластых лодыжках, люди шли и шли — из тумана в туман, такие же зыбкие, двигались из расщелин домов в плотную мглу, окутавшую город.

И звучал в голове голос, мягкий, мурчащий:

— Их всех, как ты понимаешь, нет. Но — красиво, согласись. Завораживает. Все возвращаются в город, — кот говорил торжественно.

Интересно, на каком расстоянии он может за ним наблюдать? Тоном гида Ватсон продолжал:

— Пока не изобрели автоставни, некоторые выходили искать своих. Не возвращались, конечно. А если возвращались — совершенно невменяемые, да… — голос убаюкивал.

Люди шли, дробились дома, под рукой дрожали перила. Никита плыл. Конечно, ничего этого нет. Как нет отсюда исхода, и лежит он сейчас, босой и голый, под свайной набережной, а верткие лихие людишки делят его нехитрый скарб: торбу с краюхой хлеба, да горсть медяков, честно сработанных подмастерьем в лудильной лавке. А через пару минут булькнут незадачливым телом в воду мутную да стылую, и поминай как звали Никитку, мамкиного с батькой сынка. Бежать надо. Бежать…

Он тряхнул головой. Под руками по-прежнему дрожали перила. Вот бесовщина. Будто в прошлую жизнь заглянул. Он огляделся. Города больше не было. Было марево, и зыбкий воздух, и твердь моста под ногами; да еще — сумасшедшая баржа с песком, которая вдруг оказалась внизу.

— Что ты стоишь, болван? — прозвучало в голове. Мост сейчас тоже… того! — быстрей, — прошипел кот, — дурень! Сигай вниз, пока мост…

Он перегнулся через перила. Метров восемь. Если правильно сгруппироваться… да нет, бред!

— Быстрей, — беззвучно проорали в голове.

Он набрал воздуха в грудь и прыгнул. Казалось, время застыло — так четко он ощутил свой полет. Сухой песок выбил остатки дыхания.

…Крошево во рту. Нечем дышать. Открывать глаза нельзя, проходили. Насыплет пыли, защиплет, а пошевелить рукой, протереть — невозможно. Под веками картинка: медленно и торжественно, как в кино, оседают перекрытия, рассыпаются балки, встает пыльное облако. И тихо. Грохот, и вдруг тишина. Сдавлена грудь. Не хватает воздуха. Где-то тут же, наверное, Чиж. И бесполезно орать, никто не услышит в этом чертовом городе под злющими звездами. От бессилия он зарычал, заворочался. И все-таки открыл глаза.

Баржа мирно ползла по реке. Он лежал, закопавшись, уйдя в в песок чуть не по пояс, как богатырь Святогор в землю. Но, кажется, жив. Слава богам. Или котам? Халявщики. Котоцентристы. Сами бы сигали с моста головой.

Не сразу, но поднялся. Мимо плыли заброшенные гаражи. Сама река казалась заросшей и неопрятной. От гранитных мостовых не было следа. Где он? Конец Фонтанки? Обводный?

Сидел, глазея по сторонам, пока не увидел огни. Баржа неторопливо приближалась, и он смог прочесть аляповатую вывеску: «Трактир…» — крупными буквами, дальше мельче, и он прищурился «…на Млечном пути»?!

Должен успеть. Когда баржа поравнялась со зданием, прыгнул, стараясь как можно дальше отлететь от страшного смоленого борта. Греб что есть силы, одежда мешала, но вода, к счастью, была не холодной.

— Это потому что у нас всегда стабильная, солнечная погода, — раздалось в голове.

— Скажи лучше, чтоб дверь подержали, — прохрипел он.

— Уже, — сказал голос обижено, — я свои обязанности блюду.

Ноги почувствовали дно. С мостков кто-то тянул руку.

— Вот и ладушки, — сказал Рик. — Вернулся — и хорошо.

Ввалились в таверну. Мокрый, как Ной, Никита вызвал у постояльцев интерес.

— Пари, определенно пари, — предположил интеллигентного вида очкарик. — Коллега, бальзаму не желаете?

— Рому ему, — откликнулся здоровяк в сувенирной бескозырке.

— Лучше пуншу горячего, — сказало существо с нежным румянцем, не разберешь, юноша или барышня.

— Кофе, — отрезал Рик, — пей и пошли!

И посетители мгновенно утратили к нему интерес.

— Вот ведь, — сказал Рик, — как сердцем чувствовал неприятности!

— И зачем вы меня сюда запихали? — спросил Никита.

— А я — знаю? — огрызнулся Рик. — Марго вот была уверена, что ты останешься.

— А ничего, что я не тот, кого ждали?

Рик вздохнул.

— Да не знала Марго! Не знала. Она меня вконец доконает. Вот ответь мне, почему так? Есть человек, например, повар… Золотые руки. А его, понимаешь, тянет петь. Блеет, как козел, фальшивит, а ростбиф готовит — очередь на месяц вперед в ресторан. А эта скотина в хоре поет. Вместо того чтоб готовить.

— Ну, нравится человеку, — отозвался Никита.

— Нравится, — повторил Рик. — Марго вот, к примеру, поставь перед ней толпу оборванцев — укоротит! Темперамент! — он потряс сжатым кулаком. — Администратор от бога. Но ей хочется волшебства. Опыты, пробы. Годами! При полном отсутствии дара и интуиции. Голая физика, сплошь гаджеты, интернет, фармацевтика… и при этом хочет называться колдуньей. А тут — ты. Даты рожденья совпали. Лицо — одно. Она обрадовалась! Решила, что притянулся тот, кого искали. Думала, сам пришел, потому что с той девчонкой они ритуал провели. Ладно бы из местных травок она ей пойло сварила. Нет. Контрабанда… — Рик вздохнул. — Ведь в самой дальней дыре самого захолустного мира она умудрится найти контрабандный канал. Эту бы ее энергию да на мирные цели. Вечерок у нас был сегодня… Таможня… Санинспекция. Я бармена рассчитал. Какой был бармен…

Рик покачал головой. Вошла Марго, положила руку мужу на плечо.

— Меня подвел поставщик, — сказала она Никите, — вот ты и влип.

— А я-то тут при чем? — спросил Никита.

— Ну, как бы попроще… Давай так. В одном месте, довольно странном, есть, гм, минерал. Местные растирают его и заваривают, на манер кофе. Я цапанула пару унций, когда мы удирали из Мюнхена.

Бедный Рик, подумал Никита. Он с ней не соскучится.

— Понимаешь, я всегда знала, что этот тип — халявщик. Зато дешево. А тут он мне, то ли сдуру, то ли горело у него, товар толканул качественный…

— И ты этот кофе заварила девушке, которая пришла сюда две недели назад, — продолжил Никита, — и что?

— Те туземцы вообще очень странные ребята, — продолжала Марго, — раздумчивые такие. Сутками на месте сидят. А мир у них райский. Идиллия. Минимум затрат при максимуме результата. Как-то так этот напиток действует, что, когда ты понимаешь, *что* тебе надо, события выстраиваются оптимально для *как*. Вектор он дает, вот что. Вектор. Той женщине нужен был ты.

— Но тот… я — погиб?

— Откуда я знаю? Наверное. Будь сырье похуже, действие послабей, она нашла бы в своем мире кого-то похожего. А так контрафактное пойло выдернуло тебя. Передозировка вышла. Бывает, — Марго смотрела чуть виновато.

— Я зайду к вам еще? Просто так? — спросил Никита.

— Съехали мы, дружок. Пока, видишь, здесь. А у вас — совсем закрылись… иди, — сказала Марго.

Знакомая дверь. Он открыл и шагнул в утро. Раннее августовское утро где-то в новостройках. Услышал, как захлопнулась за спиной дверь,

и что-то тяжелое немедленно придвинулось к выходу.

– Будь здоров, — донеслось за спиной.

Брел долго, мокрый и злой. В метро, конечно, его не пустили. Лишь около девяти оказался в родных местах. В знакомой лавке зубастый продавец зазывал:

— Свежее мясо! Купи, дарагой! Скидка первому покупателю!..

В парадную он входил с пакетом в руке.

– А ты уверен, что это именно телячья вырезка? — раздался голос. Рыжий котище сидел на окне. — Где брал?

— Ты? — Никита почти не удивился. Слишком много событий за одну ночь. — Ты что, за мной всю дорогу бежал, что ли?

— Это тебе бегать надо, — самодовольно ответил Ватсон. — У нас другие средства передвижения.

— Как Ленка? — спросил Никита.

— Которая? — насмешливо уточнил кот, — но ответил: — Та — выкарабкается. Ставен уже не ломает, — он осторожно засунул морду в пакет, — понимаешь, тот, другой, за два года стал у нее бронзовым. Идеальным. А тут — ты. Обычный. Посмотрела она, посмотрела… И с пьедестала сняла. Отойдет потихоньку. Отболеет.

Никита кивнул и пошел вверх по лестнице. Порылся в кармане, ища ключи. Дверь распахнулась.

Его ждали.

Юлия Бекенская

Юлия Бекенская родилась в Ленинграде. Живет в Санкт-Петербурге. Окончила Ленинградский политехнический институт. По образованию инженер-эколог, в недавнем прошлом — главбух, в настоящем — редактор петербургского литературного журнала «Вокзал».

Рассказы для детей публиковались в журналах «Кукумбер» и «Санкт-Петербургская Искорка». Проза для взрослых вышла в журналах «The Chief», «Зарубежные задворки», «Наша улица», «Вокзал», «Другие люди».

Наталья Сигайлова

ЗЕРКАЛА

Я понял, что мой братец заболел, когда у меня начали выпадать волосы. Лезли страшно: рукой проведёшь — копна в ладони остаётся! Вот бедняга, тяжело ему пришлось. Но спустя время, чувствую — справился. Все с его выздоровлением меня поздравляли, хлопали по плечу, улыбались. А я кивал утвердительно в ответку, мол, а как же иначе? По-другому и быть не могло.

А потом на пальце безымянном, на коже, появилась неширокая бороздочка. По сезону она загорала, временами становилась чётче. Повзрослел братишка, набегался, взялся за ум. Когда же глаза стали краснеть, как от нехватки сна, и ухоженность мою сняло как рукой, меня тоже все поздравляли — выглядел я тогда жутко, но на это внимания не обращали: первый ребёнок в семье — всегда счастье! И я усталый ходил, но довольный: знал, что мальчик у нас, гордился.

Спустя время на руках возникали и исчезали царапины: молодец, братец, на всё время находит. Когда котёнок подрос, он ещё и собаку завёл. Я всё удивлялся, почему не сразу, сживутся ли? Но всё обошлось. Руки натирал поводок, а на правом плече серые короткие волосы липли как приклеенные. Постоянно приходилось чистить.

Лет через пять в кошельке начали таять деньги. Нет, с ними давно уж так: откроешь карман, только видишь, лежит купюра, глядь — а нет её. Но тут уж ахово. Школа, видимо, — какие затраты. Но ничего не поделаешь — семья! А когда с банковского счёта исчезла огромная сумма, а по выходным я стал злиться и выглядеть усталым, понял — строят они себе дом. По мне — так далековато выбрали, столько бензина съедает. Не успеваю заливать.

А потом и девочка у них появилась. Любит его, как пиявочка, в лучшем смысле, конечно. Он расцвёл, совсем другим стал, нежным с окружающими, чувственным. Вот увидел я дворнягу грязную, сидит у дороги, испуганно носом водит, так чуть не расплакался, купил колбасы, положил ей.

Время, однако, неумолимо. К потере денег я привык и не замечал, к усталости — тоже. Нет, бывали и радости, ещё какие! Но уставать он начал. Хожу медленно. Вчера вон даже трость прихватил, дождливо ведь, суставы бесятся, ноют, аж спать не дают. Спать вообще он перестал: всю ночь ворочаюсь, кряхчу, кашляю, а сна ни в одном глазу.

На меня соседи не смотрят, делают вид, что незаметно, как я сдал. Седина иссеро-грязная, тусклая. Весь я тусклый, матовый. Ох, состарился братишка, жаль!

Вот уже несколько дней я лежу. Это сердце у него. Каждый раз к такому готовишься, но никогда не готов. Как прощаться боязно, больно. Так привык уже — расставаться невмочь! Я

глаза закрываю, видеть никого не хочу, злюсь. Но, увы, время его подошло. Так это бывает, что никогда попрощаться толком я не успеваю, но, может это и к лучшему.

Образ его ещё тлеет во мне слабым огоньком, согревает, пока напротив, в другом окне, я смутно угадываю, вглядываюсь в нового брата. Он ещё крохотный, сидит на руках у матери. Время, когда я снова стал лысым, маленьким — не помнится. Я и сейчас его не всегда узнаю, а всего-то годик ему. Но уже неизменно радуюсь, улыбаюсь: «Родинушка!»

И как бы ни было всё одинаково, никогда не знаешь, как это будет. Но точно будет по-новому.

Сигайлова Наталия

Сигайлова Наталия Викторовна родилась в Москве 27 августа 1979 года. Получила две специальности: модельер-конструктор и журналист. Работаю в киножурнале «Ералаш» художником по костюмам. Печаталась в альманахе «У», «Этажерка»; журналах: «Наше поколение», «Контрабанда», «Кукумбер». А также в Международной Еврейской газете (МЕГ) и в информационном агентстве Shalom News. Пишу сценарии. В 2010 г. по написанным для «Ералаша» сценариям были сняты сюжеты: «Слон» и «Много будешь знать», номинированные на участие в конкурсной программе «Кинотавр -2011» Министерством Культуры в рамках программы поддержки молодых российских режиссёров.

Олег Кожин

СНЕГУРОЧКА

На первый взгляд Маррь ничем не отличалась от других заброшенных деревушек. Полтора десятка кособоких приземистых домиков, прилипших к обеим сторонам дороги, больше напоминающей временно пересохшее русло бурной реки. Такие места, с лёгкой руки остряка Лёшки Ильина, группа называла «ненаселёнными пунктами». Два дня назад они оставили за спиной сразу три таких «пункта». Ещё один миновали не далее как вчера. Не было никаких оснований ожидать, что в пятой, наиболее удалённой от цивилизации деревне, ещё остались люди. Бог — он троицу любит. Про пятёрки никто не говорил. И всё же Сергей Иванович Потапов привёл группу в Маррь. Потому что упоминание в монографии Гревингка — это вам не фунт изюму! Сложенная вчетверо ксерокопия брошюры лежала в нагрудном кармане потаповской «энцефалитки», возле самого сердца, и стучала туда, как пресловутый «пепел Клааса».

— Да поймите вы! Это же 1850 год! — вещал он на каждом привале, размахивая перед Алёнкой и Лёхой мятыми перепачканными листами. — Афанасьев эту легенду только через девятнадцать лет запишет! А у Гревингка — вот! Даром что геолог!

Потапов шлёпал распечаткой по колену и с видом победителя поправлял очки. Малочисленная группа не спорила. Меланхолично пожимала плечами, хмыкала неоднозначно и продолжала заниматься своими делами. Алёна Виртонен, большая аккуратистка и умничка, перепаковывала рюкзак, стремясь достигнуть какой-то запредельной эргономичности, а Лёшка Ильин неловко пытался ей помогать. Студенты не разделяли восторгов своего руководителя. Подумаешь, самое раннее упоминание легенды о Снегурочке! Если бы кто-то из них заранее знал, что до зачёта неделя дня пешего пути… В первую же ночёвку Сергей Иванович невольно подслушал, как Лёшка, жалуясь Алёне на стёртую ногу, бросил в сердцах:

— Манал я такие «автоматы»! Ну, Потапыч, зараза лысая!

А сейчас лысину Потапова нещадно пекло июньское солнце, от которого не спасала даже бандана. В Маррь они вошли чуть за полдень, когда светило включилось на полную мощность. На единственной улице не было ни души. Стук и зычные крики, исторгаемые Лёхиной глоткой по поводу и без, увязали в плотной пелене тишины, стелющейся от дремучего леса, кругом обступившего деревню. Однако опыт подсказывал Потапову, что Маррь всё же живая. Во-первых, в воздухе отчётливо пахло дымом. Не едким костровым, а более мягким, печным. Во-вторых, стёкла в большинстве изб хоть и заросли грязью, но стояли. Мёртвые дома, как и люди, в первую очередь лишаются своих глаз. Только не птицы их выклёвывают, а ветер. Ну и, в-третьих,… где-то недалеко жалобно блеяла коза.

— Ау! Есть кто живой?!

Лёха забарабанил кулаком в высокие посеревшие от времени ворота, с

ржавым кольцом вместо ручки. Заборы здесь ставили из наглухо подогнанных друг к другу досок, существенно превышающих человеческий рост. Не то, что редкозубые оградки, догнивающие свой век в пройденных «ненаселённых пунктах». Пытаясь заглянуть во двор сквозь щель в воротах, Потапов мягко оттеснил Лёшку в сторону.

— Эй, хозяева, есть кто дома?! — Сергей Иванович вложил в голос максимум почтения. — Мы этнографическая экспедиция…

Никто не ответил. Потапов прислушался. Показалось, или за забором действительно заскрипела приоткрывшаяся дверь? Стянув бандану, он обтёр прелую лысину и капельки пота над верхней губой.

— Сергей Иванович, — Алёнка деликатно дёрнула его за рукав. — Местный житель на горизонте.

С противоположного конца деревни, вывернув из-за сарая с провалившейся крышей, плелась одинокая фигура. Рыхлая женщина с нечёсаными патлами, скрывающими широкое лицо. Покрытые синяками и ссадинами полные руки безвольно повисли вдоль тела. Окутанные облачками пыли босые ноги шлепали по засохшей земле. В такт мелким семенящим шагам подпрыгивали обвислые груди, прикрытые одной лишь грязной ночной рубашкой. Другой одежды на женщине не было.

— Ого! С утра выпил — день свободен! — гоготнул Лёшка. — Интересно, чем это мадам так упоролись? Тормозухой, что ли?

Сергей Иванович сделал пару шагов навстречу и, точно мантру, повторил:

— Мы этнографическая экспедиция! Доброго дня вам!

Никакой реакции. Взгляд женщины, направленный сквозь троицу этнографов, уходил куда-то вдаль, теряясь в густом лесу. Грязные ноги, живущие отдельной от тела жизнью, выворачивались под самыми необычными углами, отчего казалось, что движется женщина благодаря одной лишь инерции. Сбросив рюкзак на землю, Лёшка пошёл ей навстречу.

— Лёш, да не трогай ты ее! На фиг, на фиг… — в голосе Алёны послышалась брезгливость. — Больная какая-то…

— Да погоди, ей, походу, плохо совсем, — отмахнулся Ильин. — Эй! Эй, тётя!

Ни тогда, ни потом, Потапов так и не почувствовал опасности. Вплоть до момента, когда исправить что-то стало уже невозможно. Опасность? Это ясным-то днём?!

Вблизи толстуха в ночнушке оказалась весьма рослой. Головы на полторы выше Лёшкиных ста восьмидесяти. Поравнявшись с парнем, она подняла руки, словно предлагая обняться. Неугомонный Ильин, вполголоса выдав какую-то пошлую шутку, попытался отстраниться. Суетливо, нервно. Видно, сумел разглядеть что-то за шторкой грязно-белых волос. Нечто такое, во что и сам не сразу поверил. А потом уже попросту не осталось времени. Совсем. Пухлые ладони одним невероятно быстрым и выверенным движением свернули Лёшке шею.

Треск сломанных костей показался Потапову таким громким, что заложило уши. Эхо страшного звука металось над притихшей деревней, рикошетя от мрачных елей, как пинбольный шарик. Где-то совсем рядом заорал

какой-то мужик. Потапов не сразу осознал, что этот перепуганный рёв вылетает из его глотки, а сам он уже мчится к упавшему в пыль Лёшке. В спину хлестнул тонкий визг Алёны, наконец сообразившей, что произошло. На полном ходу Потапов налетел на толстуху, угодив костлявым плечом аккурат между обвислых грудей. Не удержавшись на ногах, повалился сверху на рыхлое, студенистое тело. От удара Сергей Иванович прикусил язык, очки слетели с носа и утонули в высохшей колее. Женщина под ним извернулась, неожиданно мягко и плавно вильнув бёдрами, словно подталкивая к соитию. Несмотря на весь ужас ситуации, Потапов отстраненно почувствовал, как обгоревшие на солнце щёки заливает краска смущения. Отталкиваясь руками, он попытался подняться…

…и глупо застыл, в миссионерской позе нависнув над сбитой женщиной. Их лица разделяло меньше полуметра. На таком расстоянии Потапов прекрасно видел даже без очков. Но поверить увиденному не мог. Под ним лежал не человек. Грубое лицо существа покрывали короткие, напоминающие щетину, прозрачные волоски, под которыми легко просматривалась ноздреватая пористая кожа. Грязно-белые патлы смело на затылок, обнажив вывернутые ноздри, острые звериные уши, и бессмысленный мутный глаз цвета затянутого ряской болота. Один. Прямо посреди лба. Жуткую морду на две неравные части разделяла тонкая щель безгубого рта. Она медленно распахивалась, обрастая неровными треугольными зубами, широкими и крепкими. А Потапов, как загипнотизированный, смотрел и не верил глазам.

Больно вдавив кадык, горло Потапова перехватили толстые пальцы. Лишившись воздуха он, наконец, затрепыхался, тщетно пытаясь отодрать обманчиво слабые руки. Под рыхлыми телесами скрывались стальные мышцы. Перед глазами учителя заплясали фиолетовые круги. Непрекращающиеся крики теперь долетали до него, будто через толстое ватное одеяло. В ушах звенело. Лишённое кислорода тело зашлось мелкой дрожью. Пытаясь вырваться, он бестолково молотил кулаками бледную тварь и что-то хрипел. В какой-то момент Потапову послышалось, как в дрожащий Алёнкин визг вплетается встревоженный старческий голос — предсмертный кульбит паникующего мозга. А через секунду грубые тиски на горле разжались, дав дорогу потоку восхитительного свежего воздуха. Голова взорвалась разноцветной вспышкой, горло разодрал жгучий кашель, и Потапов завалился на бок, больно приложившись головой о твёрдую землю. Он понимал, что сейчас, в непосредственной близости от смертельной опасности, не самое подходящее время, чтобы терять сознание. Но когда невидимые руки подхватили его с двух сторон и потащили прочь, Сергей Иванович всё же благодарно нырнул в чёрную бездну беспамятства.

* * *

Сквозь щели забранных ставнями окон на грязный пол падал свет. День вошёл в полную силу; полутёмную избушку со всех сторон пронзали солнечные спицы. Пролетающие сквозь них пылинки вспыхивали волшебными искрами. Во дворе заливисто чирикали дерущиеся воробьи.

Где-то на краю деревни хрипело радио «Маяк»…

За высоким забором молчаливо топталась бледная погань.

Покачав кудлатой седой головой, дед Хилой отодвинулся от окна. Видимо, не доверяя ставням, для верности задёрнул его занавеской. В доме страшно воняло падалью, однако ни у кого даже мысли не возникло попросить распахнуть окна. Эпицентр смрада, похоже, находился где-то в кухне, но заходить туда не хотелось совершенно.

— Мужика хочет, — косясь на Потапова, сказал хозяин. — У ней щас самая пора етись.

Их спаситель оказался крепким высоким стариком, удивительно подвижным для своих лет и габаритов. Повадки и действия его напоминали матёрого первопроходца, чей форт осаждают кровожадные индейцы.

— Что ж она Лёшку тогда… — закончить Потапов не сумел. Всхлипнул по-бабьи и откинул голову назад, крепко приложившись затылком о бревенчатую стену. Боль отрезвляла, не давала забыть, что происходящее с ними реально.

— А того, что поперву — еда! А опосля уж всё остальное, — дед Хилой назидательно покачал узловатым перстом. — И что вам дома не сидится, туристы, в бога душу…

— Сказки собирать приехали, — ядовито ответила Алёнка.

Она поразительно быстро пришла в себя. Едва ускользнувший от смерти Потапов, забившись в угол, трясся осиновым листом, а девчонка, всего час назад визжавшая так, что лопались стёкла, воинственно расхаживала по комнате, примеряя к руке то изогнутую кочергу, то увесистое полено, сдёрнутое со сложенного возле печки дровяника. Не удовлетворившись, вынимала из кармана складной нож и принималась проверять, легко ли выходит лезвие. Она жаждала действия. Дед Хилой со своего табурета наблюдал за Алёнкиными манипуляциями, посмеиваясь в бороду.

— Ты, девонька, шилом своим её разозлишь только. От стали в таких делах од…

— Что она такое?! — перебила Алёна. — Леший? Йетти? Кикимора какая-нибудь?

Этот вопрос она задавала каждые пять минут. Дед Хилой отмалчивался. Вот и сейчас, недовольно зыркнув на непочтительную соплюху, он просто закончил начатую фразу.

— …одна польза — горло себе перерезать, чтобы живьём не взяла.

Виртонен резко обернулась к Потапову.

— Бежать надо, — выпалила она. — Вернёмся с помощью, и раскатаем эту… это…

Сергей Иванович испуганно икнул. Сама мысль о том, чтобы выйти наружу, снова ощутить сверлящий взгляд одинокого глаза… почувствовать себя мясом… Спина его неосознанно вжалась в ошкуренные брёвна. Глядя на суетящуюся девчонку, Дед Хилой недоверчиво выгнул брови, в который раз уже покачал нечёсаной башкой и скрылся в кухне.

— Рванём, со всех ног! Она же плетётся, как дохлая кобыла! — присев возле учителя, Виртонен схватила его за плечи. — Она нас хрен догонит! Давай, Потапыч, миленький! Рюкзаки бросим, и рванём…

В запале Алёна даже не заметила, что назвала преподавателя по

прозвищу. Глаза её лихорадочно горели, изломанные в походе ногти царапали кожу Потапова даже сквозь куртку. Напрягшиеся мышцы поджарого девичьего тела сочились адреналином. Для себя Виртонен уже всё давно решила. Сергей Иванович опустил голову, пряча взгляд среди рассохшихся досок давно неметёного пола.

— Тряпка! — брезгливо выплюнула Алёнка.

Больше она не произнесла ни слова. Деловито распотрошила рюкзак, откладывая в сторону самое необходимое. Распихала по карманам пакетики с орехами и изюмом, полулитровую бутылку кипячённой воды, складной нож и спички. Длинный «полицейский» фонарик оставила в руке, накинув петлю на запястье. Решительно отбросила засов и шагнула на улицу, так ни разу и не взглянув на сжавшегося в углу Сергея Ивановича.

На шум открывшейся двери из кухни выглянул дед Хилой. Безучастно оглядел комнату: Потапова, разорённый рюкзак, распахнутый дверной проём. После чего кивнул и сказал:

— Не пошёл? Правильно сделал.

— У меня мениск повреждён, — поспешил оправдываться Сергей Иванович. — А у Алёны разряд по лёгкой атлетике! Я темпа не выдержу, а так…

— Сдохнет, — равнодушно перебил дед Хилой. — Хоть так, хоть этак.

Шурша заскорузлыми шерстяными носками по полу, он прошаркал к двери, но не закрыл, а остался стоять в проёме, «козырьком» приложив руку ко лбу.

— Позапрошлой зимой Лиша шестерых мужиков положила. С ружьями и собаками. Троих уже в лесу догнала, и снегоходы не помогли. Эт она только на солнышке квёлая, а ночью скачет — что твоя коза! А уж зимой…

Потрясённый Потапов встал и опасливо подошёл к своему спасителю. С высокого порога крохотная Маррь отлично просматривалась в обе стороны. Сергей Иванович как раз успел заметить, как скрылась между ёлок ярко-красная курточка Алёны Виртонен. Следом за ней с огромным отставанием плелось существо, голыми руками убившее Лёшку Ильина.

— Как… — Потапов нервно сглотнул, — как вы её назвали?

Дед Хилой смерил учителя хмурым взглядом из-под разросшихся седых бровей.

— Сказки, говоришь, собираешь? — невпопад ответил он. — А слыхал такую: жили-были старик со старухой, и не было у них детей. Уж сколько они Христу не молились — всё без толку! А как пошли они в лес дремучий, старым богам поклонились, вылепили себе дитятю из снега, так и ожила она. Подошла к ним, да молвит: тятенька, маменька, я теперича дочка ваша, оберегать вас стану. Только горячим меня не кормите — растаю! Обрадовались дед с бабкой, да назвали девчонку…

— Снегурочкой… — шёпотом закончил Потапов.

Дед Хилой кивнул. У кромки леса мелькнула в последний раз и исчезла грушевидная фигура женщины в грязной ночнушке.

— Далеко не убежит, — старик отнял руку от морщинистого лба. — К утру назад воротится. Пойду-ка к Тойвовне схожу, мукой одолжусь, раз такая оказия.

Кряхтя от усердия, дед Хилой натянул резиновые калоши и ушёл. К соседке. За мукой. Как будто мир попрежнему оставался нормальным.

* * *

Дед Хилой вернулся с берестяным лукошком, в котором, помимо муки, оказалась пыльная литровая банка и мешочек с неведомым содержимым. Привычно заложив засовом толстую дверь, старик скинул калоши и отправился на кухню. Потапов набрал побольше воздуха в лёгкие и отправился туда же, с головой нырнув в густой смрад. Источник тухлого запаха обнаружился сразу: жестяной таз, стоящий в самом углу, за печкой. А точнее, его содержимое — пяток ворон со свёрнутыми шеями. По чёрным перьям лениво ползали жирные личинки, при виде которых желудок Потапова подпрыгнул к горлу. Глядя на побледневшего учителя, дед Хилой прикрыл таз пыльным мешком.

— Ты морду-то не криви, сказочник! Эта падаль тебя от смерти спасла… а может, и отчего похуже.

Осторожно высунув нос из-под ладони, Потапов, наконец, решился вдохнуть. Не сказать, чтобы воздух очистился, но делать было нечего.

— Разве может быть что-то хуже?

— Кому как, — философски заметил старик. — Оно, может, и впрямь, ничего хуже смерти нет. Да вот только помирать, опосля себя целый выводок одноглазых щенков оставляя… мне б совсем тоскливо было. Дети — они ж страшнее семи казней Египетских. А лиховы дети…

Хилой замолчал, укладывая в топку нарезанную щепу и бересту. Чиркнула спичка и огонь проворно перепрыгнул на маленький деревянный шалашик. Белый дым потянулся было к дверце, но быстро опомнился и устремился кверху. Загрузив печь дровами, дед Хилой захлопнул дверцу. Эмалированный чайник звякнул закопчённым дном, встав на плиту. Под напором засаленной открывалки с принесенной банки слетела крышка. В острой вони гниющей птичьей плоти проклюнулась тонкая нотка клубничного аромата.

— Вот. Тойвовна гостюшке передала, — старик подвинул к Потапову чайную ложку и блюдце со сколотым краем. — Тебе, значится. Почаёвничаем. Это снегуркам горячего нельзя, а нам…

— Вы сказали, что это… — чтобы не смотреть на укрытый мешком таз, Потапов сел вполоборота, — … что это меня спасло. Как?

На долгое время воцарилось молчание. Пока на плите не забулькал чайник, старик сидел за столом, демонстративно не глядя в сторону Сергея Ивановича и занимаясь своим делом. В таинственном мешочке оказались измельчённые травы, ароматные настолько, что даже мерзкая вонь, сдавшись, расползлась по углам и затаилась, выжидая время, чтобы вернуться. Только когда чашки наполнились чаем, а в блюдцах растеклись кровавые лужицы, украшенные крупными ягодами клубники, дед Хилой, наконец, заговорил.

— Ты, кажись, сказки собирать приехал? Ну так и слушай, старших не торопи!

Покорно склонив голову, Потапов принялся прихлёбывать обжигающий травяной отвар. Оледеневшее от страха нутро, кажется, начало оттаивать.

— Лишке горячее пить — себя губить. Она суть что? Упырь обнакновенный! Просто не кровушку горячую ест, а токмо мертвечину холодную. Видал, как она дружка-то твоего оприходовала? Ни единой капельки не пролила! Трупоеды от живой крови дуреют шибко, потому как меры не знают. Нажрутся от пуза, а потом болеют… Ну а когда она тебя душить стала, я её вороной и угостил. Лишке — чем гнилее, тем слаще! А ты как думал, я для себя эту падаль готовлю? Мы Лишку по очереди подкармливаем, штоб, значится, за нас не взялась…

Старик слизал с ложки огромную ягоду и довольно причмокнул. А Потапов, внутренне содрогаясь, внезапно вспомнил широкую пасть и зубы… слишком тупые для того, чтобы рвать живое мясо. Больше пригодные для дробления костей, в которых таится сладкий мозг.

— Лишка это Лихо? — воспользовался паузой Потапов. — Лихо одноглазое?

— Смышлёный, — кивнул хозяин, счищая с ложки излишки варенья о край блюдца.

— А… а Снегурочка?

Над столом вновь повисло молчание. Дед Хилой задумчиво выхлебал кружку до дна и наполнил по новой. Когда Потапов решил, что старик вновь обиделся, тот внезапно начал рассказывать. Он говорил долго, путано, с какой-то неявной, плохо скрытой горечью.

— У нас, за Марревой гатью, испокон лихи водились. Когда моя прабабка маленькой была, они в лесу ещё чаще встречались, чем теперь зайцы. Так она сказывала. А когда её прабабка девкой сопливой была, так и вовсе, мол, целыми семьями жили, голов по двадцать. И людей тогда не губили. Их не тронь, и они не тронут. Зверя — вдоволь, рыбы, птицы — на всех хватает! Ягода, грибы, корешки разные — не то, что сейчас. Летом жирок копили, а зимой спали, совсем как косолапые… но уж если просыпались по зиме, всем худо приходилось. Наша Снегурочка уже восьмую зиму не спит…

Забыв про стынущий в кружке чай, Потапов слушал, разинув рот. Уста хмурого, неприятного старика отматывали назад историю, столетие за столетием, к самому началу времён, где бок о бок с Человеком жили те, кто сегодня уцелел лишь в сказках. Туда, где шаманские пляски призывали дождь и солнце, в покрытых ряской водоёмах плескались пышногрудые русалки, и рыскала под землёй белоглазая чудь. Где Одноглазое Лихо было такой же частью природы, как вороны и медведи, и олени, и белки, и другие четвероногие, пернатые и ползучие твари.

Внимая торопливой, сбивчивой речи Марревского старожила, Потапов с головой погружался в мир древнего волшебства, жестокой кровавой магии. Становился сторонним наблюдателем грандиозной битвы за место под солнцем, в которой проигравшая сторона исчезала навсегда, превращаясь в предания, легенды и детские страшилки. Избегая войны с более сильным и жестоким противником, Старый Мир откатывался всё дальше и дальше. И постепенно не осталось лесов настолько глухих и далёких, чтобы туда не добрался вездесущий Человек, жаждущий новых охотничьих угодий, рыбных рек и пахотных земель. А потом чужеземцы

из-за моря подарили Человеку Крест. И Человек захотел очистить новые земли от скверны…

Страх исчез. Смытый душистым травяным чаем, уступил место жалости. Тоске по убитой сказке. В голове шумело, точно после выпитого литра водки. Разглаживая на столе мятую распечатку монографии Гревингка, Сергей Иванович втолковывал ничего не понимающему, осунувшемуся старику:

— Всегда не мог понять, что за мораль у этой сказки? Не лепи детей из снега? Не прыгай через огонь? Не слушай подружек? Какой позитивный посыл несёт эта история? Чему научит ребёнка? А ведь просто искал не там! Кто бы знал, а?! Горячим меня не кормите…

Она действительно вернулась только с рассветом. Дед Хилой уже спал, забравшись на прогретую печь, а Потапов, распахнув ставни, смотрел, как потягивается просыпающаяся заря. Снегурочка вышла из леса, стряхивая с босых ног рваные останки ночного тумана. Вышагивая легко, почти грациозно, она больше не напоминала пьяную гориллу. Прямая спина, высоко поднятая голова, уверенный шаг. Вся она даже стала как будто стройнее и чище. В грубых линиях её лица, в тяжело обвисших грудях и отяжелевшем от многочисленных родов животе Потапов видел черты языческих богинь, чьи статуэтки по сей день находят от Урала до Дальнего Востока. Вымокшая в росе шерсть серебрилась и отблёскивала в лучах зарождающегося светила. В это мгновение Снегурочка казалась почти прекрасной. Неземной. Осколком старого дикого мира. Частичкой зимы, неведомо как уцелевшей жарким засушливым летом.

Потапов не мог сказать, сколько из этого он действительно увидел, а сколько дофантазировал, вдохновлённый рассказом Хилоя. Волшебство пропало, когда кротовьи глазки учителя разглядели среди травы яркое пятно. Правой рукой Снегурочка волокла за ногу тонкое девичье тело в разодранной красной куртке. На вывернутом запястье мёртвой Алёны болтался включенный полицейский фонарик. Стиснутая ладонь попрежнему сжимала рукоятку ножа. Стальное лезвие, обломанное чуть выше середины, испачкалось в чём-то чёрном и липком.

* * *

И дни потянулись транспортёрной лентой — такие же повторяющиеся, бесконечные и чёрные. Ещё затемно дед Хилой уходил на огород, отгороженный от Снегурочки высоким забором. Там он копался на грядках, пропалывал, рыхлил и поливал, а к обеду, проверив ловушки на ворон, возвращался в дом, прячась от полуденного солнца. Не зная, куда себя пристроить, Потапов слонялся по двору, стараясь не подходить близко к воротам.

На восьмой день вынужденное заключение стало невыносимым. Мёртвого Лёшку Снегурочка уволокла в сторону леса, а тело Алёны, брошенное на самом солнцепёке, быстро превращалось в падаль. Каждую ночь лихо приходило к нему кормиться. К счастью, батарейка фонаря разрядилась ещё до наступления сумерек. Однако Потапов всё равно не мог уснуть, слушая чавканье, хруст разгрызаемых костей и отвратительные сосущие звуки. А по утрам белёсая тварь подтаскивала исковерканные

останки поближе к окну, и совсем по-звериному принималась на них кататься. Глядя на это дело, дед Хилой мрачно шутил:

— Покатайся, поваляйся, Алёнкина мясца поевши… — усмехался он, не зная даже, что совершенно точно угадал имя убитой Виртонен. — Вишь, как изводится, Лишка-то! Эт она для тебя старается, невеста бесова… Марафет наводит…

Юмор у него был сродни хирургическому: циничный, выстраданный долгими годами, проведёнными бок о бок со Смертью. И на восьмой день Потапов понял, что если ещё хоть часок проведёт среди удушающей жары, омерзительной вони и чернушных шуточек, то сойдёт с ума и сам выскочит к одноглазой твари с предложением руки и сердца.

В рюкзаке покойной Виртонен нашлось всё необходимое. Сидя на крыльце, освещаемый лучами восходящего солнца, Потапов обматывал найденную во дворе палку обрывками Алёнкиной футболки, тщательно вымоченными в бутылке с бензином для костра. Он пытался прочувствовать момент, ощутить себя древним витязем, идущим на бой с тёмными силами, но получалось слабо. Потапов не был рождён для битвы. Для пересчёта всех его драк хватало пальцев одной руки. И даже тогда неиспользованных оставалось больше половины.

Закончив импровизированный факел, Потапов встал возле высоких ворот, всё ещё надеясь уловить важность момента, какой-то особый мистический знак. Однако всё оставалось прежним: лысеющий учитель истории с пересохшим от волнения горлом по одну сторону забора, и беловолосая одноглазая погибель, шумно сопящая по другую. Слышно было, как за домом сам с собой разговаривает дед Хилой. Потапов недоумённо пожал плечами, поджёг факел, откинул засов и шагнул на улицу. Будто пересекая черту между миром живых и миром мёртвых.

С пылающим факелом в руке он больше не боялся. Отдавшись во власть электричества, люди утратили веру в огонь. Не удивительно, что за восемь лет никто даже не подумал о том, чтобы сжечь одноглазое лихо. Люди слишком привыкли полагаться на свои игрушки. Навигатор выведет из самой глухой чащи, ружьё защитит от хищников, а фонарь разгонит тьму. Вот только как быть с теми, кто сам является частью тьмы? Сжечь! Огонь вечен и никогда не боялся темноты и того, что в ней сокрыто. Потапов мысленно поблагодарил погибших студентов, подаривших ему время, чтобы осознать это. При виде огня единственный глаз Снегурочки широко распахнулся. Страх — первая живая эмоция, которую Потапов прочёл на грубой уродливой морде. Снегурочка торопливо отпрянула. Пылающий факел очистил дорогу в доли секунды. Можно было спокойно уходить, двигаться к городу, ночами отгораживаясь от нечисти ярким костром. Но до ближайшей деревни дней пять ходу. Без еды и воды протянуть можно. Без сна — никак. И потому Потапов собирался драться.

— Ты чего это удумал, иуда! — взревело над самым ухом.

Жёсткие пальцы впились в плечи, отбрасывая Потапова от сжавшейся перепуганной твари. Отлетевший в сторону факел упал в высохшую колею, но не погас. Учитель вскочил на

ноги и едва успел закрыться руками, как на него налетел дед Хилой. Удар у старика оказался поставленным, хлёстким и на удивление болезненным. Чувствовалось, что в молодости он не пропускал ни одной деревенской драки. Но разница в возрасте давала о себе знать. Совершенно не боевой Потапов всё же был моложе и сильнее. Первый же его удар расквасил деду нос, выбив из ноздрей красную юшку. На этом драка и закончилась.

Роняя сквозь пальцы красные капли, дед Хилой со всех ног бросился к дому. Потапов резко обернулся, понимая, что опоздал, уже почти чувствуя прикосновение холодных ладоней к своей шее… Но вместо этого увидел, как Снегурка, жадно втягивая медный запах вывернутыми обезьяньими ноздрями, точно зачарованная плетётся следом за стариком. Сейчас она походила на голодную собаку, не смеющую стянуть лакомый кусок со стола хозяина. Потапов зашёлся безумным визгливым хохотом.

— Так, значит!? — заорал он, заставляя Снегурочку обернуться. — Горячим тебя не кормить, да?! А ну, сука!

Он неуклюже прыгнул к обглоданному телу Алёнки Виртонен, даже в смерти всё ещё сжимавшей покрытый чёрной кровью нож. Расцепить пальцы нельзя было и домкратом, но это и не требовалось. Прижав запястье к обломанному лезвию, Потапов с силой надавил. Было почти не больно.

С окровавленной рукой вместо оружия он встал, шагая навстречу Снегурочке. Та завертелась вокруг, то подаваясь вперед, то отпрыгивая обратно. Жадно клокотало звериное горло. От нетерпения Снегурочка жалобно поскуливала. Кровь уже пропитала рукав «энцефалитки» до локтя, когда она, не выдержав, кинулась к Потапову и присосалась к открытой ране, подобно огромной белой пиявке. Только тогда Потапов почувствовал настоящую боль. Тупые треугольные зубы жадно терзали разрезанное запястье. Красные пятна, перепачкавшие оскаленную морду лиха, казались ненатуральными. Напрасно Потапов отчаянно бил свободным кулаком в рыхлое тело кровососа. Снегурочка только сильнее впивалась отсутствующими губами в рану. Когда же она, наконец, оторвалась, Потапову показалось, что жизни в нём осталось на самом донышке. Под коленки точно ударил какой-то невидимый шутник — учитель рухнул на землю, как мешок с картошкой. Рядом на четвереньки опустилась перемазанная кровью Снегурочка. Выгнув спину, она зарылась грязными пальцами в прогретую пыль и тут же вновь распрямилась. Из объемистого живота донеслось громкое урчание. Безгубая пасть распахнулась, выплёскивая наружу сгустки свернувшейся крови и не переваренные куски гнилой плоти. Снегурочку рвало так долго, что Потапов успел наскоро перетянуть повреждённую руку оторванным рукавом. Кое-как встав, он доковылял до всё ещё горящего факела. Шатаясь, как пьяный, подошёл к Снегурочке и ткнул огненной палкой прямо в грязно-белую паклю волос. Полыхнуло так, что не ожидавший этого Потапов едва не упал. Над улицей пронёсся визг, протяжный и жуткий…

Сколько времени он провёл, отрешённо пялясь на горящее тело лиха, Потапов не знал. Опомнился лишь, когда увидел, что пустынную улицу Марри, точно призраки, заполнили скрюченные старостью фигуры. Среди них, зажимая ноздри окровавленной тряпкой, стоял и дед Хилой. Потапов ткнул потухшим факелом в чадящие останки.

— Вы свободны! — крикнул он старикам. — Теперь вы свободны!

Получилось как-то пафосно и неискренне. В ответ — гробовое молчание. Лишь далёкое эхо еле слышно коверкает окончание глупой пошлой фразы. Сергей Иванович растерянно огляделся. Что-то блеснуло в дорожной пыли под ногами, послав солнечного зайчика в сощуренные глаза Потапова. Потерянные очки так и лежали здесь всё это время. С трудом удерживая равновесие, — обескровленное тело слушалось плохо и всё норовило упасть, — Сергей Иванович поднял их и водрузил на нос. Лица Марревских жителей впервые проявились перед ним ясно и отчётливо, точно кто-то подкрутил резкость картинки этой Вселенной. Недовольство, испуг, раздражение и даже ярость прочёл он в них, но никак не облегчение. Никто не радовался избавлению.

Сплюнув отсутствующей слюной, Потапов, шатаясь, ушёл во двор Хилоя. Вернулся он уже с топором и пустым рюкзаком. Обгорелую голову Снегурочки, зияющую единственной опустевшей глазницей, он отсёк только с пятого удара. Накрыл рюкзаком, сбивая остатки пламени, и в этот же рюкзак спрятал свой трофей… свою будущую славу. После чего презрительно сплюнул вновь, на этот раз демонстративно, и покинул Маррь, оставив за спиной полтора десятка стариков, медленно стягивающихся к догорающей Снегурочке.

* * *

Седенький старичок по-детски дёрнул деда Хилоя за рукав.

— Староста, чего делать-то будем?! — голос его подрагивал от испуга. — Он же других приведёт!

— Городские опять иконы мои забрать захочут, — прошамкала беззубая бабка Анники. — Иконами разве можно торговать-то!? Господи, прости!

Она мелко перекрестилась двумя перстами. Нестройный хор голосов загудел со всех сторон, разделяя опасения односельчан.

— Как понаедут, опять начнут вынюхивать про вещи старые, про сервиз мой, фамильный! Последнее отберут! — ярилась восьмидесятилетняя Марта Тойвовна, самая молодая жительница Марри. — У городских — ни стыда, ни совести!

— Землю! Землю отымут! — пророчил скрюченный ревматизмом дед Фёдор, заботливо обнимающий супругу, вперившую ослепшие глаза в пустоту.

— Тихо! — дед Хилой поднял мосластые руки вверх, пресекая базарный гомон. — Тут вот что… Я с неделю назад у Марревой гати лося дохлого видал. Лишкиных пацанов работа. Так что очкарику нашему житья — до первых сумерек. Щенки не выпустят. Они ему за Лишку сами голову открутят… уж они-то точно мамку услыхали…

— Ой, Лишень-ка-а-а, — запричитал кто-то из баб. — Да как же мы без тебя-а-а-а?!

— Кошка моя той неделей окотилась, — пожаловалась Тойвовна. — Я

троих специально для Лишки отложила. Теперь что же, выкидывать?!

— Староста, слышь-ка! А ну как очкарика искать придут? А и не искать, так просто кто про нас прознает? Каждый год ведь приходят! Кто нас защитит-то теперь?

Дед Хилой обвёл тяжёлым взглядом сельчан. Молодой жестокий мир не ценит своих стариков. Не обращая внимания на крики о помощи, он вышвыривает их на задворки, гонит прочь, желая только одного — чтобы отжившие своё не путались под ногами и сдохли как можно быстрее… желательно — подальше от молодых и любопытных глаз. Чтобы те, пока ещё горящие и жизнелюбивые, не увидели свою будущую судьбу. Старикам остаётся только одно — взывать к старым богам. Просить помощи у тех, кто научился выживать, сросся с новой реальностью, став злее, жёстче и приспособленнее. Взгляд старосты дополз до согбенного деда Фёдора и остановился.

— Сосед, а не пора ли вам с Дарьюшкой детишек завести? Очередь-то ваша вроде…

Дед Фёдор ещё крепче прижал к себе жену, и кивнул. Та благодарно погладила его по морщинистой руке. Её ослепшие глаза наполнились слезами. Одинокие старухи завистливо ворчали что-то невразумительное, не смея спорить в открытую.

— Значит, решено, — дед Хилой рубанул воздух ладонью, — … как снег ляжет, пойдёте за Марреву гать. Новую Снегурку будить надо.

— Господи, — прошептала слепая Дарья. — Господи, счастье-то какое!

Олег Кожин

Родился в 1981 году в городе Норильске. На сегодняшний день живу в столице республики Карелия — Петрозаводске.

Окончил ЛГОУ им. А. С. Пушкина по специальности «Связи с общественностью». Профессиональная деятельность связана со средствами массовой информации или молодежной политикой.

Работаю преимущественно в жанре хоррора и мистики, гораздо реже — фантастики. Публиковался в журналах «Полдень. XXI век», «Машины и механизмы», «Знание — сила. Фантастика», «Уральский следопыт», «Север», «Фантастика и Детективы», «Реальность фантастики», а также межавторских сборниках.

Софья Ролдугина

ГЛАЗ

Проблемы начались, когда Айзек нашел на обочине глаз.

В тот день погодка была жуткая. Атлантический циклон завалил город снегом, трамваи и автобусы встали; люди бросали автомобили у подножья холмов и к домам шли пешком. Айзек тоже после двух неудачных попыток не стал испытывать судьбу — загнал свою «Ностру» на подземную стоянку при супермаркете, затянул шнурки на капюшоне и поплелся наверх, сгибаясь пополам от встречного ветра.

Где-то на полпути, за табачной лавкой, дорога превратилась в узкую, едва расчищенную тропинку между тридцатисантиметровыми сугробами. Перчаток не было, пальцы окоченели, и руки пришлось сунуть в карманы. Айзек уже и не следил, куда наступает, когда вдруг под ногу попалось что-то круглое, скользкое.

Конечно, не удержал равновесие.

Конечно, упал, напоролся спиной на какой-то штырь — к счастью, не смертельно, но в глазах ненадолго потемнело от острой боли.

И, конечно, из карманов выпали ключи и бумажник. Пока Айзек искал их, случайно нашарил в снежной каше и то самое — круглое, скользкое, на ощупь — стеклянное. Машинально прихватил с собой, вместе с ключами и прочей мелочевкой, и только дома вытер, как следует разглядел… и чуть коньки не отбросил.

— Матерь Божья! Так это ж глаз!

Глаз был очень красивым, темно-синим и совершенно точно женским — только женщины могут смотреть так уязвимо и требовательно одновременно. Время от времени он моргал, затягиваясь черной пленкой, и тогда нарисованные ресницы щекотали Айзеку ладонь прямо как настоящие. Капли воды от растаявшего снега были точь-в-точь будто слезы.

— Самайн же вроде, — пробормотал Айзек, рассматривая глаз, потерянно моргающий на ковре. — На Самайн всегда разное случается. Почему нет. Почему нет…

Сначала глаз перекочевал с ковра на комод, потом — во внутренний карман Айзековой куртки. Иногда он щекотно ворочался и теплел, как живой, но когда Айзек доставал его и смотрел на него, то моргал все так же беспомощно и требовательно.

Так Самайн прошел, а глаз остался.

Постепенно снег расчистили, заново пустили троллейбусы, а потом витрины и фонарные столбы увили рождественскими гирляндами, и вечера стали светлее. Айзек чаще возвращался с работы пешком — мимо переполненных кофеен, дышащих в морозные сумерки ванилью и горячим шоколадом, мимо стендов, зазывающих на тотальные распродажи, мимо безразличных пластиковых Санта-Клаусов, мимо бездомных собак, потрошащих мусорные баки за университетской столовой, мимо захрясшего в пробках шоссе — линия алых огней по одной полосе, белых — по другой. И постепенно Айзек начал замечать странные вещи… точнее, странные не сами по себе, а

из-за концентрации на точку пространства.

Сначала это был просто мусор. Фантики от арахисовых батончиков, консервные банки, смерзшаяся жвачка, окурки и пластиковые пакеты — такого добра в любом городе много, но обычно в глаза оно не бросается, распиханное по контейнерам и урнам. А тут вся дорога оказалась усыпана разной дрянью, как будто дворники вымерли в одно прекрасное утро. Срезая путь через парк, Айзек даже остановился в одном месте — не выдержал и сгреб вонючий хлам в одну кучу, а потом долго и брезгливо оттирал ботинки в сугробе.

Настроение в тот вечер было ни к черту.

Затем появились и другие странности. Трещины в сияющих витринах; провалившиеся крыши в библиотеке и в музее; детские игрушки и разорванные книги, неряшливо сваленные во дворе почти каждого дома; брошенные автомобили, занесенные снегом едва ли не целиком…

Однажды Айзеку показалось, что вечернее небо тоже иссечено трещинами — еле заметными, но глубокими, как в толстом слое льда. Цвета вдоль них были немного ярче, точно свет отражался от сколов и разбивался радугой, а из глубины таращилась мгла.

Самая тоска была в том, что люди вокруг словно и не замечали ничего. Нервы у Айзека сдали, когда однажды он заметил, как две девчонки-официантки из пиццерии напротив стоят посреди улицы по щиколотку в мусоре. Та, что посимпатичнее, блондинка в коричневых лакированных сапогах, топталась прямо по старой кукле. Фарфоровая голова хрустела под каблуком, как свежий наст, и осколки путались в искусственных кудряшках и обрывках голубого платья. Девушка переступила с ноги на ногу, и из-под каблука выкатился стеклянный глаз — почти такой же, как лежал у Айзека дома, в кармане куртки.

После этого гулять вечерами как-то расхотелось.

Он стал больше ездить на машине, а когда не получалось — уходить с работы позже, когда улицы становились безлюдными. Сами по себе кучи хлама не так уж и раздражали — к ним можно было привыкнуть.

Иногда, когда усталость не слишком душила, Айзек отправлялся на уборку. Обычно ближе к ночи, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из соседей. В преддверии Рождества света хватало — перемигивались гирлянды с заборов и фасадов домов, город у подножья холма сверкал рекламой. Айзек надевал рукавицы, брал упаковку пакетов для мусора и выходил на улицу. Собирал все подряд, попутно сортируя — фантики и жвачки в один мешок, книги — в другой, игрушки — в третий, железный хлам, не поддающийся опознанию — в четвертый… Он сам не знал, зачем делает это, но после каждой такой уборки из груди исчезал противный скользкий комок — на время, конечно.

Мусор Айзек потом распихивал по бакам, а игрушки и книги приносил домой. Работы хватало на все выходные — подклеить корешки, кое-где подновить обложки, заштопать кукольные платья и распоротые заячьи бока, отмыть румяные фарфоровые лица, расчесать спутанные кудри… Синий глаз довольно жмурился с

серванта и, кажется, одобрял. Починенные вещи Айзек тайком разносил по всему городу; что-то оставлял у дверей детской больницы или у библиотеки, иногда наугад подсаживал игрушки на порог чьего-нибудь дома. Небольшое кукольное семейство в потертом английском твиде, оставленное у калитки соседей, на следующий день расположилось уже на подоконнике, в уютном тепле, и разглядывало заснеженную улицу нарисованными глазами.

Ночные вылазки становились все дольше. Иногда Айзек брал с собой термос с имбирным чаем и устраивал небольшие перерывы во время уборки — присаживался на чей-нибудь забор, грелся и глазел на пустой город.

Тогда-то и он и начал замечать их — «арестантов».

Первого он принял за припозднившегося прохожего. Мало ли кто и куда может идти ночью по городу? Длинное пальто черно-белой арестантской расцветки подметало обочину, высокий воротник почти целиком скрывал лицо. Проходя мимо Айзека, незнакомец не удивился ни грязным рукавицам, ни большим черным мешкам, наспех сложенным у забора — наоборот, кивнул, как старому знакомому, и слегка приподнял шляпу в знак приветствия. Айзек машинально ответил тем же, и только потом сообразил, что ему показалось неправильным.

Иглы и ножницы.

Иглы были заткнуты за рукав — сверкающей стальной полоской, как в наборе для шитья, Айзек уже насмотрелся на такие, выбирая инструменты для своей «мастерской выходного дня».

Ножницы торчали из кармана — шесть или восемь, судя по количеству ручек.

Странный прохожий надолго запал в память. Айзек думал о нем целую неделю, до следующего вторника, пока не повстречал второго такого же. На сей раз в веселую черно-белую полоску был комбинезон и шарф. Из нагрудного кармана все так же торчали разнокалиберные ножницы, а вокруг пояса, как пулеметная лента, был обмотан ремень с кармашками для катушек и швейных игл.

Айзек в этот момент пытался отодрать от асфальта намертво примерзшего плюшевого кенгуру. Задние лапы попали в лужу, а накануне ударили морозы, и теперь игрушке грозило остаться без солидного куска плюша.

— Помочь? — хрипло спросил человек в комбинезоне. Шарф, намотанный до самого носа, и низко надвинутое кепи не давали толком разглядеть лица, но, судя по голосу и прядям рыжих волос, это был совсем молодой парень — может, даже студент. — С ними так часто случается, особенно зимой.

— И что делать? — Айзек уставился на нежданного собеседника, дыша на озябшие пальцы. — Может, за кипятком домой сбегать?

Парень качнул головой.

— Не надо.

Он присел на корточки, достал из кармана ножницы и принялся методично и аккуратно сбивать лед. Кое-где приходилось долбить прямо по ткани, но парень умудрился нигде не прорвать ветхий плюш. Кенгуру извлекли, практически целым и невредимым, а потом торжественно усадили на самый большой

мешок — любоваться городом. Парень убрал ножницы и натянул на покрасневшие пальцы рукава, чтоб хоть немного согреться.

Айзек спохватился и полез в сумку за термосом. Горячий чай исходил густым паром, а имбиря было столько, что горло продирало после каждого глотка, как от крепкого алкоголя. Пить из одной крышки с незнакомцами Айзеку раньше не приходилось, но сейчас все вышло настолько естественно, словно он каждую ночь это делал.

Только разговор не клеился.

Допив чай и согревшись, парень махнул рукой, замотал получше шарф и пошел вниз по улице. Снег той ночью не шел, и видимость была прекрасная; Айзек некоторое время наблюдал за парнем, пока тот не остановился тремя улицами ниже, у табачной лавки, и начал что-то то ли рисовать на стене, то ли соскребать с нее… От пристального разглядывания у Айзека вскоре заслезились глаза, и он вернулся к своей работе. Хлама по обочинам оставалось еще предостаточно.

А на следующий день, когда Айзек шел мимо табачной лавки, то заметил, что с боковой стены исчезла здоровенная трещина. Раньше через нее было видно, как продавщица внутри листает учебники, пока нет клиентов, а теперь стена стала целой, как новая. Только вдоль того места, где раньше змеилась трещина, шли мелкие, аккуратные стежки.

После этого Айзек стал искать людей в полосатой одежде уже специально. Он бродил с мешками не только по окрестным улицам, но и забирался в соседние кварталы. Там хлама было гораздо больше, но и «арестанты» встречались чаще. Выглядели они по-разному. Мужчины и женщины всех возрастов, от стариков до школьников, и объединяло их только одно — черно-белые полоски и швейные принадлежности. «Арестанты» принимали помощь Айзека как должное и сами помогали ему иногда, а он наблюдал за ними — и чувствовал, что медленно сходит с ума.

В ночь на двенадцатое декабря черно-белые собрались на площади перед библиотекой целой толпой, человек пятнадцать, наверное. Был среди них и рыжий парень в комбинезоне. «Арестанты» откуда-то притащили гигантские, в три этажа, стремянки и расставили вокруг библиотеки, взобрались на них и принялись тянуть что-то — Айзек никак не мог разглядеть, что. А потом проваленная крыша вдруг начала выпрямляться с хрустом и треском, как обледеневший купол сломанного зонтика. Черепичные полотнища хлопали на ветру, словно куски брезента. Рыжий парень тогда заметил Айзека, глазеющего на все вокруг с видом идиота, окликнул его и попросил подержать стремянку, а сам вдруг пополз по крыше вдоль разрыва, орудуя здоровенной иглой, как заправский сапожник. Ближе к утру от огромного разрыва не осталось и следа; парень скатился по крыше обратно к стремянке, спустился, молча пожал Айзеку руку, и все вокруг начали собираться. Через несколько минут остался только сам Айзек — в грязных рукавицах и с пустыми черными мешками для мусора.

Промаявшись на работе весь день, на следующие две недели он взял отпуск, вплоть до Рождества.

По ночам Айзек все так же бродил по округе, днем чинил книги и игрушки — сколько мог. На соседних улицах хлама уже почти не было, да и в ближайших районах стало почище. Но с того самого раза «арестанты» словно избегали Айзека — или случайным образом перестали попадаться навстречу. Он маялся, как от гриппа, и с каждой прогулкой заходил дальше и дальше, наворачивая круги по окрестностям. Сторожил «арестантов» у самых больших трещин, одну даже попытался заштопать сам, но то ли иглы были неправильные, то ли нитки, но трещина так никуда и не делась.

И вот однажды, уже под самое Рождество, возвращаясь из больницы с пустыми руками, Айзек заметил на дороге перед своим домом девчонку в полосатых чулках и в платье с длинными рукавами. Она была босая, но, кажется, ей это не доставляло никаких неудобств, даже в снегопад, на морозе. Ножницы и катушки ниток валялись рядом в беспорядке, а сама девчонка сидела, низко склонившись над чем-то.

Айзек недолго поколебался, но потом стянул рукавицы, распихал их по карманам и направился к «арестантке».

— Э-э… Привет.

— Привет, — буркнула она недовольно. — Отойди, фонарь загораживаешь.

— Сейчас. — Айзек послушно отступил в сторону. — Э-э… тебе не холодно?

— Есть немножко.

Волосы, заплетенные в небрежную косу, свесились через плечо и подметали асфальт. Они были красновато-каштановые и жесткие, почти как у тех кукол в твиде, которых Айзек подкинул соседям.

— Хочешь, чаю налью? У меня осталось в термосе.

— Хочу. — Девчонка на секунду замерла. — Только вот доделаю работу…

Айзек облизнул пересохшие губы. Было слегка нервно.

Или не слегка.

— А… а что ты делаешь?

— Штопаю кошку.

Айзека прошибло холодным потом.

— Кошку?

— Ну да, — сосредоточенно ответила девчонка. — Ее утром сбила машина. А кошка красивая, совсем новая. Жалко.

— Э-э… — Айзек присел на корточки рядом с «арестанткой». — Игрушечная кошка?

— Не-а. Настоящая.

Кошка, которую девчонка штопала, действительно была как настоящая. Свалявшаяся от снега серая шерсть, стеклянно застывшие желтые глазищи, неестественно вывернутая и закоченевшая лапа, кровяные подтеки… Айзек сглотнул и принялся чересчур тщательно заниматься термосом. Расстегнул сумку, вытащил термос, открутил крышку, налил чай, вытер капли с горлышка рукавом, выпил чай, протер крышку снегом, завинтил.

— Все, готово!

Голос у девчонки был исключительно довольный.

Она убрала иглу и нитки в карман платья и на секунду прижала мертвую, закоченевшую до деревянного состояния кошку к себе. Подышала на нее, почесала за ухом, чмокнула в окровавленный нос… И вдруг кошка недовольно зажмурилась и

принялась вырываться из слишком крепких объятий — сперва вяло, а потом все активнее и активнее, пока наконец не съездила девчонке лапой по щеке, не выскользнула на дорогу и не убежала, отряхиваясь по пути от снега.

«Арестантка» из-за царапины, кажется, только обрадовалась.

— Во, злющая! И красивая, да?

— Кто?

Вопрос застал Айзека врасплох.

— Кошка.

— Да.

— Жалко ее было… — со вздохом повторила девчонка и улыбнулась: — Слушай, ты мне ведь чай обещал, да?

У «арестантки» были красивые синие кукольные глаза, фарфоровая кожа и теплая, человеческая улыбка.

Айзек механически отвинтил крышку термоса и налил еще чаю. Он был уже не таким горячим, но пар все так же шел. Девчонка выхлебала свою порцию в один глоток и попросила еще, а пока Айзек разливал — разглядывала его руки.

— Ну-ка, дай, посмотрю.

Он едва успел отставить крышку и термос, когда девчонка схватила его за руку и потянула на себя, а потом бесцеремонно — и больно — развернула к свету, к фонарю.

— Да-а… — протянула она, трогая холодными пальцами грубую ладонь Айзека, едва зажившие следы от уколов из-за швейных иголок и порезов от ножниц. — И давно ты занимаешься починкой?

— Почти два месяца.

— С Самайна?!

— Попозже начал.

— Плохо, — резюмировала девчонка и огляделась по сторонам, наконец отпустив руки Айзека. — То есть хорошо, что ты кругом прибрался, но для тебя — плохо. Скажи, а ты случайно не находил ничего необычного? Ну, незадолго до…

Айзек сразу понял, о чем речь — еще бы, ведь ответ был прямо перед ним, на фарфорово-белом лице.

— Глаз. Я нашел ярко-синий глаз. Тогда, еще давно, когда город завалило снегом. Атлантический циклон…

— А… Ясно. — Она растерянно тронула ножницы. В ее голосе появились неожиданно ласковые нотки. — Тогда все ясно, — повторила она, почему-то избегая глядеть на Айзека. — Слушай, ты ведь недалеко живешь? Сбегай за глазом, хорошо?

Отказаться Айзек не смог — просто язык к гортани присох при одной мысли об этом.

Дома было холодно и темно. Айзек забыл включить отопление, уходя на свою ночную вылазку, но заметил только сейчас. Как и скопившуюся пыль на комоде, и посуду — в раковине. В стенах, конечно, не было трещин, да и сломанные игрушки нигде не валялись, но в целом дом сейчас куда больше напоминал выстывшую пустую улицу, чем место, где живут люди.

Глаз нашелся быстро — он лежал там же, где его оставили, в вазочке на серванте, мигал себе и мигал, грустно и понимающе. Айзек так и не рискнул сунуть глаз в карман — нес в руке, и от нарисованных ресниц было слегка щекотно.

— Ну, точно, — вздохнула девчонка, когда Айзек показал ей глаз. — Это его, наверняка. Вот же растяпа… Пойдем, вернем глаз хозяину.

Айзек послушно встал и закинул на спину рюкзак. Руки и ноги словно онемели.

— Слушай… когда я его отдам, то перестану… видеть?

Вопрос звучал по-дурацки, но девчонка поняла.

— Не совсем. И не сразу. Может, до равноденствия еще продержишься, ты же долго его у себя хранил… Эй, ну не грусти, это же к лучшему.

Девчонка пихнула его локтем в бок, и Айзек только тогда понял, что они уже долгое время идут по незнакомой улице. Кусок памяти словно ножницами вырезали. Вокруг валялось много хлама, очень; не только книги и игрушки, но и машины, и какая-то бытовая техника… Пару раз Айзек заметил что-то похожее на человека, но ему хотелось верить, что это была всего лишь ростовая кукла или манекен.

— А все это, куклы и вещи… они откуда?

— Отовсюду, — передернула плечами «арестантка». Платье липло у нее к коленкам, как наэлектризованное. — Что-то выбрасывают, что-то забывают — так хорошо забывают, что оно проваливается оттуда сюда. Ну, ты знаешь, как это бывает. Дети вырастают и все такое.

— А кошка?..

— Кошку, наверно, тоже выбросили. Но вообще иногда это происходит случайно. Когда что-то уже не нужно там, но и сюда этому чему-то рановато… А, ладно, сам поймешь когда-нибудь. Или нет.

Они некоторое время молчали и просто шли. Айзек хотел спросить еще, но тут девчонка заговорила сама, очень тихо:

— Слушай, ну… а у тебя есть что-нибудь важное? Или кто-то? Девушка?

— С весны вроде бы нет, — сознался Айзек. Сейчас это уже не казалось трагедией. — Ушла к другу. Моему.

— Значит, друга у тебя теперь тоже нет?

— Ну, да. Бывает.

— Конечно, бывает… А семья?

— Нет.

Айзек сказал, как отрезал.

— Ясно… — пробормотала девчонка и уткнулась взглядом в дорогу. — А у тебя есть… Впрочем, ясно, что нет. То-то и оно… то-то и оно…

— Ты о чем?

Айзеку стало уже не тревожно — тягостно. Как во сне, когда хочется проснуться, но не выходит. Фонари перемигивались желтым и синевато-белым, освещая груды хлама и битые автомобили, а вдоль дороги тянулась глубокая трещина.

— Да так, ни о чем. Мы уже пришли, кстати.

Они остановились перед большим старым домом. Он весь был в разломах и не разваливался на части, кажется, только из-за грубых ниток, стягивающих края трещин. От калитки к порогу стелился вытертый красный ковер, а через щель в двери сочился мягкий, теплый свет.

Девчонка пихнула ногой дверь и бесцеремонно шагнула через порог. Айзек ожидал увидеть что угодно, кого угодно… только не того рыжего парня в комбинезоне, методично штопающего потрепанного игрушечного медведя.

Парень обернулся с интересом, но тут же заскучал и поплотнее подоткнул шарф.

— А, это ты. Помочь пришла? Я думал, ты по живым.

— Я думала, ты по игрушкам, — едко передразнила она его и отобрала

у Айзека синий глаз. — Ничего не терял?

— Вроде нет.

— А это?

И она небрежно бросила ему глаз, как мячик для пинг-понга.

Парень вскочил на ноги и в невозможном прыжке поймал его — у самого пола. Потом подбежал к окну, блестящему, как зеркало, повернул кепку козырьком назад, поднес руку к лицу, ойкнул… Когда он развернулся, то смотрел на Айзека и девчонку уже двумя глазами — кукольно синими, кукольно томными и лукавыми.

Парень моргнул.

Айзек рефлекторно сжал кулак, чувствуя иллюзорное щекотание нарисованных ресниц.

— А, теперь правда лучше видно! — обрадовался парень. — Нет, серьезно, я думал, что все, конец теперь… Ты молодец! А это кто? — он ткнул в Айзека пальцем.

— Тебе лучше знать, — пожала плечами «арестантка». — Твоя ведь работа.

Он сощурился, недоверчиво моргнул.

— О, точно. Должны быть такие аккуратные стежки, я старался… Так это у тебя был мой глаз? Спасибо! — и он горячо потряс руку Айзека. — Тогда такая метель была, я все время лицо тер, тер, уронил, стал искать, а нашел тебя, и вот… Спасибо!

Парень бы еще долго рассыпался в благодарностях, но тут влезла девчонка и решительно отстранила его:

— Не надо. Ему еще домой возвращаться, а это, сам понимаешь, тяжело… Пойдем. Я тебя отведу.

Обратную дорогу Айзек запомнил плохо — или, вернее, не запомнил вообще. Девчонка крепко держала его за руку, но все остальное плыло, как в бреду. В память врезалась только страшная черная трещина, рассекающая небо от горизонта до горизонта.

У калитки дома девчонка выпустила руку Айзека и вздохнула:

— Всё. Дальше сам. Не пугайся — сначала сложно будет, но потом сообразишь, что к чему… И напросись на Рождество к кому-нибудь в гости, что ли. Мы проследим, чтобы тебя позвали.

Она улыбнулась и потрепала его по щеке — белой, фарфоровой рукой.

Айзек как будто от сна очнулся.

— Погоди… А я еще встречу тебя? Или не тебя, но кого-нибудь из ваших?

— Ты? — Она наклонила голову на бок, и тяжелая коса мотнулась через плечо. — Да, конечно. Ты — обязательно встретишь, ведь у тебя хорошие руки… Только не скоро.

Девчонка заставила Айзека наклониться, привстала на цыпочки и поцеловала его в лоб — холодными, кукольными губами с запахом имбиря.

— Как тебя зовут?

— Айзек.

— Возвращайся домой, Айзек. Спасибо тебе за все.

А дома было пусто, холодно и темно.

Первым делом Айзек включил отопление. Потом прошелся с мокрой тряпкой по всему дому, безжалостно смывая пыль и грязь. Разогрел в духовке пиццу. Зачем-то позвонил домой напарнице с работы, выслушал массу нелестного о людях, которые трезвонят в пять утра и с облегчением извинился, пообещав все объяснить

завтра. Да-да, завтра, в канун Рождества, в офисе.

Конечно, он туда придет.

Почему нет?

Позже, в ванной, Айзек долго стоял под горячей водой, а потом разглядывал спину в мутном зеркале. От спины до поясницы, конечно, тянулся еле заметный шов.

Очень-очень аккуратные стежки.

Айзек медленно выдохнул и закрутил воду.

— Завтра, — произнес громко, — завтра все будет по-другому.

Но подумал, что штопать игрушки и клеить книги некоторое время продолжит. В конце концов, видеть всякое Айзек будет еще до равноденствия.

А кукла сказала, что у него хорошие руки.

Софья Ролдугина

Родилась в Москве. В 2008 году закончила Колледж МИД России, затем два года провела в командировке в Бразилии. После возвращения в Россию продолжила работать в Архиве МИД.

Примерно в это же время серьёзно увлеклась фантастикой. Дебютный роман «Ключ от всех дверей» занял первое место на конкурсе фантастики «Триммера-2010» и вскоре был опубликован издательством «Центрполиграф». А через год издательство «ЭКСМО» выпустило мои книги «Белая тетрадь» (2012 г.) и «Зажечь звезду» (2013 г.). Также публиковалась в журнале «Seagull Magazine» (стихи, рассказ), в газете «Интеллигент» (стихи), в электронном журнале «Буквица» (стихи).

БАЛЛАДА
О НЕВИДИМОМ РАЙЦЕНТРЕ

Год за годом в тихом озерце,
обрамлён пейзажиком исконным,
отражался маленький райцентр
с красным флагом над райисполкомом.

Но однажды вздрогнула вода,
потемнело озеро к ненастью —
передали новость провода,
что пошла борьба с Советской властью!

Изменились жители в лице.
Был намёк неверно истолкован.
Взбунтовался маленький райцентр
с красным флагом над райисполкомом.

Демократов вышвырнули прочь,
возвели в проулках баррикады,
жгли костры и факелы всю ночь,
не боясь ни Бога, ни блокады.

Отдалось в чувствительном крестце —
понял мэр, что быть ему секомым
за мятежный маленький райцентр
с красным флагом над райисполкомом.

А броня-то всё ещё тверда —
и в степных дымящихся просторах
потекла десантная орда
на пятнистых бронетранспортёрах.

Озабочен старший офицер —
уж не заблудился ли с полком он?
- Господа! Да где же здесь райцентр
с красным флагом над райисполкомом?..

Озерцо да роща, благодать,
но нигде ни домика, хоть плюньте!
И пришлось в итоге докладать
о пропавшем населённом пункте.

...Иногда лишь в тихом озерце
вопреки оптическим законам
возникает сгинувший райцентр
с красным флагом над райисполкомом.

(Эту быль под тихий звон монист
в кабаке с названием «Цыганка»
рассказал мне бывший коммунист,
президент коммерческого банка.)

Евгений Лукин, 1995

Екатерина Бакулина

ХИМЕРА

Нэлле налила чай в старую эмалированную кружку, взяла осторожно, стараясь не обжечь пальцы, вышла на крыльцо. Закуталась поплотнее в тёплую шаль— свежо еще, хоть и солнце припекает. Весна выдалась ранняя, бойкая, звенящая дружной песнью капели. Снег на прогалинах давно растаял, и лишь глубоко в лесу среди старых еловых иголок ещё затаились потемневшие островки. А Ситка, и без того полноводная, разлилась-раскинулась аж до самой ивовой рощи.

Подошла кошка и начала тереться о ноги.

— Завтра Ионыч приедет, — сказала ей Нэлле, — мы у него крупы купим и спичек, и ещё платье новое надо, а то совсем износилось. И кофе.

— Муррр, — согласилась кошка.

— Мы с тобой столько носков за зиму навязали, что теперь можем слегка шикануть.

Нэлле уселась на порожек, глядя в небо, улыбаясь. Вот и ещё одна зима прошла. Этого первого весеннего приезда Ионыча она ждала как праздника, долго решала, что выменяет у него за своё рукоделие, что необходимо сейчас, а что потом, ближе к осени. Например, свечи кончились, но с ними до осени повременить можно, дни сейчас длинные, летом и так всё можно успеть. А вот кофе Нэлле любила, и всегда по весне, если дела шли хорошо, покупала баночку — только растворимый, обязательно… но, может быть, дело тут даже не в кофе, а в чём-то ещё. И обязательно газет, пусть и старых, читанных, побывавших в чьих-то руках. Старых — даже лучше.

Старик Ионыч появлялся в середине апреля и потом каждую неделю до конца октября, всегда в субботу утром, на большой моторной лодке. Он возил всякую всячину из Гроховца для дачников, выше по течению на полста верст, ну и к ней заглядывал. Нэлле ему радовалась. Места здесь глухие, дорог нет, болота, кроме как по реке до её маленького домика никак не добраться.

Сегодня пятница, она отметила в календарике, значит завтра.

Но завтра лодки не было.

Нэлле всё ждала, до самого вечера не отходила от реки, беспокоилась, а вечером решила, что, наверно, сбилась, перепутала… она всегда отмечала прожитые дни аккуратно, но мало ли? За долгую зиму — немудрено. Наверно, сегодня и не суббота. Может быть, завтра?

Но и на другой день Ионыч не приплыл тоже. Нэлле доила коз, чистила курятник, прибралась в доме, штопала ещё раз старое платье… только дела шли кое-как и всё валилось из рук. То и дело она бегала к реке, посмотреть — не покажется ли лодка. Прислушивалась.

Лодки не было.

— А вдруг он уже был, — говорила она, насыпая курам зерно, — меня на берегу не увидел и проплыл мимо?

Куры косились на неё круглыми глазами.

Нет, Ионыч бы зашёл, обязательно зашёл, и даже, не застав её дома,

оставил бы записку. Так уже было. Что-то случилось? Он всегда так точен…

Нэлле не находила себе места, извелась, уже почти неделя прошла…

Страшно становилось. Такая простая и налаженная жизнь ломалась на глазах.

А если он больше не приедет, что с ней будет? Идти в город самой? Нет, не выйдет, не пойдёт она никуда, будет жить без крупы и спичек, как-нибудь… Совсем одна. Она привыкла.

Нельзя ей никуда идти.

А в новую субботу, рано утром, Нэлле услышала на реке шум мотора. И разом стало смешно и стыдно за собственные страхи.

Но всё же…

Нэлле застыла, не сразу поняв, что же не так.

Лодка была всё такая же, большая, плоскодонная, с облупившейся по бортам краской, и мотор урчал так же, и так же разгонял волны. Только человек был не тот. Вместо старого Ионыча на корме сидел другой, молодой, высокий и тощий как жердь, в красной бейсболке.

— Эй! Это ты Нэлле? — крикнул он.

Нэлле вдруг испугалась, хотела даже убежать, но ноги не послушались. Только кивнула.

Человек спрыгнул у берега в воду, вытащил лодку, привязал её к торчащей коряге. Махнул рукой, иди, мол, сюда. Нэлле вздрогнула. И не пошла. Не по себе стало. Кроме Ионыча она уже давно не видела людей…

— Ну, ты чего, — крикнул тот, — иди сюда.

Нэлле облизала губы, но не двинулась с места.

Тогда человек достал тяжёлую клетчатую сумку, пошёл к ней сам.

Нэлле попятилась.

— Так… — он остановился, вытер лоб тыльной стороной ладони. — Бегать за тобой и уговаривать я не буду, учти. Вот тут гречка, рис, мука. Надо? Тогда неси свои варежки.

Нэлле кивнула и побежала домой. Схватила приготовленный мешок, взвалила на спину, понеслась обратно. Человек отошёл назад и сидел на борту лодки, свесив в воду ноги в здоровенных сапогах, курил.

Поставив своё рукоделие около сумки, Нэлле замялась.

— Мне можно это взять? — спросила она.

— Бери, это тебе.

— Спасибо.

Он только ухмыльнулся. Нэлле взялась за ручку, потянула, но поднять такую тяжесть оказалось непросто, пришлось тащить волоком.

— Может, тебе помочь?

— Нет, спасибо, я справлюсь.

— Я в следующую субботу приеду. Что-то ещё надо привезти?

Нэлле остановилась, закусив губу, долго не могла сообразить, как-то разом всё вылетело из головы.

— Баночку кофе, — попросила наконец.

И только дома, оставшись одна, поняла, что забыла о важном, спичках, например…

Ничего, решила она, попрошу в следующий раз. Напишу список, чтобы не забыть.

Всю неделю она только и думала: что же случилось, и почему вместо Ионыча теперь другой. Кто он такой? Ведь всё знает про неё. Может быть, он временно? Может, Ионыч заболел или дела какие? А может, так теперь будет

всегда? Теперь этот молодой в бейсболке будет плавать к ней? Всегда?

Что же делать?

Привыкать заново? Всё с начала?

Новый ей не понравился. Неприятный тип, не доверяет она ему. Старый Ионыч — куда лучше.

Но, может, ещё ничего, может, всё образуется.

Всю пятницу она убиралась: выскоблила стол до блеска, постелила на пол свежей соломы, разобрала вещи, постирала занавески, перемыла посуду с песочком, чисто вымела дорожки у дома, до самой ночи возилась, убирая курятник, всё переживая, что не успеет… А утром старательно расчесала волосы, повязала чистый платок.

Лодка появилась в назначенный день.

— Ну, и навязала же ты варежек! — весло крикнул он, помахав Нэлле рукой. — Мне теперь с тобой не расплатиться!

Нэлле поджала губы, вытащила из кармана список. Руки отчего-то дрожали.

— Мне нужны спички, — она старалась говорить громко, но голос подвёл, неприятно взвизгнул. — И ещё мыло, соль, две иголки, газеты, можно старые, всё равно какие, и ещё… ещё платье.

Молодой усмехнулся.

— Платье? Какое?

Он сидел на корточках, на носу лодки, и разглядывал Нэлле с интересом. Бейсболку в этот раз он надел козырьком назад, куртку сменила красная объёмная безрукавка и фланелевая рубашка с закатанными рукавами.

Нэлле вдруг смутилась.

— Ну, платье… моё уже протёрлось совсем. Я ведь могу заказать платье? Варежек хватит? Если нет, я потом ещё…

Щёки вспыхнули и запылали. Не зная, куда себя деть, Нэлле опустила глаза.

— Хватит твоих варежек, — сказал молодой. — А размер какой?

— Размер?

— Да. Какой ты носишь?

Нэлле не знала размер, она даже не знала, какие они бывают. Нет, что-то помнила такое, но… Молодой улыбался, Нэлле показалось — он над ней смеётся, обидно так.

Не выдержала, сорвалась с места, пустилась бежать. Даже про кофе забыла.

За что ей это? Он смеётся над ней. Ведь Ионыч ничего такого не спрашивал, привозил одежду, если она просила, и всё. Почему его больше нет? Неужели теперь всегда…

До вечера прорыдала, уткнувшись в подушку. А вечером пошла к реке.

Баночка кофе стояла на пригорке, под банкой стопка журналов. И ещё — хрустящий пакетик конфет.

Неделя прошла в делах и заботах, хозяйство у Нэлле было немаленькое, надо убирать, чистить, сеять, следить за рассадой, поправлять забор, чинить крышу, которая после зимы начала протекать. За всем этим Нэлле старалась не думать о молодом лодочнике, который причинял ей столько беспокойства.

— Ну что он, сам не видит, что ли, — спрашивала она у кошки, — какое платье мне надо, какой размер? Что у него, глаз нету?

Кошка урчала и тёрлась о ноги.

А Нэлле зачем-то вспоминала, что глаза у молодого, конечно, есть — серые, насмешливые. От таких воспоминаний становилось щекотно и горячо

внутри. Непривычно становилось. Менялось в ней что-то, шевелилось… от этого становилось хорошо и страшно одновременно.

На речку она пришла намного раньше положенного срока, лишь только взошло солнце. Всё равно не спалось. Взяла с собой вязанье, села на пригорке.

Он ещё издали помахал ей рукой, она сделала вид, что не заметила.

— Вот, всё привёз!

Молодой спрыгнул у берега в воду, вытащил лодку, держа увесистый пакет. Вытянул руку, словно предлагая взять у него.

— Ты меня боишься?

— Нет.

Подходить Нэлле не решалась.

— Я не кусаюсь, — не унимался тот.

— Зато я кусаюсь!

— Ну, может быть, — молодой рассмеялся, поставил-таки пакет на землю. — Как знаешь.

Повернулся и пошёл к лодке.

Нэлле закусила губу. До крови. До слёз. Ну за что ей…

Подойти и посмотреть, что там в пакете, она решилась только когда шум мотора стих вдали, так и сидела с вязаньем в руках, неподвижно.

Всё было на месте, и даже платье. Удивительное! Старик Ионыч таких не привозил. Мягкое, тёмно-васильковое, сидело так, словно по ней сшито. Нэлле даже всю неделю ходила в старом, всё не решалась надеть, боялась запачкать.

Решилась в субботу утром.

А он в этот раз даже на берег не вышел. Подплыл поближе, заглушил мотор… лицо хмурое, сигарета в зубах.

— Тебе что-нибудь еще надо? — крикнул он Нэлле.

— Нет, — ответила она.

Лодка рявкнула и заурчала, поднимая волну.

— Подожди!

Нэлле едва не кинулась за ним вплавь, так неожиданно…

— Подожди! — кричала она. — В середине июня земляника будет! Я наберу!

Он кивнул, хотя вряд ли что-то слышал за рёвом мотора.

Нэлле осталась стоять по колено в воде. Платье намокло.

Солнечные зайчики резвились вокруг.

Казалось, что-то важное сломалось, раскололось и теперь больше не склеить. Прежней спокойной жизни не вернуть. Страшно. Пусто. Даже то непонятное внутри, то страшное отчего-то молчит.

До середины июня почти месяц… целая вечность. Рассыпались и тихонько увяли белоснежные звёздочки ветреницы, одуванчики покрыли золотом все окрестные луга, и тоже потихоньку начали разлетаться белыми парашютиками, отцвел багульник у реки… а вот земляника в этом году не удалась…

Нэлле старательно ходила по лесу, стараясь набрать, но выходило всё не больше кружки. Ионыч бы и кружку взял, а ей бы за это ещё, к примеру, баночку кофе привёз… Но Ионыча нет. А молодой, казалось, только посмеётся над ней.

Нэлле заварила в кружке зелёный чай с мятой и смородиновым листом, достала последнюю конфетку.

— А если он не приедет? — сказала тихо.

Приедет, конечно, обязательно приедет. Нэлле видела его лодку, каждую субботу смотрела на неё из

кустов, боясь показаться. Подглядывала, словно за чем-то запретным. И завтра опять…

На завтра она подбежала к нему сама. Не задумываясь, забыв обо всём, лишь только лодочник ступил на землю, Нэлле была уже рядом, протягивая маленькую берестяную корзиночку с земляникой.

— Вот! Сейчас мало ягод, все зелёные еще… это всё…

Она хотела сказать, рассказать, объяснить, но испугалась. Лодочник взял корзинку прямо из её рук. Он был едва ли не на две головы выше, от него пахло рекой, сигаретами и немного бензином.

— Ничего, — улыбнулся он ей, — сколько есть. Что тебе привезти?

Горячая волна пробежала по телу, разливаясь дрожью, зазудела кожа, что-то хрустнуло и заныло в спине… Нельзя было! Ей же было нельзя!

Бежать! Нэлле поняла, что ещё хоть секунда — и уже не сможет справиться. Будет поздно!

Объяснять уже нет времени.

Вскрикнула, сорвалась и понеслась прочь. Подальше. Скорее…

Упала лицом в густые заросли папоротника, в землю… подобравшись, сжав кулаки, стиснув зубы, стараясь справиться с собой, не поддаться, не пустить… Не выпустить на свободу то страшное, чего так боялась столько лет и от чего пряталась.

Долго боролась.

Потом, поборов, заплакала. Ну как она могла? Как она могла, дура… Ведь знала же, что нельзя подходить. Нужно держаться подальше от людей. Иначе… иначе случится беда. Разве она забыла? Разве можно такое забыть? Как тот парень лежал в лужи крови с перекушенным горлом… глубокие борозды от когтей на его плечах… её когтей. Разве можно забыть.

Как она могла?

Нэлле плакала.

И что же теперь? Что теперь будет? Что он подумает о ней?

Что он может подумать? Что она дура? Ведь ничего же не случилось. Она успела. Он не увидел ничего. Совсем ничего. Она отдала корзинку и убежала. Он, должно быть, удивился, может быть, посмеялся над ней. Наверняка этот молодой лодочник считает её странной, может быть — сумасшедшей. Но ведь считает и без того…

Нэлле села, обхватила колени руками, уткнулась в них носом.

Стало ужасно, просто невыносимо, жалко себя. Она всегда будет одна. И никогда не сможет даже прикоснуться к другому человеку. Никогда-никогда. Даже подойти. Поговорить просто…

Раньше Нэлле уже думала, что смирилась, привыкла, что она сможет… да ей и не нужно вовсе…

Слёзы текли по щекам. Тихо-тихо.

Как так вышло?

Она просидела в лесу до самого вечера, а потом пошла к реке. Осторожно, словно её мог кто-то увидеть. Словно он мог ещё быть там.

Там, конечно, никого не было. На пригорке лежала пачка журналов, на них баночка кофе и пакетик ирисок, как в тот раз. Постояла немного, глупо оглядываясь. Потом, прижимая всё это богатство к груди, пошла домой.

До утра не могла уснуть. Вертелась, думала, перебирая в голове всё, что произошло… и кожа чесалась, ломило кости. Разбуженный зверь снова заворочался в ней, внутренний

почти забытый, почти незнакомый зуд нарастал, всё тяжелее становилось терпеть.

А на рассвете Нэлле вдруг решилась сделать то, чего боялась все эти годы.

Теперь уже всё равно.

Нет, выпустить на волю дикую голодную пятнистую кошку она не рискнула. Но кроме кошки была ещё огромная водяная змея.

Пусть будет змея.

Река ждала её.

Нэлле разделась, аккуратно сложила одежду, положила под куст рябины, придавила камешком. Осторожно зашла в воду.

И что теперь? Нэлле начинал бить озноб, ноги подкашивались. Она чувствовала себя куколкой, готовой вот-вот превратиться в бабочку. А может быть, змеей, меняющей шкуру. То страшное, запретное столько лет, вдруг начало казаться таким манящим. Чудесным. Ради чего терпеть и прятаться, если она всё равно никогда не сможет жить с людьми. Она другая. Такая. Надо лишь выпустить на свободу…

Только пока Нэлле не знала — как. Забыла. Это было так давно… в детстве…

Больше никогда…

Нэлле закрыла глаза.

Нужно лишь захотеть, представить, поверить…

Прохладная вода ласкала ноги, пальцы утопали в мягком песке…

Вот сейчас…

И вдруг мир перевернулся. Раскололся. Завертелся.

А в месте с ним упала Нэлле, заметалась в воде, извиваясь, захлёбываясь…А потом всё встало на свои места. Она поплыла. Радостно, всем телом, ныряя и выпрыгивая из воды. Она и забыла, как это хорошо. Зачем же пряталась столько лет?

Больше прятаться не будет.

Впрочем, купаться днём Нэлле пока не решалась, приходила на речку каждую ночь. Как на праздник приходила, ждала целый день, всё представляя… Дела шли кое-как, Нэлле ещё старалась, но куры поглядывали с неодобрением, может быть, чувствовали в ней что-то…

— Что случилось? — лодочник разглядывал её, не скрывая удивления.

— Ничего, — сказала Нэлле, пожала плечами. — Я земляники ещё набрала.

Она надела новое платье, распустила волосы, сплела пёстрый венок.

Лодочник хотел было подойти, сделал шаг вперед. Но Нэлле остановила.

— Не подходи. Я поставлю и уйду, потом ты возьмёшь. А мне пока ничего не надо, пусть пойдёт в счёт будущего.

— Ты меня боишься?

— Тебя — нет, — Нэлле даже улыбнулась.

— А чего тогда?

— Не всё ли равно?

Поставила корзинку, сверкнула глазами и ушла.

Не всё ли равно, что он подумает? Ну его к чёрту! Сегодня Нэлле была твёрдо убеждена, что никакие молодые лодочники её больше не волнуют.

А на следующий день решила выпустить кошку.

Счастье переполняло её, захлёстывало через край. Свобода пьянила. Нэлле никогда не было так хорошо. Она больше не собиралась ни от кого прятаться, пусть смотрят, если хотят! Хотя, конечно, смотреть тут некому, она не зря выбрала это место

для жилья… Не важно. Ей никто не нужен!

Мир полностью изменился для неё, стал шире, ярче, прекраснее, стал полон новых запахов, ощущений, нового вкуса…

Она даже не пошла в субботу встречать лодочника — ну его! Зачем? Земляники всё равно не набрала, до земляники ли… Встретит в следующий раз. Вот, кажется, завтра…

И вдруг однажды, подойдя к дому, увидела на двери записку: «Нэлле, что случилось? Тебя не было три недели. Я вижу, что ты бываешь тут, оставь хотя бы записку. Я волнуюсь.»

Он волнуется! Нэлле прижала записку к груди и долго стояла. Он волнуется о ней! А она, дура… она где-то бегает.

И только потом поняла — три недели! Прошло три недели! А не две, как она думала.

Какой сейчас день?

Нэлле стало страшно, она впервые потеряла счёт времени.

Когда ждать лодочника в следующий раз?

На пороге лежала кошка, лениво вылизывая живот.

Боже мой! Козы! У неё же и козы и куры, а она бегает по лесам! Нет, она прибегала, конечно, кормила их, убирала… она ещё помнила, что это важно… да она и не запирала их, они не разбегались, привыкли… но когда Нэлле была тут в последний раз?

Как она могла?!

Всё хозяйство в запустении, огород вытоптан. Трёх коз и одного козлёнка не хватает… может, ещё вернутся? Может, она найдёт? Волков здесь нет…

Куры деловито бродят вокруг дома. Все ли?

Нэлле села на порог, закрыв руками лицо. Слёзы катились по щекам.

Ещё бы немного — и всё. Она ведь могла забыться, остаться кошкой, не вернуться вовсе. Что бы было тогда?

Теперь она ходила к реке каждый день, с самого утра, боясь пропустить, садилась на берегу, ждала. И вот дождалась.

— Нэлле! Ну, слава Богу!

Он подвел лодку к берегу, спрыгнул, чуть вытащил носом на песок, но привязывать не стал, так и остался стоять рядом по колено в воде.

— Я уж думал, случилось что. Думал, ты совсем пропала.

— Ничего не случилось, — тихо сказала она. — У меня просто были дела.

— У тебя всё хорошо?

— Да…

Нэлле замялась. Нужно было что-то сказать, что-то простое… такое, чтобы он понял, что всё хорошо. Нужно что-то сказать. Придумать. Он стоит, ждёт… и лодка привязана. Он ведь переживал за неё! Она ведь ради него сидела тут всю неделю безвылазно! Так много хотела сказать, но сидит и молчит. Слова потерялись где-то, все до одного.

Если она ничего не скажет, он сейчас сядет в свою лодку и уплывёт.

— Я не набрала земляники, прости, — наконец выдавила из себя Нэлле. Получилось не к месту и как-то неуклюже.

— Ничего страшного…

— Я в следующий раз наберу… черника уже пойдёт.

Он кивнул.

— Привезти чего-нибудь?

Нэлле растерялась. Она ведь что-то хотела, но сейчас ничего не шло в

голову. Вдруг поняла, что хочет лишь одного — подойти. Близко, так, чтобы снова почувствовать его запах — реки и сигарет. Человеческий запах. Мужчины… Да просто так подойти! Почувствовать, наконец, что не одна, что рядом есть люди… поговорить. Боже мой, как бы ей хотелось просто поговорить! Всё равно о чём.

И ведь можно, даже кошка не вырвется, она уже нагулялась, успокоилась, снова научилась подчинять кошку и змею себе.

Но как подойти? Нэлле не набрала ягод для него, он ничего не привёз… У неё нет предлога. Как? Ни с того ни с сего…

В следующий раз?

— Привези пакетик гречки, — попросила Нэлле.

— Хорошо.

В следующий раз.

Она подождёт. Она умеет ждать.

Лодочник постоял ещё, словно тоже чувствуя, ожидая… потом повернулся, отвязал лодку… та зацепилась за корягу… он дёрнул, с остервенением, резко.

— Подожди!— вскрикнула Нэлле.

Он обернулся.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Подожди… — Нэлле поняла, что не сможет, смелость только показалась и снова оставила её. — Я ведь не спросила, как тебя зовут!

— Антон.

— А я Нэлле…

Вышло глупо, она тут же прикусила губу…

Лодочник усмехнулся.

— Я знаю.

Ещё она хотела спросить, где Иоыч, но больше не решилась. Смутилась… В следующий раз. Вот приедет он снова, и Нэлле обязательно спросит.

Заурчал мотор…

Всю неделю Нэлле очень старалась быть прежней. Не бегать, не плавать, боялась снова потерять счёт дням. Занималась хозяйством, огородом, домом, собирала чернику в лесу. И ждала.

Всю эту неделю она думала о вещах, о которых не могла, не позволяла себе думать столько лет. Сначала несмело, пугаясь сама себя, потом уже открыто, с упоением. Нэлле понимала, что влюбилась и ничего не может с этим поделать. Или даже нет, не так… она просто истосковалась по любви. Дело было даже не в лодочнике, дело было в ней.

Нэлле представляла, как он вернётся, как улыбнётся ей, возьмёт за руку, посадит с свою лодку, обнимет крепко-крепко и увезёт в чудесные края. И она будет счастлива.

Она так ждала.

Так, что темнело в глазах от одной только мысли…

А он не приплыл.

Всю субботу Нэлле просидела на берегу, кусая губы, глядя вдаль, прислушиваясь к малейшему шороху, так надеясь услышать шум мотора. Но ничего.

Как же так? Этого не может быть.

И в воскресенье его не было.

Нэлле ходила на берег каждый день. Не верила. Ей все казалось, что вот-вот услышит знакомый шум, вот-вот увидит… Проклинала себя за то, что не смогла подойти, когда ещё было можно, когда был удобный случай. За то, что боялась, за то, что пряталась. За то, что три недели бегала по лесам…

Да что толку проклинать?

Спрашивала себя — почему? Что случилось с ним? Она ли виновата? Что ей делать теперь?

Кусала губы и грызла ногти. Плакала по ночам.

Всё валилось из рук.

На полянках распустился цикорий и живокость, отцвела ромашка, давно увяли колокольчики… трава начала жухнуть под летним солнцем. И только когда воды коснулись тонкие желтые листья ивы, поплыли куда-то вдаль, уносимые течением, Нэлле поняла — лодочник не вернётся больше.

Всё закончилось.

Не будет того, о чём она мечтала. Но и по старому тоже уже никогда не будет.

А что будет — Нэлле пока не знала.

К тому времени она уже перестала плакать. Перестала злиться на него и на себя… нет, она не смирилась. Просто приняла. Поверила. Сама высохла, как осенний лист, у которого впереди — только зима. Скоро наступят холода и снег укроет все печали…

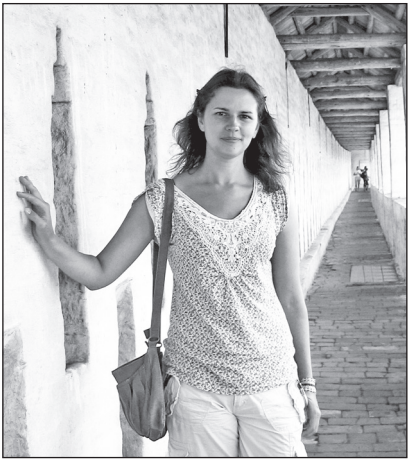
Ничего уже не вернуть.

Всё придется начинать с начала. Но возможно ли?

А лодочник приехал только весной, так вышло… но Нэлле уже не было в том домике у реки. Никого не было.

Только вокруг заброшенного, покосившегося за зиму домика, крупные кошачьи следы.

Екатерина Бакулина



Родилась 13 октября 1980 года в Москве, где и живу до сих пор. По образованию я учитель рисования и черчения, закончила худ-граф МПГУ. Даже немного поработала по специальности, но со школой как-то не сложилось. В основном занималась компьютерной графикой для кино, рекламы и прочего. Последнее — художник по текстурам для программы «Мульт-личности».

Первый рассказ был напечатан в журнале «Порог» в 2005 году, потом еще в «Просто фантастике», сборнике «Аэлита», «Уральском следопыте», чуть позже в «УФО» — и повесть в электронной версии журнала «Реальность фантастики».

Валентин Орлов

ЧЕРНАЯ МОНЕТКА

— Мот. Меня зовут Мот.

У него было настоящее имя. А как же! И чёртова фамилия тоже. Но он предпочитал кличку. Сам придумал. Звучит шикарно — будто всегда при деньгах и швыряет их направо-налево. Ещё хотелось добавить: для друзей — Мот. Но друзей у него не было.

В последний раз его имя понадобилось дежурной медсестре, когда он отморозил два пальца на ноге. Не повезло, да… но это было зимой, а сейчас весна. И вопрос задала не какая-то старая карга в застиранном халатике, а хорошо одетый мужчина. Подозрительно хорошо для этих мест — таким ни к чему знать лишнее.

— Ну, а меня зовите Игорем. Послушайте, Мот, мне кажется, у вас есть и другие монеты.

— Может, и есть. Что с того?

— Я бы хотел взглянуть.

— Я тебе чё, музей? Смотри что есть.

Мот кивнул на свой импровизированный прилавок из картонных коробок. Несмотря на показное равнодушие, парень напрягся. Черт бы побрал эти монеты. Он и прихватил-то их на автомате в том привокзальном кафе у какого-то иностражки. А нечего было клювом щёлкать.

— Если честно, меня интересует только одна. Знаете, такой формы забавной… будто её мыши обгрызли.

— Эту? Ну, видал такую, чё дальше?

— Так она у вас?

Мот плохо разбирался в людях, иначе он бы не торговал здесь барахлом. И всё же надо быть последним ослом, чтобы не заметить, как занервничал этот хмырь. Того и гляди лопнет от нетерпения!

— Она у вас?!

— Да как сказать… у меня-то много чё есть. А вот что у тебя?

— Вы про деньги?

—Про что ж еще? Карточки не принимаю.

— Сколько? Если это она, сумма меня не волнует!

— Ну, — Мот задумчиво потер нос и назвал цену, которой сам немного испугался.

— Хорошо. Согласен. Покажите, — солидный мужчина, казалось, растерял все слова.

Мот вытащил из кармана потемневшую от времени монетку. Вообще-то он не собирался выкладывать её на прилавок — уж больно затертый вид. Погнутая вся. К тому же, эта корявая денежка была удивительно приятной на ощупь. Так незаметно, поглаживая большим пальцем металлический бок, Мот переселил её из кармашка каталога в свой собственный. Да там и оставил.

— Она, — выдохнул мужчина, когда кругляш оказался на грязной ладони парня. Мот даже испугался, что Игорь схватит монету и убежит — так судорожно дернулись его руки, — Она, это она, точно она…

— Зашибись! Теперь деньги.

— Что?

Мот быстро сжал кулак и спрятал монетку в пальто.

— Деньги, говорю.

— Да, конечно! — мужчина с трудом оторвал взгляд от кармана, — только знаете… у меня сейчас с собой нет

столько. Я ведь не думал, что найду её именно сегодня! Боже мой — сегодня!

— Нет денег, нет товара.

— Есть! То есть не с собой… у меня дома есть!

— Ну, приноси, чё.

— Нет! Нет, я прошу вас, пойдёмте со мной. Я так долго её искал… пожалуйста, я не могу позволить, чтобы вы куда-нибудь исчезли.

— Чего это вдруг?

— Мот, — мужчина пристально посмотрел на парня, — дорогой мой друг, поверьте, когда находишь что-то по-настоящему ценное, нельзя выпускать из рук.

* * *

Мот плохо помнил своё детство, но отец точно не проводил с ним бесед насчет опасных незнакомцев. Таких, к которым ни в коем случае нельзя садиться в машину, даже если они обещают дать конфет. Никто и никогда не предлагал Моту конфет, но насчёт незнакомцев он кое-что знал. В интернате ходили всякие страшилки. Большинство из них были правдой.

Мот говорил себе, что мужчина совершенно не похож на опасного незнакомца. Чёрт побери, да в нём опасности не больше, чем в божьей коровке. И всё равно, когда Игорь распахнул дверь двухэтажного особняка, у Мота тоскливо заныло в груди.

— Не волнуйтесь, у меня нет собаки, — мужчина, похоже, заметил его волнение, — я хотел завести и даже одно время приглядывал щенков Джек Рассела — знаете, такой черный, вертлявый. Но я вечно в разъездах, и это неудобно, пришлось бы договариваться с уборщицей. То есть, зачем тогда вообще заводить собаку? Для уборщицы?

В доме вместо угрюмой сосредоточенности на Игоря напала болтливость. Ни то ни другое не устраивало Мота. Он-то планировал как можно скорее свалить.

— Давай ближе к делу!

— Да, конечно… хотя, раз уж мы пришли, вы не против… понимаете, семью я тоже не успел завести, как и собаку. Для меня находка монеты большое событие, а отметить не с кем. И если вы не торопитесь…

Что-то щёлкнуло в мозгу Мота, и вся подозрительность исчезла. Когда речь шла о бухле, у него напрочь отбивало всякую осторожность. Даже история с пальцами ничему не научила.

Собственно, почему бы не обмыть сделку с этим милым чудаком? Чего опасаться? Сумма, которая Моту казалась огромной, вроде бы совсем не впечатлила Игоря. У него, в конце концов, свой дом в центре города, рядом с парком. Возможно, Мот даже продешевил — эти коллекционеры просто чокнутые, когда речь заходит обо всяких побрякушках.

— Только сначала закончим дела.

— Конечно! Господи, само собой! — Игорь выбежал из комнаты, но почти сразу вернулся, отсчитывая купюры, — вот, пожалуйста.

С неожиданным сожалением Мот отдал тёмную монетку. Мужчина жадно схватил её и прижал к губам — так в голливудских фильмах целуют руку дамам. Потом смутился и спрятал покупку в карман.

— Проходите, пожалуйста, в гостиную. Располагайтесь, я сейчас присоединюсь к вам.

Потыкавшись наудачу в пару комнат, Мот выбрал большой круглый зал, предположив, что это и есть гостиная. Обставленное белой мебелью,

помещение заставило его почувствовать себя грязным. Он бы снял ботинки, но носок на правой, лишенной половины пальцев ноге выглядел жалко. Впрочем, полупустая бутылка виски на стеклянном столике легко смыла неприятное чувство. Чудаковатый хозяин сам предложил отметить покупку, и Мот, не стесняясь, плеснул напиток в единственный стакан. К возвращению Игоря он уже удобно устроился в кресле.

— Ну что ж, вижу, вы освоились, — поставив ещё одну бутылку и чистые стаканы на стол, мужчина опустился в соседнее кресло.

— Отличный дом.

— Неплохой. И просторный, к тому же. Знаете, моё хобби занимает много места…

— Да ладно!? Этих монет, чё, так много?

— О да! Очень много. И монет, и пластин, и шаров, и спиц — у меня огромное количество всякого такого, — Виктор мечтательно закрыл глаза, — Скажи, Мот, у тебя есть что-то, ради чего ты живешь? Какая-то цель — я не имею в виду квартиру или машину, нет. Что-то такое… не сиюминутное. То, к чему можно идти всю жизнь.

— Что-то типа вашего хобби, да? — подмигнул Мот.

— Именно.

— Ну как сказать. Только без обид — ты спросил, я ответил. Как по мне — это всё игрушечки от скуки. Хорошо, если есть время на всякое такое. Но я предпочитаю жить настоящей жизнью.

— Настоящей жизнью? — Игорь уставился на парня, будто тот штаны снял и кучу ему посреди гостиной навалил, — Знаете, дорогой мой, если что-то и называть настоящим, то уж точно не эту глупую суету. Люди карабкаются, стараются изо всех сил успеть, будто в награду им дадут какой-то приз. Но в итоге никто ничего не выигрывает. Нет, Мот, эта жизнь самая что ни на есть иллюзия. Не лучшая, к тому же…

— Ну да? — Парень выразительно осмотрел комнату, — А чё! Я б с удовольствием обменял свою иллюзию на твою, раз она тебе не нравится. Только вряд ли удастся провернуть сделку так же ловко, как и с монетой.

Игорь рассмеялся.

— Дорогой мой, ты пойми, мы пришли в этот мир одинаково нищими…

— Я бы поспорил!

— Не перебивай. Мы пришли нищими, и мы останемся такими, сколько бы денег ни заработали, какой бы роскошью себя не окружили. Это всё не то. В душе каждый чувствует, что занимается ерундой. И опять же — что не ерунда? Я тебя спрашиваю — что имеет значение?

— В смысле?

— Не понимаешь, да? Ну, не беда, ты ещё молод. Когда почувствуешь зов настоящего, не спутаешь его ни с чем. Это будет обещание твоего счастья, твоего сокровища. Только тогда ты перестанешь быть нищим. Вот как раз сегодня ты, друг мой, сам того не зная, сделал меня самым богатым человеком на свете!

—Реально? Эта чёрная херня столько стоит?

Игорь усмехнулся.

—Сама по себе она не стоит ничего. Но для меня она дороже всего на свете.

—Я смотрю, вы прям серьёзно к своей коллекции относитесь.

—Да, серьёзно, — Игорь задумчиво потёр бокалом подбородок, — Послушай, Мот, хочешь увидеть кое-что интересное?

— Чё! Ты за пидора меня держишь?!

Нахмурившись, Игорь с минуту соображал, потом до слёз расхохотался. Кажется, удачное приобретение пьянило куда сильнее виски.

— Я же сказал, что не могу завести даже собаку, с чего ты решил, что я хочу завести человека? Нет, я просто покажу тебе то, что собирал всю свою жизнь. В конце концов, именно твоя монетка станет завершающим штрихом. То есть, уже моя монетка. Моя… разве не интересно?

— Интересно, — Мот ещё не до конца успокоился, но любопытство взяло верх.

Почему-то он думал, что они спустятся в подвал, как показывают в страшилках. Но, вопреки ожиданиям, хозяин, пошатываясь, направился к лестнице, ведущей на второй этаж. Опрокинув в себя остатки виски, Игорь оставил стакан на перилах и провёл освободившейся рукой по карману. Проверял, на месте ли покупка.

— Слушай, а с чего ты взял, что монета у меня?

— О, дорогой мой! Я так давно охочусь за ней, что должен уже, как пёс, идти на запах. Или, может быть, она сама звала меня.

— Ну да, конечно! Фартануло тебе.

— Не совсем. Я ведь уже почти купил её дня три назад. Но посредника обокрали, пришлось выучить все монеты, которые были в той коллекции и заняться обходом блошиных рынков, ломбардов… я, знаешь ли, очень терпеливый человек. И вот она здесь. Последняя.

— Последняя? Разве можно собрать коллекцию монет полностью? Или что вы там собираете?

— Или что, — рассмеялся Игорь, отпирая дверь, — вот именно — «или что»!

Наблюдая, как трясущимися руками Игорь пытается попасть в замочную скважину, Мот удивился, зачем человек в своём доме запирает двери. Хотя, мало ли, какие у богатых сдвиги. Нет, он не испытывал ненависти к толстосумам — зависть, обида, страх — но не ненависть. Сильные чувства редко посещали Мота. Отчасти за это в интернате его считали мямлей. Мот очень редко чего-то по-настоящему хотел, чем-то интересовался…

Но этот хмырь — Игорь — сумел разжечь в нём любопытство! Парень осторожно заглянул в комнату, и все опасения тут же остались снаружи.

Там росло дерево.

Оно заполняло пространство от стены до стены — невозможное, самое прекрасное на свете. Тёмные, узловатые ветви заплетали верхнюю половину комнаты так, что потолка не было видно, и всё же сквозь крону сочился свет. Лился, стекал по мощному стволу прямо к ногам обомлевшего парня. Чёрные узкие листья оставались неподвижны, и всё же Мот слышал едва уловимый шелест. Этот звук, и этот свет, и сам воздух комнаты наполняли голову странными, чужими мыслями. О сладком молоке утреннего тумана, о мелком, тёплом песке под босыми ногами, о зелёном береге и белых скалах — обо всём, чего не было в жизни Мота. О чём он даже не думал.

— Ну как? — мужчина встал напротив Мота, гордо уперев руки в бока.

— А?

— Спрашиваю — нравится тебе моё «или что», моя коллекция?

— Коллекция?

— Именно. Всё, что ты видишь, собрал я. Ну, не только я, но это не важно. Мной добыт последний кусочек. Недостающая часть.

— Не понимаю…

Но Мот понимал. Когда прошло первое потрясение, и глаза привыкли к неверному свету — сиянию, окружающему дерево, он разглядел, что оно состоит из тысячи частей. Некоторые предметы легко угадывались — крышки, половники, какие-то колёса, но большей частью детали оказались слишком хорошо подогнаны, чтобы отличить одно от другого. И всё выполнено из того же чёрного материала, что и проданная им монетка.

— Оно не настоящее…

— Не настоящее?! — взвизгнул мужчина, — да понимаешь ли ты, что смотришь на единственную *настоящую* вещь? Стоит мне вставить последний фрагмент и тебя сдует, как пылинку! Весь мир исчезнет, потому что как раз он-то не настоящий!

— То есть как?

— А вот так! Ты что-нибудь слышал о том, что человек приходит на землю, чтобы вырастить себе душу? Хотя откуда тебе… Объясню проще: это древо — ключ! Каждая частичка его не опасна, она принадлежит нашему миру настолько, что даже воспринимается как его составляющая. Но если собрать всё вместе, мировая иллюзия рухнет, и мы — если только мы сами настоящие, если в нас выросла живая душа — мы войдём в мир реальный. В прекрасный и чистый, каким он был создан в начале времён.

— Рай?

— Если хочешь, называй так, — мужчина указал на ствол, — посмотри сюда.

В переплетении древесины Мот заметил маленький, едва различимый кусочек — ещё более чёрный, чем кора вокруг. Пятнышко неправильной формы, будто его обгрызли мыши.

— Теперь вы его закончите?

Мужчина помедлил, потом бережно вытащил чёрную монетку. Какое-то время он разглядывал её, склонив голову набок, затем, взяв двумя пальцами за края, поднес совсем близко к дереву и… убрал обратно в карман. Как ни в чём не бывало, он обернулся к Моту.

— Ни в коем случае, мой дорогой. Ни за что на свете.

— Но вы должны! Это же то, о чём вы говорили — счастье, цель и всё такое! Или боитесь, что исчезнете?

— Ничего я не боюсь!

—Тогда почему? — Мот чуть не плакал от досады, он хотел выхватить монетку и прижать к дереву, но не решался. Как всегда оказался слишком труслив, — и зачем тогда показывать?

— Мне хотелось, что бы кто-то был свидетелем моего торжества, — просто ответил Игорь.

— Но почему я?

— А кто ещё? К тому же, ты безопасен. Власти, чтобы отнять у меня древо, не имеешь, рассказать некому, а если и расскажешь — кто тебе поверит? У тебя вся биография на лбу написана. Не обижайся, дорогой мой, раздели со мной этот момент.

Игорь примиряюще улыбнулся, но Мот упрямо потряс головой:

—Поставьте монетку. Вы же сами говорили…

— Да что тебе в этом?!— сердито прервал его мужчина, — разве ты не понял ещё? Только сейчас я счастлив, в моей руке последний фрагмент! Вот он, смотри! Я всю жизнь стремился к этому моменту и что? И что ты предлагаешь? Просто взять и прервать его? Нет, мой друг, я хочу всю оставшуюся жизнь провести у корней этого древа. Каждую секунду ощущая, что могу шагнуть в Рай.

* * *

— Эй, давай- давай на выход! — Охранник постучал ногой по скамейке, на которой сидел неопрятный молодой человек, — Парк два часа как закрыт.

Парень, встал и быстро пошёл к воротам, будто только и ждал, когда его попросят.

— Нарик хренов, — буркнул охранник и продолжил обход.

Тем временем молодой человек свернул с дорожки, быстро перебрался через забор и оказался в маленьком неухоженном саду. Пригнувшись, он направился вдоль стены дома, пока не оказался рядом с водосточной трубой. Ловко забрался по ней на второй этаж и влез в окно, которое сам и приоткрыл несколько часов назад.

Вопреки обещаниям, Игорь спал не у корней древа, а в своей кровати. Под его прерывистый храп Мот быстро обшарил одежду, валявшуюся на полу. В карманах монетки не обнаружилось, зато нашлись ключи от комнаты на втором этаже. Поднявшись по лестнице, парень тихо отворил дверь. Насколько он помнил, никакой сигнализации не было, но кто мог сказать наверняка?

Дерево всё так же сочилось призрачным светом. Мот приложил все усилия, чтобы не попасть под его чары. Не до того. У него была цель — может быть впервые в его грёбаной жизни — у него была цель! И цель эта лежала прямо перед ним на обычной белой подушке. Возможно, хозяин дома и собирался в будущем соорудить алтарь для чёрной монетки, но сегодня его хватило лишь на это. Этот пьяный дурак даже не подумал спрятать её в сейф!

Ощущая странную боль в груди, Мот поднял монетку и протянул к дереву. Парень так дрожал, что пришлось помогать второй рукой. Он чувствовал, что жизнь, безрадостная, как осенняя слякоть, подходит к концу. То, что будет дальше, настолько же не похоже на унылое существование его, как и деревья в саду, через который он пролез, не похожи на это чудесное древо.

Повторяя движения мужчины, Мот поднёс монетку к коре, почти закрывая брешь, и зажмурился. По щекам его катились слёзы. Этот кусочек металла в его руках ничего не стоил, но для кого-то был самым большим сокровищем на свете. Да, Мот понимал, теперь он понимал!

* * *

Спустя час, всё ещё шмыгая носом, Мот покинул дом тем же путём, каким и проник в него.

«Когда находишь что-то по-настоящему ценное, нельзя выпускать это из рук», — сказал старый дурак. И как он был прав, чёрт побери! Тысячу раз прав!

— Ни на мгновенье, — пробормотал Мот и нежно погладил пальцем металлический бок монетки.

Валентин Орлов

Родился в 1985 году в городе Саратове, окончил Саратовский государственный университет по специальности Вычислительные машины, работает в телекоммуникационной компании. Инженер связи. Одним словом, технарь. Считал, что для публикации литературных произведений нужно особое образование и подготовка, потому собственное творчество нигде не афишировал. Но желание развиваться не давало покоя, хотелось узнать профессиональное мнение, потому в 2013 году Валентин отправил свою работу в редакцию альманаха.

Это первая публикация автора.

Марина Ясинская

ЗАГОВОРЕННЫЕ

Раненые лежали вплотную друг к другу на сдвинутых в один длинный ряд школьных партах. Хирург оперировал тут же, в бывшей классной комнате. Звонко шлепали по цинковому тазику извлеченные из тел осколки и пули, громко шумел примус, непрестанно кипятивший воду.

Левая рука и плечо давно отнялись, в боку что-то токало. Пытаясь отвлечься от боли, Борис разглядывал классиков на стенах, с удовольствием узнавая старых знакомцев — задумчивого Александра Сергеевича, гордо приосанившегося Михаила Юрьевича и чуть заметно улыбающегося Николая Васильевича…

Холод всё больше расползался в груди. Голоса хирурга и медсестёр глохли и таяли, исчезали со стен классики в рамках, сквозь стены классной комнаты проступал зимний лес. Запахло горящим углём, застучали колёса поезда. И холодный снег, падая на впалые Васькины щеки, почему-то больше не таял…

— Эй, ты! Помирать, что ли, вздумал? — донёсся до Бориса возмущённый мужской голос, бесцеремонно возвращая его обратно на школьную парту, — Попробуй только!

Борис моргнул. Пропал зимний лес, не слышно стука колёс, и только мужской голос ворчливо возмущался над ним:

— Помирать он собрался! Даже и не думай! Мы тебя так подлатаем, что ещё бегать будешь!

Ледяной холод в груди вдруг пронзило чем-то обжигающе-горячим, голова закружилась — и Борис унёсся прочь, в белые смоленские леса, в медленно ползущий по заснеженным рельсам поезд.

* * *

Комбриг, мужик суровый и прямой, так и сказал:

— Честно вам признаюсь, бойцы, я не знаю, наша это уже территория или ещё немецкая. Но даже если и немецкая — придётся вам как-то прорваться. Потому что больше подмоги госпиталю ждать неоткуда, раненых у них счёт пошёл на тысячи, а без крови они и четверти не спасут. Вся надежда на вас.

А ситуация в районе и впрямь была непростая. Красноармейцы прорвали вражеский заслон в районе Лучёсы, прямо посередине Ржевской дуги. На севере и западе — немцы, и большинство тамошних железнодорожных путей Красная армия подорвала ещё при самом первом отступлении. С востока с боями пробиваются армии Калининского фронта. Оставался юг, но никто толком не знал, разрушены ли там железные дороги или нет, есть ли там немцы или нет, а если есть — то где именно и сколько. Получалось, что к Лучёсе приходилось ехать вслепую, наудачу.

Тут-то и вспомнили в бригаде о «заговорённых». Все двадцать пять бойцов взвода как на подбор: выносливые, как богатыри и везучие, как черти. Они выживали там, где никто больше не выживал, пробирались туда, куда никто больше не мог — и

в окружение под Брянском они кровь привозили, и в Вяземский котёл прорвались, и на Можайской линии побывали, и в Калинине, и в Клине, и в Туле. Значит, и тут пробьются.

Решили, погрузили в поезд боеприпасы и канистры с донорской кровью для эвакогоспиталя, уложили запасные рельсы со шпалами и отправили «заговорённых» в путь.

Поезд продвигался медленно: железную дорогу скрывал снег, и под белым покровом разглядеть, есть ли еще впереди рельсы или же нет, не понять. Караулить, лежа на крыше паровоза в обнимку с тёплой трубой, приходилось по очереди — подолгу смотреть на сияющую под солнцем белизну было решительно невозможно, начинало резать глаза.

И настолько все бойцы взвода были сосредоточены на том, чтобы вовремя заметить, не обрываются ли впереди пути, так беспокоились, как бы не сошёл поезд с рельс, что другую опасность едва не проморгали…

— Засада? — высказался лежавший справа от Бориса усатый Митрич, сообразив, что сделанная рассказчиком пауза приглашает к участию с разговоре.

— Мины! — предположил кто-то из дальнего угла бывшего кабинета химии, зная, что постоянно переходящая из рук в руки здешняя земля была щедро заминирована — как своими, так и фашистами.

— Ну, точно, немцы, — вздохнул лежавший слева от Бориса Сашок. Комсомолец, не призванный ещё на фронт по возрасту, он попал под ударную волну фугаски, оставленной отступающими фашистами, и оказался в госпитале. Самый молодой из всех раненых, лежащих в палате, Сашок единственный ни разу не побывал в бою, и потому с любопытством слушал истории более опытных товарищей. В его глазах была такая голодная жадность до подвигов, которые он свершит, как только ему будет позволено отправиться на фронт, что Борис невольно усмехнулся.

— Да если бы немцы, — покачал он головой, пряча улыбку. — Если бы мины. Что мины? Их можно обезвредить. Немцев можно убить… Хуже.

— А что может быть хуже немца? — искренне удивился Сашок.

— Нечистая сила.

Парень совсем по-детски натянул одеяло повыше на себя, словно ребёнок, слушающий страшную сказку на ночь, и Борис довольно кивнул. Это хорошо, пусть считает, что есть кое-что пострашнее немца, так-то оно проще будет, когда придёт пора в бой идти…

Митрич спрятал в усах улыбку и подмигнул Борису. Многоопытный комроты, он насквозь видел, что делает раненый лейтенант.

* * *

После операции Борис долго не приходил в себя. Когда, наконец, открыл глаза, то увидел, что лежит на тощем матрасе в бывшем кабинете химии с таблицей Менделеева на стене. Парты и стулья вынесли, окна заколотили фанерой, в углу поставили печку-буржуйку.

И кругом — раненые. На кроватях, на столах, на полу и на подоконниках, а сквозь открытую дверь видать, что раненые лежат и в коридоре, и на лестничной площадке.

Многие из них были совсем еще молодыми ребятами. Недавние

призывники, мальчишки, всего несколько недель назад грезившие о подвигах. Теперь, узнав, каково это, когда тело рвут пули, трясутся от страха. Только ни за что на свете в этом не признаются. Вылечатся, стиснут зубы и пойдут воевать, презирая себя в глубине души за трусость и малодушие. А сейчас, пока лежат здесь, они будут с жадным любопытством слушать истории более опытных товарищей, пытаясь в чужих рассказах найти ответ на самый главный вопрос — откуда же её взять, храбрость для боя?

Когда-то давно, словно в другой жизни, Борис тоже больше всего на свете боялся проявить трусость в бою и считал смерть самым страшным, что может приключиться в жизни. Но это было прежде…

* * *

— Ну точно упыри. Штук тридцать. Убитые немцы в них обернулись. Загнали оставшихся в деревне баб с ребятишками, — сообщил бойцам вернувшийся через полтора часа Лёха, стаскивая с головы пилотку и водружая вместо неё теплую ушанку.

Невысокий скуластый парень считался лучшим разведчиком взвода. Да что там взвода — всей дивизии! А всё потому, что у него были нервы из стали, железная выдержка, уникальная память и — пилотка-невидимка, отличавшая его от сотен других разведчиков. Лёха незамеченным пробирался туда, куда никто больше не рискнул бы сунуться, и возвращался оттуда, откуда живыми не возвращались.

Солдаты молча переглянулись. Им, конечно, велено как можно скорее доставить кровь в эвакогоспиталь, но… Как тут оставить беззащитных женщин на произвол упырей?

Слово было за командиром.

Борис оглядел окружавшие его лица и остановил взгляд на кудрявом темноглазом молдованине: тот вырос в деревне под Кагулом и от соседей-румынов, испокон веков живших бок о бок с вампирами, выучил про нечистую силу всё, что только можно было.

— Михай, — вполголоса спросил он, — какое оружие упыря берёт?

Тут Борис вздрогнул всем телом и крепко зажмурился. Раненые, слушавшие его затаив дыхание, сочувственно молчали — каждый из них знал, что такое боль.

Только вот они не знали, что болело у лейтенанта вовсе не в простреленной груди.

Болело прямо в сердце.

…На опушке зимнего леса шеренга немцев гнала впереди себя по полю деревенских баб. Поле замело снегом, и невозможно было сказать, оставила ли там отступившая Красная армия мины или нет. Вот немцы и проверяли.

Когда рванула первая мина, солдаты взвода вздрогнули, и только железная дисциплина удержала их на месте. В обращенных на Бориса взглядах читался один-единственный вопрос.

В тот момент Борис готов был отдать что угодно, чтобы снять с себя лейтенантские нашивки и командирские обязанности вместе с ними. Простая математика: на одной стороне жизни тысячи раненых солдат, которым так нужна кровь, на другой — жизнь двух десятков деревенских женщин. Только как потом жить с самим собой, ставя между ними знак «больше»? Как?..

* * *

Взвод отправился в деревню в полном составе. Шли с винтовками наготове, в окружную, чтобы подобраться к вампирам незаметно, со спины. Тихон-учитель нёс с собой фляжку с бензином: Михай утверждал, что лучше бы, конечно, серебряной пулей или осиновым колом, но и огонь подействует не хуже. Подстрелить — и в костёр.

Перестрелять упырей оказалось совсем несложно. Только вот беда — они неохотно занимались огнём и всё норовили вылезти из костра обратно.

— Может, эти мертвецы — особые? Потому что из немецких солдат получились? — растерянно предположил Михай. Обычно он всегда знал, как и чем нечисть взять, а тут вдруг — такая осечка!

— Ну, если это потому, что упыри из немцев, то я, кажется, знаю, чем их добить, — воскликнул Тихон-учитель. Подскочил поближе в костру и вдруг давай во всё горло кричать стихами: «Бейте в площади бунтов топот! Выше, гордых голов гряда! Мы разливом второго потопа перемоем миров города!»

И подействовало! Чем дальше лупцевал Маяковским Тихон, тем больше корчились в огне упыри. Глядя на такое дело, подбежали и остальные и принялись торопливо припечатывать мертвецов кто чем горазд — кто-то затянул комсомольские песни, кто-то читал пионерские речёвки.

А когда костёр догорел и от упырей остался только пепел, «заговорённые», под благодарные напутствия деревенских, вернулись к поезду и поехали дальше.

На душе было легко и радостно, с губ сама собой рвалась песня, и совсем скоро, под мерный стук колёс, над заснеженными полями понеслись дружные слова:

Нас не трогай — мы не тронем,
А затронешь — спуску не дадим!
И в воде мы не утонем,
И в огне мы не сгорим!

…Деревню покидали молча, не глядя друг на друга. От колючего ветра слезились глаза.

Одиннадцать человек.

Им удалось перебить всех немцев, но они оставили у безымянной деревни, в мерзлой земле смоленских лесов почти половину взвода.

* * *

В палату внесли миски с супом. Завтрак, обед и ужин были для раненых главным событием дня. И неважно, что не хватает на всех ложек, и что снова пустая похлебка с капустой и картошкой. Зато горячая. И раздаёт её высокая, красивая медсестра Наденька, в которую были немножко влюблены, пожалуй, все раненые.

Со школьного двора донеслось громкое фырканье машины и крики:

— Разгружайте! Давайте же, нам надо ещё раз успеть!

Наденька торопливо сунула последнюю миску в руки круглолицему усатому комроты Митричу и убежала. В госпиталь, открытый в уцелевшей в бомбежках школе, последние несколько дней раненые поступали бесперебойным потоком — после страшных боев под Сычёвкой Красная армия возобновила наступление на Белое и Ржев. Запасы камфоры, кофеина и морфия иссякали; так необходимая для переливаний раненым спасительная кровь закончилась уже давно, и вместе со вторым

санитарным самолётом, сбитым несколько дней назад, последняя надежда госпитального персонала на её получение умерла.

Умерла — и воскресла: пару дней назад к госпиталю подошёл поезд, в одном из вагонов которого обнаружили канистры с донорской кровью, а в машинном отделении — тяжело раненого в грудь синеглазого лейтенанта.

Серые от усталости и недосыпа врачи и медсёстры с удвоенной силой бросились спасать жизни. А когда выдавалась свободная минутка, прибегали проведать лейтенанта, которого, как оказалось, звали красивым русским именем Борис. Они пожимали ему здоровую руку и называли его «нашим спасителем». Тот слабо улыбался и отводил глаза: доставка крови вовсе не являлась главной целью, ради которой командование рисковало его взводом. Самым важным было разведать опасную местность, а кровь — она так, прилагалась. Только ни врачи, ни раненые об этом не знали. Как не знали и бойцы его взвода.

Лежавший рядом с Борисом курносый старлей Димка страдал, ревниво наблюдая за тем, как заботливо Наденька кормила «спасителя», поскольку сам тот держать ложку не мог, и ворчал:

— Куда уж нам до него! Он кровь привёз, а мы что? Мы так, мы всего только немцев отсюда прогнали, подумаешь, тоже мне, делов-то!

— Ревнуешь? — расплывался в широкой улыбке усатый комроты Митрич, — Не ревнуй, старлей, не ревнуй. У Наденьки любви на нас всех хватит. А ту любовь, о которой ты думаешь, она уже отдала.

Курносый старлей вздыхал, вспоминая о том, что Наденька преданно ждёт пропавшего год назад под Черниговкой мужа-танкиста, и принимался вместе с другими ранеными слушать истории Бориса.

А рассказывал тот складно и занимательно. Про свой взвод, где что ни боец, то заговорённый, про нечистую силу, которая до донорской крови сама не своя, про мертвых немцев, обернувшихся упырями, которых можно изгнать пионерскими речёвками, про волшебные винтовки, про пилотки-невидимки…

Плёл, ясное дело, с три короба. Но плёл убедительно. Так, что хотелось поверить.

* * *

Поезд проехал уже больше половины пути, когда, взобравшись на вершину очередного холма, резко дернулся и встал. Выглянувшие наружу бойцы увидели, что внизу, под холмом — немецкая застава. Прямо в чистом поле. Незаметно никак не пробраться, придётся прорываться с боем.

Бойцы переглянулись и пожали плечами: подумаешь, не впервой! Их целый взвод, каждому не привыкать глядеть смерти в глаза. К тому же, у каждого из них была на неё своя управа.

У Лёшки-разведчика — пилотка-невидимка.

На Михае-молдаванине под гимнастёркой — заколдованная рубаха, которую расшила ему мать по всем наказам деревенской знахарки Иляны; такую простая пуля ни за что не возьмёт.

У белобрысого сибиряка Ивана — заговорённая карточка, снимок

невесты, он его в нагрудном кармане гимнастёрки носит. Куда в Ивана не стреляй, хоть в ногу, хоть в голову, пуля непременно попадёт именно в эту карточку и отскочит; и по-прежнему будет смотреть с черно-белого снимка на своего жениха русоволосая девушка с длинной косой и бойкими глазами.

Улыбчивому связисту Руслану, что родом из казанских татар, покровитель их семьи, старый домовой, по-ихнему — йорт иясе, видения посылает. Если Руслану снится, что йорт иясе муку просеивает, значит, смело можно хоть на передовую идти, ничего ему не будет. Если же снится, что шерсть прядёт — то надо поберечься.

У его брата, снайпера Раиса, есть настоящая волшебная винтовка. Она сама чует, где немец прячется, и всегда в него попадает, даже если Раис и целиться-то особо не будет.

У Тихона-учителя — заклятье-оберег; когда он его читает, смерть пролетает мимо него…

— А у вас, товарищ лейтенант? — полюбопытствовал обожжённый Сашок. — У вас что было?

Но Борис только молча улыбнулся в ответ.

Первыми на заставу пошли связист-Руслан с Лёхой-разведчиком: одного не видно, а другому ночью йорт иясе целую гору муки просеял, значит, смерти сегодня можно не бояться. За ними следом — Михай в заколдованной рубахе и Тихон с заклятьем-оберегом на губах, ну а дальше уже — и весь взвод, кроме только снайпера Раиса, облюбовавшего себе со своей волшебной винтовкой удобный холмик.

Немцев было, конечно, немало, но они настолько не ожидали нападения в чистом поле, что сначала было растерялись. А когда принялись отстреливаться, и того хуже — испугались. Да и как тут не испугаться, когда стреляешь в упор и раз за разом промахиваешься? А когда попадаешь прямо в грудь несущемуся на тебя солдату, он не только не думает падать, но ещё и продолжает бежать, как ни в чём не бывало?

— Хорошо вам, — с легкой завистью протянул кто-то из раненых. — Вы вон все какие — заговорённые.

— Да, хорошо нам, — заставил себя ответить Борис, и лицо его скривилось от боли.

Вокруг Бориса свистели пули; дыхание вырывалось из груди тяжелыми толчками. Бежавший чуть впереди гармонист Петро споткнулся, подломился в коленях и бессильно уронил винтовку. Следующий прямо за Борисом Тихон-учитель торопливо, взахлёб, словно молитву, словно спасительное заклинание, шептал: «Жди меня, и я вернусь, всем смертям назло, кто не ждал меня, тот пусть скажет: повезло. Не понять, не ждавшим им, как среди огня ожиданием своим ты спасла меня…». Шептал, будто его Настасья и впрямь могла услышать его за тысячи километров, и не замечал, что из простреленного плеча хлещет кровь…

Когда наконец утих немецкий пулемёт, около станка бойцы нашли пилотку Лёхи, так и не вернувшегося из разведки немецкой заставы…

А потом оставшиеся в живых солдаты с остервенением рыли мёрзлую землю и долго стояли над холмиками свежих могил, не замечая холода. И Борис крепко сжимал в руках испачканную кровью, пробитую пулей

в самой середине карточку Ивана, с которой смотрела на него русоволосая девушка с длинной косой и бойкими глазами.

* * *

Железнодорожные пути оборвались тогда, когда до красноармейских линий осталось рукой подать. Полотно не было взорвано, его просто аккуратно разобрали, метров на сто.

Невелика проблема, в одном из вагонов лежат запасные рельсы и шпалы, как раз на подобный случай. Только вот там, где рельсы обрываются, с двух сторон стеной стоит густой лес, такой высокий и плотный, что дневной свет не проникает в этот тоннель. И царит такая зловещая тишина, что сами собой на ум приходят мысли о засаде.

Не дожидаясь команды, с поезда спрыгнул Михай и решительно нырнул в сумерки. Вернулся через несколько минут и пожал плечами:— Да всего только стригóи. Вампиры, то есть. Наверное, кровь донорскую сквозь канистры почуяли, нюх-то у них на это охо-хо какой, — Михай оглядел вытянувшиеся лица товарищей и ухмыльнулся: — Ну, чего скисли? Что, думали, всё легко и просто будет, одни только немцы и никакой вам больше нечистой силы? Разбаловались!

Бойцы переглянулись. Конечно, лучше бы обычный немец, чем вампир. Но когда Михай сообщил, что припас действенную защиту от кровососов, тут же повеселели. Получили от него каждый на руки по октябрятскому значку — страшная сила против вампиров, сильнее разве что пионерский галстук, и по обойме особых, по словам Михая, патронов. Прицепили звёздочки кто на грудь, кто на ушанку; десятеро встали по обе стороны от разобранных путей, с винтовками наперевес, остальные пятнадцать принялись восстанавливать полотно.

Работали дружно и бойко, споро укладывали шпалы и рельсы, для сугреву распевали песни, и голосистый гармонист Петро уверённо заводил то «Катюшу», то «О винтовке», то «Синий платочек». Пели, не останавливаясь, даже когда приходилось отбиваться от вылезающих из темного леса вампиров, проскочивших сквозь огонь дозорной десятки. Кровососы, чуя поблизости донорскую кровь, становились сами не свои, теряли всякую осторожность и продолжали бросаться на бойцов, несмотря на верную погибель.

Когда поезд, наконец, тронулся в путь по свежеуложенному полотну, вслед за ним полетело, стрекоча крыльями, всего-то с полдюжины вампиров-летунов.

Расправляться с ними отправили Раиса. Тот долго устраивался на крыше вагона так, чтобы сподручнее было обнять любимую спайперскую винтовку. Потом и так, и эдак пристраивался щекой к холодному стволу. Жмурил раскосые глаза на резком ветру и что-то бубнил себе под нос на татарском, глядя на крылатые тени, упорно следующие за медленно тянущимся по железной дороге составом. А потом принялся стрелять.

Когда закончилась выданная Михаем обойма, он застучал кулаком по крышке люка:

— Эй ты, знаток вампиров, дуй сюда! У меня только обычные пули

остались, и они на этих кровопийц не действуют.

Михай тут же вылез на крышу, с готовностью вытащил из патронташа обойму с патронами и начал над ними торопливо колдовать. Потом протянул Раису. Тот поднёс одну гильзу поближе к глазу, увидел, что на кончике патрона была выцарапана пятиконечная звёзда и, повеселев, заправил обойму в винтовку.

— Вот тебе! — азартно приговаривал он, одного за другим снимая преследователей, — Вот тебе, вот тебе!..

— Так и добрались до красноармейских застав, — закончил Борис и устало прикрыл глаза.

Раненые его не торопили. Все видели, что рассказчик был бледен как мел и, казалось, слабел на глазах. Вот уже который день за обедом он с трудом глотал две ложки похлёбки и едва мог пошевелиться.

— А когда же вас ранило, товарищ лейтенант? — полюбопытствовал наконец Сашок, нарушив благоговейную тишину.

— Меня? — переспросил Борис и рассеянно отозвался: — Да уж на самом подъезде к нашим заставам, когда почти отбились от вампиров. Сам виноват, засмотрелся я на этих летунов, ну, и проморгал немецкий разъезд.

Под перекрёстным огнём укладывали шпалы все семеро оставшихся в живых бойцов взвода. Отчаянно торопились, понимая, что немцы, наверняка оборудовавшие вдоль разрушенных путей несколько смотровых точек, вот-вот появятся…

Отстреливаться получалось с трудом. Раненому ещё на немецкой заставе в ногу Султану пуля вошла в бок, бледному от слабости Тихону, силящемуся приподнять последнюю шпалу — в плечо.

Как пуля пробила грудь ему самому, и что случилось после, Борис не помнил. Но, видимо, справились ребята — следующим воспоминанием было, как пыхтел поезд и стучали колёса, как клекотали преследующие их мотоциклы, и как медленно, очень медленно приближались красноармейские заставы…

Как перестал бороться за следующий вздох улыбчивый связист Султан…

Как мертвенно-белый Тихон, зажимая здоровой рукой плечо, из последних сил, словно заклинание, шептал своей Настасье, отгоняя смерть: «Жди, когда из дальних мест писем не придёт, жди, когда уж надоест всем, кто вместе ждёт»…

Помнил, как холодный снег, падая на впалые Васькины щеки, почему-то больше не таял…

Помнил, как он вылез на крышу, когда замолчала винтовка Раиса, и сам отстреливался от немцев до тех пор, пока не кончились патроны…

Помнил, как, наконец, перестали свистеть пули, как его пытались унести, уложить, перевязать откуда-то взявшиеся красноармейцы, а он всё рвался обратно к составу и повторял, что там лежат ребята из его взвода, тяжело раненые, что надо сначала их…

Помнил, как после его слов рванули к вагонам красноармейцы. И помнил их молчание, когда они вернулись…

Он слишком много помнил…

* * *

Бодрая интонация врача, каждое утро осматривавшего рану Бориса, не могла его обмануть. Наденька

прятала тревожные глаза, санитарки хмурились и встряхивал головой, словно отгоняя беспокойные мысли.

Однако несмотря на нездоровую бледность и непроходящую слабость, голос Бориса, когда он травил байки о своём путешествии, оставался всё таким же живым, а улыбка при виде лиц увлечённых его историями безусых солдатиков — такой же тёплой и чуточку насмешливой.

Борис завидовал этим молодым ребятам — они верили в чудеса, о которых он им рассказывал, и искренне восхищались, считая его героем. Только не далёким и незнакомым, вроде тех, о которых говорилось в сводках новостей или байках в окопах, а настоящим, живым и оттого близким и понятным. И разочаровать их своей смертью было ну просто никак нельзя.

— Андрей Иваныч, — тихо попросил Борис врача, когда понял, что его время истекло, — Разрешите мне… уйти. Не надо, чтобы ребята видели, как я… ну, сами понимаете…

Воспалённые от недосыпа глаза врача скользнули по лежавшим в бывшем кабинете химии мальчишкам-солдатам и остановились на Борисе. Он медленно кивнул, пожал Борису здоровую руку и, вспомнив кое-что из пересказанных ему в операционной медсёстрами баек раненого лейтенанта, насилу улыбнулся:

— Ну, прощай, заговорённый.

Час спустя, облачённый в форму, с рукой на перевязи и улыбкой в синих глазах, лейтенант бодро прощался с ранеными.

— Да нет, хватит мне тут разлёживаться, — говорил он в ответ на предложения привязавшихся к нему солдат ещё подождать, подлечиться, окрепнуть. — Меня мой взвод заждался. Да и под Ржевом, говорят, нашим туго, пора туда кровь везти, а кому это делать, если не нам?

— Товарищ лейтенант, а всё-таки, — не удержавшись, спросил на прощание обожжённый Сашок, — какая же у вас управа от смерти?

Борис на миг задумался, а потом улыбнулся:

— Бездонный патронташ. Сколько из него ни бери, всё равно одна обойма непременно остаётся.

— О, — восторженно выдохнули сразу несколько раненых, а усатый Митрич одобрительно покивал:

— Полезная вещь.

— Очень полезная, — согласился Борис.

Уже на подъезде к району прорыва, когда на горизонте показались красноармейские заставы, у Бориса кончились патроны. И упорно преследующие поезд немцы усилили обстрел, поняв, что отвечать последнему защитнику состава больше нечем.

Прикусив губу и тяжело опираясь на сестру, Борис дошёл до двери кабинета химии. Обернулся, взмахнул на прощание рукой и шагнул в коридор.

— Надюша, закрой дверь, пожалуйста, — попросил он её, сделал два неверных шага к окну — и обмяк.

Когда Наденька подбежала к Борису, тот, восковой от боли, всем телом осел на подоконник.

— Я сейчас, сейчас, — засуетилась она. — Носилки! Врача!

— Не надо, — выдохнул Борис и шевельнул здоровой рукой, указывая куда-то сквозь стекло. — Вон же,

смотри, меня ребята мои уже во дворе у ворот встречают…

Рука лейтенанта бессильно упала на подоконник.

Наденька глянула в школьный двор.

Там никого не было.

У ворот школы стоял его взвод – в полном составе. Щурил хитрые татарские глаза Раис, качал головой кучерявый Михай, подкидывал в воздух пилотку-невидимку Лёха-разведчик. Петро, Иван, Руслан и все остальные радостно махали руками, а Тихон-учитель что-то шептал, и лейтенант знал, что тот, как всегда, тихонько говорит своей Настасье: «Как я выжил, будем знать только мы с тобой. Просто ты умела ждать, как никто другой».

Боль стремительно отступала.

Борис оглядел родные лица и улыбнулся:

– Ну, здравствуйте… заговорённые.

Марина Ясинская

Родилась на Северном Кавказе, жила в Сибири, Питере, Прибалтике, Поволжье и США и осела на данный момент в Канаде, в городе Эдмонтон. Тут я остаюсь верна полученному в России диплому юриста - занимаюсь правовыми исследованиями в уголовном департаменте министерства юстиции.

В свободное время пишу, предпочтение отдаю фантастике. Лауреат премии МГУ Facultet в номинации «фантастика и фэнтези», лауреат IV премии КГУ «Проявление» в номинации «проза». Мои рассказы публиковались в журналах «Мир фантастики», «Полдень XXI век», «Химия и жизнь», «Уральский следопыт», «Нева», «Сибирские огни», «День и ночь», «Очевидное и невероятное», «Реальность фантастики», «Азимут», «Вселенная. Пространство. Время» и др., а также в тематических сборниках и антологиях.

Владимир Кузнецов

ЗАВТРАК ДЛЯ ДЖЕКА

До чего же ужасная стоит погода! Весь день моросит холодный дождь, а к вечеру, как будто дневной непогоды было недостаточно, поднимается туман. Густой и грязно-серый, он заволакивает дома и гасит фонари. Бредущие со смены фабричные работники, понурые и молчаливые, в этом мареве кажутся настоящими привидениями.

Нейдж Тинсоу чувствует себя чужой в этом мрачном месте. Еще полгода назад ей бы и в голову не пришло, что она может так вот запросто оказаться на улице после восьми вечера одна, да не просто на улице, а в Западном Краю, самой бедной части Олднона. Она старается держаться в тени, идти вдоль стен, так, чтобы не привлекать к себе мужского внимания. Эти люди кажутся ей грубыми и жестокими. В большинстве случаев так оно и есть. Тинсоу знает об этих местах только из рассказов прислуги, пересуд и сплетен, обрывки которых можно случайно услышать, когда заходишь на кухню или в кладовую. Нейдж находила их отвратительными, но реальность оказалась отвратительнее многократно. И всё же, выбора у неё нет.

«Пойдешь по Мэдчестер-стрит, пока не увидишь паб на углу с переулком. Это Крысиный тупик. Сворачивай туда и иди, пока не дойдешь до самого конца. Там будет большой дом из красного кирпича, на котором будет написано «Старая пивоварня». Заходи внутрь и спускайся вниз, до самого дна. Рискованное это дело — не всякий возвращался оттуда живым. Не забудь сказать, как я учила».

Страшные эти слова снова и снова звучат в голове Нейдж. Вот она видит паб с дверями в углу и тусклым фонарём над ними. У крыльца ничком лежит бродяга. Одежда на нём — собрание обмоток, рванины и заплат, и уже нельзя наверняка сказать, чем они были тогда, когда могли зваться одеждой. Бродяга не шевелится: может быть мертвецки пьян, а может просто мёртв. Нейдж отводит глаза и спешит повернуть.

Света в Крысином тупике ещё меньше, чем на Мэдчестер-стрит. Редкие окна здесь плотно закрыты ставнями, а свет из них тусклый. Вскоре Тинсоу видит нужный ей дом — это мрачная громада с тёмными провалами вместо окон и проплешинами обвалившейся штукатурки. Выгоревшая от времени вывеска полукругом висит над старыми воротами.

Коснувшись их рукой, Нейдж чувствует, как внутри неё всё замирает. Ворота поддаются с противным скрипом, открывая дорогу в мрачную, наполненную смрадом темноту.

Таинственные обитатели этого места — голодные и обездоленные, расступаются от неё, настороженно изучая. Скоро они поймут, что Нейдж Тинсоу — всего лишь беззащитная женщина, и тогда бросятся на неё, готовые разорвать на части. Ей хочется убежать, а ещё лучше — проснуться. Пусть это всё окажется глупым сном, кошмаром, который мучит ее, но обязательно закончится.

Нет.

Нейдж решительно ступает в темноту Старой Пивоварни. Кошмар ждёт её впереди, но ещё больший кошмар остаётся за спиной, и преодолеть его можно, лишь спустившись на самое дно этого ада.

Потёмки здешние нарушаются лишь слабым свечением лучин и сальных ламп. Эти огоньки, точно болотные виспы, влекут её на погибель. С трудом отыскивает она лестницу, которая ведёт её вниз, в катакомбы ещё более мрачные, чем строение наверху. Нейдж чувствует, как десятки голодных глаз ощупывают её. Для здешних обитателей её чистая одежда, ботинки, даже волосы и зубы — немалая ценность. Наконец, ожидание становится для кого-то из них невыносимым — из темноты перед Тинсоу вырастает мрачная фигура, сутулая, со вздутым животом и лихорадочным блеском глаз — единственным, что можно различить на тёмном от грязи и волос лице. Он не намерен говорить — в его руках тяжелая дубина, уже поднятая для удара, точного и смертельного. Страх сковывает Нейдж, словно заключая в ледяную глыбу.

— Я пришла к Джеку! — едва успевает выкрикнуть она. Фигура разом замирает, словно дагеротип, затем пятится, через мгновение растворяясь в темноте. Нейдж продолжает свой путь, и теперь никто не пытается её остановить, словно сказанное ей вдруг разнеслось по всему дому и достигло каждого уха.

Наконец, путь женщины окончен. Она стоит у входа в пещеру, откуда пахнет гнилью и шерстью, словно из клетки в зоосаду. У входа в пещеру в стену вделан газовый фонарь. Двое оборванцев сидят под ним прямо на земле, играя в кости.

— Я пришла к Джеку, — шепчет заветный пароль Тинсоу. Один из игроков недовольно морщится.

— Это мы и без тебя знаем, — говорит он. — Заходи, не копошись!

— Будь Всевышний милосерден к её заблудшей душе, — под нос себе бормочет второй. — Поспела как раз к ужину.

— Цыц! — обрывает его первый и зло косится на Нейдж. — Ну, давай, чего встала?

Женщина ступает в проход, чувствуя, что сердце её вот-вот разорвётся от страха.

— Стой.

Впереди вдруг вспыхивают золотым два глаза — больших, словно блюдца. Нейдж замирает.

— Кто ты такая? — голос звучит низко и утробно. Это не голос человека — звериный рык, который вдруг облёкся в форму человеческих слов.

— Нейдж Тинсоу, сэр. Я пришла к вам за помощью.

— За помощью? — в рычании девушка, кажется, слышит нотки интереса. — А с чего ты взяла, что я помогаю людям? У меня с ними другие дела. Тебе ведь сказали, кто я, Нейдж Тинсоу?

— Да, — стараясь сдержать в голосе дрожь, отвечает девушка. — Вы — Риппердже́к, мантикор.

Из темноты раздаётся удовлетворённый рык.

— Какой помощи ты ищешь от меня?

Нейдж глубоко вздыхает.

— Мой муж, Джастер… Он много проиграл в карты и, чтобы отыграться, поставил на кон… он поставил…

— Что именно? — требовательно спрашивают золотые глаза. Нейдж показалось, что они приблизились — настолько, что она даже ощутила на лице горячее дыхание чудовища.

— Нашу дочь, — едва сдерживая рыдания, почти выкрикивает она. — Совсем кроху!

— И что ты хочешь от меня?

— Барбот, человек, которому проиграл мой муж, назвал цену, за которую готов уступить Милдред. Таких денег у нас нет, даже если мы продадим всё, что имеем. Люди говорят, что казна Рипперджека не меньше королевской…

— А что ещё люди говорят? — обрывает её причитания властный рык. Нейдж понимает, к чему идёт разговор.

— Люди говорят, что вы не даёте деньги за деньги.

Снова обжигающее, влажное дыхание касается кожи Тинсоу.

— Люди так много болтают обо мне? Может мне разорвать десяток-другой, чтобы меньше трепались? Пожалуй.

В пещере воцаряется тишина. Нейдж слышит только, как бешено стучит её сердце.

— Я знаю тебя, Нейдж Тинсоу. Ты и твой муж — известные повара. Лорды Олднона ссорятся из-за вас, каждый норовит перетащить на свою кухню. Дурная слава.

— Как скажете, сэр.

Чудовище смеётся. В этом раскатистом рёве Тинсоу распознает смех не сразу — первые несколько секунд ей кажется, что мантикор сейчас разорвёт её.

— Скажу так, Нейдж Тинсоу. Я не помогаю людям. Но иногда я даю им то, чего они хотят. И назначаю за это цену. От цены моей нельзя отказаться — если ты пришла сюда, ты уже приняла эту сделку. Так слушай: я оплачу твой долг и верну тебе дочь, если ты приготовишь мне завтрак. Этот завтрак должен заменить мой обычный, и я должен остаться доволен им. Иначе, я позавтракаю в обычной своей манере. Ты знаешь, чем?

— Нет, сэр.

— Мою утреннюю еду составляет младенец. В Старой пивоварне в них нет недостатка. Бродяги плодятся как блохи, и, как блохи, не думают о будущем собственных чад. Многие несут их мне. Я не отвергаю такие подношения. Через три дня принеси мне замену этому блюду. Если не принесешь или блюдо мне не понравится — его заменит твоя собственная дочь. Не спрашивай, как и когда, просто знай, что это случится. А теперь иди! Сейчас время ужина, и твой запах раздражает меня.

Охваченная ужасом, Тинсоу выбегает прочь. Она не помнит, пути наверх, не помнит, как покинула Старую Пивоварню, Крысиный Тупик, Мэдчестер-стрит… Придя в себя, она понимает, что находится дома, в тёмной и пустой гостиной.

— Что я наделала, — шепчет она. — Зачем я пошла туда?

В комнату, пошатываясь, входит муж. На нём грязные кальсоны, сорочка с пятном на груди и помятый котелок. Его шатает. Он пьян.

— Уходите, мистер Тинсоу, — шепчет Нейдж, — уходите, я не могу видеть вас сейчас!

— Ты всё-таки пошла к нему? — с трудом ворочая языком, спрашивает Джастер. — Послушалась эту старую ведьму?

Нейдж вскидывает голову:

— А как я должна была поступить? — с вызовом спрашивает она. — Утопиться в бутылке, как это сделали вы?!

Мужчина молчит. Ему нечего ответить.

* * *

Восточный Край пробуждается поздно — с этой стороны Зетмы жизнь не подчинена фабричному гудку. Долгие партии в джентльменских клубах, званые ужины a la russe, тайные свидания — всё это продлевает вечера здешних обитателей глубоко за полночь. А значит, и утро отступает к десяти, а иногда и к двенадцати часам.

Сейчас время длинных теней и настороженной тишины. Солнце ещё не успело подняться, и улицы покоятся в холодной тени особняков, а проснувшаяся раньше хозяев прислуга трудится так, чтобы ненароком не потревожить их.

В этот трепетный час Нейдж Тинсоу встречается с Бабулей Таттерс, полубезумной старухой, которую не слишком любят богатые хозяева, но привечают их слуги. Бабуля — опытная травница, и те, кто не может позволить себе доктора, готовы терпеть её чудачества и несуразный вид. Чтобы не дразнить констеблей, она приходит во время осторожных теней, обтираясь у чёрных входов богатых имений.

— Ты была у него? — спрашивает Бабуля. Нейдж кивает.

— Теперь я не знаю, верно ли поступила, — говорит она с тихим отчаянием. — Джек выслушал меня и назначил цену. Он потребовал, чтобы я приготовила ему завтрак.

Бабуля хихикает — словно смычком водят по куску стекла:

— И это испугало лучшую повариху Олднана?! Ты должна Всевышнего благодарить, что такой подарок сделал тебе!

— Подарок? Он сказал, что если завтрак ему не понравится, он съест мою дочь!

Старуха перестаёт смеяться, вперив мутный взгляд в Нейдж.

— Что с того? — сварливо говорит она. — Таков его обычай. Джек не помогает людям, ему до людей есть одно только дело — кулинарное. Думаешь, тебе одной такое выпало? Всем он задает что-то ему сготовить. Обычно, правда, на кон ставится тушка самого повара.

Нейдж замирает, глядя на Бабулю Таттерс почти с ненавистью.

— Ты знала? Мерзкая старуха, ты знала и промолчала?

— Риппердже всегда требует ставки. Видать, считает, что человек так больше стараться будет.

Тинсоу не слышит её. В голове колоколом бьётся мысль: «Если бы она сказала сразу! Почему она не сказала?!»

Силой заставляя себя успокоиться, Нейдж буравит Бабулю горящим взглядом

— Что ещё? Что ещё ты мне не сказала?

Старуха кривляется, распахивая беззубую пасть и высовывая жёлтый язык.

— Что, что? Ты ведь не благородная, чего ж ты не понимаешь? Принеси Джеку обычный его завтрак, только приготовь как следует, точно королю на стол подаёшь. Вот и вся премудрость. Мантикор, он только человечье мясо ест, иного и на зуб не возьмёт.

— Ты совсем из ума выжила, старуха? Он на завтрак ест младенцев! Ты говоришь мне приготовить младенца?

— Приготовь. Или он твою дочку сырой съест. С костями. Даже похоронить нечего будет, разве что кучу мантикорьего дерьма, — она визгливо-скрипуче смеётся, довольная своей шуткой. Нейдж чувствует, как подступил к горлу горький комок.

— На Западном Краю любая рабочая семья продаст тебе новорожденного,

даже не спросив, что ты задумала сотворить с ним. Им лишь бы голодных ртов поменьше. Иди туда и купи то, что тебе нужно.

Старуха горбится, снимает со спины сумку, забираясь в неё обеими руками, что-то выискивая.

— Младенец чист и безгрешен, душа его пойдёт прямо ко Всевышнему, — бубнит она. — Подумай: когда он вырастет, кем станет? Пьяницей, бандитом, прелюбодеем. Будет бить жену и детей, воровать на фабрике, а может даже и убивать. Такая жизнь противная и Владыке Земному, и Владыке Небесному.

Нейдж смотрит на Бабулю Таттерс с отвращением. Жуткая старуха всё ещё бормочет, перебирая в своей суме какие-то мешочки, бутылочки и пучки. Развернувшись, Тинсоу уходит прочь, не сказав ни слова. Ей противно говорить со старой ведьмой, но ещё противнее от другого. Нейдж Тинсоу понимает, что иного пути у неё не будет — или это будет чужой ребёнок, или её собственный.

У обочины стоит двуколка — извозчик дремлет, знаком вопроса согнувшись на своём месте, кнут почти выскользнул из ослабевшей руки.

— Мистер, — слегка постучав по лакированному борту, произносит Тинсоу. Лошадь вздрагивает, разбуженная чужим голосом.

— Мистер, — снова зовёт женщина, в тот раз дёргая извозчика за обшлаг. Тот вскидывается, всполошенный, но, видя перед собой леди, успокаивается.

— Мне нужно на Западный Край. К Овощному рынку.

* * *

Овощной рынок — единственное место Западного Края, которое Нейдж Тинсоу знает и посещает. Это шумная, заставленная убогими прилавками площадь, полная неряшливых торговок, сутулых грузчиков, облезлых псов и наглых крыс. Рынок начинает работу ещё до рассвета и затихает только к одиннадцати, оставляя запоздалых пьяниц вести бессвязные разговоры и горланить похабные песни. Вопреки названию, торгуют тут не только овощами — в лабиринте прилавков найти можно было самую разнообразную снедь. Тинсоу всегда скрывали, что покупают здесь продукты к своему столу. Заносчивым и чванливым лордам нет дела до того, что их поставщики давно проворовались и вконец обнаглели, раз за разом привозя непригодный, порченый товар. Им куда важнее соблюсти границу — джентльмен не будет есть одну и ту же пищу с рабочим. Большая глупость больших людей.

Нейдж идёт по торговым рядам, рассеяно кивая торговкам, узнающим её. Сегодня она пришла за иным товаром, таким, какого доселе не покупала и не думала даже, что когда-нибудь станет искать.

В тяжелом воздухе, среди запахов сырого мяса, гниющих овощей, южных фруктов и рабочей похлёбки, носятся миазмы слухов и сплетен. Овощной рынок для жителей Западного Края — то же, что свежие «Ежедневные новости» для обитателей Восточного. Здесь можно услышать обо всём: от войны и мировой политики до семейных ссор Мясника Уильяма. Слова, словно назойливые насекомые, жужжат вокруг, норовя забраться в уши. Нейдж давно научилась не замечать их, но сейчас её слуха касается что-то, тревожной струной отозвавшееся в груди.

— Ещё одна несчастная душа! Да примет её Всевышней! Хоть и блудлива была, как кошка, да всё же и самой

распоследней потаскухе не пожелаешь такой смерти!

— Если бы Финчи не позволяла прожорливой дырке у себя между ног верховодить собой, ничего бы этого не было. Зачем она среди ночи вышла из дому? Хотела запрыгнуть на очередной кочанчик. А получила Джековых когтей. Поделом!

— Спаси Владыка небесный! Что же он сделал с ней?

— Лучше себе не знать. Я утром проходила в том месте, где тело нашли. Там на земле пятно крови больше твоего прилавка и на стенах вокруг тоже.

— Покарай Всевышний этого людоеда!

— Молчи! Ты не знаешь разве, что нельзя про Джека плохо говорить? Кто знает, сколько народу прячется в Старой пивоварне? Я слышала, их там целая тысяча!

— Не может такого быть!

— Может! Мне тётка Мэдди говорила, а эта женщина зря болтать не станет. Помнишь, как она вторую войну с дикарями предсказала? Вот то-то же. И кто знает, вдруг, один из этих, из Пивоварни, сейчас рядом стоит и слушает тебя! Или ты тоже с Джеком пообниматься захотела?

— Спаси Владыка! Да Джек на меня вряд ли позарится. Что во мне? Одни кости — разве в суп, и то жидкий будет.

— Я слышала, что Джеку мясо — вопрос десятый. Другим он кормится. Вот вроде, какой человек его до смерти боится, такой ему, Джеку, самый сладкий будет. Оттого и мучит он их, чтобы страха побольше было. Поняла?

Нейдж долго обдумывает подслушанный разговор. Что-то было в нём, чего сама женщина пока понять не могла. Она всё идёт между лотков, бездумно заглядывая в них, кивая на призывные выкрики продавцов. На этом пути Тинсоу встречает трёх или четырёх женщин с младенцами в руках или свёртках, примотанных к груди, но каждый раз не может набраться смелости, чтобы обратиться к ним.

Наконец, извилистые проходы вывели женщину к южному тупику, месту, где глухие стены рыбной фабрики образуют сплошное полукольцо. Тут сыро, сумрачно и воняет тухлятиной. Рыночники, видя, что покупатели это место обходят, лет пять назад устроили здесь свалку. С тех пор в густой тени стен, которая стояла здесь с утра до ночи, с каждым днём всё выше вырастают огромные груды мусора, похожие на могильные курганы. Здесь и правда нередко находят мертвецов: бродяг, пьяниц или просто ограбленных и убитых. Тинсоу собирается тут же повернуть, уйти, но слух её вдруг улавливает звук, какого не должно быть на свалке. Сквозь гул рынка за спиной, сквозь машинный рокот из-за стен, он прорывается, едва слышный. Это плач ребёнка.

Она находит его совсем рядом — завёрнутого в невообразимое тряпье, уже едва способного кричать, искусанного насекомыми. Она разгоняет жирных крыс, с голодным интересом подбирающихся к нему, поднимает, высвобождая хрупкое тельце из стягивающих его лохмотьев. Младенцу едва хватает сил, чтобы шевелиться, но чувствуя тепло, он жмётся к женщине, хватает беззубым ртом выпуклую пуговицу и начинает отчаянно её сосать. Нейдж медлит, — но лишь потому, что в голове составляет маршрут в запутанной системе проходов Овощного рынка. Она уже знает, что ей нужно купить, а через минуту уже понимает, где.

Торговки провожают её насмешливыми взглядами. Для них поступок Тинсоу — блажь богатой леди. Одобрение она замечает лишь однажды, и женщина выказывает его одним только взглядом, словно стесняясь.

Малыш усердно тянет из небольшой бутылки тёплое молоко. Нейдж держит его на груди, так чтобы кроха слышал стук её сердца. Она укрывает его собственной шалью, грязного, всего покрытого язвами. Извозчик бросает на сидящую с младенцем женщину косые взгляды.

— Клянусь, — бормочет он себе под нос, — никогда ещё не видел, чтобы на Овощной рынок ездили покупать грудничков!

* * *

— Зачем ты притащила этого крысёныша? — Джастер держится рукой за голову. Сегодня он ещё не пил, но выпитого вчера хватило, чтобы страдать от похмелья. — Думаешь, он заменит тебе Милдред?

Нейдж не смотрит на мужа. Младенец спит в её кровати, она сидит рядом, листая «Современного Повара» Франка Маркателли, известного кулинара, готовящего для королевской семьи. Газовая лампа горит тусклым жёлтым светом. Мистер Тинсоу с выражением страдания прикрывает глаза.

— Я знаю, — шепчет он, — я знаю, любовь моя, я совершил ужасную вещь. Я…

— Ужасную вещь совершила я, Джастер Тинсоу, — отрывисто произносит Нейдж, — Когда вышла за вас замуж. А теперь помолчите и дайте мне исправить хоть какую-то часть из содеянного.

Джастер вскакивает, опрокинув стул, лицо его перекошено от гнева. Он открывает рот, намереваясь что-то сказать, но затем передумывает. Резко развернувшись, он выходит из комнаты.

Нейдж остаётся одна. Она занята составлением рецепта. Рождение нового блюда — всегда особый процесс, часто мучительный, блюдо должно появиться в голове, а потом воплотиться в наборе компонентов и процедур. Мясо, овощи, масла, приправы, варка, жарка, тушение… Все эти вещи существуют словно сами по себе, связать их воедино, представить будущий результат… Обычно, это захватывающий процесс, своего рода полёт на крыльях вдохновения, сродни экстазу поэта или художника.

Но не сейчас.

Нейдж мучительно тяжело думать о том, что ей предстоит сделать. Всякий раз, когда мысль её, удалившаяся было в умозрительную плоскость, неизбежно возвращается к главному предмету, женщина чувствует, как грудь сжимает стальными обручами. Ноющая, неумолимая боль рождается в сердце, с каждым его ударом растекаясь по телу. Каждый раз, когда она смотрит на фигурку спящего ребёнка, вымытого и спеленатого, Нейдж чувствует дрожь в руках.

— Я смогу, — говорит она себе. — Я должна. Он и без того обречен. Без имени, без таинства крещения, забытый всеми, он уже умер. Пытаться задержать его здесь — только увеличивать его страдания… Соус. Здесь важен соус.

Впервые для неё это была обратная процедура — не от готового вкуса, не от ощущения во рту, а от компонентов, дедуктивный процесс совмещения деталей для единого результата.

Растопить немного масла в сковороде, медленно, не давая закипеть. Добавить грибы, лук и бекон, всё

измельченное максимально. Томить под крышкой — совсем немного, пока кипит красное сухое вино. Добавить трюфели, петрушку, специи, и вино к грибам, всё размешать и томить ещё немного, пока трюфели не вберут достаточно влаги. Снять с огня, добавить сливки и желтки, тщательно размешать. Не давать остыть.

Нейдж закрыла глаза, снова и снова представляя себе получившийся соус. Да, именно так. Соус достойный короля. Собственно, королю он и будет подан.

Она слышит, как рядом шевелится, просыпаясь, младенец. Он спит уже долго и сейчас должен проснуться, чтобы поесть. В этом возрасте, когда от рождения не минуло и месяца, они только спят, едят и испражняются.

Но ребёнок молчит. Нейдж поворачивается, чтобы посмотреть, и встречается с ним взглядом. Большие голубые глаза смотрят на неё внимательно и серьезно. В них словно читается немой вопрос: «Как ты поступишь, странная женщина? Что сделаешь со мной?»

Нейдж закрывает глаза. Ей нужно быть сильной. Ей нужно исполнить сделку.

* * *

Рабочие Мэдчестер-стрит взбудоражены. Вчера Генерал Дулд призвал их выступить против фабрикантов, которые закупили для себя новые машины в Королевских Механических Мастерских. Дулд говорил, что эти машины станут делать за людей всю работу и тысячи окажутся на улицах, без единой монетки, чтобы купить еды. Он призывал громить проклятые творения, громить жестоко и беспощадно. Бездушное железо не должно творить, только живыми людскими руками могут создаваться вещи, таков замысел Всевышнего. Искуситель же изобрёл машину, чтобы проклятие его множилось и распространялось, принося кругом лишь горе и лишения. И вот, сегодня утром рабочие идут к своим фабрикам, переговариваясь глухо и зло. Иные, воровато озираясь, прикладываются к флягам, которые прячут под сюртуками. Воодушевлённые Деном Дулдом, готовые постоять за себя, они не замечают хорошо одетую женщину, которая идёт по Мэдчестер-стрит в сторону Крысиного тупика. Женщина несёт тяжелую корзину, в которой виднеется небольшой продолговатый свёрток и широкое горлышко бутылки, плотно замотанной в шерстяную ткань. Нейдж также не замечает рабочих. Не замечает она и утреннего холода, который забирается под одежду. Она переполнена тревогой и ожиданием. Внутри себя она непрерывно молится, надеясь, что Всевышний поможет ей и простит, если она сделает всё неправильно.

Крысиный тупик молчалив и хмур. Ночь ещё не покинула этого места, оно закутано сырой темнотой, словно старыми тряпками. Щербатые окна Старой Пивоварни смотрят на Тинсоу как пустые глазницы мертвеца. В этом взгляде — злоба, но женщине всё равно.

Она знает, зачем пришла и что на кону. Она проходит в ворота Старой Пивоварни так, будто явилась навестить родственников. Никто не решается встать у неё на пути.

В этот раз пещера Джека ярко освещена. Несколько больших масляных светильников коптят потолок — бронзовые чаши на длинных подставках. К удивлению Тинсоу, это место вовсе

не похоже на логово зверя. Животный запах, как и в прошлый раз, режет ей обоняние, но сама пещера напоминает ей смесь вавилонского храма и министерского кабинета. Перед ней — массивный дубовый стол с резьбой и тончайшим лаковым покрытием, с высоким креслом, покрытым бархатной обивкой. За креслом — барельеф, изображающий крылатых львов и воинов в длинных халатах с копьями и диадемами.

Джек стоит немного в стороне, у книжного шкафа. Он листает толстый фолиант, и когти его тихо скребут по плотной бумаге страниц.

— Ты всё-таки пришла, Нейдж Тинсоу, — он оборачивается, представая перед ней во всём своём ужасающем величии. Его массивная фигура облечена в дорогой шёлковый фрак, белую сорочку и элегантные бриджи. Туфлей нет — едва ли даже самый лучший мастер сможет сделать обувь для этих, похожих на птичьи, лап. Три пальца впереди расходятся почти на фут, каждый увенчан двухдюймовым когтем. Их покрывает густая красная шерсть. У ног виден чёрный, ороговевший хвост. Похожее на запятую жало хищным остриём указывает на пришедшую.

За широкими плечами — кожистые крылья, сейчас сложенные и недвижные. Слухи говорят, что когда Джек расправляет их, между дальними их концами может уместиться повозка.

Обрамлённые белыми манжетами руки — комки красной шерсти, украшенные чёрными кривыми когтями.

Наконец, Нейдж хватает смелости взглянуть мантикору в лицо. К её удивлению, оно мало отличается от человеческого. Завитая в кольца чёрная борода идеальными локонами спадает на грудь. Орлиный нос, ровные брови, волосы, завитые в толстые косы, перетянутые золотыми кольцами. Только глаза чужие — глаза кошки, круглые и ярко-золотые, с узкими вертикальными зрачками.

— Я пришла, Рипперджек. Я пришла заплатить по сделке.

Мантикор смотрит на корзину, которую держит Тинсоу.

— Что у тебя там? — спрашивает он требовательно.

— Ваш обычный завтрак, — говорит Нейдж, сдерживая дрожь в голосе. — Обычный и необычный. Такого вы ещё не пробовали.

— Посмотрим. Вот стол — сервируй.

Нейдж замерла, чувствуя как бешено колотится сердце. Страх переполнял её.

— Нет.

Джек склонил голову набок, зрачки его расширились.

— Ты думаешь, я не смогу взять его? Ты думаешь, ты сможешь меня удержать?

В ушах звенело, точно Нейдж оказалась внутри гигантского колокола.

— Не смогу. Но я… не отдам его добровольно.

Джек делает шаг вперёд. Крылья его подрагивают, хвост оживает, медленно поднимаясь за спиной.

— Ты затеяла опасную игру, Нейдж Тинсоу, — его рык становится глухим и утробным. — Смотри не оступись.

Нейдж молчит, парализованная ужасом. Всё, что она придумала себе там, в безопасности собственной спальни в Восточном Краю, теперь кажется глупым и бессмысленным. Её начинает бить крупная дрожь. Джек подступает к ней, скрипят когти о камень пола, с шипением вырывается из глотки дыхание. Ребёнок в корзине шевелится и тревожно всхлипывает.

— Я разорву тебя на части. И, пока ты будешь истекать кровью, на глазах съем твоего младенца.

Нейдж падает на колени, сгибаясь над корзиной, укрывая её руками. Страх властвует ею целиком, бесконечно. Джек делает ещё шаг. Всхлипывания ребёнка сменяются громким плачем.

«Теперь…теперь… — бьется в голове. — иначе будет поздно…»

Она вырывает из манжеты булавку и с силой вгоняет её в запястье. Боль огненной стрелой пронзает её, отрезвляя.

Мантикор замирает, удивлённый.

— Я…- с трудом поднимает голову женщина, — заплатила вам, Риппер-джек.

Молчание повисает в пещере, даже младенец затихает, испуганный. Нейдж поднимается на ноги.

— Я знаю, что ваша пища — страх Вам не нужна людская плоть, чтобы насытится. Вы убиваете, чтобы страх жил в сердцах людей. Младенцев, которых подносят вам, вы принимаете, потому, что подносящие их боятся. Но их страх — ненастоящий, ведь они знают, что подношение удержит зверя от нападения. Я же дала вам истинный ужас. За себя и за этого ребёнка.

Она смотрит прямо в огромные золотые глаза.

— Вы довольны, сэр?

Джек запрокидывает голову и издаёт протяжный, раскатистый рык. Спустя мучительно долгие мгновения женщина понимает, что он смеётся.

— Правду говорят: истинный повар не тот, кто в совершенстве знает вкус еды, а тот, кто в совершенстве знает вкус едоков. Ты великолепна, Нейдж Тинсоу, твоя слава хоть и дурна, но правдива. Я принимаю твою плату. Твоя дочь будет дома сегодня к вечеру.

Женщина низко кланяется, стараясь скрыть слёзы облегчения.

— Спасибо, сэр! Спасибо вам…

— Иди, — рычит мантикор, — не позволяй себе обмануться. Я не помог тебе, я лишь заплатил за твой труд.

Нейдж кивает и, подхватив корзину, пятится к выходу. Джек отворачивается, возвращаясь к шкафу.

— Стой, — властный рык останавливает Тинсоу, словно замораживая её изнутри. Она медленно оборачивается.

— Как ты смогла родить в себе истинный страх, если знала, что я не стану убивать ни тебя, ни младенца?

Нейдж не находит в себе сил взглянуть на чудовище.

— Я не знала. Я хотела в это верить, когда выходила из дома, но я не могла в это поверить, когда переступила через этот порог.

Удовлетворённый рык эхом отражается от каменных сводов.

— Воистину, для людей незнание — величайшее из благ. Теперь иди. И никогда больше не приходи сюда.

* * *

— Но дорогая моя! Я прошу тебя — подумай ещё раз. Ты представляешь, что будут говорить люди?

Рандсакса Иль, старшая сестра Нейдж, говорит, не прерывая своего вязания — обычного для неё занятия в последние годы. Нейдж занята младенцем — она держит бутылочку, которую он, с обычной своей жадностью, сосёт.

— Развод для женщины твоего статуса недопустим. К тому же, с этим ребенком, как ты рассчитываешь найти нового мужа? Да и работа — кто из этих богатых джентльменов знал, что именно ты была автором тех

замечательных блюд, которые прославили поварскую чету Тинсоу? Тебя не возьмут главным поваром просто потому что ты — женщина.

— Оставь это сестрица, — наконец отвечает Нейдж, — Всё уже решено. Я не могу жить с мужчиной, который продал собственную дочь. К тому же, у меня есть, кем заменить его.

— О! У тебя есть на примете богатый вдовец?

— Боюсь, что нет. Он сирота и за душой у него ни гроша. Но этот мужчина был дарован мне Всевышним, и отказаться от него было бы преступлением против Вышней Воли.

Рандсакса морщится, выражая так крайнее недовольство.

— Ты слишком привязываешься к нему. Он может не пережить этой зимы.

Нейдж качает головой и улыбается ребёнку.

— Он переживёт. Дважды он должен был покинуть этот мир и дважды спасся. Нет, смерть не скоро придёт за ним, Ранди.

Сестра сокрушенно вздыхает.

— Я слышала, вы познали таинство крещения. Как священник назвал его?

— Джекфри, — улыбается Нейдж. Рандсакса озабоченно цокает языком.

— Плохое имя. Плохое. Не нужно тебе дразнить его, дорогая моя.

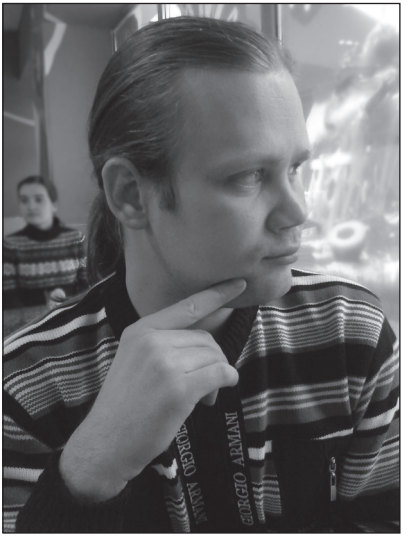
Нейдж Тинсоу молчит — она должна молчать. Никто не узнает, что у дверей церкви жуликоватого вида громила сунул ей записку. Всего три слова было в ней.

«Назови его Джекфри»

Подписи не было. Она и не была нужна.

Закатные лучи проникали в открытые окна. Олднон, столица империи Альбони, прощался с ещё одним днём.

Владимир Кузнецов



Родился в 1981 году в Северодонецке, где и живу. В 2004-м окончил Восточно-Украинский Национальный Университет, по образованию экономист. Женат. Работаю преимущественно в жанрах исторической фантастики и альтернативной истории. Впервые попробовал себя в литературе в конце девяностых, долгое время работал в музыкальной журналистике (статьи, репортажи, критика). Повторное обращение к художественной литературе состоялось в 2010 году, с малой формы для конкурсов, альманахов и антологий. Публикации в альманахе «Фантаскоп», в журнале «Очевидное и Невероятное», готовятся к изданию еще несколько рассказов. В настоящий момент перешел к крупной форме.

Татьяна Томах

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ЧЕРНОТЫ

Иногда он чувствовал себя огненной птицей; летучим сгустком пламени, наглухо запертым в темнице с омерзительными, истекающими гнилью, стенами. Иногда он думал, что уже умер — растворился без остатка в холоде, черноте и одиночестве. Намек на дверь — узкая трещина; мерцающая в темноте нить цвета свободы и неба — обнаружилась случайно и неожиданно. С тех пор все силы и отчаяние были брошены к этой нити — удержать, не упустить; отыскать инструмент, которым можно взрезать отмеченный нитью бок черноты и вырваться из опротивевшего узилища.

* * *

Странная, почти болезненная по мнению родителей слабость к музыке обнаружилась у Свена в возрасте нескольких недель. Капризный младенец, казалось, недовольный самим фактом своего появления в этом мире, орал, не переставая, доводя родителей до беспомощного отчаяния. Они растерянно щупали сухие пеленки, приглашали лучших врачей, в один голос заявлявших, что мальчик абсолютно здоров, пытались развлечь дитятю свежекупленными яркими погремушками. Впрочем, от последнего довольно скоро отказались. То ли звук, то ли цвет этих нехитрых приспособлений для успокоения младенцев доводил маленького Свена до истерики.

Когда родители, измученные бессонницей и отчаянными воплями первенца, уже приближались к нервному срыву, неожиданно нашлось спасение. Бабушкин проигрыватель с парой дюжин пластинок.

Слушая слезливые романсы, которых у бабушки было в изобилии, младенец хмурился, иногда похныкивал, а иногда разражался прежним плачем. Но стоило слететь из-под тонкой иглы первым звукам сороковой симфонии Моцарта, Свен замолкал. Хмурился — теперь уже по-другому — сосредоточенно; беззвучно шевелил пухлыми губками; а в некоторые моменты даже улыбался светло и безмятежно.

Музыка, заставлявшая Свена умолкать, не делала его дружелюбнее. Когда он слушал, сосредоточенно морща личико, все попытки родителей поласкаться и поугукать с любимым чадом воспринимались как помеха. Он сердито отталкивал назойливые взрослые руки — и тянулся сам, будто пытаясь ухватить в воздухе что-то невидимое, точнее, невидимое для всех прочих. Потому что взгляд его был напряженным, а в движении маленьких пальчиков, на первый взгляд беспорядочном, после некоторого наблюдения можно было заметить систему, связанную со звучащей мелодией.

* * *

Родители ругались, когда он пытался разбирать Музыку.

— Ну что ты как дурачок, малыш, — ласково, но укоризненно говорила мама. Свен выскальзывал из-под назойливой ладони, гладящей

его макушку. — Ведь можно просто сидеть смирно и слушать, да?

Свен угрюмо кивал. Испуганный тем, что его вообще могут лишить новой Музыки из черных пластинок, со временем он научился сидеть смирно. Правда, руки тянулись сами собой — разобрать тонкие серебристые нити; понять волшебство их соединений, переплетений, изгибов, мерцающих оттенков, иногда, в правильном сочетании вспыхивающих ослепительно белым пламенем. Почти таким, как нужно. Почти…

Постепенно Свен научился сдерживаться. Судорожно вцеплялся своенравными пальцами в сиденье стула или табуретки — заставлял себя сидеть смирно. Иногда хмуро косился на умильно улыбающихся бабушку и маму. Слушал, запоминал. Чтобы потом, в своей комнате или в дальнем уголке парка снова развернуть серебристое кружево запомненной Музыки. Разобрать осторожно — ниточку за ниточкой; распутать мерцающие прозрачным лунным светом узелки. А потом сплести заново — так, чтобы свет вспыхнул ярче солнца в полдень. И смотреть — задыхаясь, выжигая глаза; растворяясь, истаивая без остатка комочком свечного воска — чтобы возникнуть заново прекрасной огненной птицей, крылатым невесомым существом из белого пламени и Музыки.

Существом, сейчас наглухо и безжалостно запертым внутри неуклюжего тела мальчика Свена.

* * *

Это было бы так просто. Недоставало пустяка.

Сотни ярдов волшебного огненного кружева, сплетенного именно так, как нужно, хранились у Свена в памяти. Как алый шелк того самого, единственно верного оттенка, — в лавке торговца тканями. Теперь нужно было только сшить паруса и набросить их на дрожащие в нетерпении мачты. Сшить паруса и наполнить их ветром — чтобы они смогли полететь. Сшить паруса и наполнить огонь Музыкой — чтобы он смог зазвучать.

Недоставало пустяка — узнать, откуда берется Музыка.

Сперва Свен потихоньку тщательно изучил черные пластинки, из которых получалась Музыка. Три из них были безжалостно раскрошены в труху в процессе экспериментов. Тайна спряталась надежно. Пришлось прибегнуть к помощи взрослых.

— Вот здесь не так… и вот здесь, — Свен взмок и покраснел, пытаясь объяснить правильно. Как нужно изменить Музыку, спрятанную внутри лаково сияющей черноты. Бабушка сначала только недоуменно хмурилась. Потом поняла.

— Нельзя менять, милый. Эта музыка уже записана. Видишь? — бабушкин коричневый палец скользнул по круговой царапине, коверкающей безупречность черноты.

Свен с отчаянием посмотрел на указанные бабушкой линии. В самом деле, каждый раз, когда именно эта пластинка ложилась на диск проигрывателя, Музыка всегда получалась одна и та же. Получалось, что изменить Музыку внутри черных кругов невозможно.

— Откуда записана?

— Ну… — бабушка задумалась, разглядывая пластинку: — вот эта — с концерта.

— Мне нужно на концерт, — нахмурившись, заявил Свен.

* * *

Обещанного родителями похода на концерт Свен ждал с нетерпением. По вечерам долго не мог уснуть. Лежал в темноте, широко раскрыв глаза. Черные стены, мешавшие двигаться и дышать, теперь будто сдвинулись еще теснее. Но и огненная нить, обозначавшая путь к свободе, мерцала ярче. Скорее, скорее — торопил Свен. Скорее бы день, потом — следующий, потом — концерт. Скорее понять, как получается Музыка. Скорее. Пока еще он может дышать, пока чернота не раздавила его; пока еще горят волшебные нити, обозначая дверь.

* * *

Они прошли по проходу под гром аплодисментов, шелестя черными мантиями, будто сложенными крыльями.

— Вот это музыканты, малыш, — шепнула мама в самое ухо, обжигая кожу горячим дыханием.

Сначала ему было страшно. Слишком много народа, слишком шумно. Слишком много дыханий, голосов, шагов, движений. Хотелось плотно зажать уши и остаться в тишине. После маминых слов Свен позабыл о страхе. Вокруг галдели и грохотали так же громко, но это было уже неважно. Замерев, Свен напряженно следил за людьми в мантиях. Музыканты. Те, кто делают Музыку. Сейчас он узнает, как это. Сейчас…

Черная бархатная занавеска возле сцены качнулась, пропуская Музыкантов и скрывая их от зала. Через несколько напряженных минут первые неловкие звуки полетели из-за занавески; на фоне мерцающего бархата выгнулась бело-розовая танцовщица, приготовившись следовать за мелодией.

— Свен, куда..куда?! Стой! — мамины руки поймали его уже в проходе. Свен отбивался. Его обманули. Гнусно и отвратительно. Он рвался за занавеску цвета черноты, опять скрывшую собой тайну Музыки.

— Мне нужно, нужно… — пытался он сквозь слезы объяснить маме — что ему нужно увидеть, как получается Музыка.

Ему позволили вернуться в зал и дослушать концерт только после того, как Свен успокоился и клятвенно пообещал больше не двигаться с места. Оставшееся время мама крепко держала сына за руку.

Музыка была не такой хорошей, как на бабушкиных пластинках. Иногда не в такт топала балерина в розовой юбочке. Свен морщился, отмечая разрывы в серебристых нитях, струящихся из-за занавески.

* * *

— Почему нельзя видеть, как делают музыку?

— Почему? — Папа хрустко сложил газету, поглядел на Свена поверх очков — удивленный первым внятным вопросом сына. — Ну, потому… Необязательно видеть, как делают некоторые вещи.

Свен переступил с ноги на ногу. Переспросил упрямо:

— Почему?

— Свен, малыш, — вмешалась мама. Торопливо пригладила сыну взъерошенные волосы, одернула рубашечку. — Чтобы носить одежду, необязательно видеть, как ее делали, правда? Или часы. В каждом доме есть часы, но почти никто не знает, как их делают…

— В каждом мастерстве есть свои секреты, мальчик, — сказал папа,

снимая очки и улыбаясь: — Но если ты хочешь научиться…

— Я мог бы научиться делать музыку?

— Я так и знал, — папа нахмурился; опять зашуршал газетой; спрятался за мятый лист, похожий на снег, истоптанный птичьими лапками: — Я говорил, что все эти пластинки и концерты пора прекращать.

— Конечно, милый, — поспешно согласилась мама: — Но он еще маленький и не понимает…

— Свен, малыш, — тихонько объяснила мама вечером, поправляя на кроватке сына одеяло: — Ты огорчил папу. Ты ведь знаешь, что он делает на заводе часы. И он надеялся, что ты тоже… Что тебе будет интересно…

— Клетки для птичек, — перебил Свен, думая об огромных кухонных часах, где была заперта испуганная черноглазая кукушка. Всякий раз, когда часы содрогались, гулко отмечая окончание очередного часа, птичка пыталась вырваться наружу, отчаянно трепеща крыльями; но блестящий металлический крюк опять утаскивал ее обратно, в темную жуткую глубину, где шевелилось и тикало. Свен жалел до слез бедную узницу — однажды он попытался освободить ее; но был пойман сам и строго отчитан мамой.

— Что? — растерянно переспросила мама.

— Я не хочу делать клетки для птичек, — совсем тихо и неразборчиво пробурчал Свен, прячась под одеяло. Он зажмурил глаза, представляя, как страшно жить внутри часов и думая о своей собственной клетке, выход из которой все еще был крепко заперт.

* * *

После долгих уговоров мама сводила его еще на несколько концертов.

Везде была черная занавеска, надежно скрывавшая людей в крылатых мантиях. Свен представлял, как они заходят за эту занавеску, сбрасывают мантии, и…и… наверное, под темной тканью прячутся какие-то особенные люди? Может, у них крылья под этими плащами?

Музыкантами обычно становились дети музыкантов. Исключения дозволялись редко. Раз в год в столичной музыкальной школе устраивали публичные прослушивания для выявления талантливых детей. Тех, кого строгая комиссия находила достойными, потом под наблюдением наставников допускали к тайнам искусства.

Лестью, уговорами, мелким шантажом Свен заставил маму повести его на прослушивание. Ему нужно было попасть за черную занавеску. Любой ценой. Он не любил себя все больше с каждым днем — капризного, лживого, противного мальчишку. Тот, другой огненно-крылатый, все больнее и отчаяннее бился внутри, задыхаясь и требуя свободы. И все больше ненавидел свою отвратительную темную оболочку. «Кто я?» — иногда думал Свен, и эта мысль пугала его. Тот, огненный? — или этот, которого видят все остальные и он сам, когда глядится в зеркало?

Прослушивание оказалось совсем не таким, как представлял Свен.

Десять скучающих дядь и теть сидело за длинным столом. Украдкой позевывали, перебирали бумажки, пили воду из пластиковых стаканчиков. Экзаменовала детей очень худая женщина с волосами, затянутыми в узел на затылке так туго, что кожа на

сердитом костлявом лице, казалось, могла лопнуть в любой момент.

Свен, комкая в потной ладони бумажку со своим номером, на негнущихся ногах приблизился к столу.

— Пожалуйста, Ада Юльевна, — велел седой львиноголовый человек в центре стола. Худая женщина неприязненно посмотрела на Свена и неожиданно тонким голосом напела:

— Та-ти-та, та-та-та…

— Ну, мальчик, — подбодрил Свена седой: — повтори.

Свен угрюмо молчал. Он не умел петь — и не понимал, зачем это от него требуют.

— Гхм, — сказал лысый старичок, сидевший с края стола: — тогда, наверное, следующий? Ада Юльевна, будьте добры…

— Следующий! — громко крикнула женщина, вырвав из ладони Свена номерок и подталкивая мальчика обратно к двери.

Свен сделал несколько шагов. Ноги не слушались. «Черная занавеска», — вспомнил он. «Мне нужно туда попасть. Нужно!»

Он обернулся.

— Подождите! — крик получился отчаянный и сиплый, не громче шепота. Но его услышали.

— Подождите, — велел седой, жестом останавливая хмурящуюся Аду Юльевну.

— Я покажу, — торопясь и опасаясь, что его перебьют, Свен опять шагнул к столу: — Подождите. Я покажу. Вот, сейчас. Гайдн. Симфония двенадцать. Ре мажор. — Он вынул из своей памяти ткань с этим названием, подбросил в воздух, легко перебрал нити — одну за другой, тронул соединения, заставляя их замерцать…

— Хорошо… — услышал он довольный голос седого: — Хорошо. А что-нибудь еще?

Свен кивнул. Краем глаза заметил недоуменно вскинутые тонкие брови Ады Юльевны, поощряющую улыбку седого. Послушно отложил Гайдна и перешел к Бетховену.

— Вам это ничего не напоминает, профессор? — обратился седой к лысому старичку.

— Гхм, — старичок побарабанил пальцами, строго покосился на Свена: — Лео Фран, пожалуй.

— Гениальный Лео, — кивнул седой, довольно жмурясь: — мне повезло его увидеть один раз…

— Скажи, мальчик, — старичок вдруг прытко соскочил со стула, цепко ухватил Свена за плечо: — а где ты мог видеть дирижера за работой?

* * *

Его приняли.

Занятия в школе начинались осенью. Пока Свен иногда приходил в кабинет к седому господину Эдуарду — разбирать музыку.

Свен выжидал. Он чувствовал, что приблизился к черной занавеске так близко, как это возможно. Осталось откинуть ее — и войти внутрь. Теперь нельзя было поторопиться — и допустить, чтобы его выгнали из зала, и пришлось опять начинать все сначала.

В конце лета господин Эдуард подарил Свену и родителям пригласительные билеты на концерт приезжего Музыканта.

— Этот — самый лучший, — сказал он, передавая билеты: — ну ты сам увидишь.

На концерте Свен отыскал седого.

— А, малыш, — обрадовался тот: — ну как? Тебе нравится?

Свен покивал, восхищенно блестя глазами, переполненный новой Музыкой до краев. Эта Музыка была действительно хороша — нужно было изменить совсем немного для того, чтобы она стала настоящей — сильной, совершенной, ослепительно-огненной.

— А можно… — робко попросил Свен, дрожа от нетерпения: — можно мне было бы посмотреть…

Седой улыбнулся восторженному и просительному лицу мальчика:

— Почему бы нет? Ты ведь теперь наш, верно? Пойдем, я тебя познакомлю. Он — мой хороший приятель.

Когда черная занавеска качнулась уже за его спиной, у Свена на минуту потемнело в глазах. На ощупь бархат был мягким и шершавым. Ничего особенного. Сдерживая торопливое дыхание и отчаянно вцепившись в руку господина Эдуарда, Свен озирался по сторонам.

Сначала Музыкант показался Свену похожим на птицу. Быстрые движения, тонкий крючковатый нос, острый темный взгляд. Крылья… Мантия мятой сброшенной шкуркой распласталась на стуле; белая рубашка обтягивала узкую спину. Крыльев не было. Свен разочарованно перевел дыхание. Музыкант был самым обыкновенным. Как же у него получается? Как?..

— …Тот мальчик, о котором я рассказывал. Сыграй ему, Виль. Немного. Он никогда не видел, как играют музыку.

— Не вопрос, — темноглазый Виль улыбнулся — на миг ослепительно блеснула полоска зубов между тонких губ. Развернулся черно-белым вихрем; плеснули широкие рукава рубашки. Между острым смуглым подбородком и вздернутым плечом очутилось нечто, причудливо выгнутое; в быстрой руке мелькнул тонкий стержень.

Музыка волной обрушилась на Свена, перебив дыхание. Оборвалась на миг, замерев танцором перед пропастью — и снова рванулась — выше и сильнее. «Не так, не так», — отчаянно подумал Свен, следя, как Музыка рождается из прикосновений тонких нитей в руках теперь почти крылатого Виля: «Вот здесь — не так»…

— Ну что, понравилось? — Сверкнув улыбкой, Виль склонился над мальчиком, недоуменно разглядывая его застывшее лицо.

— Что, Свен? — встревожено спросил господин Эдуард: — Понимаешь, он никогда раньше не видел…

Свен, с трудом различая их голоса — как будто сквозь толщу воды, слепо и упрямо тянулся к странным предметам, все еще зажатым в быстрых руках Виля.

— Это скрипка, — сказал Виль: — А это смычок. Струны.

— Дай ему, — попросил Эдуард. Виль медлил. — На минутку. Малыш, ты хотел знать, как получается музыка, верно? Вот. Смотри.

Уже дотрагиваясь до гладкого бока скрипки, Свен знал, что все бесполезно.

— Эта — самая лучшая? — дрожащим голосом спросил он на всякий случай.

— Что?

— Раз вы — лучший; она тоже — самая лучшая?

— Да. Лучшая, — серьезно подтвердил Виль, наконец, разжимая

руку и строго следя за тем, как мальчик берет инструмент.

Свен погладил теплое дерево, тронул лезвие струны, соединил его с тонкой нитью смычка. Сквозь слезы он почти не различал склонившихся лиц.

— Что с тобой малыш? Что?

Не глядя, он сунул обиженно загудевшую скрипку обратно в руки Виля.

Бархатная занавеска, так долго не пускавшая его вовнутрь тайны, с обратной стороны оказалась мятой и тусклой. Свен отшвырнул ее в сторону и вышел, не обернувшись.

— Мальчик? Что случилось?

Спотыкаясь, налетая на кресла, задыхаясь от отчаяния и рыданий, он оттолкнул чьи-то заботливые руки, потянувшиеся из зала.

Все было напрасно. Все. Сотни ярдов правильно сплетенных огненных нитей никогда не станут парусами. Паруса бесполезны для утлой лодочки. Тот, крылатый, внутри Свена, бессильно бился и плакал, осознавая, что заперт навсегда. Музыка, прекрасная огненная Музыка, которую он считал своим спасением, инструментом для побега, оказалась такой же узницей, как и он сам. Она была безжалостно и наглухо заперта в уродливом куске дерева и накрепко связана острыми лезвиями писклявых струн…

Татьяна Томах

Родилась и живет в С.-Петербурге. Образование высшее техническое (С-Петербургский государственный технический Университет).

Более 70 публикаций рассказов, пьес, повестей в сборниках и периодике. Публикации подборок стихов в сборниках и периодике.

Единственный на сегодняшний момент роман «Имя твоего волка» опубликован в 2009 г.

Финалист, победитель ряда литературных конкурсов.

По результатам конференции молодых писателей Северо-Запада 2007 г. принята в Союз писателей России. В 2013 – в Союз писателей Санкт-Петербурга.

Кристина Каримова

УДИВИ МЕНЯ

— Э-ге-гей! Отворяйте! — не выдержав, зычно закричал Митяй еще на подъезде к воротам родного дома — шутка ли, столько его не было! — Вернулся я!

Слышно было, как за забором зашевелились, забегали. Лошади, чуя родное стойло, предвкушая воду, овес и отдых, шумно фыркали, устало поводя покрытыми потом боками. Работник соскочил с телеги и подхватил их, нетерпеливо переступающих ногами, под уздцы. Митяй тоже спрыгнул на землю, окинул хозяйским взглядом дом: вот он и вернулся. Вернулся с дальнего извоза, целым, живым. Вернулся богато: будет чего и жене на обновы, и на приданое дочери, и пожить хватит. А там, бог даст, сынки подрастут в помощь отцу.

— Э-ге-гей! — гаркнул он еще раз от избытка чувств. — Жинка! Встречай мужа!

За воротами, наконец, справились с замком, и на дорогу выбежала простоволосая и босиком Малина — ввечеру никого уж не ждали.

— Митя, Митенька! — запричитала она, хватая его за руки и заглядывая в глаза, будто не веря, что это он. — Вернулся?

— Вернулся, вернулся, — пробормотал он и крепко притиснул к себе жену. Потом снова отодвинул, всмотрелся в родные черты. — Как вы тут без меня?

— По всякому, Митя, по всякому… — начала она, но больше ничего сказать не успела: налетели дети, облепили отца.

— Гасенька, Гаврик! Выросли-то как! Совсем уже взрослые! Мамке-то помогали?

— Помогали, помогали, — быстро закивала Малина. — И за телятами следили, и сено кидали… А на дочку-то глянь, Митяй!

В стороне, пережидая ребячий гвалт, скромно стояла Наталка. Коса до пояса, глаза скромно потуплены.

— Ой, Наталка! Да ты совсем невеста стала!

— Невеста, невеста, — снова закивала жена. — Сваты уже есть, да я велела тебя дожидаться.

— Ах, родные вы мои! — растроганно пробормотал Митяй. — Ну чего на улице-то стоим, пойдемте в дом. Подарков я навез, покажу…

Так дружной гурьбой и двинулись за ворота, куда работник уже завёл коней с телегой, полной добра.

Позже, когда дети, нагалдевшись, уснули в обнимку с подарками, Малина рассказывала другие новости.

— Ой, Митенька, неладно тут было без тебя. Ой, неладно! Мор по хутору прошел…

— Свят-свят-свят, — истово перекрестился Митяй. — Как же вы?..

— Нам-то повезло, видишь, все живы. А которые дворы подчистую скосило. Ботниковых вот… Шкаредных… И… — Малина чуть помедлила и добавила едва слышно. — Брат вот твой.

— Родька?!

— Да, — опустила глаза Малина. — И жена его. И сыночек маленький.

— О-хо-хо, — Митяй взялся за голову. — Брат родный… Как же так, братик?..

— Пути господни, Митенька… Устенька, дочка ихняя, одна осталась… — Малина вытерла слезу уголком платка.

— А Устя-то где? — вскинулся Митяй. — Она ведь, вроде, нашей Наталке ровесница? Так, может к нам её?..

— Да звала я ее, звала. Не идет. Говорит: здесь мамка с тятькой жили, здесь, говорит, и останусь…

— Вот ведь выпало… Схожу я к ней, вот передохну и схожу.

— Ты уж завтрева сходи, Митяй… — попросила Малина. — А то темнеет уже, опасно…

— Да чего в родной деревне-то бояться?

— Неспокойно у нас, Митенька, — Малина воровато оглянулась на окна, будто боясь, кто услышит, и прошептала. — После мора-то мертвяк завелся…

— Как мертвяк? — оторопел Митяй. — Да куда ж глядели-то?!

— Так туда и глядели… — вздохнула Малина. — Вроде, делали всё как надо: каждому помершему — кол. И смолой заливали. Да больно много покойников было, видно кого и проморгали. Знаешь же, коль в ближнее время не поспеешь, так мертвяк подымется и от человека его не отличишь. Вот он, видно, и успел подняться. Сейчас хоронимся друг от друга, по ночам не ходим… Он, правда, мертвяк этот, людей пока не трожит. Коров только. Пять коров уже пало, нашли их: совсем высушенные — одни шкуры лежат, да дырки колотые. Аккуратные такие — видно, когтями душу-то живую вытягивает…

— Да чего ж это такое! Чего мужики думают?! Этому мертвяку надолго коров не хватит! Ему ж человечьи жизни нужны, иначе загнется окончательно. Ой, дурни-и-и! Ловить его надо. Завтра пойду на сход разговаривать…

Он взял обеими руками кружку, наполненную парным молоком, ноздрями втянул густой запах. Вспомнилось, как в детстве мать выставляла им с братом по такой же кружке и клала сверху по куску хлеба. Эх, брат-брат… Как же так?

— Малина! — Митяй встрепенулся. — По деревне где-то мертвяк ходит, а ты Устю там одну оставила! Надо было заставить её к нам идти!

— Да звала я! Взрослая ведь девка-то, я ей не мать, не указ… — снова повторила Малина. — Тут ведь дело такое… Это еще не все ещё беды, Митенька. Пан-то опять жениться удумал…

— Ах ты етить твой растак! — крякнул Митяй. — Значит, прошлая опять не подошла? Да какого ж ему рожна надо?!

— Не подошла, — вздохнула Малина. — А ведь такая бедовая баба была…

Местный пан был не намного лучше заведшегося мертвяка. Гарный владелец громадных угодий, перепортивший немало девок по окрестностям, брака избегал как огня. Потому, когда разнеслась весть о его желании найти себе нареченную, не сразу и поверили. Но пан твердо заявил: хочу жениться. Мало того, он обещался разделить с женой свое немалое состояние, но с условием: она должна удивить его в постели. Но и это было еще не всё. Если удивить в постели она его не сумеет, то придется ей умереть.

Последнее, правда, тоже сперва сочли шуткой, и множество родичей, желающих устроить своему чаду, а заодно и себе безбедную жизнь, вывезли дочек на смотрины. Пан довольно быстро выбрал одну из красоток. Невеста была счастлива, а родители

потирали руки в ожидании половины владений. После свадебного пира молодые с шутками и прибаутками были препровождены на ложе, а на утро пан во всеуслышание объявил, что ничуть не удивлен, и невеста мертва. Тело девушки было выдано родителям. Поднялся шум, но… Условие-то оказалось несоблюденным, и пан был в своём праве.

Прошло некоторое время, и пан снова объявил о решении найти достойную супругу. Первый случай ничему не научил охотниц за богатством, и нашлась новая претендентка на руку, сердце и состояние пана. Всё повторилось: свадьба, ночь и выданное родителям тело.

После третьего раза желающих резко поубавилось. После четвертого они исчезли совсем. Тогда пан сообщил, что невеста необязательно должна быть благородных кровей, его вполне устроит и достойная простолюдинка. И желающие вновь нашлись. Двух горожаночек после пятой и шестой свадьбы постигла та же участь, что и благородных невест. Седьмой оказалась сельская вдовушка, пережившая — все забавлялись совпадению — семь мужей. Все, знавшие её, заводили глаза к небу: «Ну, уж она-то его укатает!..» Но и она оказалась не той, которую жаждал встретить пан.

— Ну вот, — продолжала между тем рассказ Малина. — После Рогнешки-вдовы желающих выскочить замуж больше не нашлось. И тогда пан велел тянуть жребий по деревням. Какой деревне жребий выпадет, та и выставляет свою невесту. А выпало нам…

— И кто же невеста? — предчувствуя недоброе, спросил Митяй.

— Устя…

— Что-о-о?! — взревел он. — Родителей похоронила, брата, а тут еще женишок выискался?! А мужики-то, мужики! Выпихнули сироту, да и рады! Да я сейчас сход соберу! Пусть на всех жребий кидают!

Митяй рванул к двери.

— Стой, Митя! Не надо! — Малина повисла на его руке, заголосила. — Не надо! Некого больше выбирать в деревне! Какие девки замужем, каких мор унес. А подходящие — только Устя да наша Наталка! Неужто дочь родную извергу отправишь?!

Митяй, будто налетев на стену, остановился. Дочка, родная кровиночка, только в возраст вошла, ей ещё жить и жить… Как же так?! А Малина, успокаивая, наглаживала его руку:

— К Наталке сваты уже приходили. Хороший парень, Виты Серого сын. А Устя… Она сама говорит — нет у меня никого, тётка Малина, мне уж всё равно теперь… Пусть уж она идет, а вдруг, глядишь, стерпится-слюбится с паном, панночкой станет… А ты устал сегодня, да и поздно уже… Пойдем-ка спать… Я постелю постелю… Утро вечера мудренее…

Малина говорила и говорила, успокаивая, уговаривая, и Митяй, смиряясь, уже шел за ней, и ему хотелось верить, что, может, и правда, всё ещё у дочки брата сложится и будет она жить лучше некуда…

В тот день, когда Устю должны были забрать в панское имение, к ней перебывала вся деревня. Ребятня липла к окнам, бабы утирали глаза углами платков, мужики мялись, порываясь дать советы по части удивления в постели. Все вслух жалели кроткую безответную Устю, но в душе каждого большей частью было недоброе любопытство: а как оно там у пана-то? Вот

сидит сейчас Устя — живая, здоровая, а через несколько дней… Но тут почти каждый конфузливо обрывал себя и начинал думать по-другому: а, может, ещё сложится, как всё надо. Может, молодая Устя так-таки приглянется пану, и пойдет у них все складно да ладно. Хотя где ж тут приглянуться, судачили бабы, коли невеста тощая, да бледная, словно смерть. Конечно, после кончины родичей да выбора пана тут уж не до веселья, но хоть бы юбку лишнюю понадела, чтоб уж коли не быть, так казаться в теле, да щёки бы свеклой помазала, чтоб какой-никакой румянец был, да глядела бы поласковей… Но Устя сидела тихая, молчаливая, ровно как была душа ее далеко отсюда.

Собирала Устю Малина. Складывала немудреные девичьи пожитки, глядела жалостливо, а в душе прятала-ласкала мысль: «Не Наталка!» Не Наталка пойдет к пану, не её единственная выпестованная-вырощенная дочка, к которой сватается хороший парень, и с которым они будут жить-поживать, да детишек наживать…

А когда уже приехала панская карета, чтобы привезти невесту в имение, и Устя, вставшая переодеться, потянулась к самому нарядному платью — с кружевами, с оборками, привезенному покойным отцом из далеких краев — Малине вдруг стало жалко одёжи: пропадет ведь! А ведь могло бы Наталке достаться…

— Доченька, — метнулась она к Усте. — Другое, поди, надень? Все равно ведь…

И сама вдруг смутилась — застыдилась своих слов. И попятилась, замахала руками:

— Ой, чего это я, доченька!.. Надевай чего хочешь!..

Но Устя уже очнулась от своей задумчивости, услышала её и поняла.

— Хорошо, тетя Малина, и вправду ведь ни к чему… Пан, наверное, какой другой наряд велит надеть, что ему наши деревенские обновы…

— Да, Устенька, да… — обрадованно засуетилась Малина. — А вот это — тоже очень красивое…

И протянула девушке другой наряд. И Устя безропотно надела его.

Последним попрощаться зашел Митяй. Остановился у порога, окинул взглядом разворошенную горницу, вспомнил, как справляли с братом шестнадцать годков назад рождение Усти… Увидел девушку, понуро сидящую в углу, неловко кашлянул.

— Дядька Митяй, — вскинулась Устя.

— Ты это… В общем… — забормотал он. И понял, что сказать ему нечего. Что вот сидит она сейчас перед ним ещё живая, а после свадьбы… И он вдруг будто воочию увидел её мертвое тело, лежащее на лавке. И на глаза навернулись слезы, и засвербело в горле, но сделать-то — сделать-то было нечего! Жалко племянницу, а ещё жальче свою родную кровиночку!

— А!.. — махнул он рукой в отчаянии. — Жисть наша подневольная!

И бросился прочь из горницы.

— Дядька Митяй! — крикнула вслед Устя.

Но не остановился Митяй, и хлопнула, закрываясь за его спиной, дверь…

Посмотреть на панскую карету выбежала вся деревня. Слепя глаза, ярко блестела на солнце позолота, сильные тонконогие кони всхрапывали и рыли копытами землю, на козлах восседал невозмутимый возница, и два лакея в напудренных париках ожидали выхода нареченной хозяина.

Когда Устя появилась на пороге родного дома, народ, как один, вздохнул, встречая её. Была она в простом сером платьице, в руках держала узелок с неказистыми пожитками. Худенькая, бледная, она походила на утицу, гонимую охотниками прямо в когти хищного сокола.

Лакеи соскочили с козел, распахнули дверцы кареты. И Устя прошла к ним, ни на кого не подняв взора, ни с кем не попрощавшись.

— Хоть бы слово сказала, бесстыдница! Чай не чужая нам! — пробормотала Малина.

А Устя, будто не слыша, всё также молча шагнула на приступку кареты, и один из лакеев, будто она уже успела стать панночкой, поддержал её под локоть, помог взойти по двум ступеням в темную нутрь. И всё. Исчезла, пропала, будто её и не было.

Захлопнулась золоченая дверца, кучер взмахнул кнутом:

— И-йех!

А добрым коням только того и надо было: взяли сразу с места, да только пыль из-под копыт густым облаком. Заголосили бабы, ребятишки помчались вслед удаляющемуся перестуку копыт, а мужики только глубокомысленно вздохнули: до панской свадьбы и гулянки оставалось день-два, а выпить, обмывая просватанную невесту, было бы неплохо уже теперь.

— Митяй, ты это… Проставиться бы надо… — высказал общую мысль Сморчок — скрюченный мужичонка, пользы от которого было как от козла молока, но по части пьянки он был первый мастак. — Родственница Устька-то тебе, как-никак…

Митяй открыл рот, хотел взъяриться, но вместо этого вдруг махнул рукой:

— А, мужики, давай! Коль надо, так выпьем…

И побрел к своему дому. А за ним, вытирая усы и предвкушая дармовую выпивку, потянулись остальные…

Богатая комната, куда привели Устю, чтобы нарядить к свадьбе, была полна служанок да тёток-приживалок. Все они суетились, гомонили, шушукались, глядя на молодую невесту, а она замерла, ни жива ни мертва, стояла, прижимая к груди неказистый узелок, захваченный из дома, и в общем гомоне слышала только отдельные фразы:

— Тоща больно невеста-то…

— Ништо! Пан таких любит…

— Тащит пан в постелю кого ни попадя…

— Не нашего ума дело! Кого хочет — того и тащит…

Тетки и бабки крутились вокруг нее, хватали за руки, щипали за бока, и она совсем потерялась в их толпе, и только все крепче сжимала пестрый узелок с пожитками.

— А ну-ка, дай-ка! — одна из гомонящих старух ухватилась за эту последнюю памятку, оставшуюся от родных. — Грязь всякую в панский дом тащить!

Но Устя — откуда и силы взялись! — вцепилась в холщевую ткань.

— Не отдам! — вскрикнула.

— Ох ты еще какая! Прынцесса нашлась! Думаешь, пан замуж берет — так всё? Хозяйка? Вот погоди, плетей у меня еще изведаешь до свадьбы-то! А ну дай сюда!

Баба изо всех сил дернула мешок, вырывая из рук Усти, ткань затрещала, надрываясь, и немудреные пожитки посыпались на пол.

— Оставьте её! — послышался уверенный голос.

Приживалки испуганно охнули, метнулись в стороны стаей вспугнутых кур, а Устя, вскинув глаза, впервые увидела своего нареченного. Пан был хорош: высок, статен, а взгляд черных глаз из-под бровей, словно намазанных углем, ожег Устю.

— Ну-ка, ну-ка, дайте-ка я погляжу на мою невестушку, — произнес пан, усмехаясь в усы. И вдруг гаркнул. — А ну вон отсюда!

И только ветер пронесся по комнате. И сдернул всех бабок-мамок, умыкнул за собой, как будто их и не было. А пан неторопливо, оглядывая со всех сторон, обошел Устю кругом, будто скотину на торгах. Пробормотал:

— А что, недурна, недурна…

Остановился перед Устей, осторожно приподнял за подбородок опущенную голову:

— Ну что ты, глупенькая? Боишься?

Но Устя упорно отворачивалась, прятала взгляд.

— Ах ты боже мой, какая скромность! — насмешливо попенял пан. — А ведь ты красотка, могла бы быть посмелее… Нежные щечки… лебединая шейка… …алые губки… Сладкие ли?

Его рука вдруг обвилась вкруг Устиной шеи, притянула, чёрные глаза оказались близко-близко, а губы коснулись Устиных. Устю закружило, завертело, понесло. И унесло бы, наверное, совсем, но она рванулась, вырвалась из панских объятий и, не задумываясь, со всего размаху отоварила пана увесистой оплеухой.

— Ах ты!.. — пан схватился за пострадавшее место.

Устя, сама перепугавшись содеянного, замерла, не зная, то ли каяться, то ли прочь бежать.

— Так вот какова моя новая невестушка… — протянул пан, отнимая руку от заалевшей щеки. Посмотрел насмешливо. — Что ж, до свадьбы осталось недолго, я подожду. Надеюсь, у тебя найдется, чем ещё меня удивить.

Снова провел ладонью по щеке, успокаивая боль, обернулся к перепугано притаившимся по углам приживалкам:

— Подготовьте её, как надо. Приоденьте. Да и повежливей тут — девушка молодая, горячая, кабы и вам не досталось.

Усмехнулся и вышел прочь.

— Задерживаются чегой-то, а, Митяй? — пробормотал Сморчок, не отрывая взгляда от вожделенной бутыли, наполненной мутноватой жидкостью.

— А? — Митяй, думающий тяжелую думку о том, что не так, совсем не так его брат мечтал справить свадьбу любимой дочки, непонимающе поднял голову.

— Невесты долгонько нету, говорю.

— А я чего? — зло отозвался Митяй. — Не я тут главный! Вон пан сидит, тоже ждёт, его и спрашивай.

На свадьбу Усти и пана была приглашена вся деревня: и стар и млад. Малышню всё же было решено оставить дома под присмотром старух и стариков, а вот мужики с бабами явились все — кто ж попустит такое. В большой зале приглашенные, правда, оробели. Пан-то, вишь ты, решил принять всех вместе — и деревенских, и благородных. Ладно, хоть столы поставили раздельные, а то совсем бы было ни чихни, ни кашляни. Но даже так деревенские костенели, не зная куда девать руки, ноги, глаза. Да и богато накрытые столы заставляли сглатывать невольную слюну. А выход невесты всё затягивался.

— Ништо! — успокаивающе пробормотала Малина. — Подождем,

куда торопиться-то. Чай Устеньке собраться надо, приодеться…

И она с любовью и тревогой глянула на собственную дочь, сидящую рядом: уберегла ли? Свадьбы-то ещё не было. А ну как пан увидит алые щечки да ладную фигурку Наталки, где есть за что ухватиться — не то, что у племянницы! — да и передумает? А Наталка — и вправду хороша — кровь с молоком! — сидела, скромно потупив глаза, и делала вид, что совсем даже не замечает, как ласково взглядывает на нее её собственный веснушчатый жених.

За господскими столами тоже ждали. Кавалеры развлекали дам беседою. Дамы, прикрываясь веерами, жеманничали. За главным столом, предназначенным жениху и невесте, восседал один пан. Устин стул пустовал.

— Скорей бы уже! — сил на ожидание у Сморчка оставалось всё меньше и меньше, рука так и тянулась к заветной бутыли.

— Подождёшь! — мстительно прошипел сквозь зубы Митяй.

И тут пронзительно взвыли фанфары. Пропели, смолкли, и мажордом, выступив вперед, зычным голосом объявил:

— Невеста пана Крочика, госпожа Устинья!

— Ишь ты, в замке без году неделя, ещё и женой не побыла, а уже в госпожи заделалась! — пробурчал обиженный ожиданием Сморчок.

— Молчи уж, пьянь! — одернула его кто-то из деревенских баб. — Тебе бы только налакаться, а что дальше с бедной девочкой будет — всё равно.

И тут замолчали все, ибо в комнату ввели невесту. Пестрый сонм сопровождающих бабок и тёток расступился, и Устя осталась одна на всеобщем обозрении. Деревенские разинули рты: это была, вроде бы, их прежняя Устя и, в то же время, не она: одетая в господское платье, с волосами, поднятыми вверх по барской моде…

— Тоща невеста-то больно… — прошептала какая-то баба, жалостливо глядя на тонкую талию — руками обхватить — и хрупкие плечи девушки.

— Много ты понимаешь! — оборвала её соседка, когда-то служившая в господском доме чернавкой. — Господа — они так и любят: чем тощее, тем лучше.

Видимо, её слова были правдой, потому что господский стол, глядя на Устю, притих. Перестали шушукаться барышни, замерли кавалеры, а что касается самого пана, то он подхватился, с грохотом отодвинул стул. Подлетел соколом к невесте, взял за белую руку и повлек с почетом к столу.

Свадебный пир был в самом разгаре.

— Ой, утица ты наша сизая… — пробормотала одна из баб, глядя на невесту, восседающую во главе стола вместе с женихом. — Умучит ведь тебя пан…

— Нишшто! Оттерпится! — заплетающимся языком пробурчал Сморчок. — Вон пан-то как на нее глазеет, чисто кот на сметану. Глядишь, слюбится у них, сладится.

Пан действительно не сводил с молодой невесты глаз, нашептывал чегой-то на ушко, подкладывал на тарелку лучшие куски. Но Устя попрежнему молчала и смотрела в стол.

— Влюбится, панной сделает… Ой, и заживешь тогда Митяй, панским-то зятем…

Захмелевший Митяй только тупо мотнул головой.

— А что, — пробормотала Малина, она тоже глотнула господского вина, и щеки её раскраснелись, а в голове было гулко и пусто. — Очень даже может, что панной сделает…

— Была бы я невестой, меня бы точно сделал, — заявила вдруг Наталка, завистливо глядя на вьющегося вокруг сестры видного чернобрового пана, рядом с которым её жених был будто глупый щенок супротив вольного волка. — А Устька — она же глупая! Хоть бы слово ему ласковое сказала, коли счастье такое привалило…

— Молчи, дура, коли бог ума не дал!.. — взъярился Митяй, выходя из мрачного похмельного состояния. — Чтоб ты понимала!..

— А чего молчи? — впервые не послушалась родителя Наталка. — Как есть, так и говорю: повезло ей! У нас вон мертвяк по деревне ходит, не сегодня-завтра всех сушить начнет, а она тут как сыр в масле кататься будет! Вот если бы вы мне позволили, тятенька, уж я бы…

— Цыц! — гаркнул Митяй и с размаха грохнул кулаком по столу. — Не твоего ума дело!

— Тихо-тихо, — зашептала Малина, опасливо косясь на господский стол. — Не ровен час пан услышит…

Но пан уже услышал. Глянул остро, поднялся из-за стола.

— Ой, что будет, — ахнула Малина.

Однако пан только потянул за руку Устю, заставляя подняться за собой. Произнес громко:

— Спасибо, гости дорогие, что почтили нас. Не стесняйтесь, продолжайте праздник, а нам пора на покой.

— Все, отдали девоньку, — подперев щеку ладонью, пробормотала Малина. — Ну, дай ей бог всего…

— Э-э-эх, — горестно вздохнул Митяй и уронил хмельную голову на стол.

В спальне, предназначенной для новобрачных, было темно и тихо. Пан шагнул к окну, дернул занавесь, и мертвенный свет луны залил пол красного дерева, да белоснежную кровать посредине.

— Жарко! — вздохнул пан, начал расстегивать рубаху. Оглянулся на Устю, кивнул ей: проходи мол.

Устя взглянула на пуховую перину с заботливо отогнутым углом, закусила губу и осталась стоять на месте.

— О, господи! — картинно вздохнул пан. Сделал три широких шага, остановился близко — рядом. Усмехнулся, отшатнувшейся Усте. — Неужели я такой страшный?

Черные глаза казались омутами в пруду — нырни, не выплывешь. «А не все ли равно когда? — отчаянно подумала Устя. — Муж ведь он…» И вдруг пошатнулась, начала валиться, но не упала — пан подхватил:

— Господи! Да что с тобой?

Легко, будто пушинку, вскинул на руки, отнес на широкую кровать. Опустился рядом, заглянул в глаза:

— Испугалась что ли? — легко коснулся Устиной щеки. — Красавица… Все пановье могли бы быть у твоих ног…

Обнял, прижал к себе… И вдруг отшатнулся, прянул в сторону, уставился в изумлении на руки невесты:

— Что это?! Что с тобой?!

Ногти на тонких пальцах девушки быстро росли, удлинялись, превращаясь в крючковатые когти.

— Уйди, пан! — крикнула Устя. — Не хочу твоей смерти, а неровен час — не удержусь!

Сжалась в комок, подумала облегченно: вот и всё. Кликнет пан людей, забить проклятого мертвяка, и кончатся,

наконец, ее мучения. В невесты-то панские за этим и пошла– боязно самой-то руки на себя накладывать…

— Не удался, значит, свадебный пир… — пробормотал пан. — Вот так сюрприз… Да не дрожи так, милочка, ничего я тебе не сделаю. Погляди-ка на меня.

Пан изящным жестом вскинул ладони, и Устя разинула рот: ногти пана росли, вытягивались, загибались крючком, как и её собственные.

— Пан?! И ты тоже?! Значит… Значит, невесты все твои… Ты их всех?..

— Да, — согласно кивнул пан. — Всех. Сушить-то дочиста каждую нельзя было — а ну бы догадались? Вот и пил по чуть-чуть, да возвращал родителям. Ну чего так смотришь? Жить-то всем хочется. А сама ты как? Небось, коровками промышляла? То-то бледная такая — не житье нам без человечьих душ. Так что рано или поздно и тебе пришлось бы.

— Нет! Не стала бы я людей пить! — содрогнулась Устя.

— Почему? — деланно удивился пан. — Жалеешь их? Они ведь тебя не пожалели.

Малина, пожадничавшая платьем, дядька Митяй, бросивший на произвол судьбы, Наталка, злой лисицей глядящая из-за свадебного стола… Хоть бы один!.. Хоть бы кто-то один!..

— То-то, — вздохнул пан. Усмехнулся с подначкой. — Кого будем из деревни просить?

— Что? — непонятливо переспросила Устя.

— Нас же двое сейчас. Я девиц люблю, а ты парней, поди, затребуешь?

Глаза Усти распахнулись от ужаса.

— Ладно, — весело махнул рукой пан. — Разберемся по ходу. Времени у нас много.

— Засим объявляю, что поставленное мною условие соблюдено, и эта девушка, — пан небрежно кивнул на Устю, — становится моей законной супругой с правом наследования и душеприказничества.

Народ, собранный под балконом господского дома, удивленно запереглядывался: неужто свершилось?

— Эх, и заживем сейчас! — Сморчок вдруг с размаху хлопнул Митяя по спине, первым сообразив пользу. — Жена-то панская — с нашего хутора! Глядишь, милостью не забудет!

Митяй посмотрел, набычившись, дёрнул плечом.

— Отстать от него! — погнала прочь Сморчка Малина. — Всё бы тебе выгоду искать!

А сама потянула Митяя за руку, заставляя нагнуться. Жарко зашептала в ухо:

— Вот подвезло-то, Митенька! Устя-то поди, свадьбу Наталке поможет справить… А то ещё в поместье жительствовать позовет — родня как никак…

Митяй выдернул руку и пошел прочь. Позади односельчане радостно кидали вверх шапки, а на балконе, рядом с глядящим гоголем паном, стояла тихая молчаливая Устя.

В панском доме Митяя долго держали в людской, выспрашивали кто такой да зачем пожаловал. Насилу уговорил, смилостивиться, позвать панночку. Когда она вошла — ровно еще тоньше, да бледнее, чем была — Митяй качнулся, хотел обнять, да застыдился вдруг. Пробормотал только:

— Доченька…

Устя смотрела пусто, будто сквозь него. Спросила безучастно:

— Помощь какая нужна, дядька Митяй? Ты скажи, я распоряжусь…

— Помощь? Не-е-е… — Митяй запнулся, теребя шапку, не зная как

сказать. — А только…. Повиниться я пришел, да забрать тебя, девонька.

Устя вскинула удивленные глаза:

— Чего ты такое говоришь, дядька Митяй?

— Мертвяк лютует, Устенька, почти каждую ночь кого-нибудь в деревне недосчитываемся. Уезжать надо…

Устя долго смотрела непонятно, наконец, произнесла тихо:

— Чего ты, дядька Митяй, со мной такие разговоры заводишь? Знаешь ведь, муж мой воспретил деревенским уезжать. Аль лакеев мне кликать, чтоб забрали тебя, смутьяна?

Митяй вздрогнул. Переглотил. Выговорил, запинаясь:

— Это уж… смотри сама как. Да только… Моченьки больше нет. Сперва мертвяк на мужиков охотился. А сейчас за баб, да деток принялся. Наталку, сестру твою, вот третьего дня… И Гаврика… — горло Митяя перехватило.

Устя отвернулась вдруг, шагнула к окну, встала спиной.

— Виноват я перед тобой, девонька… — глухо проговорил Митяй в эту спину, справившись с комом. — Дочку свою берёг, а тебя сдал… И её не уберег. И тебя… Не защитил, не оградил, отдал на умучение пану.

— О чем ты, дядька Митяй? Все хорошо у меня, муж он мне… — глухо, не оборачиваясь, произнесла Устя.

— Муж! Такой же, как паук мухе. Не чета он тебе, доченька — от него холодом так и тянет, — Митяй, сминая в руках шапку, шагнул к племяннице, заглянул в лицо. Попросил, — Поедем с нами, Устенька…

— Нельзя мне, дядька Митяй, — Устя отвернулась, пряча глаза. — Вам же хуже будет… Не знаешь ты всего, я ведь тоже виноватая пред тобой…

— Девонька! Да что ты говоришь, какая твоя вина! — Митяй попытался обнять племянницу, прижать к груди. — Бог даст — схоронимся. И от пана, от мертвяка.

— Нет, дядька Митяй! — Устя вырвалась-вывернулась. — Нельзя мне! Нельзя!

И заспешила, побежала прочь из комнаты.

— Устенька!

А в ответ — только удаляющийся стук каблучков.

В спальню заглядывал лунный луч, делил её напополам. Устя, сидя на разобранной постели, спросила тихо:

— Ночью опять в деревню собираешься?

— Собираюсь, — пан стянул через голову белую рубаху, бросил на пол.

— Зачем? Ты ведь вчера свое получил.

— Больше — не меньше, — усмехнулся пан. — Главное, думают, мертвяк из деревни. Про меня не догадаются.

Посмотрел на бледную, сжавшую губы Устю, пожал плечами:

— Ну чего ты? Пойдешь со мной сегодня?

— Нет! — вскинулась Устя.

— Что ж, — пан равнодушно пожал плечами. — Не сегодня, так завтра пойдешь. Вон, бледная вся, едва держишься.

— Ты бы хоть детей не трогал, — безнадежно попросила Устя.

— А не всё ли равно кого?

Пан сдернул последние одежки, нагой шагнул к постели:

— Ну что, жёнушка? Поиграем в охотника и мертвяка?

Устя посмотрела на него долгим взглядом и вдруг решительно кивнула:

— А что, пан, и поиграем. Только ты уж не обессудь, охотником я буду.

— Давно бы так! А то все супротив, да супротив… — засмеялся пан и скользнул на мягкую перину.

— Отворяйте, хозяева! — стук, раздавшийся в неурочный час, заставил зайцем запрыгать сердце Митяя: «Неужто прознали?!» Все было готово к отъезду: пожитки собраны, жена с дитем сидели одетые. Неужто прознал кто, да доложил?..

— Митяй! Открывай же! Я это!

— Фу ты! — пробормотал Митяй, признав голос Сморчка. Махнул Малине, чтобы оставалась в доме. Загремел замками.

— Чего ты, черт этакий, бродишь по ночам? — попенял, впуская мужика в щелку калитки. — Напугал! Я уж думал, мертвяк пришел.

— Да тут вот дело такое, Митяй… — Сморчок шмыгнул носом, утер его рукавом. — Нарочный с панской усадьбы прискакал, говорит, нашли мертвяка-то.

— Изловили?! — ахнул Митяй. — Да кто был-то им?

— Так вот… пан и был. Нашли его в постеле, и кол из груди осиновый торчит. Плоть вокруг вся расползшаяся — с давнего времени, вестимо, в мертвяках-то ходил…

— Вот Господи! А кто ж его тогда колом-то?.. А Устя? Устя-то где?!

— А Устя пропала. Исчезла, как не было. Верно, выпил её пан, да спрятал шкурку-то, чтобы никто не опознал. Ну чего поделать-то. Бог дал, бог взял, — Сморчок снова шмыгнул. — Тут ведь, вишь, в другом вопрос. Помер пан, и наследница пропала. А ты один родственник-то Устенькин. Так, стало быть, ты паном у нас. Так что ждем тебя все. Собралися и ждем. Так ты уж почти народ-то, выйди…

— Что-о-о?!

Митяй оттолкнул Сморчка, чуть не срывая с петель, рванул калитку. И замер, разинув рот: на улице стояла вся деревня: мужики, бабы, ребятня. При виде соседа, вздохнули разом, да дружно склонили спины, головы, почитая властителя. А новый пан обомлел, не в силах вымолвить ни слова, и только хватал воздух, будто речной лещ на сухом берегу.

Кристина Каримова

Родилась 10 сентября 1974 года в г. Кирове (Россия). Два высших образования: гуманитарное и экономическое. Больше пятнадцати лет работала преподавателем. В настоящее время коммерческий директор туристической компании.

К настоящему моменту имеется около тридцати публикаций в сборниках издательств «Эксмо», «Снежный ком», «Аэлита» и журналах: «РБЖ Азимут», «Зеленая улица», «Фантастика и детективы» «Чайка», «Техника молодежи», «Уральский предприниматель», «Наука и жизнь», «Юный техник», «Знание – сила» «Уральский следопыт», «Фантаскоп», «EDITA» и других.

Финалист конкурса «Альтернативная реальность» (журнал «Если», 2012 год), первое место в конкурсе РБЖ «Азимут» (2013г.), первое место XIII фестиваля-конкурса литературного творчества «Решетовские встречи-2013» в номинации «Произведения малой прозы» (г.Березники, 2013г..), в второе место в номинации проза в областном литературном фестивале «Зеленая улица» (Кировская область, июнь, 2012 г.)

Сергей Игнатьев

СМОРОДОВА ГОРКА

Вечером накануне Купалья, едва над сосновыми верхушками важным сомом всплыл под облака лунный диск, старый дом начал оживать. Нехотя, лениво, принялся стаскивать с себя покровы сонного оцепенения, покря хтел, поскрипел. Проснулся…

Домочадцы еще находились в своих комнатах, еще только вылезали из лилового бархата и черного шелка постелей, а Фаня Ичеткин, самый младший, уже томился в холле, у подножия величественной дубовой лестницы.

Стоял под портьерой, сложив руки за спиной, мялся, потирал потрепанным кедом, в который обута была правая нога, поцарапанную голень левой. Чутко прислушиваясь, ждал взрослых.

Заскрипели ступени лестницы, эхо подхватило звуки длинных и сладких зевков, зашуршали длинные юбки…

Стали выходить тетки, племянницы, сестры:

— Скоро уж начнут съезжаться…

— Да-а-а, скоренько…

— Как спалось-то, сестренка?

— Хорошо, милочка, а тебе?

— Ничево-о-о!

— Да уж пора бы, да… Уж некоторые выехали небось…

— А вам как спалось, тетушка?

— Да чего там, неплохо!

— Уж и нам начинать готовиться надо бы…

— Хорошо спалось, спасибочки.

— То сказать, у нас и конь не валялся.

— Пойдемте в кухню, приступать пора!

Зарокотали каблуки, заныл мозаичный пол, затряслись стекла в стрельчатых окнах — из глубин своих покоев дирижаблем выплыл дедушка, Транквилион Астериусович Ичеткин, владелец театров гомунькулюсов и Живых теней, паппет-мастер, черный маг-визионер и заслуженный прорицатель, для домашних же просто «Траня».

Одет он был в шелковый халат густо-винного цвета, на бритой голове — расшитая серебряными змеями черная шапочка. Клиновидная огненная борода острием указывала на побрякивающие золотые амулеты, что терялись средь рыжих зарослей на груди. Пламенная рыжина у Трани была от матери, а глаза — отцовские, желто-зеленые, кошачьи; зрачки игольным ушком…

Остановился, крякнул, требовательно пробасил:

— Ну, чего, прекрасная половина? Сестрицы-племяшки-внучки… Чего сонные такие?! Уж Луна взошла! А ну вперед, в кухню! Работа не волк, работа — ворк…

Траня очень любил заезженные плоскости и штампы.

Сестры-племяшки засмеялись, ладошками и углами шалей с длинной бахромой замахали на него — уйди, постылый!

Тут Транквилион Фаню заметил, крякнул громче прежнего. Изобразил ему, по традиции, кота: щеки

надул, ухоженные огненно-рыжие усы встопорщил, а глаза — блюдцами!

— Пфффушшш… Мя-я-я-ЯЯЯЯ!

Фаня засмеялся — сил нет как, чуть не задохнулся. Согнулся пополам, стал хлопать себя по заклеенной пластырем коленке.

Траня, довольно крякая, зажал в жемчужных зубах длинную бразильскую сигару «фина корону», поплыл далее — курить на балюстраду.

А вот показался на свет канделябров, постукивая по паркету тростью, прадед Астериус Ичеткин, по-домашнему Стеша, худой и сухонькой, в домашнем вязаном кардигане (конечно же, с модно завязанным галстуком).

— Готовятся, значит, — прислушался он, добавил, ни к кому особо не обращаясь, в пространство. — Стало быть, скоро гостей жди!

Увидел Фаню, сверкнув агатом фамильного перстня, запустил узкую морщинистую ладошку в карман, вытащил золотые очки в тонкой оправе, поднес к глазам.

Требовательно посмотрел:

— Ты кто?

— Фанаг-х-хион! — старательно попытался выговорить Фаня, аж подпрыгнул, но на букве «Р» по обыкновению сбился, страдальчески сморщился.

— А фамилия твоя…?

Фаня в ответ, звонко, хлестко:

— Ичеткин!

— Молодец…

Прадед очки спрятал, из того же кармана выудил леденец (оскаленная сахарная черепушка на палочке), правнуку вручил. Одобрительно потрепав по вихрам, последовал дальше, отмечая свой путь гулким стуком трости.

Старый Дом ожил…

Вечер накануне Купалья — великий вечер. Со всех концов страны, из ближнего и дальнего зарубежья, из выбеленных ветрами пустынь и блистающих огнями мегаполисов, из затерянных в тайге плесневелых избушек и заросших мохом замков, съезжаются родственники. Съезжаются сюда, на Смородову Горку, на традиционный семейный праздник.

Так среди них заведено не первое столетие. Грядет заветная ночь — и вот съезжаются, слетаются, сползаются. Племянники и племянницы, внуки и внучки, дядюшки и тетушки, кузены и кузины.

Фаня Ичеткин прокрался по коридору, как шиноби-фандорин, никем не замеченный, на цыпочках зашел в одну из гостевых комнат.

В дальнем углу ее сидел на бамбуковом коврике одетый в черное кимоно двоюродный дед, Патрик Ичеткин (урожденный Патримицин Астериусович). Большой оригинал и космополит, позапрошлым вечером прилетевший из Сиднея.

Сидел, погрузившись в медитацию, скрестив ноги и выставив сложенные особым образом пальцы расслабленных рук, невидящим взглядом смотрел в стену.

Фаня, высунув язык от старательности, тихонько подкрался, чтоб не потревожить. Уселся рядом, попытавшись скопировать дедовскую позу.

Патрик Ичеткин молчал, созерцал.

Бледный и худощавый, он словно сошел с одного из старых портретов (Горынчинская порода! — восклицали взрослые), что висели по стенам дома.

Прямые черные волосы расчесаны были на пробор, ресницы вызолочены, на скуле татуировка — навечно застыла на полпути от уголка глаза золотая слеза, мерцающая в неярком свете развешенных по углам китайских фонариков.

Патрик был хорошо известен за границей, как держатель ярмарочных балаганов, кочующих цирков уродов и всяческих диковин, устроитель ярмарок и лабиринтов ужасов.

Фаня сидел рядом, держался из последних сил — ноги затекли, заболели. Смотрел в ту же сторону, что и двоюродный дед — на стену.

Там, между конической вьетнамской шляпой и изрезанной рунами замшелой плитой, висел фотопортрет. В теплых кошенильных тонах, в штрихах ретуши, с него смотрел человек в пенсне, с застывшей неприятной улыбкой и чеховской бородкой.

Это был Горынчин. В 1881-м году он начал строить Дом.

Был он боевым колдуном Ближнего Круга, по ранению отставленным со службы после турецкой кампании. Поселился на Смородовой Горке, женился и, как писал в мемуарах: «пустил корни сквозь хвойный ковер, что помнит еще легкую поступь ичиг моих языческих предков». По одной этой интонации можно заключить, что был Горынчин, как говорили в те времена, «нелюдью передовых взглядов», западником.

Горынчин взял в жены одну рыжую колдунью, что родила ему Мартишию-Первую. Та, впоследствии, широко прославилась в узких кругах своим эпатажем, вышла замуж за блистательного в свое время чародей-изыскателя Запрятова, полжизни проведшего в разнообразных экзотических местах вроде амазонских джунглей и тибетских снегов.

У Запрятова и Мартишии-Первой родилась Мартишия-Вторая, полностью унаследовавшая материнский нрав и пламенно-рыжую красоту. А уж ее в свою очередь взял в жены прадед, Стеша Ичеткин. В злое голодное время пришел на Смородову Горку Стеша с одним потертым чемоданом и заспиртованным птицеедом в банке (свадебный подарок прабабушке — спирт выпили, птицееда покрошили на зелье). И остался навсегда, стал патриархом рода.

Чуть левее вьетнамской шляпы висит черно-белое фото, на котором запечатлен прадед Стеша. На нем он изображен в строгом черном костюме и узком галстуке. На лацкане поблескивает орден. Стеша пожимает руку толстяку в сером френче. Лицо толстяка размыто — это тот самый Вампир-лишенный-имени, что, пойдя против соплеменников (которые его за это прокляли), подавил знаменитый Первый Вампирский Мятеж, встал у руля Черного Совета, а позднее возглавлял долгие годы его Исполнительный Комитет. На фотографиях он никогда не получался в фокусе.

Времена тогда были страшные. Прадед Стеша в анкетах всегда писал «из домовых». Лишь в девяностых, после роспуска Черного Совета, стало уместно вспомнить, что происходил он из рода богатых петербургских знахарей-чернокнижников, отец его объездил пол-Европы и по службе вхож был в высочайшие дома и блистательнейшие кабинеты.

После Первого Мятежа, в начале 20-х, перебрался Стеша из голодного Питера в голодную Москву, и стал пробовать себя на педагогической ниве.

Если пойти из гостиной в библиотеку, оставив деда Патрика медитировать (Фаня так и поступил), то можно было увидеть высокие книжные шкафы, ряды которых терялись во тьме, сплошь уставленные прадедовскими трактатами.

Блистали в сумраке библиотеки тисненые золотом кожаные переплеты, и яркие корешки учебников и пестрые стопки глянцевых брошюр…

«Занимательная некроматика», «О чем говорят нам лунные циклы», «О чем шепчет твоя Тень», «Волчата и мышата — дружные ребята», «Травы и зелья. Учимся, играя!», «Принципы бинарно-выворотного Мироустройства для самых маленьких» и прочая, и прочая…

И, конечно же, знаменитая Черная Азбука, по которой и теперь преподавали в Магических Школах от дальневосточных сопок до мурманских льдов, принесшая прадеду столько наград, почестей и званий.

Про Стешу рассказывали, что во время войны с фашистами он однажды в одиночку уложил штурмового гримтурса, в качестве оружия имея одну лишь только березовую слегу. Прадед о войне вспоминал неохотно, в своих учебниках ее не касался, а этот случай комментировал обычно так: «смотрю — прет! он сюда, я туда, он туда, я так, он эдак, а тут вижу — слега. Думаю, все! Или я его, или одно из двух! Взял, как впердолил ему в ноздрю…» На этом месте он морщился, смущенно улыбался, махал сухонькой ладошкой и менял тему разговора.

Фаня уперся головой в книжную полку, руки развел — как бы обнял ее всю. Втянул ноздрями сладкие запахи пыли, старой бумаги, паутины и плесени, неведомых пряностей и крепкого табака, что хранили старые переплеты…

Громко чихнул.

Насторожился. Принял стойку, как охотничий пойнтер, аж ушами малиновыми зашевелил от напряжения.

Вся эта пантомима была оттого, что услышал в коридоре ласковый, чуть хрипловатый, матушкин голос, эхом отдававшийся под высокими сводами.

Матушка, Игнесса Ичеткина, шла рука об руку с отцовской сестрой, Мартишией-четвертой. Говорили:

— Ох, милая моя Игни, что за чудесный наряд на вас. Этот воротник из перьев — что за чудо! и крой подола, и дерзкий вырез… Была бы я чуточку пополней, так непременно бы тоже такое себе сшила!

— О, мерси! Ваш фасон мне гораздо сильнее импонирует, драгоценная моя Марти, эта черно-красная шашечка, и дивные, дивные плетеные шнуры, и кайма! Я так жалею, что будучи в двенадцатилетнем возрасте с родителями в Галерее Лафает, они отказали мне в таком платье!

Медленно прошуршали подолы, дамы миновали высокие двери библиотеки.

Неслышной тенью Фаня последовал за ними. Вдруг он замер, прислушиваясь.

Речь зашла о нем:

— А Фаня-то ваш… — вздохнула Мартишия-четвертая. — Милая

Игни, мы все, вся наша семья… так переживаем за него!

— Отчего бы вдруг, драгоценная Марти?

— Голубушка! Такой он у вас румяненький, скоренький! Так и носится, так и скачет. Эдакий, Тьма помилуй, живчик… Зубки-то растут у него?

— Растут, — холодно ответила Игнесса. — С этим все в порядке.

— А летать вы с ним пробовали?

Игнесса промолчала.

— А он у вас как уже — обращается? У кузена Мики детки уже вовсю, я видала, такими знаете, черными вервольфами. Вот что значит, анкилонская школа шаманская! Хотя они, говорят, по-русски не очень. Даже учителя в лицее жалуются. Я тут недавно с их матерью болтала. А вы же знаете ее — Айталына… Ох! Ни слова в простоте! Фотомодель, эдакая принцесса, держится так — мрачно, знаете, с достоинством… Неудивительно, в общем, что Мика на нее запал. У него же и у самого матушка из тех краев, дочка секретаря обкома Анкилонской А-эс-эс-эр, они с Патриком познакомились, когда он у них на Высших шаманских курсах по обмену практику проходил, поэтому Мика, можно сказать, и сам наполовину анкилон. Как сейчас помню матушку его, Туярыма… Да-а, такая, знаете, породистая женщина была…

Игнесса молчала. Воздух в коридоре наполнялся отчетливым привкусом электричества.

— Иногда так посмотришь на вашего Фанечку, — щебетала Мартишия, возвращаясь к волнующей теме. — Такой он у вас маленький, розовенький… Простите за прямоту, так вот прямо хочется сказать, Нормальный…

В воздухе затрещали искры, запахло озоном.

Мартишия, очевидно, это почувствовала, потому что с некоторой поспешностью добавила:

— Впрочем, вам видней, милая Игни! Вы мать. Чего это я хлопочу, своих-то у меня нет пока. И когда будут…? Так, небось, и прохожу в девках еще лет триста!

И нарочито громко засмеялась, как бы подчеркивая немыслимую смехотворность такого предположения.

Фанина матушка хрипловато хохотнула в ответ. Атмосфера несколько разрядилась. Ведьмы скрылись за поворотом коридора, шурша по паркету фестонами подолов.

А Фаня стоял, как громом пораженный, пытался собраться с мыслями.

Так вот как он выглядит, оказывается, в глазах взрослых! Как это она сказала, «нормальный»? Чтобы значило это странное, неприятное слово?

Уж не болен ли я, испугался Фаня, поспешно прижимая ко лбу ладонь.

Не зная, как справиться с накатившим вдруг смутным волнением, стремительной тенью, отчаянным капитаном ваймсом, побежал по гулким коридорам, искать бабушку.

Бабушка Гри (в девичестве Гризелла фон Гармарис) царила на кухне. Бабушка повелевала!

Как полководец на поле брани, средь паровых клубов, вырывающихся из-под крышек, средь яростного печного жара, средь грохота и звона посуды, возвышалась она,

с половником-скипетром в одной руке, с полотенцем-знаменем в другой.

Вокруг метались, как адъютанты на взмыленных конях, сестры-племянницы-тетки…

По правую руку от бабушки Гри стоял, едва не задевая затылком потолок и молчаливо ожидая указаний, Зверила, отставной гомунькулюс, садовник и повар, служивший стольким поколениям Ичеткиных, что все уже позабыли, сколько же ему на самом деле лет. Сам он на эту тему не распространялся и вообще был неразговорчив, ограничиваясь, в основном, тремя словами «хы-ы-а» (да), «ы-ы-ых» (нет) и «ы-ы-ы-у-у» (доброй ночи!).

Фаня понял, что бабушке некогда теперь выслушивать его вопросы, и вместо того, чтобы поделиться с ней своим волнением, спросил, чем может помочь.

Поводя скипетром-половником, бабушка Гри велела взять с третьей сверху полки, из второго от входа шкафа, специальную банку, и идти с ней в ближний лес, собирать пауков и поганки для будущего соуса.

Выбежав из кухни с банкой под мышкой, Фаня увидел за столом в малой гостиной прадеда Стешу и дядю Мику, сына Патрика Ичеткина. Но главное — папу! С ними был Фанин папа, только что приехавший из Москвы, с важных переговоров, касающихся экспортных поставок отрицательно заряженного напатума.

Страшно обрадовавшись, Фаня бросился к нему с объятиями, на которые отец, Траня-младший, отвечал мужественным похлопыванием сына по спине и своей очаровательной улыбкой. Фаня всегда восхищался тонкостью и изяществом папиных клыков, даже немного ему завидовал.

— Ичеткин! — кивнул на Фаню прадед Стеша, адресуясь к его отцу и дяде.

— Иче-еткин! — согласились Мика и Траня-младший.

Траню-младшего, сперва пошедшего по отцовским стопам — в визионеры, а затем сменившего это почетную ипостась на бизнес, и Мику, унаследовавшего от матери крутые анкилонские скулы и необыкновенно выразительный взгляд чуть раскосых глаз, державшего элитную артефактную лавку в Замоскворечье, старшие иронически называли «Упыриным поколением» (по названию одноименной Теневой пьесы Трани-старшего), имея в виду их стремительный карьерный рост после устроенных вампирами Второго Мятежа и роспуска Совета, и связанные с этим ростом нарочито светский образ жизни и показное потребительство.

Перед Стешей стояла громадная бутыль, заполненная темной, густо-баклажанного оттенка жидкостью. Это Черноплодовка, знаменитая домашняя настойка на черноплодке, царской водке и волчьей ягоде, рецепт которой оставил основатель рода Горынчин. Прадед угощал ей внуков.

Фане тоже предложили стакан. Попробовал, скривился — кислая, горькая, жжется! Мужчины необидно засмеялись. Фаню потрепали по плечу, погладили по вихрам. Спросив о назначении банки, велели идти, куда отправила бабушка.

По дороге к задней калитке, выходящей к пологому обрыву и лесу, Фаня не удержался и заглянул через

соседский забор. Привлекло странное змеиное шипение, доносившееся оттуда.

Оказалось, сосед Клюква, в мятых форменных бриджах и выцветшей гавайке, поливал из садового шланга свою черную бмв-семерку, маслянисто блестящую в лунном свете.

Клюква, суприм-архонт вампирской Внутренней Стражи, некоторое время командовавший спец-батальоном «Цепеш» и, по слухам, лицо, приближенное к самому Князю, среди Ичеткиных подвергался постоянным заочным насмешкам как выразитель всех тех тенденций, что противостояли патриархальному укладу Смородовой горки.

Кроме того, он состоял в отдаленном родстве с одной из Запрятовских ветвей фамильного древа, а Фаниной матушке приходился мужем ее сводной сестры, иначе говоря, зятем (или шурином?). Игнесса, впрочем, со сводной сестрой находилась в состоянии прохладного нейтралитета, считая ее самозванкой.

Все эти сложные семейные связи (и их отсутствие) не мешали ни Фане, ни младшей дочери Клюквы Филумантине, лазать друг к другу в гости через дыру в заборе, играть в подкидного, в «оборону Мордора» и «спасение Вольдеморта» и азартно обсуждать последние новости.

О чем сожалел Фаня, так о том, что Филя находилась с классом в турпоездке по Трансильвании, и не могла разделить с ним его душевных переживаний, вызванных подслушанным ненароком разговором взрослых.

К слову о дыре в заборе. Она была надежно укрыта от взглядов взрослых дебрями непроходимой ежевики, и Фаня с Филей справедливо полагали, что это их личная тайна, тайна для двоих.

Детям неведомо было, что каждое предыдущее поколение Ичеткиных и Клюквы, находясь в их возрасте, с удовольствием пользовалось этой дырой. Но, со временем, дети взрослели, и вот наступал момент (обычно в деле была замешана большая политика), когда они предпочитали забыть об этой прорехе в Железном занавесе, покрывая вчерашних своих товарищей волнами обоюдного ледяного презрения.

Уж так было заведено на Смородовой Горке!

Между тем Фаня миновал калитку, и, помахивая банкой, углубился в лес.

О, русский лес! Что за чудо ты, русский лес ночной порой, на самой середине лета? Где найти слов, чтобы описать твои чудеса?

Сказочный край, где под густым лиственным шатром бродят и шепчут тени, в шипастых дебрях сокрыты сладкие ягоды, молчаливо и жадно тянутся навстречу дождю чудные грибы, в сонной дреме веками пребывают твои жители, надежно спрятанные в своих укромных берлогах, сокрытых жесткой серой корой и мягким изумрудным мохом.

Лишайником ли поросший бродяга-леший, избушка ли с курицыной ногой, или корнями изогнутые лапы мертвецов тянутся из-под палой листвы?

А может, лишь лунный сом смеется над нами, из своего черного звездного омута ворожит и приворотит, играет гибкими тенями, как ему вздумается…

Годы идут, сменяются эпохи — лишь ты все тот же! О, Русский лес, сладкий обман и морок! Обрядишься по осени в золото и пурпур, уже предчувствуя тяжелую поступь злого старца Колотуна, призрачного морозного властителя, но и тогда — все ворожишь, все манишь… А после сбросишь свой царственный наряд, укутаешься в белы снеги, уснешь… Шепчет ветер в твоей резной листве — все тлен, все обман, все пустое… Есть только вольная песня соловья на рассвете, да шмелиным звоном полный дремотный покой полуденной неги…

Все мы странники средь веселых хороводов твоих нарядных берез, Русский лес! Все мы странники под сумрачной сенью твоих дубов…

Фаня брел под лунным светом, хрустя валежником, обструганной палочкой шурша в папоротниках и осоке, выискивая изящных, как балерины, тонконогих поганок.

Искал хрупкие серебристые кружева паутин, аккуратно снимал с них неутомимых многоногих ткачей, прятал в банку.

Лес шелестел листвой, поскрипывал ветвями, шептал. Едва долетал со стороны Смородовой Горки слитный стрекот цикадового оркестра.

Издалека приносил ветер тревожное «угу-гу-гу» — кричала неясыть. Ближе к болотам пустельга вывела вдруг звонкое и пронзительное «три-ти-ти-ти», будто заробев, смолкла. «Уум-блум, у-уум-блум», утробно басила на болотах выпь. «Куа-а-а, куа-а-а», на разные тона вторили ей лягушки.

Но вот хрустнула ветка за спиной…

Вот, показалось, что-то чавкнуло в овраге по правую сторону?

Фаня пошел через сосновник, мягко ступая кедами по ковру из хвои.

Вот хрустнула позади шишка, за ней другая. Что-то прошуршало по земле, будто волоком тащили громадный мешок.

Кто-то следовал за ним…

Фаня обернулся.

Смутная тень показалась за сосновыми стволами, слилась с ближним оврагом. Что-то перекатилось, булькнуло там, в клубящемся тумане.

Фаня помялся, обеими руками прижимая к груди банку с лесными дарами.

Послышались смутные звуки. Там, в глубине оврага кто-то тоненько хныкал да улюлюкал. Будто мать, качая, успокаивала расплакавшееся дитя. А непослушное чадо не верило, продолжало плакать:

— …хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю… хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю…

Страх вступил в Фанином сердце в противоборство с любопытством. Крепко сжимая банку, будто в ней заключена была тайная магическая сила, аккуратно ступая по мягкому настилу из сосновых игл, он двинулся на звук…

К самому краю подобрался Фаня. Туман холодным языком лизнул коленки, поколебался, открывая вид на одно оврага:

— …хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю… хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю…

Фаня так и обмер.

Покатилась вниз по откосу, к овражному дну, подскакивая на корягах, оброненная банка, упала на мох, отлетела от нее крышка. Перебираясь по рассыпавшимся поганкам, торжествующие пауки

ринулись всеми многочисленными ногами навстречу свободе.

Но не убежали далеко — что-то массивное и темное, скользкое и раздутое, неспешно покатилось по хлюпающей жиже, по рытвинам и бочагам. Накрыло густой тенью, и тотчас подмяло — и рассыпанные поганки, и бегущих пауков, и банку Фанину накрыло, с треском раздавив своей тяжестью… Поперло, кряхтя, скрипя, треща корнями, вверх по откосу — к Фане.

— …хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю… хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю…

Со дна оврага ползет на Фаню что-то, свивая кольца длинными щупальцами, поводя круглой голой башкой с фасетчатыми буркалами, выгибая длинные гребни на спине. Щерится страшный кривой рот, в несколько рядов усеянный бритвенно-острыми клыками. А из самой утробы чудища доносится жалобное детское хныканье и ласковое улюлюканье:

— …хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю… хны-ы-ы!… лю-лю-лю-лю…

Стоит Фаня, смотрит вниз, сердце замерло, рот раскрылся. И не в силах пошевелится, оцепенел от ужаса.

Внутренний голос, собравшись с силами, завопил: беги, дурак! И Фаня побежал…

Фаня понесся стремглав — но куда?

Умолкли птицы, замолчали лягушки. Затаившись, замерев, стали следить за погоней.

Даже лунный сом, недовольный таким зрелищем, поспешно затянул занавеси из клубящихся туч. Тьма застила лес — не найти дороги!

Фаня бежит, не разбирая пути, а хныканье с улюлюканьем преследуют его по пятам. Как оторваться от страшного преследователя? Как ускользнуть?

Стать бы маленьким-маленьким, быстрым-быстрым…

И едва только загадал это, вдруг и впрямь — побежал втрое быстрее прежнего, и деревья стали выше, а заросли гуще.

Зачесалась спина, встопорщилась черной шерстью, подушечки лап мягко коснулись земли, уши прижались. Жалобный мяукающий вопль сорвался с губ…

Маленький черный котенок несся через лес, уходя от преследователя. Изумрудные глаза-блюдца горели в темноте. Яснее стало видно дорогу и лес, новым звериным зрением. И сподручнее стало бежать на четырех когтистых лапах, но…

Все! Некуда бежать — дальше булькало в тишине, раскинувшись от края до края, укутанное туманом болото. Дальше только топи, только погибельная трясина…

Врезавшись в осоку, в хлюпающую жижу, Фаня заполошно обернулся, топорща смоляную шерсть на загривке, прижимая уши и нервно маша коротким хвостом, тихонько зашипел…

Чудовище подступало. Перло, подминая под себя валежник и папоротниковые лапы, приближалось, кольцами свивая щупальца, поводя гребнями, щеря страшную слюнявую пасть, оставляя на сучьях нити густой слизи.

— …хны-ы-ы!… лю-лю-лю…

Вопреки и наперекор, обрывая улюлюканье чудища на полутакте, раздался из чащи яростный хриплый рык, переходящий в напористый и наглый кошачий вопль,

а из него в злое, предваряющее атаку, шипение:

— Ррр-р-р-мя-яяЯ! Пффф-ш-ш-ш…

Из леса выскочил к болотам громадный зверь. Пепельно-серый, в россыпях темных пятен, снежный барс — ирбис. Громадные желто-зеленые глаза горели огнем, раздраженно подрагивали серебристые усы, острые клыки торчали из-под гневно натянутой мохнатой губы.

Хлеща себя по бокам длинным пушистым хвостом, зверь стал медленно подступать, рыча, сверкая во тьме фосфоресцирующими глазами. Пригнулся, напрягая сильные когтистые лапы, готовый к прыжку…

Шипя, оскалил клыки, прижал уши, подобрался… Атаковал!

Закрутилось веретено — слизистые щупальца, встопорщенный хвост, длинный гребень, растопыренная когтистая лапа! Катаются по земле снежный барс и его страшный противник. Улюлюкает и ноет чудище, рычит и вопит мартовским котом ирбис!

И вот… все кончено.

Стихло. Хлюпает вода в болоте. Но молчат, притаились, лесные птицы и лягушки — прислушиваются, настороже — чем закончился поединок?

С любопытством выглянул из-за занавеси туч лунный сом, серебристым светом залил болота и лес.

Фаня боится выглянуть из зарослей. Что там — кто кого?

Вот зашелестела совсем рядом осока… Зажмурился!

Чьи-то сильные мускулистые руки подхватили Фаню под мышки, вытащили из мокрой осоки. Бережно поставили на твердую землю.

Открыл глаза:

Дедушка!

— Смотрю, ты превращаться научился, — пророкотал Траня, придирчиво осматривая, отряхивая дрожащего внука. — Ну, чего дрожишь? Ну, страшная кракозябра, да! А мы ее — р-раз, и одной левой! Во как! Хотя я бы тоже на твоем месте ошалел! Ну, приходи в себя, все позади… Ты ж толковый парень у меня, Фанька… Хотели родители, чтоб из меня вышел толк… Толк и правда вышел, зато бестолочь — осталась, хе-хе-хе.

Очень любил Траня всякие заезженные плоскости и штампы.

Весь он был огромный, необъятный, в черных сатиновых трусах парусами, и совершенно мокрый, будто только что из бани, поблескивающий и лоснящийся в лунном свете.

Траня вытащил откуда-то из воздуха мобильный телефон, прижал к уху:

— Алло, дежурный?! Смородова горка, Изнаночный прорыв второй категории… Высылайте бригаду! Что? Кто это говорит?! Это, юноша, говорит ИЧЕТКИН!

В трубке что-то залепетали, а Траня пнул пяткой поблескивающую в лунном свете неподвижную исполинскую тушу:

— Да! Жду… Конец связи.

Посмотрел на Фаню:

— Испугался?

Фаня почесал вихры на затылке, неопределенно пожал плечами.

— Шогты погвались, — проговорил еле слышно, сглотнул.

В лунном свете видно стало дедовскую широченную улыбку в обрамлении пушистых усов и бороды.

Фаня про себя подумал — конечно, я испугался, но вот теперь — дедушка

рядом, вон какой здоровенный, и смелый! И сердце бьется уже почти спокойно, и как жадно дышится прелым болотным воздухом, пахнущим тиной. Никогда раньше не дышалось так жадно! И сладкая мысль — я живой, я дышу! — бередит душу.

Подумал, что сейчас, кажется, самое время задать важный вопрос, который зазвучал вдруг в голове с новой силой. Сейчас не спросить — потом и подавно духу не хватит:

— Тганя…

— А?

— А я ногмальный?

Дед, который с прищуром вглядывался в туман над болотами, почесывая рыжие заросли на груди, осененной тяжелыми золотыми цепями с амулетами, посмотрел на внука.

Расширив черные кошачьи зрачки, хмыкнул. Растянул губы в улыбке. А затем расхохотался.

— Ох! — смеялся он. — Ох, не могу! Ну, Фанька… Нормальный он… Я держал ее за талию, а она меня за идиота, ах-ха-ха!

Отсмеявшись, вытерев пудовым кулаком выступившие на глазах слезы, Траня потрепал Фаню по плечу.

Тут из-за туманной пелены послышался нарастающий шелест и отрывистые хлопки, как от множества кожистых крыльев.

На краю болота появилось несколько фигур в длинных черных одеяниях, испещренных узорчатым орнаментом и множеством застежек, ремешков и петель.

Один из них выступил вперед. На левом рукаве у него белая вышита черная роза, на правом — летучая мышь, раскинувшая крылья, превращающиеся в огненные языки. Лицо, обрамленное высоким черным воротником, было совершенно бескровным, серым, под натянутой кожей проступали темные жилки. Глаза посверкивали в ночи рубиновым огнем.

Вампир!

Фаня попятился, стараясь держаться позади деда.

— Внутренняя Стража, архонт Чеснок! — вампир вытащил из кармана одеяния и показал Тране серебристый значок. — Вызывали?

Траня пнул лежащую у его ног тушу:

— Вот, принимайте…

Вампир поглядел вниз, присвистнул. Кивнул своей свите. Сказал Тране уважительно:

— Как ее только занесло сюда?

— А чего ты хотел, — крякнул Траня. — Смородова Горка! Да перед Купальем! Магия тут разлита повсеместно.

— Дивные места, — прошелестел вампир без эмоций, хлестнув по земле длинными полами одеяния, опустился возле туши на корточки.

— Идем, малыш, — сказал Траня. — тут без нас разберутся… — строго добавил, адресуясь к вампиру. — разберетесь ведь?

— Разберемся, — заверил Чеснок. — Благодарю за содействие, сир!

Вместе с подчиненными уже переворачивал тушу, брезгливо хватаясь затянутой в кожаную перчатку рукой за перемазанный слизью мясистый щупалец.

Фаня и дед пошли обратно.

На полдороги Фаня замер, сокрушенно ухватил себя ладонями

за голову, взъерошил и без того растрепанные вихры.

— Банку потегял! — сказал он севшим голосом.

— Ничего, — успокоил Траня. — Бабушке объясню, она поймет…

Фаня вздохнул.

— А про чудище это, — продолжал Траня. — Мы знаешь, что? Мы про него никому не скажем! Будет наш секрет.

— Нельзя говогить?

— Забудь! Праздник к нам приходит, гости съехались. Надо радоваться, не надо напрягаться! А чудища… мало-ли их вокруг? Главное… Главное, ты помни, Фаня, и знай, ты — на Смородовой Горке! Здесь тебе нечего бояться. Здесь все тебя любят… И все мы тебя любим таким, какой ты есть. А что касается того твоего странного вопроса…

— Что такое ногмальный? — кивнул Фаня.

— Ага. Так вот… Ты поменьше тетушку Мартишию слушай, — улыбнулся Траня. — Она хорошая женщина, только голову себе забивать любит ерундой разной. И остальным тоже… А ты совсем взрослый… превращаться вот научился! Должон понимать!

Они дошли до калитки. Кругом колыхались влажные от росы травы, стоял неумолчный стрекот сверчков и цикад. И вот уже за разлапистыми ветвями, за пышными кронами черноплодных рябин, зажелтели стрельчатые окна дома.

Миновали калитку, дед запер ее на засов, за спиной, за высоким забором остался лес, в котором шумел ветер, ухала неясыть, квакали жабы, пиликала пустельга…

Снова дома, снова в безопасности.

— Уже рассвет скоро, — сказал дед. — Я не сплю, я просто медленно моргаю… Ты иди, Фаня в дом, а то бабушка волноваться будет. А я еще загляну к кое-кому…

Подмигнул заговорщицки.

Фаня сначала даже не понял — куда это он направился? Оказалось — к дыре в заборе, что отделяет владения Ичеткиных от владений Клюквы!

Значит, и дедушка про нее знает! А может, даже пользовался ей когда-то…

А пошел, понятно, звать соседа на завтрашний праздник. Какой ни есть Клюква упырь, а все-таки — родня.

Из окон дома струился теплый свет, ронял колеблющиеся оранжевые блики на тропинку, на лужайку, на ежевичные заросли.

Фаня не удержался от соблазна, тенью-гарретом вскарабкался по водостоку до окна первого этажа, одним глазком заглянул в окно столовой.

В раскрытых ставнях, в просвете тяжелых бархатных портьер, двигались силуэты в темных костюмах и платьях, с тарелками и стаканами в руках, слышались голоса, смех, музыка. Зверила, с невозмутимым выражением лица и гигантским подносом в руке, прошел мимо окна.

Это бабушка устроила легкий фуршет для прибывающих гостей, утомленных долгой дорогой. В столовой раздвинули длинные столы, и чего только не было на пурпурных скатертях:

Сардинский сыр Касу-марцу, облепленный беспокойными мушками и личинками. Приправленный соусом гуакомоле мексиканский Эскамолес

из яиц гигантских черных муравьев. Корейский Сан Нак Джи, поедать которого надо начинать с головы, чтобы он не задушил вас своими сильными щупальцами. Ядовитые камбоджийские А-пинг, размером с ладонь, щедро сдобренные солью и чесноком, поджаренные до красноты, с хрустящим хитиновым панцирем, изнутри нежные, как молодая курятина. Горьковатые скорпионы в салатных листьях, на сырных подушечках. Бьющееся сердце кобры и суп из броненосцев. Фаршированные парагвайские крысы и жареные кузнечики в соевом соусе с острым красным перцем. Запеченные в тесте африканские термиты и запеченные в шоколаде тайские сверчки. Жареные парагвайские морские свинки и цыплячьи сердечки, маринованные в свиной крови…

И что касается крови — недаром несколько дней подряд приезжал на Смородову Горку черный автобус с красной надписью на борту «Корпорация «Наследники Крови»-Продуктовые поставки»! Мрачные парни в комбинезонах с логотипом мясокомбината «Осташковский», под бдительным надзором бабушки, таскали через холл и вниз по ступеням, в погреба, тщательно закупоренные пятилитровые канистры.

Погреба теперь были забиты под завязку — выпивки должно было хватить на всех.

А ведь это только легкий фуршет, чтобы могли подкрепить силы усталые путники, прибывающие на семейные торжества! Главный пир грянет завтра.

Вздохнул Фаня, слез с водостока.

Обошел вокруг дома, увидел — у беседки мерцали огоньки разожженного мангала, в их свете виден был худощавый нахохлившийся профиль.

Прадед Стеша, завернутый в шотландский плед в черно-красную клетку, покачиваясь в кресле-качалке, сидел перед мангалом с фляжкой в узкой ладошке и задумчиво покусывал тлеющий уголек.

Увидел Фаню, поманил его скрюченным морщинистым пальцем.

— Отдыхаю, — кратко, по обыкновению, и ни кому особенно не обращаясь, пояснил Стеша. — Ишь, съехались, шумные, лопают да горланят…

— Деда, я… Я…

Фаня хотел, было, поделиться с прадедом всем пережитым, всем тем, что он сам еще не успел осмыслить и что наполняло все его таким стойким и сильным чувством хрупкости, легкости… и в то же время чувством необычайной полноты жизни.

Хотел сказать, но запутался в собственных мыслях! Только жадно хватал ртом ночной воздух, пахнущий сладким дымом, углями и вином, болотной сыростью, свежей росой и плывущим со Смороды обманчивым туманом…

— Научился обращаться? — напрямик спросил прадед.

Фаня отчаянно закивал.

— А летать?

Фаня наморщился, замотал головой.

Прадед ободряюще кивнул, махнул узкой ладошкой. Мол, успеешь, куда там!

Некоторое время Стеша молчал, задумчиво покусывая уголек, поплевывая на сторону искорки. Затем сказал:

— А вот ежели так смекнуть, — возле желто-зеленых глаз его собрались глубокие борозды морщинок. — Ужасно енто здорово, жить! Скажешь, нет?

— Да, деда! — выдохнул Фаня. — Жуть, как здогово!

(Опять «р» сбилась — ну что ты будешь делать!)

Догрызя уголек, Стеша Ичеткин закутался поплотнее в свою шотландскую мантию, неспешно выбрался из качалки.

Сказал:

— Светает уж. Идем-ка спать… Завтра нам ох как силы понадобятся!

Стеша помедлил. Положил сухонькую ладошку на Фанино плечо:

— Как звать, напомни?

— Фанар-р-рион!

(наконец, получилось!)

— А фамилия твоя…?

— Ичеткин!

— Молодец…

Сергей Игнатьев

Родился 14 декабря 1984 года в Москве. Работает в сфере рекламы. Печатался в межавторских сборниках и антологиях «Миры Ника Перумова», «Русские против пришельцев», «Хоккей с мечом», «Коэффициент интеллекта», «Яблони на Марсе», «Гусариум», «Дети Хедина», «Бестиариум», «А зомби здесь тихие», «Zарисовка О»; в журналах «Полдень. XXI век», «Уральский следопыт», «Азимут», «Меридиан». Автор романов «Игры на Кровь», «Снежный вампир», «Ловец тумана». Лауреат премии «Серебряная стрела-2013» (Лучший главный герой, Лучший женский образ). Участник независимой литературной группы «Sur-Noname».

Зарубежная классика:
впервые на русскком языке

Между Големом и Ктулху

* * *

Ну куда ни сунешься — везде
ротозеи, жаждущие чуда,
и любому — что Христос, что Будда,
лишь бы прогулялся по воде!

Евгений Лукин

БЕДНЕНЬКИЙ ДЕМОН

Ну что уставились, как будто и не ждали?
Чего попрятались на крыше и в подвале?
Вот мода — прежде вызывать,
Потом не знать, куда девать!
Копыт, рогов и крыльев что ли не видали?

Да вы маньяки, я скажу вам это прямо!
Кто вас учил чертить такую пентаграмму?!
Так результаты налицо,
Что нет меж вами Пикассо,
Хоть вы и хряпнули на рыло по сто граммов.

А это кто у вас там в клетке матерится?
Вы что, мне в жертву загубить хотите птицу?
Чего вам сделал попугай!?
И как же вам не ай-яй-яй!
Ну вот, успел до попугаев докатиться…

Пытайте, мюллеры, скорее, что вам надо,
Зачем сюда меня сорвали вы из Ада?
Не обещаю мерседес,
Хоть вам он нужен позарез.
Велосипед вам со звонком — и будьте рады.

Они еще и издеваются, заразы:
Святой водой меня обрызгали три раза,
Зачем-то ладан подожгли
И хором «Отче наш» прочли,
Фонарь распятием поставили под глазом.

Ну, до чего неблагодарная работа —
Бюро услуг для оккультистов-идиотов!
Попросят кучу ерунды,
А в благодарность за труды
Запустят в бездну на все девять оборотов.

Но там без вас я не особенно скучаю,
Ведь очень скоро всех вас снова повстречаю.
Вот вы помрете — аккурат
Все попадете прямо в ад,
Вам будет весело — я это обещаю!

Мартиэль

Кларк Эштон Смит

ПУТЕШЕСТВИЕ КОРОЛЯ ЕВОРАНА

Фрагменты цикла «Зотик»

Корона королей Юстаима была сделана из самых редких материалов, которые только можно достать. Волшебное могильное золото обруча было добыто из огромного метеора, который упал на южном острове Цинтром, смертоносным землетрясением встряхнув тот от берега до берега. Это золото было тяжелее и ярче, чем любое золото из недр Земли. Цвет его менялся от пламенно-красного до желтого, в цвет молодой луны. Корону украшали тринадцать драгоценных камней, каждый из которых считался уникальным сам по себе. Драгоценные камни вызывали удивление, а внешне этот звездный обруч со странными, беспокойными огнями сверкал ужасно, как глаза в глазницах. Но самым замечательным было чучело птицы *газолбы*, которая собственно и формировала структуру короны, зацепившись стальными когтями за обруч, чуть выше бровей того, кто носил корону. Птица восседала по-царски, раскинув великолепное оперение из зеленых, фиолетовых и ярко-красных перьев. Ее клюв имел оттенок темно-красной меди, глаза походили на маленькие темные гранаты в гранях драгоценного серебра. Семь кружевных, миниатюрных игл торчали из эбонитовой головы, а белый хвост ниспадал сзади, с обруча короны подобно лучам белого солнца. Последнюю *газолбу*, согласно рассказам моряков, убили на почти легендарном острове Сотар, далеко на востоке Зотика. Девять поколений взирало на корону Юстаима. Короли рассматривали ее как священную эмблему их благосостояния, и как талисман, неотделимый от королевской власти, чья потеря вызовет серьезные бедствия.

Еворан сын Карпума, был девятым королем, унаследовавшим эту корону. Он гордо носил ее в течение двух лет и десяти месяцев, после смерти Карпума от неумеренного потребления фаршированных угрей и студня из яиц саламандры. Во время всех государственных церемоний, на утренних приемах и ежедневных публичных аудиенциях, в суде, корона сверкала на голове молодого короля, придавая ему невероятное величие в глазах подданных. А еще она отлично скрывала обидную раннюю плешивость короля…

Все случилось осенью третьего года правления Еворана. Король поднялся из-за стола после завтрака из двенадцати перемен блюд и двенадцати вин, и отправился согласно традиции в зал правосудия, который занимал целое крыло его дворца в городе Аромоам, — творении из многоцветного мрамора, взиравшего с цветущих холмов на слегка колеблющиеся воды лазурного восточного океана.

Хорошо подкрепившись завтраком, Евориан чувствовал себя готовым распутать большинство запутанных клубков пряжи законности и преступлений, приговорить к скорому наказанию всех преступников. Около него, по правую руку от его трона, вырезанного из слоновой кости в форме гигантского кракена, облокотясь на

булаву, со свинцовым наконечником тверже железа, стоял палач. Очень часто прямо возле трона он крошил этой булавой кости преступников, стараясь, чтобы их черепа были раздроблены у ног короля на полу, усыпанном черным песком. А по левую руку от трона, стоял пыточных дел мастер, беспрестанно занимающийся винтами и шкивами внушающих страх инструментов. Он казался предупреждением всем злодеям. И далеко не всегда его винты вращались впустую и шкивы сжимали воздух, и не всегда пустыми были металлические механические ложа для пыток.

Тем утром констебли города представили королю Еворану только несколько мелких воров и подозрительного бродягу. Не было никаких уголовных преступлений, которые гарантировали бы работу для булавы или использование орудий пытки. Король был разочарован и серьезно сомневался в незначительности проступков арестованных, пытаясь выдавить из каждого признание в более серьезном преступлении. Но оказалось, что воришки повинны только в мелких кражах, а бродяги были виноваты всего лишь в бродяжничестве. Еворан начал думать, что это утро предложит лишь скудные развлечения. Самым тяжелым наказанием, которое король мог наложить на провинившихся согласно закону — удары палками.

— Убрать эту шваль! — приказал король констеблям, и корона его затряслась от негодования. Со стороны могло показаться, что высокая птица *газолба* кивала и кланялась. — И сами убирайтесь. Уберите их. Дайте каждому из них по сотне ударов колючками по голым ногам и не забудьте про пятки. А потом отведите их подальше от земель Аромоама, а если будут упираться, используйте раскаленные трезубцы.

Но прежде чем слуги бросились выполнять его приказ, в зале появились два запоздавших констебля. Они притащили очень странного, подозрительного человека в шипастом воротнике на длинных ручках, которые в Аромоаме использовали для наказания преступников и подозреваемых. Эти шипы, казалось, впились в его плоть, точно так же, как грязные тряпки, заменявшие ему одежды, но, несмотря на это арестованный извивался, как настоящий акробат. Из-за его движений констебли качались из стороны в сторону, словно хвосты воздушного змея. И вот этот невероятный незнакомец предстал перед Евораном. Несколько секунд король в изумлении рассматривал бродягу, быстро моргая, наблюдая как тот метнулся к полу, опрокинув констеблей, которые не ожидали такого. В итоге те растянулись на полу в присутствии Его Королевского Величества.

— Ха! И кто это у нас? — поинтересовался король зловещим голосом.

— Это бродяга, сир, — затаив дыхание ответил один из констеблей, чуть приподнявшись с пола и склонив голову в знак уважения. — Он двигался по главному проспекту Аромоама на такой же манер, прыгая из стороны в сторону, пока мы не арестовали его.

— Такое поведение очень подозрительно, — с надеждой прорычал Еворан. — Арестованный, как тебя зовут, когда ты родился, чем занимаешься, в каких преступлениях ты виновен?

Косоглазый пленник молчал. Казалось, он оценивающе рассматривает Евориана, королевского палача с булавой и пыточных дел мастера с его инструментами. Он был очень

некрасив, а его нос, уши и все остальное обладали нечеловеческой подвижностью. Лицо постоянно кривилось в гримасах, а грязная борода дергалась и извивалась словно морские водоросли в кипящем водовороте.

— У меня много имен, — наконец ответил он наглым голосом, звук которого неприятно резанул по ушам Евориану, словно кто стал водить металлом по стеклу. — Что до моего рождения и занятий, король, даже если ты узнаешь о них, тебе это ничего не даст.

— Да ты дерзишь мне, любезнейший! Отвечай, или раскаленное железо развяжет тебе язык, — взревел Евориан.

— Тогда знайте, я — некромант и был рожден в царстве, где одновременно разгораются рассвет и заря, и Луна светит так же ярко, как солнце.

— Ха! Некромант! — фыркнул король. — А знаешь ли ты, что некромантия в Юстаиме является преступлением? И мы с удовольствием отучим тебя от этого позорного занятия.

По знаку Евориана констебли потащили клоуна к пыточному столу. К их удивлению, тот почти не сопротивлялся, позволив приковать себя к железной кровати, которая вытягивала руки и ноги. Повелитель этих чудес начал работать над чародеем, двигая рычаги, раздвигая кровать, так что скоро стало казаться, вот-вот и пленник будет разорван на части. Дюйм за дюймом прибавлялся к его росту, и хотя через некоторое время его тело растянули на поллоктя, он, казалось, не испытывал никакого дискомфорта. К изумлению всех присутствующих, эластичность тела, рук и ног колдуна оказалась невероятной. Но вскоре и она достигла предела.

Все в зале молча рассматривали этого удивительного человека. Даже Евориан поднялся со своего трона и подошел к пыточному столу, как будто сомневался в том, что видели его глаза — зрелище оказалось очень необычным. А колдун сказал ему:

— Думаю, лучше бы освободить меня, король Евориан.

— И это ты мне говоришь? — в гневе выкрикнул король. — Однако, с преступниками в Юстаиме не так обращаются, —он сделал знак палачу, и тут же массивная, тяжелая булава взлетела к потолку.

— Испытайте лучше это на собственной голове, — посоветовал некромант, и он тут же поднялся на железном ложе, оборвав цепи, словно те были из травы. А потом с высоты своего ложа он направил свой длинный указательный палец, темный и сухой, как у мумии, на корону короля и одновременно произнес иностранное слово, пронзительное и естественное, как крик мигрирующих птиц, подлетающих ночью к неизвестным берегам. И… В ответ на это слово над головой Евориана громко захлопали крылья, и король почувствовал, что корона его стала намного легче. Тень упала на короля и все присутствующие увидели в воздухе птицу *газолду*, которая, по словам моряков, была истреблена на далеком острове более двухсот лет назад. Крылья птицы, блестящие, как у живой, раскинулись, словно она собиралась воспарить, а в стальных когтях она сжимала обруч короны. Несколько секунд она провисела над троном, в то время как король в бессловесном страхе и испуге наблюдал за ней. А потом с металлическим треском ее белый хвост развернулся, подобно лучам восходящего солнца, и птица

стремительно вылетела через открытые двери, направляясь к морю, прочь из Аромоама в сторону восходящего солнца.

За ней огромными уродливыми прыжками последовал некромант, и никто даже не попытался задержать его. Но те, кто видел, как он покинуло город, в один голос утверждали, что он пошел на север по океанскому берегу, в то время как птица полетела прямо на восток, словно хотела вернуться на остров, где родилась. Но команда торговой галеры из Сотара, которая чуть позже прибыла в Аромоам, как один утверждала, что видела разноцветную птицу *газолбу*, которая пролетела над ними в сторону разгорающейся зори. И еще моряки сказали, что птица несла в когтях обруч короны с тринадцатью одинаковыми драгоценными камнями. И хотя они побывали на многих архипелагах и видели поистине чудесные вещи, они считали появление этой птицы редким беспрецедентным предзнаменованием.

Король Евориан, у которого так неожиданно украли корону, сверкал обнажившейся проплешиной, открытой теперь для пристальных взглядов воров и бродяг прямо в зале правосудия. Если бы солнце стало черным в небесах, или стены королевского дворца рухнули, король был бы поражен намного меньше. На какое-то время ему показалось, что вместе с короной — эмблемой и талисманом отцов — он лишился и королевской власти. И, кроме того, происшествие шло в разрез с законами Природы, законами Бога и человека. Некромант словно разом всех их отменил. Никогда прежде, во всей истории королевства никто не слышал о том, чтобы мертвая птица бежала из королевства Юстаим.Потеря была страшным бедствием, и Еворан, нацепив объемный тюрбан фиолетовой парчи, устроил совет с самыми доверенными министрами относительно возникшей государственной проблемы. Министры были не менее обеспокоены и озадачены, чем король: птица и золотой обод были незаменимы. Но если слухи об этом расползутся по Юстаиму, среди людей начнутся брожения и беспорядки; некоторые станут плести заговоры против Еворана, говоря, что никакой человек не может быть законным правителем этой страны без короны с *газолбой*.

Тогда, согласно традиции королей, как положено во время национального кризиса, Еворан отправился в храм, где обитал бог Геол — бог, живущий на Земле, — главное божество Аромоама. Один с непокрытой головой и босиком, в соответствии с архиерейским законом он вошел в тусклое святилище, где находился образ пузатого, словно вылепленного из коричневого, в цвет земли фаянса, Геола. Вечно сидящего, словно откинувшегося на спину, освещенного через многочисленные дыры в потолке храма. И, упав в пыль, которая собралась вокруг идола за многие годы, король воздал дань уважения Геолу. Он умолял оракула просветить и направить его. Через какое-то время, голос, исходящий из пупа бога и больше напоминающий подземный грохот стал членораздельным. И сказал оракул королю Еворану:

— Иди вперед, ищи *газолбу* на тех островах, что нежатся в лучах восточного солнца. Там, король, на далеких побережьях рассвета, ты снова увидишь живую птицу, которая является символом и благосостоянием твоей династии. И там собственной рукой, ты должен будешь убить ее.

Еворан успокоился, услышав слова оракула, так как предсказания того считали безошибочными. Королю казалось, что оракул простыми словами сказал ему, что он должен оправиться за потерянной короной Юстаима, которую унесла возвращенная к жизни птица. Возвращаясь в королевский дворец, он послал за капитанами самых больших и грозных кораблей, которые стояли на якоре в спокойной гавани Аромоама, и приказал готовиться к долгому путешествию на восток к архипелагам восходящего солнца.

Когда все было готово, король Еворан поднялся на борт флагманского судна флота — высокий квадриреме с веслами древесины казуарина и парусами крепкой ткани из бисусса, окрашенными в желтовато-пурпурный, с длинным знаменем на вершине мачты, с вышитой птицей *газолбой* в ее естественных цветах на поле небесного кобальта. Гребцы и моряки квадриремы были могучими неграми с севера, а солдаты, поднявшиеся на борт — жестокими наемниками из Ксилака с запада. Кроме того король взял на борт своих любовниц, шутов и других придворных, а также достаточный запас ликеров и редких вин, чтобы в течение рейса не испытывать недостаток ни в чем. И, помня пророчество Геола, король вооружился длинным луком и колчаном, заполненным стрелами, оперенными перьями попугаев; еще он прихватил пращу из кожи льва и духовую трубку черного бамбука, стреляющую крошечными отравленными дротиками.

Казалось, боги одобряют путешествие, потому что в утро отъезда свежий ветер дул с запада. Флотиз пятнадцати судов, подняв паруса, понесся навстречу встающему из моря солнцу. Прощальные вопли и крики людей на причалах, приветствовавших Еворана, скоро стихли, приглушенные расстоянием и мраморные здания Аромоама, раскинувшиеся на четырех пологих холмах, растаяли в лазури береговой линии Юстаима. И в течение многих дней окованные железом клювы галер мягко рассекали море цвета индиго, расстилающееся во все стороны к безоблачным, темно-синим небесам.

Доверяя оракулу Геола, богу, спустившемуся на Землю, — тому, кто ни разу не подвел его отцов, король повеселел, стал таким, как обычно. Развалившись под шафрановым навесом на корме квадриремы, он жадно пил из изумрудного кубка вино и бренди, прихваченные из подвалов дворца. Они хранили тепло лучей горячего древнего солнца и холод черного инея забвения. Король смеялся над грубостью шутов, неисчерпаемых в древних непристойностях, вызывавших смех многих королей на утонувших континентах былого. И женщины отвлекали его, используя приемы флирта, что были древнее, чем Рим и Атлантида. Но все время король держал под рукой, возле своего ложа, оружие, которым он собирался вновь убить птицу *газолбу*, как предсказал оракул Геола.

Ветры дули неизменно и были благоприятны. Флот несся вперед, и огромные черные гребцы весело пели, сидя на веслах. Великолепные паруса громко хлопали, и длинные флаги развивались в небе, подобно языкам пламени. Через две недели они прибыли в Сотар, чьи пологие берега заросли кассией и саго, создав в море барьер, протянувшийся на сотни лиг с севера на юг. И в Лоифе, главном порте, эскадра остановилась, чтобы расспросить о птице *газолбе*. Ходили слухи, что птица

пролетела над Сотаром. Поговаривали, что хитрый волшебник Иффибос заставил ее спуститься с небес, и, поймав, запер в клетке сандалового дерева. Так что король высадился в Лоифе, надеясь, что его поиски вот-вот закончатся. С верными капитанами и воинами он отправился на поиски Иффибоса, который обитал в отдаленной пещере среди гор в глубине острова.

Это была утомительная поездка, и Еворана сильно раздражали огромные и злобные комары Сотара, не испытывавшие никакого уважения к королевской персоне и легко проскальзывавшие под тюрбан. И когда, после проволочек и блужданий в густых джунглях, он прибыл к дому Иффибоса, расположенному на высокой, шаткой скале, оказалась, что птица, которую поймал волшебник — просто один из стервятников с яркими перьями, из тех, что водятся в этих районах, прирученный Иффибосом для собственного развлечения. Так что король вернулся в Лоиф, отклонив грубое приглашение волшебника, желающего показать королю необычные фокусы, которым он обучил стервятника. В Лоифе король задержался лишь для того, чтобы загрузить на борт пятьдесят фляг королевского аррака, в производстве которого Сотар превосходит все другие земли. Затем, двигаясь вдоль южных утесов и мысов, где в непомерно глубоких пещерах необыкновенно ревело море, суда Еворана покинули Сотар и оставили позади Тоск, чьи обитатели были более сродни обезьянам и лемурам, чем людям. Еворан попробовал поинтересоваться у них относительно *газолбы*, но в ответ услышал лишь болтовню обезьян. Тогда король приказал, чтобы его воины отловили как можно больше этих диких островитян и пытали их, привязав к кокосовым пальмах. И воины целый день преследовали ловких обитателей Тоска среди деревьев и бесчисленных валунов, но так ни одного и не поймали. Король удовольствовался, тем, что отдав палачам нескольких воинов, приказав казнить их за неудачу. Потом флот Евориана приплыл к семи атоллам Юаматот, населенным главным образом каннибалами. Обычно суда Юстаима не плавали так далеко на восток. А теперь они вошли в Илозианское море, и приблизились к землям, считающимся мифическими, которые нанесли на карты, руководствуясь лишь рассказами.

Было бы довольно скучно полностью пересказывать все подробности путешествия Евориана и его капитанов «на зарю». Миновав архипелаг Юаматот, они не раз сталкивались с удивительными явлениями и чудесами, но нигде не смогли найти ни одного пера *газолбы*. Да и странные обитатели тех островов никогда раньше не видели волшебной птицы.

Тем не менее, король видел множество стай неизвестных, огненнокрылых птиц, что сновали между галерами, перелетая с острова на остров. Высаживаясь на острова, король охотился с помощью лука на небольших попугайчиков, лирохвостов и олуш, или стрелял из духовой трубки по золотистым какаду. На безлюдных берегах он гонялся за дронтом и динорнисом. Однажды в море среди высоких, как столбы, бесплотных скал на флот напали могучие грифоны. Они пикировали вниз со скал, на которых были устроены их гнезда. В полуденном солнечном свете их крылья сияли словно выкованные из меди и звенели, словно металлические щиты во время битвы. Свирепых и неуступчивых грифонов

с трудом отогнали камнями из корабельных катапульт.

Флот Еворана двигался на восток, где в небе было множество самых разных птиц. Однако на закате четвертой луны, взошедшей с тех пор, как они покинули Арамоам, суда приблизились к безымянному острову, поднимающемуся из воды утесами голого, черного бальзата, у подножья которых море яростно ревело. Над этим островом не реяли птицы. Там росли лишь искривленные кипарисы, какие могли бы вырасти разве что на ветреном кладбище. И в темноте эти деревья едва заметно светились, словно были пропитаны коркой темной крови. Неподалеку в утесах путешественники обнаружили странный карниз с колоннами, похожий на покинутое жилье троглодитов, но, судя по всему, недоступное людям. Хотя пустые пещеры были раскиданы по всему острову, Евориан приказал бросить якоря, объявив, что способ подняться на утесы, они поищут на следующий день. Занимаясь поисками *газолбы,* он старался без должного изучения не пропустить ни одного острова в стране заходящего солнца, даже того, где никаких птиц и вовсе не было…

Темнота наступила очень быстро. Моряки на судах, стоящих на якоре, видели другдруга только благодаря фонарям. Евориан ужинал у себя в каюте, потягивая золотой арак из Сотара, одновременно набивая рот мясом фламинго и манговым желе. И на судах моряки и воины приступили к вечерней трапезе, а гребцы ели чечевицу и рис прямо на своей палубе. Вдруг один из вахтенных закричал, поднимая тревогу; суда качнулись и чуть просели, словно на них навалился огромный груз. Никто не понял, что происходит, и поначалу возникла суматоха, так как моряки решили, что атакованы пиратами. Те, кто вглядывался во тьму через порты и отверстия для весел, заметили, как потемнели огни на кораблях их соседей, а облака начали, опускаясь, менять форму. А потом они разглядели, что это — грязные, темные существа размером с человека и крылатые как птицы. Твари стали цепляться за весла, садиться на палубы, оснастку и мачты. Казалось, эти существа вели ночной образ жизни и летали, как летучие мыши, Они слетелись к кораблям, выбравшись из пещер зловещего острова.Словно создания из кошмара, чудовища полезли в люки и порты, впиваясь адскими когтями в людей, которые пытались противостоять им. Тварям тяжело было двигаться внутри корабля из-за крыльев, их отгоняли копьями и стрелами, но они возвращались снова и снова, и не счесть было их числа. Их писк звучал приглушенно и напоминал крики летучих мышей. Очевидно, они были вампирами, потому что всякий раз выхватив из толпы человека, они быстро высасывали его, так что оставался лишь мешок кожи с костями. Верхние, наполовину открытые весельные палубы оказались быстро захвачены, хотя люди отчаянно боролись с ужасным потоком, а гребцы с нижней палубы кричали, что морская вода заливает их через отверстия для весел, в то время как корабли погружались все глубже и глубже под весом крылатых вампиров.

Всю ночь люди Евориана отчаянно сражались с вампирами, не пуская их в люки и порты, уступая друг другу место, когда стоящие в первых рядах уставали. Многих моряков схватили в эту ночь и на глазах их же товарищей, выпили из них кровь. К тому же казалось,

этих вампиров невозможно убить обычным оружием. И кровь, которую они пили, ручьями текла из их многочисленных ран. Тварей становилось все больше; и триремы, и кватриремы погрузились настолько глубоко, что гребцы нижних палуб захлебнулись.

Король Еворан пришел в ярость от этой непристойной суматохи, прервавшей его ужин. А когда золотой арак пролился на стол, и блюда с изысканным мясом полетели на пол из-за того, что судно сильно раскачивалось, король вышел из своей каюты в полном вооружении. Он хотел попробовать договориться с мерзкими тварями. Но, когда он попытался пошире открыть дверь каюты, раздался мягкий стук в иллюминатор за спиной короля. Женщины, что были с королем, закричали, а шуты завопили от ужаса. В свете ламп король увидел ужасное лицо с зубами и ноздрями летучей мыши — тварь пыталась пролезть в каюту через один из иллюминаторов. Король ударил тварь в лицо и до рассвета бился с вампирами, используя оружие, приготовленное для убийства *газолбы*. Капитан корабля, который ужинал вместе с ним, защищал второй порт с помощью клеймора. А третий защищали два евнуха короля, вооруженные ятаганами. В эту ночь король порадовался тому, что порты такие узкие, и крылатые твари едва могли протиснуться в каюту. После долгих темных часов утомительной борьбы ночь сменили бурые сумерки; и вампиры поднялись с кораблей черным облаком и вернулись к пещерам в высоких утесах безымянного острова.

Тяжело стало на сердце Еворана, когда он изучил ущерб, причиненный его флоту. Из пятнадцати судов семь в эту ночь затонули под тяжестью орд, опустившихся на них. Палубы других были залиты кровью, словно на скотобойне. Половина моряков, гребцов и воинов превратились в мешки из кожи, высосанные большими летучими мышами. Паруса и флаги были изодраны в лохмотья, и все еворанские галеры были от носа до руля покрыты вонючей слизью. Король приказал капитанам судов, оставшиеся на плаву, поднимать якоря. И вот суда, с нижними палубами, залитыми морской водой и усыпанными утонувшими гребцами, все еще прикованными к веслам, медленно поплыли на восток. Вскоре изъеденные стены острова исчезли за горизонтом. Но впереди не было видно никакой земли. После двух дней, все еще отбиваясь от вампиров, корабли Еворана прибыли на коралловый остров, едва поднимающийся из воды. Тут была спокойная лагуна, которую часто посещали океанские птицы. Там Еворан сделал остановку, чтобы восстановить изодранные паруса, откачать воду из трюмов и отчистить палубы от крови и мерзости.

Злобствуя из-за бедствия, обрушившегося на его эскадру, король не собирался отказываться от своей цели. Он собирался плыть и дальше на рассвет, поскольку Геол предсказал, что король должен найти *газолду* и убить ее собственной королевской рукой. На следующую ночь они проплыли мимо других и более странных архипелагов, и приплыли в края, известные только по мифам.

Утром, окрасившим море в пурпурные цвета, стая золотистых попугаев пересекла дорогу путешественникам, а когда полдень разгорелся словно мрачный сапфир, мимо, направляясь к неведомым берегам, пролетели фламинго. Незнакомые звезды загорелись

над кораблями и моряки слышали печальные крики лебедей, которые летели на юг, убегая от зимы неведомых царств в поисках лета в неизвестных землях. Путешественники говорили с невероятными людьми, которые носили мантии из перьев птицы рух, шириной в эль, тянущиеся следом за ним по земле. И с людьми, щеголявшими в перьях апиорна. Еще они встречались с придурковатыми аборигенами, чьи тела покрывал пух только что вылупившихся птенцов, который, казалось, был приколот к телу булавками с большими шляпками. Но нигде люди короля так ничего не узнали о *газолбе*.

Как-то утром, в начале шестого месяца путешествия, перед эскадрой появился новый и неизвестный берег. Изгибаясь, он протянулся на много миль с северо-востока к юго-западу. Тут были и защищенные гавани, и утесы, и остроконечные скалы, меж которыми лежали поросшие зеленью долины. Когда галеры подплыли к этой земле, Еворан и его капитаны увидели, что на некоторых самых высоких утесах возвышаются башни, но в заливах у их подножий не было никаких судов на якорях, между которыми сновали бы лодки. Берег был диким — зеленые деревья и трава. Даже заплыв в гавань, путешественники так и не заметили никаких признаков присутствия человека, если не считать башен, на вершине скал.

Однако тут было полным-полно самых различных птиц, самого разного размера, от небольших синиц и птиц семейства воробьиных с размахом крыла больше, чем у орла или кондора. Они кружились над судами выводками и большими, разноцветными стаями, казались одновременно любопытными и осторожными. И Еворан видел, что массы крылатых то и дело поднимались над лесом, над утесами и башнями. Он напомнил себе, что прибыл, охотясь за *газолбой*. Тогда, вооружившись для преследования, он высадился на берег в маленькой лодке с несколькими слугами.

Птицы, даже самые большие, были робкими и безобидными. А когда король высадился на пляже, ему показалось, что сами деревья обратились в бегство, столь многочисленными оказались птицы, сорвавшиеся с места и полетевшие вглубь острова, или на поиск скал и бельведеров, где их невозможно было достать из лука. Вскоре ни одной птицы не осталось поблизости, и Еворан поразился такой хитрости. Кроме того король был сердит, поскольку не хотел уезжать, не сбив трофей, чтобы потренироваться, даже если не найдет *газолбу*. И он считал поведение птиц тем более любопытным из-за того, что остров был необитаем. Дорожки на острове протоптали лишь дикие животные. Лес и луга выглядели совершенно невозделанными. Башни казались заброшенными, и только морские птицы влетали и вылетали из их пустых окон.

Король и его люди прочесали лес, двигаясь вдоль берега, и вышли к крутому склону, поросшему кустарником и карликовыми кедрами, где наверху возвышалась самая высокая башня. Стоя у основания склона Еворан увидел маленькую сову, которая спала на одном из кедров, словно совершенно не замечая волнения, охватившего остальных птиц, и заставившего их подняться в воздух. Еворан выпустил стрелу и сбил сову, хотя обычно не охотился на столь пустяковую добычу. Он уже собирался подбирать упавшую птицу, когда один из людей,

которые сопровождали его, закричал. Король в это время как раз наклонился, скрытый ветвями кедра. Повернув голову, он увидел колоссальную стаю птиц, по размеру большую чем все, что он видел до того на этом острове. Они снизились, скользнув от башни подобно ударам молнии. Прежде, чем король наложил на тетиву следующую стрелу, они обрушились на него, моментально повалив на землю, превратившись в бурю хлещущих перьев и водоворот безжалостных клювов и когтей. Прежде чем его люди смогли прийти ему на помощь, одна из птиц огромными когтями впилась в плечо короля, укрытого мантией, безжалостно терзая плоть, сжала когти и унесла его к башне на скале так легко, как сокол нес бы маленького зайчонка. Король был совершенно беспомощен. Он потерял лук, когда птицы набросились на него, а духовое ружье выпало из-за пояса, на котором висело, как и все стрелы и дротики. У короля не осталось никакого оружия, кроме острого кинжала, каким обычно добивали поверженного врага. Но Еворан не мог использовать кинжал против своего похитителя в воздухе.

Король стремительно приближался к башне, окруженный птицами. Те летали возле короля и вопили, словно высмеивали его, пока он окончательно не оглох от их криков. Волна тошноты накатила на него из-за высоты, на которую его подняли и того, как это случилось. Едва сдерживая головокружение, он увидел, как мимо проплывают стены башни с широкими, подобными дверям окнами. И тогда он начал блевать. Его пронесли через одно из окон и грубо швырнули на полу высокой и просторной палаты.Еворан растянулся в полный рост лицом вниз, обмакнувшись в собственную рвоту. Он не видел, что его окружает. Оправившись, он с трудом сел и увидел перед собой, на возвышении, огромного окуня из красного золота и желтой слоновой кости, вырезанного в форме нового полумесяца, выгнутого вверх. Окунь был укреплен между колоннами черной яшмы, испещренный вкраплениями, напоминающими капли крови. На этом окуне сидела самая большая и необыкновенная птица. Она уставилась на Еворана с мрачным, ужасным, строгим выражением, и когда зрение императора прояснилось, он понял, что накажет своих стражей за нерасторопность. Оперение птицы было ярко фиолетовым, а клюв походил на огромную кирку из бледной бронзы, становящуюся более темной и зеленоватой к кончику. Птица сжимала окуня железными когтями — более длинными, чем пальцы воина. Ее голову украшали иглы бирюзово-синего и янтарно-желтого цветов, подобно короне. А на длинном, неоперенном горле, грубом, как кожа дракона, она носила необычное ожерелье, составленное из человеческих голов и голов различных хищников вроде ласки, дикого кота, горностая и лисы — все они были уменьшены до одного размера и выглядели не больше земляных орехов.

Еворан испугался, увидев эту птицу. И тревога не стала меньше, когда он увидел, что много других птиц меньшего размера сидят в палате на менее дорогих и более мелких окунях, как гранды могли бы сидеть в присутствии своего суверена. А позади Еворана, словно страж, стояла та самая птица, что принесла короля в башню, и ее товарищи.

А потом, испугав короля еще больше, огромная птица с фиолетовыми

крыльями обратилась к нему с человеческой речью. Птица сказала ему резким, но высокопарным и величественным голосом:

— Слишком смело, отброс рода человеческого. Ты вторгся в мир Орнавы, на остров, который является священным для птиц. Чтобы ты знал, я — монарх всех птиц, которые летают, ходят, ковыляют или плавают на Земле. А Орнава — моя столица. Истина же в том, что правосудие должно восторжествовать, я осужу тебя за твое преступление. Но если тебе есть что сказать в свою защиту, я выслушаю тебя. Я выслушал бы даже земных паразитов, чтобы никто не смог бы обвинять меня в несправедливости или тирании.

Тогда, едва сдерживаясь, хотя в глубине души очень испуганный, Еворан ответил птице. Он сказал:

— Я прибыл сюда в поисках *газолбы*, которая украшала мою корону в Юстаиме, и была преступно украдена у меня вместе с короной с помощью чар преступника-некроманта. Знай же, что я — Еворан, король Юстаима, и я не поклонюсь никакой птице, даже самый могущественной.

После этого правитель птиц, пораженный и более возмущенный, чем прежде, стал задавать Еворану вопросы и сильно интересовался относительно *газолбы*. Повелитель птиц узнал, что эта *газолба* в свое время была убита моряками. Впоследствии из нее сделали чучело, и что цель Еворана состоит в том, чтобы поймать и убить птицу во второй раз, а потом заново соорудить из нее чучело. Тогда повелитель птиц воскликнул гневно и громко:

— Это в твоем случае не поможет, но выставляет тебя дважды виновным и трижды опозоренным. Ты обладал отвратительной вещью, противоречащей самой сути природы. В моей башне я держу тела людей, которых мои набивщики чучел наполнили для меня, но недопустимо, нетерпимо, чтобы человек таким образом относился к птицам. Теперь после правосудия и возмездия, я передам тебя одному из моих таксидермистов. В самом деле, чучело короля — ведь даже паразиты имеют королей — разнообразит мою коллекцию.

После этого, он обратился к охране Еворана и приказал им:

— Уберите с глаз долой эту мерзость. Посадите в клетку этого человека и постоянно наблюдайте за ним.

Еворан, которого, подклевывая, подстегивали и направляли охранники, был вынужден подняться по покатой лестнице с широкими тиковыми ступенями. Она вела из палаты на вершину башни. В центре комнаты наверху стояла бамбуковая клетка, более чем достаточная для шести человек. Короля загнали в нее и птицы заперли дверцу, действуя когтями, которые, казалось, были ловчее пальцев. После один из них остался у клетки, уставившись на Еворана через щели между прутьями, а другой вылетел через большое окно и не возвращался.

Король сел на груду соломы, так как в клетке больше ничего не было. Отчаяние накатило на него. Ему казалось, что тяжелое положение в которое он попал. и ужасно, и позорно. И еще он был очень удивлен, что птицы говорили, как люди. Это само по себе казалось оскорбительно и оскорбляло все человечество. Столь же оскорбительным Еворан счел то, что птица живет как государь, окруженная слугами, готовыми выполнить любое ее желание, в великолепии, обладая властью короля. Обдумывая подобное безбожное

положение вещей, Еворан ждал гибели в клетке, предназначенной для людей. Через некоторое время в глиняных сосудах ему принесли воду и зерно, но он не мог есть зерно. А позже, когда время подошло к полудню, он услышал крики людей и вопли птиц в башне. И перекрывал этот шум звон оружия и грохот валунов, падающих со скал. Так что Еворан знал, что его моряки и солдаты, видя, что его унесли и держат в башне, напали на нее, пытаясь его освободить. И еще был шум, переходивший в ужасный и зверский — крики смертельно раненных людей и мстительное карканье гарпий. Потом шум битвы и крики стали слабеть и Еворан понял, что люди не сумели захватить башню. Надежда угасла, умерла, растворившись в темном мраке отчаяния.

Наступил полдень, солнце снизилось над морем. Его лучи коснулись Еворана, скользнув через западное окно и словно в насмешку окрасили прутья его клетки в золото. Теперь свет залил комнату, а после сгустились сумерки, сплетая, словно паутину, дрожащие фантомы из бледного воздуха. И между закатом и темнотой ночи вошла вечерняя охрана, чтобы освободить птицу, весь день охранявшую пленного короля. Вновь прибывшая птица обладала ночным зрением — ее глаза пылали желтыми огнями, и ростом она была с Еворана, но была сложена совершенно по другому. У этой птицы были крепкие ноги, как у курицы. Еворан взглянул в глаза птицы, которые горели, взирая на него. По мере того, как становилось все темнее, ее глаза разгорались. Едва ли король мог выдержать пристальный взгляд этой птицы. Но скоро поднялась луна — почти полная. Комнату залил серебристый цвет, и глаза птицы побледнели. И тогда Еворан задумал отчаянный план.

Его тюремщики решили, что все его оружие потерянно и забыли удалить с его пояса мизерикорд — длинный, обоюдоострый и острый, как игла, кинжал. Украдкой сжав его рукоятку под мантией, король притворился, что ему стало плохо, застонал, стал метаться в конвульсиях, ударяясь о прутья клетки. Когда король начал это представление, большая птица подобралась ближе, пытаясь понять, что беспокоило короля, наклонила совиную голову, просунула ее между прутьями клетки. А король, симулируя конвульсии, вытянул кинжал из ножен и резко ударил в вытянутое горло птицы.

Сильное желание вернуться домой охватило короля, и орущая птица залила его кровью. Птица упала, так шумно хлопая крыльями, что Еворан испугался, что проснутся все обитатели башни. Но оказалось, что его опасения беспочвенны. Ни одна птица не заглянула в палату. Скоро агония стража прекратилась, и тот неподвижно застыл большой кучей взъерошенных перьев. Тогда король продолжил выполнять свой план, и без особого труда снял задвижку с широкой бамбуковой двери из прутьев. Подобравшись к началу деревянной лестницы ведущей в нижнюю залу, король посмотрел вниз и увидел повелителя птиц, спящего в лунном свете на своем каменном окуне. Тот спрятал под крылом свой ужасный клюв-кирку. Еворан боялся, что если он спустится в палату, правитель проснется и увидит его. А потом королю пришло в голову, что нижние этажи башни могли хорошо охраняться такими же птицами, как ночное существо, которое он убил.

Снова его захлестнула волна отчаяния. Тогда хитрый и ловкий Еворан решил использовать другой план. Взявшись за работу, он с помощью кинжала содрал шкуру с ночной птицы и счистил, как мог кровь с оперения. Потом Еворан обернулся в шкуру птицы, пристроил ее голову поверх собственной головы, проделав дыры в коже его горла, через которые мог смотреть. Шкура хорошо скрывала короля, так как у него, как и птицы, была грудь колесом и живот. И ноги у него были такие же толстые, как у птицы, шкуру которой он нацепил.

Подражая походке и осанке птицы, король спустился по лестнице, шагая осторожно, чтобы не упасть. Он старался не шуметь, чтобы повелитель птиц не проснулся и не заметил его обман. Повелитель находился в зале в полном одиночестве, спал не шевелясь, пока Еворан спускался и украдкой пересекал палату. Король сразу направился к другой лестнице, ведущей на следующей этаж.

В комнате этажом ниже было много больших птиц, спящих на окунях, и король прошел среди них, готовый в любой момент умереть. Некоторые из птиц шевелились и вяло щебетали, как будто сознавая присутствие человека. Но ни одна не бросила ему вызов. А когда он спустился в третью комнату то был поражен, увидев замершие фигуры людей. Некоторые в одежде моряков, другие одеты подобно торговцам. Были тут и вовсе нагие, раскрашенные яркими красками, подобно дикарям. Люди выглядели зачарованными. Король боялся их ненамного меньше, чем птиц. Но он помнил, что повелитель сказал ему — они были людьми, которые были схвачены как и он, убиты птицами и сохранились в виде хорошо набитых чучел. Дрожа, он прошел в следующую комнату, наполненную котами, тиграми, змеями и различными другими врагами рода птичьего. Следующая комната располагалась еще ниже, у самого основания башни, и ее окна и двери сторожили несколько гигантских ночных птиц, вроде той, чью кожу носил король. Здесь его подстерегали самая большая опасность и самое большое испытание, потому что птицы с тревогой уставились на него своими большими святящимися глазами — золотыми шарами. Они приветствовали короля мягким уханьем, словно совы. Колени Еворана скрытые под шкурой птицы едва сгибались. Он ответил птицам подражая звуку, который они издавали, прошел мимо охраны и его не тронули. Добравшись до открытой двери башни, король увидел скалу, залитую лунным светом, находящуюся на расстоянии не больше, чем на два локтя ниже. Он прыгнул из дверного проема. как птица, а потом начал спускаться со скалы, перебираясь с выступа на выступ, пока не достиг начала откоса, у основания которого он убил сову. Спуск оказался легким, и вскоре король прибыл в лес возле гавани.

Но, прежде чем он вошел в лес, пронзительно запели стрелы, и король был задет одной из них. Он взревел от гнева и снял шкуру птицы. Этим, без сомнения, он спас себя от смерти от руки собственных подданных, которые пробирались через лес с намерением напасть на башню ночью. Узнав это, король простил ранившего его стрелка, решил, что лучше воздержаться от нападения на башню и покинул остров со всеми своими моряками. Вернувшись на флагманское судно, он приказал, чтобы все капитаны немедленно

снялись с якоря и подняли паруса. Зная, насколько могущественен повелитель птиц, король опасался преследования. Он считал, что чем шире полоса моря ляжет между его судами и тем островом до рассвета, тем будет лучше. Покинув гавань, они обогнули северо-восточный мыс и поплыли на восток навстречу луне. Еворан, запершись в своей каюте, пировал, приказав накрыть разнообразный и богатый стол, чтобы забыть о том, чем кормили его в клетке. Еще он выпил целый галлон пальмового вина и добавил целый кувшин светло-золотого арака Сотара.

На полпути между полночью и утром, когда остров Орнава остался далеко позади, рулевые судов заметили стену эбонитовых облаков, стремительно несущихся по небу. Воздух вибрировал от раскатов грома. Шторм настиг флот Еворана и обрушился на него, словно адский ураган, несущийся через мешанину беззвездного хаоса. В темноте суда потеряли друг друга. На рассвете квадрирема короля оказалась в полном одиночестве среди бурных волн и мечущихся облаков. Мачта корабля была сломана, так же, как и большая часть деревянных весел. Судно стало игрушкой для демонов бури.

В течение трех дней и ночей, в бурлящей тьме кипящего неба не было ни мерцания солнца, ни света звезд. Судно швыряло так, словно оно попало в поток, впадающий в безграничный залив за краем мира. Только на четвертый день облака немного разошлись, но ветер еще напоминал дыхание ада. И тогда, едва различимая сквозь брызги и пар, перед судном возникла земля. Рулевой и гребцы оказались совершенно беспомощны, они не могли повернуть обреченное судно. Вскоре, с треском дробя резной нос и ужасно скрипя днищем, судно врезалось в низкий риф, скрытый под бурлящей пеной, и ее более низкие палубы быстро залило водой. Судно начало тонуть. Корма наклонялась все больше и больше, и вода пенилась вдоль фальшборта.

Мрачным, усеянным скалами, суровым был берег за рифом, едва различимый через завесу пены яростного моря. Безжизненной казалась эта земля. Но прежде чем разрушенное судно ушло под воду, Еворан привязал себя веревками к пустому винному бочонку и бросился в море с кренящейся палубы. И те из его людей, которые еще не утонули и не были унесены за борт тайфуном, стали прыгать в бушующее море следом за королем. Некоторые считали себя хорошими пловцами, другие цеплялись за бочки, за обломки рей или доски. Большую часть моряков затянуло в кипящие водовороты или до смерти разбило о камни. В итоге из всей команды судна выжил один король. Его выбросило на берег и он, хоть и наглотался горькой воды, все еще дышал.

Едва не утонувший, без чувств, он лежал там, где прибой выбросил его на пляж. Скоро буря начала стихать, и большие волны стали много ниже, облака приобрели жемчужный оттенок и солнце, взошедшее над скалами, засияло над Евораном на безупречно голубом небе. И король, все еще ошеломленный грубыми ударами моря, услышал смутно, как будто во сне, крики неизвестной птицы. Тогда, открыв глаза, он увидел в небе птицу с широко раскинутыми крыльями. У нее были перья самых разных цветов. Король знал ее, как *газолбу*. Снова

прокричав резким и пронзительным голосом, напоминающим голос павлина, птица на мгновение зависла над ним в воздухе, а затем полетела вглубь острова, проскользнув через трещину среди скал.

Забыв обо всех неприятностях и потере гордых военных галер, король поспешно отвязал себя от пустого бочонка. Борясь с головокружением, он последовал за птицей. И, хотя он был теперь безоружен, ему казалось, что предсказание оракула Геола вот-вот исполниться. С надеждой он вооружился большой дубиной из сухого дерева и подобрал тяжелый камень на пляже, а потом продолжил преследование *газолбы*.

За расселиной среди высоких и крутых скал, он отыскал заброшенную долину со спокойными источниками, лесом экзотических деревьев и зарослями цветущих ароматных кустов. Здесь, скользя изумленным взглядом с ветви на ветку, он увидел множество птиц с безвкусным оперением *газолбы*. И среди них он не мог отличить ту птицу, которую преследовал, считая ее частью потерянной короны. Существование множества подобных птиц было выше его понимания, так как он и все его подданные думали, что птица на короне — уникальная, единственная во всем мире, так же как и другие части короны Юстаима. И тогда король понял, что его предки были обмануты моряками, которые убили птицу на отдаленном острове и поклялись, что она последняя из своего вида.

Однако, хотя гнев и замешательство завладели Евораном, он помнил, что одна из птиц этой стаи все еще останется эмблемой и талисманом его королевской власти в Юстаиме, и из-за нее он отправился путешествие к островам рассвета. Бросая палки и камни, он попробовал сбить одну из *газолб*. Всякий раз, когда он пытался подобраться к ним, птицы перелетали от дерева до дерева с неприятными криками — буря перьев, имперский блеск. И в один прекрасный миг то ли хорошо прицелившись, то ли совершив удачный бросок, Еворан убил *газолбу*.

Когда же он пошел подобрать сбитую птицу, он увидел человека в плохо скроенных изодранных одеяниях, вооруженного грубым луком, и несущего на плече связку *газолб*, связанных вместе за ноги жесткой травой. И еще: незнакомец носил вместо головного убора шкуру и перья тех же птиц. Он подошел к Еворану, крича что-то нечленораздельное через спутанную бороду. Король с удивлением уставился на него и, переполненный гневом, громко закричал:

— Мерзкий раб, как смел ты убивать птиц, которые священны для королей Юстаима? И знаешь ли ты, что только короли могут носить головные уборы из оперения этих птиц? Я — король Еворан, заставлю тебя за это ответить.

Уставившись на Еворана, незнакомец смеялся долго и от души, как будто считал короля человеком, сказавшим нечто остроумное. Он, казалось, нашел много смешного в словах короля — человека в изодранной и жесткой от высохшей морской воды одежде, чей тюрбан унесли предательские волны, выставив на показ его плешивость. Отсмеявшись, незнакомец сказал:

— В самом деле, это — первая шутка, которую я услышал за девять лет. Так что ты должен простить мне

мой смех. Вот уже девять лет как я потерпел кораблекрушение на этом острове. А до этого я был морским капитаном родом с юго-запада из земли Юллотрой. Я единственный член команды с моего судна, который выжил и выбрался на берег. Всех эти годы я не слышал речи другого человека, так как этот остров лежит в стороне от морских маршрутов. Тут кроме птиц никто не живет. А что касается твоих вопросов, с готовностью отвечу: я убиваю эти птицу, чтобы не страдать от мук голода. На этом острове нет ничего съедобного, если не считать корней и ягод. И я ношу на голове шкуру и перья птицы, потому что мою феску унесло море, когда оно грубо выбросило меня на этот берег. К тому же я знать не знаю тех странных законов, о которых ты упоминал. А кроме того, твой королевский сан никого не волнует — этот остров не принадлежит ни одному королевству, к тому же я намного сильнее и лучше вооружен. Поэтому советую тебе, король Еворан, так как ты убил птицу, возьми ее и иди со мной. Тогда, быть может, я смогу помочь тебе освежевать и поджарить эту птицу, поскольку я полагаю, что ты лучше знаком с изделиями кулинарного искусства, чем с практикой их приготовления.

Выслушав незнакомца, гнев Еворана притух подобно пламени, которое так и не разожгло костра. Теперь он ясно осознал тяжелое положение, в которое в конце концов попал, достигнув цели своего путешествия. И только сейчас он с горечью понял всю иронию, сокрытую в предсказании оракула Геола. И король понял, что потерял свой военный флот, рассеянный среди таинственных островов или унесенный в неведомые моря. А потом он понял, что никогда больше не увидит мраморные здания Аромоама, не будет жить в приятной роскоши, не будет вершить закон с помощью пыточных дел мастера и палача в зале правосудия, не будет носить корону с *газолбой* под аплодисменты подданных. Так, лишившись цели в жизни, он отдался на волю Судьбы.

И тогда он ответил капитану:

— В том, что ты говоришь, есть смысл. Веди.

Подобрав мертвую птицу, Еворан и капитан, которого звали Наз Оббамар, направились к пещере в скалистом склоне холма, который Наз Оббамар выбрал для своего жительства. Там капитан развел огонь из сухих кедровых ветвей, и показал королю, как ощипать птицу и поджарить ее, медленно поворачивая на вертеле из зеленой ветки камфорного дерева. И Еворан, голодный, нашел мясо *газолбы* вполне съедобным, хотя несколько постным и чересчур ароматным. После того, как они поели, Наз Оббамар принес из глубины пещеры грубую глиняную флягу с вином, которое делал из ягод. Он и Еворан пили из фляги по очереди. Потом они рассказали друг другу о своих приключениях, и забыли о грубости и свом тяжелом положении.

После того они жили на острове *газолб*, убивая и поедая птиц, когда испытывали голод. Иногда, для разнообразия, они убивали и ели других птиц, которые редко встречалась на острове, хотя их хватало и в Юстаиме, и в Юллотрое. И король Еворан сделал себе головной убор из шкуры и перьев *газолба*, точно такой же, как у Наза Оббамара. Так они и прожили до конца своих дней.

ЗОТИК

Лишь он бродил в тенях Зотика́,
В сверканье солнца-уголька,
Но возвращаться не спешил
На моря злые берега,
Прогнившее то побережье,
Где океан волной омыл
Руины древних городов,
Где боги пьют нектар веков.

Он побывал в садах Зотика́,
Где кровоточат все плоды,
Где симорг страх вселяет в души…
Там нету зелени листвы.
Солнце всходило, заходило,
А путник смаковал вино,
Напиток амаранта[1] пряный.
И ему было все равно.

Любил он диких дев Зотика́,
И не хотел их покидать,
Но поцелуя от вампира
Не получилось испытать.
За ним гонялся алый призрак —
Лилит из мертвых городов,
Маня любовью и отравой.
Он к смерти был всегда готов.

Он плавал на галерах в Зотик,
Мерцанье мачт в ночи видал,
Смотрел в лицо шторма́м и бурям
И вахту нес, хоть и устал.
И на просторах океана
Он любовался на луну,
И видел дальние он страны,
Но только Зотик люб ему.

Кларк Эштон Смит

---

[1] Амара́нт, или щири́ца (лат. Amaránthus) — широко распространённый род преимущественно однолетних травянистых растений с мелкими цветками, собранными в густые колосовидно-метельчатые соцветия.

МЕРТВЕЦ НАСТАВИТ ВАМ РОГА
(Драма в шести сценах).

Сомелис, королева
Галеор, бродячий поэт и игрок на лютне, гость Смарагада
Натанша, некромант
Бэлти, фрейлина Сомелис
Калгаф, негр, помощник Натанши
Сарго, казначей короля
Боранга, капитан охраны короля
Ожидающие женщины, придворные дамы, придворные, стража и гофмейстеры.

Место действия: Фараад, столица Юорса,
на затерянном континенте Зотик.

Сцена I.

Большая палата в покоях королевы, во дворце Смарагада. Сомелис восседает на высоком, подобном трону, стуле. Галеор с лютней в руках стоит перед ней. Бэлти и несколько женщин сидят на диванах неподалеку. Два черных гофмейстера стоят в ожидании у открытой двери.

Галеор
(играя на лютне, напевает):

Поторопись, не стой столбом, о, юноша горячий,
ведь ночь пришла, сгустилась тьма
и в треске пламени звеня
слышны шаги богини Илилоты.
Ее уста, ее глаза…
Поток уносит вас в мир сна.
Во лбу ее луна горит,
и лютня волшебством звучит,
вам предсказав явленье Илилоты.
Богини плоть как кость бела.
Ее объятья, как врата,
вас унесут в ее края
где льются реки колдовства
за алой звездочкой — жилищем Илилоты.

Сомелис:

Люблю я песни. Но скажите:
откуда столько вирш об Илилоте?

Галеор:

Она — богиня пред которой
склоняются все люди на земле,

где я рожден. Но разве в Юоросе
ее не обожают столь же сильно?
Она ж мягка, добра, в дарах обильна,
благоволит к влюбленным…

С о м е л и с :

Ну уж нет.
…У нас она темна, и часто кровь
смешавшись с теплой пеной восхищенья…
А, впрочем, вы мне лучше расскажите
о дальних странах…

Г а л е о р :

…что морями перемен
от нас отделены. Там кедры,
как беседки для любви, обвитые лозой
с цветами ярко-красными, как кровь…
По тропам, где лишь мох растет, гуляют агнцы,
чей мех — руно, белее горных льдов.
А берега ручьев из сердолика ведут к пещерам,
где, чуть приоткрывшись, лежат ракушки,
как уста красавиц. И ястребы морские —
рыбаки, раскинув крылья, словно бурый парус,
спешат из гнезд, чтобы вернуться к ночи,
когда огни заката разгорятся и засверкают
на судов обломках, торчащих из прибрежного песка,
вокруг которых перламутр сверкает, как в
маскараде, древнем словно мир.

С о м е л и с :

Хотелось бы родиться в той земле,
а не на Юоросе.

Г а л е о р :

Я хотел бы
гулять лишь с Вами ночью
вдоль пруда с узором вялой пены.
И наблюдать Канопуса сиянье над кронами могучих
кипарисов, горящего как древности маяк.

С о м е л и с :

Уж лучше помолчите. Тут есть уши
что слышат лишнее, и рты что шепчут.
А муж — ревнивец…

*(Она прерывается, поскольку в этот момент
король Смарагад входит в комнату.)*

С м а р а г а д :
… Сцена, просто прелесть.
Ты, Галеор, мне кажется, как дома
в палатах королевы. Говорят,
ты развлекаешь даму лучше,
чем грустный и унылый сюзерен.

Г а л е о р :
Готов я скромно петь, терзать с печалью лютню
как ради короля, так и его супруги.

С м а р а г а д :
Действительно, поешь ты сладко.
Как птица симорг, ищущая пару.
А голос твой заставит трепетать любую женщину.
Он увлечет ее в водоворот безумной страсти…
И как давно ты здесь?

Г а л е о р :
Я?.. С месяц.

С м а р а г а д :
Да с летнего солнцестоянья. И сколько
из моих придворных дам ты затащил в постель?
Иль должен я спросить, кто возжелал тебя?

Г а л е о р :
Нет никого, клянусь серпом луны…
В свидетели я Илилот возьму, ту что
влюбленным всем, как мать родная.

С а м а р г а д :
Я понимаю. Рад бы был тому,
чтоб кто-то подтвердил твои слова,
но скромность нравов чудо в Юоросе.
Тут шлюх хоть пруд пруди.
(Поворачивается к королеве.)
Сомелис, не нальешь вина? Хочу я выпить
за целомудрие — дар редкий, дорогой.
Ведь за потерю могут покарать.

(Королева указывает на серебряный кувшин, стоящий на низком столике вместе с кубками из того же самого металла. Самаргад поворачивается спиной к остальным и наливает вино в три кубка, и словно случайно проводит ладонью над одним из кубков. Его он вручает Галеору. Другой дает королеве, а третий подносит к своим губам).

Пусть каждый помнит свою роль,
вино вам разливал король.

Сие есть честь.
Мы пьем до дна
за королеву, короля,
и за тебя пьем, Галеор,
за песни бардов и наш спор.

(Король залпом выпивает кубок. Королева подносит свой кубок к губам и делает маленький глоток. Галеор поднимает кубок, смотрит в него.)

Галеор:

Смотрите пена…

Смарагад:

…Пузыри…
мне даже кажется, они
сорвались с губ того, кто мертв,
кто тонет в бездне темных волн.

Сомелис:

Ваш юмор странен, господин.
Нет ни пузырика в вине.

Смарагад:

Тебе помедленней я лил.

(Галеору)

Ты не задумываясь пей.
Вино старинное вкусно,
а виноделы все мертвы…

(Поэт все еще колеблется, затем выпивает кубок залпом.)

Ну как на вкус тебе оно?

Галеор:

По вкусу точно как любовь,
если бы та была вином,
или конфетой на губах…
но яд мне горло сильно жжет.

(Он раскачивается, затем падает на колени, все еще сжимая пустой кубок.)

А я невинен. Никого
не обижал я никогда…
Но почему такая смерть
мне суждена?

Смарагад:

Отвечу я.
Испил ты сладкого вина

чтобы напиться навсегда,
чтоб не смотрел на королев,
чтобы не портил местных дев.
Когда же черви из могил
твой череп прогрызут до дыр,
ты саг любовных не споешь
и к дамам в гости не пойдешь.

Сомелис
(медленно поднимаясь со своего места, вызывающе):

Король, узнает весь Юорос,
про вероломство, и рассказ
перелетит за край болот,
что проклят навсегда не раз.

(Королева опускается на колено перед Галеором, который, распростершись, лежит на полу и умирает. Слезы падают из ее глаз, и она кладет руку на лоб Галеора.)

Смарагад:

Я вижу, он тебе был дорог.
Удавку бы накинуть скоро
на шею мягкую твою. Но нет,
я красоту люблю. Ступай быстрей
в свою кровать и жди меня,
приду…

Сомелис:

Я буду ждать
и ненавидеть, и страдать.
И сердце станет словно сталь
лишь для червей моя печаль.

(Сомелис выходит, следом за ней Бэлти и другие женщины. Два гофмейстера остаются.)

Смарагад
(подзывая одного из гофмейстеров):

Церковный сторож пусть придет
и тайно похоронит тело,
Чтоб не было огласки делу.

(Гофмейстер выходит, король поворачивается к Галеору, который пока еще жив.)

А думал ведь себя увековечить,
теперь уж не получится никак,
никто тебя не вспомнит даже.

Галеор
(слабым, но хорошо различимым голосом):
Нет, все не так…
Я пожалел бы вас, король, но не хочу.
Иная роль мне суждена,
хоть выпил яд я весь до дна.
До мести миг остался мне,
пусть я погибну в сладком сне.

(Занавес.)

Сцена 2

Зал аудиенций Смарагада. Король сидит один на двойном троне. Стражники с трезубцами дежурят у трона и возле каждого из четырех входов. Несколько женщин и гофмейстеров бродят по залу, исполняя какие-то мелкие поручения. Сарго, королевский казначей стоит в углу. Бэлти подходит нему, чтобы поговорить.

Бэлти:
Но почему король сегодня здесь?
Ведь нету дел у государства.
Он брови хмурит, гнев его
готов испепелить все царство.

Сарго:
Виной волшебник, Натанша,
что нечестивый чародей,
и некромант, и сам злодей.

Бэлти:
Увы, я слышала о нем.
А вы знакомы? И как он?

Сарго:
Я не могу вам рассказать.
Не стоит это обсуждать.

Бэлти:
Вы интригуете меня.

Сарго:
Ну, хорошо, скажу я вам.
Есть те, кто думает, что он,
сын дьявола с волчицей,
пришел к нам отличиться.
Он смел и к низостям готов,
колдун и некромант… без слов.

Бэлти:
И это все?

С а р г о :

Ну, что еще…
Такие существа имеют запах.
От них воняет, как от старых книг,
от ведьм, от Зла — нечистого творенья,
и запах этот смертоносен — точно,
как трупов вонь, погибших от чумы.

Б э л т и :

Достаточно, чтобы с ума свести.
Не нравятся мне те, кто плохо пахнет.

(Через парадные двери входит Натанша. Он проходит широким шагом, опираясь на посох, и встает прямо перед Смарагадом.)

С а р г о :

Теперь идти я должен…
Бэлти:
Не держу,
тем более что ветерок идет
с загнившей территории…

(Сарго и Бэлти расходятся в разные стороны)

Н а т а н ш а
(*не преклонив колен и даже не поклонившись*)**:**
Вы вызвали меня?

С м а р а г а д :

Да. Говорят,
что занят ты искусством запрещенным,
торгуешь тайным, демонов зовешь,
сон мертвецов ты без нужды тревожишь.
Что истина, что ложь, скажи мне честно?

Н а т а н ш а :

Все истина, зову *личей*[1] и *ка*[2],
Хоть и не те из душ, что ночью бродят,
а *джины* элементов остальных
Порою порученья выполняют.

---

[1] Лич , производное от немецкого Leiche — «труп» или от староанглийского lic (произносится так же, как и lich) — маг-некромант, ставший нежитью, по одним версиям — после смерти, по другим — вместо смерти.

[2] Ка — в религии древних египтян — дух человека, существо высшего порядка, олицетворенная жизненная сила, считавшаяся божественной. По верованиям древних египтян, «Ка» стояла в непосредственных отношениях к своему земному проявлению, подобно «genius» римлян, но ещё теснее.После смерти человека Ка продолжал своё существование внутри гробницы и принимал подношения, проходя в часовню через «ложную дверь». "Ка» изображали как подобие её носителя, но с поднятыми вверх руками.

Смарагад:

Что! Смеешь признаваться ты
в делах противных людям всех сословий?
Или забыл о тех ты казнях страшных,
что за деянья злые наши предки
ввели в Юоросе для всех злодеев оных?
В котел смолы кипящей ноги их опустят,
потом гвоздями к доскам приколотят
вареные конечности на дыбе.

Натанша:

Действительно… Законы ваши знаю,
и даже то, что есть запрет убийства.

Смарагад:

Что ты в виду имеешь?

Натанша:

…То, что
Вы, король, заполнили могил намного больше,
чем ваш слуга покорный — некромант,
который лишь места освобождал в могилах,
поднимая мертвых. Или хотите вызвать тех,
кто подтвердит мои слова? Вот Фамостан —
он ваш отец — погиб,
укушен ядовитой рыбой
в ванне, куда ее вы принесли тайком.
Или ваш брат Аладада,
которого по вашему совету
Снабдил расколотым копьем ваш егерь.
А он ведь вышел на болотного кота.
И мог того лишь только уколоть.
Однако это вестники всех тех,
Кого вы в эти годы погубили…

Смарагад
(наполовину поднявшись со своего места):

Вся сажа ада, так ты смеешь мне дерзить?
Будь ты хоть человек, хоть дьявол,
с тебя живьем я кожу снять хочу,
и чтоб она свисала полосами, как юбка,
а кишки намотаем на брашпиль.

Натанша:

Слова… слова… Подобно пене
на берегу ручья. Ведь из людей никто
меня и тронуть пальцем не посмеет.
Я посохом взмахну, и круг огня

сметет все то, что вкруг меня…
Вам следует меня бояться сильно.
Ведь есть на то причины… потому
что знаю тайны, спрятанные вами,
и то, что в яму змей
вы душу превратили сами.
Где юноша, что звался Галеор,
который пел играл на лютне,
и услаждал ваш мерзкий двор
своей талантливой игрой?
Убит. За что? За то, что
спел Сомелис молодой?
И это тоже знаю я,
а так же где его могила,
где червь могильный правит бал…

Смарагад
(Распрямившись, он скривился):
А ну-ка прочь! Я так устал.
Все вон! Все вон!
Ты — с глаз долой! Из Фараада!
А чтоб заставить поспешить…
Шерифам я велю побить
красавца злого неофита, чья
кожа словно эбонит, — Калгафа,
с кем ты в грехе нежен,
который у тебя заместо девки.
Обдумай это хорошо, а то
Калгаф твой попадет
в сырой и мрачный склеп,
лишившись кишек.
Но за стенами священного Фраада
вы встретитесь, колдун,
коль поспешишь ты
город мой покинуть.
А если нет —
то встретишь палачей.

Натанша:
Король, запомни, если что случиться
с моим Кеалгафом
ад придет к тебе, поглотит и тебя
и твой дворец.

(Натанша уходит.)

(Занавес)

Сцена 3

Кладбище Фараада. Все заброшенно, и ветви полусгнившие кипарисов над потрескавшимися надгробными камнями, и полуразрушенные мавзолеи. Выщербленная луна сверкает через тонкие облака. Напевая, появляется Натанша.

Натанша:

Беззубый вампир тихо песню бормочет,
скрываясь от солнца дневного.
Он крылья расправить и улететь хочет
туда где свинья умерла…

(Калгаф появляется из-за полуразвалившейся двери склепа поблизости. В руках у него темный мешок. Он бросает его под ноги Натанши.)

Калгаф:

Я поздравляю вас, учитель.

Натанша:

Как хорошо, что я велел тебе,
меня дождаться здесь, средь могил
и пробудить от утреннего сна,
когда лишь пьяный ходит средь руин.
Как и предвидел я, король был вероломен,
послал собак, чтобы тебя поймать,
он не рискует руку поднимать,
на тех, кто знает тайны колдовства.
Однако зуб он затаил и не простит,
а злобу выместит на том, кто слаб…
Беги из Юороса, все брось.
Лишь дьяволы останутся с владыкой.
(Он замолчал, осмотрел могилы и мавзолеи.)
Эта земля просто подарок некроманту —
убийство на убийстве, и пред тем
как покидать сей край работы много.
Мой милый Калгаф, мы нашли страну
О коей мой знакомый говорил.
Вон молодые кипарисы пожелтели
от соков смерти из могилы Тамамары,
которая укрыла от глаз смертных
тебя. Смотри, вся надпись заросла
и имя тоже…

(Он шагнул к могилам, внимательно разглядывая землю, потом вытянул посох вдоль земли. В какой-то момент посох яростно закрутился в его руке, словно палочка экстрасенса, а потом ее кончик неожиданно ткнулся в землю.)

Вот та могила, что сокрыла Галеора.
Торф перекопан здесь и вся земля…

(Он повернулся в сторону Фараада, чьи башни смутно вырисовывались за некрополем. Подняв обе руки, он сплел пальцы, а большие пальцы словно рога уперлись в небо.)

А этот знак могуч, монарх ревнивый,
который так боится быть с рогами,
убийца, отрицающий вину.

(Поворачивается к Калгафу.)

Устроим церемонию сначала.
Достань кадило, круг я начерчу.

(Достает короткий меч и артхам из-под плаща и чертит широкий, глубокий круг на торфе, а потом другой внутри первого. Калдаф открывает темную сумку и вынимает четыре изукрашенных кадила, чьи ручки напоминают двойной треугольник — знак Макрокосма. Он кладет их между кругами на одинаковом расстоянии друг от друга, и зажигает их. Потом некромант встает в цеипвнутреннего круга. Натанша передает артхам Калгафу, но оставляет себе магический посох, поднимая его над головой. Они оба поворачиваются к могиле Галеора.)

Натанша
(распевая):

Мунтанут , маспрафа бати.
Вапвас руну, вха раскуту…
Скажи мне, слышишь ты меня,
инкубус, мой кузен, явись.
Вечерняя заря пришла
из тьмы и мрака — появись.
Приди из глубины могил.
Прислушайся к словам владык,
мы сделку с адом заключим.
У вас есть вещь, что ищешь ты.
Лети сюда на крыльях сна,
оставь ту бездну, где живешь.
Войди в могилу, где тела
лежат погибших мертвецов,
восстань из гроба, оживись.
Шагай старинною тропой
согласно мантре, что дана,
вора вофа фасаидон…
Да пусть прибудет сила
С тобой… сорфа наградиа
Явись из царства смерти…

(После паузы.)
Ватч пантари вора награбан.
(Закончено заклятиье некроманта.)

К а л г а ф :
За, мозадрим: вачама вонх разан.
Да, мастер, вонх создаст все остальное.

(Эти слова были на умленгфе — древнем языке Зотики, который использовали ученые и волшебники. А тем временем земля раздалась и из-под нее поднялся лич Галеора с землей на лице, руках и одежде. Он, угрожающе волоча ноги, подошел к внешнему кругу. Натанша поднял посох, а Калгаф — артхем, контролируя мятежный дух. Лич отступил.)

Л и ч
(тонким, нечеловеческим голосом):
Вы вызвали меня,
Вы вызвали меня,
По своему желанию.

Н а т а н ш а :
Ты поступай, как мы сказали,
ступай по переулкам и дворам
тем, что заброшены давным-давно.
Скрывайся от Луны и глаз мужчин,
ты должен отыскать вход во дворец,
тот, что известен мертвым королям,
и залами, известными лишь духам.
Найдешь ты там палату Сомелис
и совратишь ее, как все инкубы
поступают в мире.

Л и н ч :
Вы приказали, я лишь подчиняюсь.

(Линч уходит. Когда он исчезает из поля зрения, Натанша выхордит из круга, и Калдаф гасит кадила и начинает складывать их в сумку.)

К а л д а ф :
Куда теперь?
Натанша:
…Куда ведут дороги
Подальше от границ Юороса.
Не станем ждать, когда созреет плод
посеянного нами Зла.
Преподнесем тому урок,
кто захотел любимого миньона
и моего псаломщика, на ложе

в палате пыток уложить.
Калдаф и Нананаси *(уходят, распевая)*:
Вот для вампиров жирный путник,
что в одиночестве бредет,
его утащат в ад могилы,
и на обед он нам пойдет.

(Занавес)

Сцена 4

Спальня королевы. Сомелис полусидит, полуоткидывается на уютном диване. Входит Бэлти с дымящейся чашей в руках.

Бэлти:

С вином хранящим теплоту всех прежних лет,
и специями с дальних островов,
что на востоке,
смешала я вот этот хип-по-крас ,
и подогрела.
Теперь испей и с легкостью уснешь.

Сомелис
(плавным движением оттолкнув чашу):

Вот так вот выпью то, что Галеор
и в путь отправлюсь дальний из дворца
туда, где тени Зла от гибельного солнца.
Яд убивает медленно но верно,
ведет туда, куда ушла любовь
столь ненавистная для короля.

Бэлти:

Тогда я вам немного поиграю,
одну из песен, что пел Галеор.
(Она берет цимбалы и поет.)
Одинокая в розовом мраке небес
Светит в небе одна золотая звезда
Вот печально звеня, соскользнула она
Вниз к земле и сгорела совсем.
Прибыл ночью мой любимый
Лишь печаль в его глазах
За любовью он поднялся
Из могил, где вечный мрак.

(Она прервала пение, поскольку раздались шаги. Кто-то подошел к спальне королевы.)

Сомелис:

Кто там идет? Боюсь, что сам король.

(Дверь резко открывают, и входит оживленный злодеем линч Галеора.)

Бэлти:

Откуда эта тварь сюда явилась?
Откуда эта грязь? Вы только посмотрите!
Похож на Галеора. Невозможно!

(Лич осторожно выступает вперед и начинает что-то невнятно бормотать.)

Сомелис:

Но если ты и в самом деле Галеор,
ты с легкостью ответишь на вопрос:
кто был ваш друг,
кто счастья вам желал?

(Бэлти бросилась мимо гостя, который казалось ее не замечал.)

Но если вы злодей, одетый Галиеором,
то я произнесу святое имя,
взову к святой богине Илилоте.

(При имени богини руки и тело линча задрожали, словно он столкнулся с неведомым противником. Когда постепенно дрожь унялась, жидкое пламя смерти вспыхнуло в глазах мертвого и на его лице теперь была написана нежность и смущение.)

Галеор:

Как прибыл я сюда?
Я весь в сомнениях.
Мне кажется, что я был мертв,
и люди закопали мое тело
в сухой земле.

Сомелис:

Здесь тайна, ну, а время мало.
Но вижу, что ты — Галеор.
Никем другим ты быть не можешь.
Я думала ты умер, ты — живой,
полон любви и знаешь, что взаимна
Она… Мне больше нечего сказать.

Галеор:

Как знать…
Ведь должен быть я мертв,
а вижу я тебя и слышу.
Любовь сжигает мои вены,
где правит ныне смерть-зима.

Сомелис:

Как знать?
Что можешь вспомнить?

Галеор:

Немного. Лишь ночную тишину,
которая царила слишком долго,
пока не зазвучал тот самый голос —
высокомерный и надменный глас.
Он цену предложил за службу,
но вспомнить не могу я, за какую.
Теперь сомнений полон я, но ощущаю
как кто-то там один во тьме боролся
с негодяем, и кто-то — голос был другой —
призвал бежать прочь от злодея.

Сомелис:

Я верно думаю,
замешен некромант тут.
Поднял тебя из гроба и прислал
ко мне. Узнать бы лишь зачем?
Наверняка намеренья его
не отличались чистотою нравов.
Но есть проблема, Бэлти вот ушла
наверное к Смарагаду. Наш король
тут будет скоро, в этом нет сомненья.
Тогда убьют тебя повторно, точно…

(Королева идет к двери, закрывает ее и запирает на тяжелый металлический брус вставив его в массивные гнезда. Потом, достав платок и кувшин с водой она смывает могильную грязь с лица и рук Галеора, приводит в порядок его одежду. Они обнимаются. Линч целует женщину и гладит ее щеки и волосы.)

Твои прикосновения приятны,
нежны и ласковы, как были ране.
И все же твои губы, твои руки…
Ты холоден, как смерть, но я тебя согрею,
сожму в своей постели и объятьях.
И до того, как меч падет карая,
мы тайну разрешим…

(Тяжелые шаги за дверью и громкое бормотание, а потом металлическое клацанье, словно кто-то стучит рукояткой меча о дверь.)

(Занавес.)

Сцена 5

Королевский павильон в дворцовом саду. Смарагад сидит во главе длинного стола, заставленного кубками, винными и ликерными бутылками, часть которых лежит на боку, другие — полупустые. Сарго и Боранга сидят на скамейке у основания стола. Дюжина собутыльников склонились над своими бокалами, некоторые лежат на полу и на скамьях.

Сарго и Боранга
(сидят и поют):

В старые дни жил веселый вампир,
темную кровь у людишек он пил,
без кубка и без бутылки,
из вен мертвецов он пил.
А мы будем пить из кубков
берилловых и золотых
вино годов старинных,
Кровавых и золотых.

(Наступила тишина, в то время как певцы хриплыми голосами продолжали распевать. Смарагад наливает, и выпивает кубок вина, потом наливает снова.)

Боранга
(очень тихим голосом):

Устал он или раздражен,
но пьет сегодня наш король
так, словно хочет утопить
свой страх на дне бокала.

Сарго:

Он перепил всех наших пьяниц,
что возле бочки возлежат…
Все потому, что некромант
нарушивший страны законы
зашел поутру к королю…
Что говорить, а мне хватило
той вони, что от Натанши
наполнила весь зал дворца,
как он вошел…
Потом я сюзерену предложил
позвать рабов, чтоб принесли
кадила, опахала разогнать
вонь некроманта.

Боранга:

Все говорят, что этот Натанша
и друг его цветной исчезли оба.

Хотя куда ушли, никто не знает.
Весь Фараад наполнен слухами.
А я бы не дал дичи ни куска, ни
заливного из хвоста за мага.
Давай-ка лучше песенку споем:

(Они поют)

Вор в доме,
вор в доме,
Что делать хозяину?
Вызывать Тоусера
или сдохнуть смело.

(Входит Бэлти растрепанная, она задыхается.)

Бэлти:

Ваше Величество, безумие из ада…

Смарагад:

Случилось что?
Иль кто-то покусился на вашу честь?

Бэлти:

Нет, я про королеву.
Из спальни я ее поспешно прибежала.

Смарагад:

И что там с королевой?
Вы бросили ее? Она одна?

Бэлти:

Нет, не одна…
К ней гость, пришел,
мертвец.

Смарагад
(приподнимаясь со своего места):

Что хочешь ты сказать?
Гость и мертвец?
Но мертвецы не ходят…
И почему ты прибежала так сюда,
с распущенными волосами?

Бэтли:

Там был сам Галеор.

Смарагад:

Ах!
Но будь я проклят!
Лежит в земле он, если слуги
меня не обманули этим утром…

Бэтли:

Нет!
Он вернулся. Прямо к королеве.
Он весь в земле и верно из могилы,
и адские огни в его глазах пылали.

Смарагад
(вставая):

Подробней расскажи,
хотя не верю. Нет!
Живой он или мертвый,
что делает он в спальне королевы?

Бэлти:

Не знаю, как пришел он, почему.
Но королева говорила с ним,
а я помчалась к вам.

Смарагад:

Сарго, Боранга, слышали вы это?
За мной! Посмотрим, что там происходит!
Разворошим гнездо кошмара!

(Король направляется к двери, в сопровождении всех остальных.)

Чума всех побери!
Какая вонь идет от этих стен!
И где охрана?
Отрежу уши им тупым серпом!
Залью глаза мочой кипящей
за то, что пропустили
в спальню королевы незнакомца,
будь это гоблин, лич иль человек.

(Занавес.)

Сцена 6

Зал перед спальней Сомелис. Входит Смарагад, Сарго, Боранг и Бэлти, в сопровождении двух гофмейстеров. Король пытается открыть дверь спальни королевы. Обнаружив, что она не открывается, он, вытащив меч, бьет по двери его рукоятью, но без ответа.

Смарагад:

Кто запер эту дверь? Неужто королева?
Клянусь, что больше никогда
она не станет двери закрывать,
когда мы выбьем эту. Я сам ее

закрою… на гробу! Боранга, Сарго,
навалимся все дружно.

(Все трое наваливаются на дверь, но не могут выбить ее. Сарго сильно пьяный, теряет равновесие и падает. Боранга помогает ему встать на ноги.)

Построив сей дворец, мои отцы
так постарались. Все двери
противостоят осаде.

Боранга:

Машины для осады в арсенале.
Тараны, что свернут любые башни,
пробьют врата любой из крепостей.
Я, если разрешите, за народом,
тараны с арсенала принесем.

Смарагад:

Не нужен легион, ведь все узнают,
что зло таится в спальне королевы.
Я не привык стучаться в эти двери…
Но пытки ждут того, кто все затеял,
они сведут с ума кого угодно.

Сарго:

Но если это в самом деле бард,
то вызвал его к жизни из могилы
тот самый некромант, тот Натанша.
А может он призвал и прочих мертвых
из склепов, из могил и из глубин,
куда мы прятали тела казненных ночью?
Тут нужен экзорцизм. Священник есть,
чтоб провести обряд.

Смарагад:

Я сильно сомневаюсь, что волшебник,
проклятый некромант — поднял из мертвых
чудовище. Но ни тебя, и не Боранга
я не зову с собой.

(Поворачивается к гофмейстерам.)

Вы принесите мне вязанку дров и
сырой нефти.

Боранга:

Ах, господин мой, цель ваша какова?

Смарагад:

Вы скоро сами все, мои друзья, поймете.

Бэлти:

Но там ведь окна есть. Они большие.
По лестницам подняться может стража
и отпереть дверь в спальню королевы.
В опасности она быть может оказалась,
ведь демон к ней пришел.

Смарагад:

И я об этом.
Он по всему желанный гость в сей спальне,
поэтому закрыты эти двери.
А я не вор, чтоб лазить в окна…

(Возвращаются гофмейстеры, неся охапки хвороста и фляги сырой нефти.)

Сложите хворост.
Поливайте нефтью… и поскорей…

(Гофмейстеры повинуется. Смарагад хватает один из светильников, развешенных по залу, и бросает на кучу хвороста. Немедленно огонь взлетает вверх по двери.)

Я подогрею ложе черного разврата,
сожгу вертеп в пределах стен дворца.

Боранга:

Да вы сошли с ума?
Спалите весь дворец!

Смарагад:

Огонь пожара скверну всю очистит.
Вот только мало дров огню,
сюда бы колдуна и прихвостня его.

(Огонь быстро распространяется по занавескам прихожей. На пол падают куски горящей ткани. Бэлти и гофмейстеры убегают. Фрагмент горящего гобелена падает на Сарго. Качнувшись, тот падает в огонь. Не в силах подняться, уползает, кричит, одежда ее пылает. Искры падают на королевскую мантию. Король с проворством сбрасывает ее. Огонь поедает дверь и от нее отваливается большой деревянный фрагмент. Пламя вспыхивает с новой силой. Боранга и Смарагад отступают.)

Боранга:

Ваше Величество, дворец горит…
Нам нужно поспешить, чтобы спастись.

С м а р а г а д :

Вы говорите мне, огонь бессилен?!
Ах, это замечательный огонь!
Он скроет тайны этой спальни,
и принесет душе покой.
Пусть остается только пепел,
хоть трупов некроманту нет…

Б о р а н г а :

Сир, мы должны идти…

С м а р а г а д :

Пойдем, иначе будет поздно,
мы дело сделали свое.
Оставь меня, Боранга…
Я зарежу развратников, покуда не сгорели

(Размахивая мечом, он прыгает через упавшую дверь в пылающую палату.)

(Занавес)

Публицистика и эссеистика

Между прочим

ИНТЕРВЬЮ

С Дмитрием Вересовым беседует Светлана Тулина

Кто вы такой? Представьте, что я вообще первый раз о вас слышу.

Блистательное начало – сразу вспоминается М.С. Паниковский с его бессмертным: «А ты кто такой?!»… Так вот, я — мечтательно-ленивый толстый мальчишка шестидесяти лет от роду, жертва беспорядочного чтения в детстве, помноженного на приличное школьное и университетское образование. Хотя всегда что-то и сочинял, и пописывал, как самостоятельно, так и в составе стихийных творческих групп), никогда не помышлял стать писателем, скорее представлял себя профессором кафедры истории зарубежных литератур. Одно время хотел работать в Пушкинском Доме. А в результате стал работать в издательстве, где, собственно, и предложили написать роман. И пошло-поехало…

Как появился псевдоним «Вересов»?

Собственно, там же, в издательстве. Приступая к книге, я, мягко говоря, не очень понимал, что из всего этого получится, и «закрылся» псевдонимом (фамилией бабушки) на случай грядущего позора: ведь как Прияткин я имел уже определенную известность благодаря переводам и научным статьям. Потом стало понятно, что стыдиться будет нечего, из новых вариантов договора псевдоним ушел, я даже видел макет обложки «Черного ворона» со своей фамилией. Но московские партнеры (ОЛМА-ПРЕСС) еще до выхода книги ухитрились продать оптовикам стотысячный тираж (о блаженный 1997 год!) под позицией «Вересов». Так и появился этот автор. Потом выяснилось, что есть и настоящий Дмитрий Вересов, поэт из Петрозаводска, которому пришлось из-за этого свою прозу и сценарии публиковать под псевдонимом «Толин».

Что дала вам работа переводчиком?

Бесценный навык работы с текстами самой разной стилистики, практическое освоение множества литературных приемов и ходов. Существенно «подтянулся» и улучшился язык — причем, не столько английский, сколько русский.

Как вы писали свою первую книгу?

Вдохновенно и очень-очень долго. От замысла до воплощения прошло три года. Может, поэтому она и оказалась самой успешной.

Как родилась идея «Черного ворона»?

Прилетела откуда-то из параллельного пространства — и собрала в единое целое клочки и ошметки наблюдений, воспоминаний, литературных и прочих впечатлений. Собственно, в первых четырех книгах «Ворона» выплеснулось все, что я на тот момент знал и понимал о жизни. Дальше пришлось сочинять — а это совсем другая история… В этом смысле я так и не стал профессиональным писателем, в чем есть не только минусы, но и определенные плюсы…

Сериал «Черный ворон» — это счастливая случайность или что-то иное?

Если вы про телевизионный сериал — то скорее случайность. Так совпало, что именно в тот период (2000-2003), можно было выйти к продюсерам с таким «неформатным» проектом. Потом это было бы уже невозможно. А так – все получилось! Хотя и довольно далеко от задуманного.

В чем состоит отличие сценария от книги? Над чем интересней работать?

С точки зрения ремесленной — перегонка всех рефлексий в видеоряд,

в психологическом упрощении и обострении персонажей, в преобразовании скрытых мотивов и конфликтов в открытые. В известной самоцензуре — скажем, если бы я вывел на экране Захаржевскую такой, какой она была в книге, зритель не мог бы сопереживать такой героине. Я долго не мог этого понять и всячески сопротивлялся. Теперь готов признать правоту киношников.

С точки зрения свободы — интереснее работать над книгой. С точки зрения энергетики — над сценарием.

Любимый автор в детстве или первая запомнившаяся книжка?

Ой, столько всего было перечитано. Но, думаю, что все же главным автором был Стивенсон. И еще немка Ирмгард Койн («Девчонка, с которой детям не разрешали водиться»).

Любимый автор сейчас?

Множество авторов становятся на какой-то время любимыми. Но перечитывать тянет больше двоих: Гоголя и Робертсона Дэвиса.

Что для вас недостижимый идеал?

Мельмот-скиталец. (идиотизм, конечно, но как-то так)

Кем мечтали стать в детстве?

Да кем только не мечтал! Да хотя бы игроком сборной страны по футболу (при том, что сам почти не играл). Почти стал литературоведом, почти стал писателем и сценаристом. Переводчиком — пожалуй, стал.

А сейчас кем хотели бы стать если бы была возможность?

Сейчас хотел бы овладеть профессией рантье, но поскольку приходится быть реалистом — трудоустраиваюсь со своими авторскими наработками в единственный приличный вуз города…

Как отражаются детские мечты в творчестве?

Отражаются многообразно… Здесь либо очень много надо говорить, либо ничего. Как сказал кто-то знаменитый, все мы родом из детства…

Для кого вы пишите? Кто вас читает и почему? (Может, и мне почитать?)

Практика показала, что пишу я для женщины-бухгалтера 45 лет и еще для умной девушки студенческого возраста, ненавидящей попсу. Читают, скорее всего, потому, что находят в Вересове какой-то нужный витамин. К сожалению, не умею писать для книжного оптовика… А почитать, наверное, можно, если ваша аудитория «заточена» на фантастику, возможно, стоит начать с «Ленинградской саги», она ближе всего к «формату» — хотя и очень от него далека…

Чем отличается писатель от простого человека?

Писатель (особенно, настоящий) всегда на грани психиатрии, а то за гранью. Простой человек – не всегда и с другими диагнозами. Хотя, как известно — все мы пограничники.

Какое будущее у профессии писателя? Не кажется ли вам, что это вымирающий вид?

Вид не вымрет (психиатрия эпидемична). Профессия в ее нынешнем виде — вымирает однозначно. Это как промышленное коневодство и сопутствующие занятия сто лет назад. Сегодня из «породителей смыслов» и «инженеров человеческих душ» мы скатываемся в нишу маргинального entertainment'а, чему свидетельством практически все «мировые бестселлеры» XXI века. Литературное производство вновь становится «занятием для джентльменов», т.е. энергозатратным «хобяком». Лично для себя я большой трагедии в этом не вижу, надо просто

включить мозг и подумать об альтернативах. Энергетически я, по большому счету, уже вне профессии…

Какую из своих книг (героев или героинь) любите больше всего? Почему?

Любимых много, хотя есть и нелюбимые. Из героинь – обе Татьяны (по сути, это две ипостаси одного женского образа), из героев – Нил Баренцев, этакое второе я, освобожденное от идиотизмов и комплексов оригинала.

Какой жанр ближе всего? Почему?

Из жанров ближе всего — интересный. Проверяется реакцией на книгу — «эх, черт, почему не я это написал». Не очень люблю «форматы», хотя на некоторые (авторские, с «разрывом шаблона») подсаживаюсь: так, например, очень люблю серию Йена Рэнкина про инспектора Ребуса. Люблю, когда книга хорошо написана и при этом способна удивить. Сам стараюсь писать в этом ключе.

В ваших книгах фантастический элемент осторожен, минимален, а потому достоверен. Считаете ли вы фантастику «низким» жанром?

Нет, не считаю. Скорее, не считаю себя фантастом. Люблю некоторые фантдопущения, но еще более люблю выворачивать их наизнанку – см. игры с «попаданцами» в «Третьей тетради», «Ленинградской саге» и т.д.

Вы вели один из семинаров на Новой Малеевке два последних года. Что вы можете сказать об этом начинании?

Начинание отличное! Главное в нем — даже не тексты и их разборы, а мощный эгрегор, энергетический колпак, вибрирующий творческой силой. Очень заряжает.

В чем, по-вашему, основное отличие нового поколения писателей от вашего поколения?

Будучи весьма далек от типажа «писателя своего поколения», не готов сформулировать «основное отличие». Мы разные, они разные… В целом радует, что в целом у них меньше иллюзий, пафоса, завышенных представлений о собственной важности для вселенной.

По результатам работы семинара: есть ли будущее у нашей литературы?

Конкретно по результатам работы семинара сделать вывод о будущем нашей литературы затруднительно. Тут работают другие факторы. Думается, что в том случае, если писатель усвоит платоновское правило «добродетель – сама себе награда», будущее у такого автора есть. Однозначно умирает чтиво как подвид развлечения. Литературу же, возможно, ждет будущее живописи: книга станет предметом роскоши, гордости коллекционеров и ценителей, возродится уже не через массовость, а через элитарность (но, конечно, не в нынешнем ее понимании «кина не для всех»).

Как вы считаете, какие улучшения требуются нашему альманаху?

Правильное паблисити, привлечение «громких» и разных авторов, побольше творческого интерактива – ну и, конечно, полиграфия, грамотная корректура, продуманный изобразительный ряд.

Дмитрий Вересов

НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ

Рассказ-конкурс (придумайте продолжение)

Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себе вросло.

Зинаида Гиппиус

Зеленый вечер умирал. Он мог бы жить долго, как бывало раньше, он, собственно, для того и был создан, чтобы длиться, наполняя пространство безнадежным блаженством. Его осколки, его отражения были разбросаны всюду: витражными лампами в окнах, ацетиленовыми фонарями на улицах, изумрудными мхами в парках и даже таинственными отсветами на женских лицах. Впрочем, и это были уже остатки, если вспомнить гвардейскую зелень мундиров, краску корабельных обшивок, густой мрак лесов, а то и вообще первобытную водную муть, вскипавшую бурунами грязно-бутылочного цвета.

Но все, что поддерживало на грешной земле почти невыносимую для человека бирюзовую прозрачность вечера, давно ушло. Мертвенное мерцание фонарей заменилось вульгарной московской желтизной, лесов не стало на многие сотни верст вокруг, корабли стали черными, мхи задохнулись в испарениях серы… И только по болезненному оттенку умирающего перламутра еще можно было безошибочно узнать тех, кто родился и вырос под эти зеленые вечера — и кто почти наверняка и умрет под ними же, отдав им все свое самое сокровенное, лучшее и живое так, что ни на что иное сил уже не остается. Правда, и последних становилось все меньше и меньше.

Вечер умирал. Умирал, несмотря на свой божественный цвет и свет вечной юности, умирал от гари и превращенных в пыль домов, от злой воли и не имевшей предела глупости, от пивного румянца, от жажды денег, от нежелания и боязни мыслить. Он тускнел и скукоживался, и уже только иногда, только в редких местах можно было увидеть то бездонное окно в космос и хаос одновременно. Говорят, стихийно складывались даже какие-то сообщества, пытавшиеся предугадать очередное появление подобных вечеров, их любимые места и закономерности. Но это было практически бесполезно, ибо вечера эти зависели в большей степени от состояния самих видевших, а за себя уже давно никто не мог поручиться. Однако группки этих людей частенько можно было видеть то на старых улицах, то где-нибудь на КАДе, то по берегам рек и каналов — в зависимости от того, какую теорию они исповедовали: старины, свободы или водного пространства.

В принципе, чаще всего вечера случались все-таки там, где им было за что зацепиться, чтобы поддержать свою зеленоватость. Кто-то рассказывал — и нет оснований, чтобы в этом сомневаться, как ни дико это выглядит — что один из таких вечеров случился над таксопарком; правда, в те времена, когда все такси, как гласила

старая логическая задачка[1], были зеленого цвета. Но, конечно, чаще они снисходили на островки садов и парков, особенно тех, где вопреки бессмысленным распоряжениям не сгребали и не жгли старую листву, и вечно меняющаяся душа растений не умирала, а, пройдя положенный круг, возрождалась со все большим опытом и мудростью. Именно поэтому же вечера случались и над заброшенными промзонами, где вольно жил неприхотливый бурьянный народец, травимый всем, чем можно, но зато в остальном предоставленный самому себе. И еще над пригородными автострадами, заросшими южными гигантами, которых не трогали из-за их буйного нрава и ядовитого отпора…

И сегодня зеленый весенний вечер медленно и печально плыл над старинным садом, не в силах покрыть его целиком, но задевая краем ряд домов на близлежащей улице. Четыре пары глаз жадно вбирали в себя все тончайшие нюансы света, густеющую пастель теней, прохожих, волей-неволей поднимавших головы и засматривавшихся на отчаянную бирюзу над ними. Все сразу начинало менять свой облик, пластику, запах, суть. Время исчезало, но заменялось не безвременьем, от которого за последние десятилетия все так безнадежно устали, а вечностью. Той вечностью, что была когда-то постоянной гостьей и даже иногда хозяйкой города, а теперь таилась лишь по углам музеев да обшарпанных черных лестниц.

Впрочем, если говорить честно, то каждая пара воспринимала лишь что-то одно из перечисленного, но, поскольку они все-таки были неким единством, то картина получалась вполне законченной. И они наслаждались, видя, как меняются не только улица, парк и люди, но и как растения, окружающие их лица, принимают, наконец, свой настоящий цвет и вид. Дубовые ветки наливались весомой охрой, желуди приобретали объем, плющ получал свою глянцевитость и гибкость, листья ирисов — тугое напряжение стрел, липы — бархатистую желтоватую нежность. Волосы еле слышно шевелились под дуновением вечера, и сверкали каски, отсылая к древним богиням.

Первая чуяла лишь запахи. Ей приходилось хуже всех, ибо только в подобные вечера она могла, наконец, дышать и теперь жадно вбирала воздух, пытаясь очистить себя от выхлопных газов, непонятной отравы, пропитывавшей все новые строения и замененные части старых, а, главное, той вони из причудливой смеси парфюма, пота и нечистых мыслей, что густыми слоями поднимались от шедших по улицам. Она уже почти забыла, как молодым вином пахнет первый снег, как сладко дымятся конские яблоки, и как, перебивая все, ползет к небесам аромат утренних белых калачей… Может быть, ей было тяжелее остальных еще и потому, что она знала: ничего не вернется.

И потому лицо ее, самое простое из всех, почти детское, с широким подбородком, невыразительным ртом и припухшими глазами, запоминалось меньше других, хотя и вызывало легкую грусть невозвратности.

Вторая была, наверное, самой пленительной, самой женственной;

[1] Все такси зеленого цвета. Эта машина зеленого цвета. Следовательно, эта машина — такси. Найдите логическую ошибку

стрелы ирисов не захлестывали, а лишь нежно обвивали шею, и листья плюща парили сзади, как крылья. Она видела пластику. А последняя, внешне изменившаяся, казалось бы, столь решительно, все же принадлежала к тем явлениям, что исходят от природы, и потому основа ее неизменна. Менялась высота каблука, ширина поясов, стиль женственный сменялся военным или спортивным, ускорялся темп, скакал ритм, но сквозь это наносное дышали живые органичные движения здорового тела. А дома по соседству по большей части оставались неизменными, и деревья, умирая, заменялись такими же. Конечно, ее печалили рывки автомобилей, давно сменившие грациозные движения лошадей, зато она радовалась полному исчезновению всевозможных разносчиков, так уродующих естественные движения. И вторая улыбалась полупогашенной улыбкой, опасаясь осуждения остальных.

Третья, чьей областью было обличье, его линии и цвет, на первый взгляд неотличимая от второй, являла собой полную закрытость. Но, чуть приглядевшись, можно было обнаружить, что растения душат ее, что лепестки, листья и стебли повяли и бессильно обвисли, что она давно ушла в себя, и лицо ее лишь маска. Но если было не поспешить и еще пристальней всмотреться, то становилось ясно, что за бесстрастной твердыней лица медленно течет жизнь, полная тайн и откровений. Что было ей внешнее, постоянно исчезающее и никогда не могущее исчезнуть окончательно? Внешнее, меняющееся ежедневно, если не ежеминутно, да и созданное лишь для того, чтоб меняться. Внешнее, обладающее фантастической возможностью, ничуть не меняясь в мелочах, измениться катастрофически полностью — и наоборот, казалось бы, изменившись во всем, остаться неизменным. Ничего не было обманчивей ее владений, и потому она имела полное право уйти в себя, чтобы там догадываться об истине. А истина почти всегда некрасива.

И, наконец, последняя несла самый тяжелый крест — она видела суть. Лицо ее под шлемом, являющим собой нечто среднее меж русским шишаком и античным пилосом, было почти неопределенно, вернее — неуловимо. Что-то от юного рынды иоанновских времен таилось в нем, а с другой стороны тлело в этом тяжелом лице жесткое и холодное сладострастие библейских грешниц. Дубовые ветки, в изобилии осыпанные желудями, придавали четвертой даже некую грубость, если бы не легкие, дымчатые, улетающие и уводящие в неземное глаза. Люди мало изменились со времен Платона или Гуса, опыт у нее был огромный, и, казалось, равнодушие должно давно и прочно лечь на точеные черты. Увы, ни прощение, ни смирение не читались в них — скорее, надменность и злоба. И еще власть — власть права имеющего. Может быть, она была единственной, кто не любил зеленые вечера, но все же она не обладала властью настолько, чтобы уничтожить их, навсегда убрать из северного города. И без них, без этого слабого напоминания о рае, о живой жизни все, наконец, встало бы на свои места и вокруг, как и положено, раскинулась бы ледяная пустыня без желаний, без чувств, без мук.

Все четверо жадно вбирали положенное каждой. Насколько еще

хватит их жизни здесь? Каждая чувствовала, что отведенное время подходит к концу, ибо сумасшедший ритм современной жизни отнимал у них с каждым годом все больше, совсем не так, как это было в былые времена. Скоро, уже совсем скоро шелуха времени полетит с миндалевидных глаз, чуть вздернутых или с горбинкой носов, уверенных или, наоборот, безвольных подбородков, чувственных губ и высоких лбов, напоминающих то младенца, то мудреца…

Уже совсем бел шлем у первой, не видно цветов в прическе третьей, серым пеплом подернуто лицо второй, и слепыми глазами смотрит лицо четвертой, не видящей и уже наполовину неживущей…

И, к огромному счастью всех четверых, они не видят и не знают, что рыжий журавль, живущий внизу и всегда бывший символом новой жизни, весны и обновления, если уж не говорить о родительских чувствах, заботе и нежности, давно превратился в диаграмму с двумя кривыми — спроса и предложения.

* * *

С улицы было жалко уходить: такие вечера в марте, без ветра, без снега, с высохшим под ногами асфальтом редки. Каждый проспект и даже переулок кажутся воротами в детство или, наоборот, в будущее, когда где-то в конце их загораются первые слабенькие городские звезды, и висит обрывком вуальки луна. А с некоторых пор к ним прибавилась со своим непрекращающимся новогодьем и мигающая телебашня, благодаря которой тем, кто не бывал в Париже, можно представить себя там. Впрочем, Париж есть и прошлое и будущее.

Тина зашла в Балтийские кондитерские, купила шоколадного хлеба, пирожных, и в очередной раз чертыхнулась выстроенной стекляшке на месте уютного скверика, в глубине которого стоял домик-сказка — мечта районных романтиков. Когда-то малышкой она сама мечтала жить под островерхой крышей и запирать вечерами высокие деревянные двери. Потом в эпоху якобы возможностей они с компанией едва не скинулись и не купили этот особнячок на двадцать человек, но здравый смысл, слава Богу, взял верх. И теперь Тина только с ностальгией посматривала на зеленый англизированный домик. Ностальгия была приятной, и потому уродливая громадина раздражала ее вдвойне. Жаль, что она стоит на шумном проспекте, а то под утро можно было бы с наслаждением кинуть камешек поувесистей. Тина как человек свободной профессии была экстремалкой.

Конечно, ни о какой настоящей свободе речи в наше время быть не может, но все-таки, в отличие от большинства своих знакомых, Тина могла не вставать в темноте, не стоять в пробках, не краситься, как проститутка, с утра, а спокойно высыпаться и работать в халате. Она была научным редактором одного из московских издательств, раскинувших свои сети по всей стране. В силу всеядности работодателя ей тоже приходилось иметь огромный круг интересов: от индейских войн до лекарственных трав. К тому же рабочая необходимость порой вынуждала ее посещать всякие славные места, вроде библиотеки Академии наук, редких малоизвестных музеев и всяческих профессиональных домов, оставшихся с

советских времен. Денег, разумеется, было не очень много, но жить можно, тем более что заграничные друзья слали массу одежды, косметику и даже драгоценности и сласти. Наступал тот возраст, когда отовсюду несутся песни твоего подросткового возраста — признак того, что большинство постов в этом государстве уже занято твоими сверстниками.

Не очень веря в успех, Тина позвонила двум своим ближайшим подругам, ибо и вправду жаль было заканчивать этот вечер просто так, проверкой почты и ванной с книжкой. Но, видимо, этот прозрачный, пьянящий вечер держал на поводке не только Тину, но и многих других жителей, с рождения привыкающих, что все здесь сиюминутно и обманчиво, и надо уметь пользоваться мгновеньем.

Поэтому через час в старинной, но после капремонта Тининой квартирке на одной из тихих, перпендикулярных проспекту улочек свет горел повсюду.

— Каждый раз тебе завидую, Тинка, — открывая ламбруско, смеялась Лиза. — Прям тебе музей: тут Альсан Альсаныч возвращается домой из первого своего большого романа, в снегу, в помятом домино[1], тут несут свою божественную заумь новые реалисты[2], тут академик переживает блокаду[3]…

— У тебя же, конечно, пустыня галилейская! — ревниво вздохнула Шуретта, жившая в новостройках Васильевского и неизбежно завидовавшая подругам из центра. Впрочем, определение «неизбежно» все-таки лживо: давно выросло несколько поколений, предпочитающих псевдосвободу и зелень окраин и пребывающих в полной и непоколебимой уверенности, что люди везде одинаковы. На любые же возражения и предложения открыть глаза и увериться, что молодежь Васильевского разительно непохожа на жителей Охты, или старушки около Таврического имеют мало общего с бабками Ульянки, они укоряют оппонента в чудовищном снобизме и глупости. Разумеется, Шуретта принадлежала к другой партии и всеми способами пыталась перебраться в старый район.

— А разве нет? Только и слава, что место! Ах, придворные певчие, ах, Главный штаб! Они коммуналку не изменят.

— А, между прочим, правда, что если положить на ведро с водой лучинки крест-накрест, то вода не расплескивается, — возвращаясь к благополучно перезимовавшему академику, заметила Тина. — Сама проверяла.

— Ты, кстати, забыла еще про знаменитый кабак с синими кораблями на кафеле[4], — опять вмешалась Шуретта, ценившая окружающее больше подруг, как любой человек всегда ценит больше то, чего не имеет.

Словом, разговор вертелся не вокруг телевидения, тенденций моды на будущее лето или детей, а вокруг реминисценций и аллюзий, так или иначе постоянно возникающих

[1] Дом Блока по Лахтинской, 3, где была написана «Снежная маска».

[2] Дом по Гатчинской, 3, где собирались обэриуты.

[3] Дом на Лахтинской, где жил в годы блокады Д.Лихачев.

[4] Ресторан на углу Чкаловского и Большой Зелениной, описанный в пьесе Блока «Незнакомка».

в образе мыслей людей образованных, родившихся и проживших всю жизнь в огромном городе, полном мифов и духов. Можно быть почти уверенным, что значительная часть людей, живущих и чувствующих с неизбежной оглядкой на эту малоприятную тяжкую мифологию, с удовольствием избавилась бы от нее или променяла на что-нибудь повеселее. Например, на вполне, наивные хтонические московские страшилки, или на волшебные цветисто-восточные истории Казани, или, на худой конец, на здоровое доброе многобожие деревень. Но, увы, нет им выхода из порочного круга петербургских големов, ибо сами они во многом суть не что иное, как порождение этих химер. Со временем к этому обстоятельству привыкаешь и даже находишь вполне комфортным, ибо сознание того, что ты есть только призрак, освобождает от многого и облегчает жизнь. Это другим трудно здесь, они задыхаются в реальных и метафизических миазмах и даже сходят с ума, но истинным порождениям болота жить привольно, и они сетуют лишь для приличия да по привычке.

Причем самыми подлинными носителями этого порочного мироощущения являются совсем не те, кто гордо его декларирует, а, скорее те, кто и не думает о нем, не считает себя каким-то особенным, а просто живет в фантасмагории снов, преданий, слухов, убеждений и оживших камней.

Обсуждение последних литературных новинок, сроков раскрытия немецких и английских архивов в отношении полета Гесса и грядущей выставки шотландских борзых вкупе с парой бутылок итальянской шипучки вполне закономерно привело к разговору о мужчинах, без которого не обходится ни одна дамская встреча.

Все и у всех обстояло ни шатко ни валко. Семейные ценности давно потеряли былое значение, замужество было даже как-то смешно и вульгарно, оно годилось для юных дурочек или незамысловатых теток, а дети в свете грядущего школьного маразма составляли перспективу весьма туманную. Вокруг то тут, то там постоянно присутствовали пары, для которых рождение ребенка только уменьшало средний возраст, дававший шанс уехать хоть к черту на кулички, если не в Канаду и не в Австралию. Не больше. Это коробило. А с другой стороны нынешнее сопливо-восторженное отношение к детям у людей попроще тоже вызывало отвращение.

— Только вчера еле выдержала восторженный рев по поводу появления младенца у одной моей родственницы, — скривилась Лиза. — Девка ненамного нас помладше, решила родить для себя, сучка, а теперь поставила на уши все семейство.

— И они же еще умиляются над бастардом. Картина знакомая, просто Катюша Маслова, — хмыкнула Тина, и только Шуретта вздохнула:

— Я все-таки считаю, что материнство — талант. А вот нет у меня такого, и нечего в это лезть. Лучше уж о мужиках…

Но и с мужчинами было не лучше. Когда-то яркая, жестокая и красивая борьба полов выродилась в вялое противостояние, ленивое поругивание сторон и бесплодные сетования. Увлечься по-настоящему стало практически невозможно, да и какое там увлечение, когда ВКонтакте пользуется успехом незатейливое приложение

под названием «Я бы вдул» и списочком предпочтений. Из собственных друзей и подруг, разумеется.

— Шутишь?! — ахнула Шуретта, не пользовавшаяся Контактом, потому что работа заведующей библиотекой не оставляла ей времени на личную жизнь даже в сетях. Сочетание перфекционизма с несколько простодушным обаянием позволяло ей добиваться успехов на работе; библиотека ее была одной из лучших, стараниями Шуретты превращенная из заурядного хламовника в современный медиа-центр. Но то же сочетание оборачивалось против нее в отношениях с полом противоположным. Во всяком случае, даже ближайшие подруги еще со времен общей работы на Пятом канале ничего не слышали о ее романах и даже почти ничего не подозревали. Вьющаяся копна то лежала на Шуреттиной головке мальчишеской шапочкой, то струилась локонами, но выдержанность костюма и косметики оставалась неизменной всегда.

— Какие уж шутки… Вот страна импотентов во всех смыслах! Неужели примера Европы мало?! — зло воскликнула Лиза, и длинные прямые волосы ее метнулись сердитой птицей, едва не уронив недопитый бокал. Лиза была хороша, властна и богемна, объездила полмира, но, к ее тайному неудовольствию, не с собственными выставками, а просто туристкой. Впрочем, выставок ей хватало на родине, и ее батики, одновременно воздушно-невинные и порочные, не только ценились знатоками, но и охотно раскупались понимающими иностранцами.

— А что ты злишься? Помнишь, мы еще на ТВ говорили, что через энное количество лет мы станем страной урнингов. Грустно, конечно, но радуйся, что на наш век еще хватило. — Тина, единственная из всех, была несколько раз замужем и имела сына, изначально жившего и воспитывавшегося у родителей в Москве, а потому смотрела на проблему несколько свысока.

За окнами мчались уже ночные тени от проезжающих машин, и заливистые собачьи диалоги на площадке напротив говорили о том, что время близится к полуночи. Как положено, кое-где слышались и младенческие рыданья обезумевших котов. На столе появилась текила.

— Черт, сегодня же часы переводят!

— Да, все мы бедные золушки, у которых крадут час бала, и мой мондео превратится сейчас в тыкву!

— А твои батики — в половые тряпки!

— Библиотека в сарай, а мои тексты… Да, во что же превратиться моим текстам? — Стопки дружно хлопнули по столу, но тексты так и не желали превращаться ни во что.

— С текстами неувязка. Что есть противоположность тексту, а?

— Художественному?

— Да любому. Ну, пусть даже научному. Что вообще есть противоположность произведению искусства? Небытие?

— Значит, мои батики ты за произведения искусства не считаешь?

— Считаю, считаю, но, к несчастью, здесь уж слишком наглядная противоположность. А вот Врубель, например, или… «Илиада»?

Стопки хлопнули еще раз, но на этот раз стук получился глухим, и словно в ответ ему кот адски заверещал где-то прямо на карнизе.

— Послушайте, а ведь у нас есть редкая возможность, — тихо проговорила Шуретта, — возможность проверить, во что превращается текст. Мы выпадаем из жизни на этот час. Нас как бы нет — и потому все возможно. Правда? — Она подняла свои зеленые глаза и встретилась с черными и серыми, в которых догорал сегодняшний вечер.

— Правда.

И Тина вышла в гостиную. Она не включила свет, и комната освещалась только одиноким фонарем собачьей площадки. Его покачивал ветер, тень двигалась волной, выхватывая знакомые предметы, но делая их совершенно незнакомыми. Вокруг собственной, никак не связанной с ней жизнью, жил чужой неизвестный мир. Тогда, как в детстве, Тина зажмурила глаза, обернулась несколько раз, чтобы потерять ощущение пространства и, как слепая, шагнула к книжным полкам.

Но не успела она привычно занести руку, как раздался звонок. Вопрос о том, кого бы могло принести в такое время, перед Тиной давно не стоял, ибо ее дом еще со времен работы на Пятом канале был проходным двором — конечно, в лучшем смысле этого понятия. Прийти мог кто угодно. Она вышла в прихожую, успев заметить, что до двенадцати остается еще несколько минут.

На пороге стояла Лидия, соседка с пятого этажа. Ей было, вероятно, под пятьдесят, но яркие молодые губы и прекрасная фигура, не говоря уже о жадности к жизни, делали ее внешне много моложе. Она работала научным сотрудником в Пенатах, и свежий влажный ветер залива всегда словно играл в ее волосах и глазах трудноперенесимой синевы.

— Экая ночь, — улыбнулась она и протянула бутылку какой-то французской кислятины. — Трудно усидеть дома одной — примешь?

Тина с большой симпатией относилась к Лидии, порой даже завидуя ее смелости в отношениях с людьми и остаткам той романтичности, что уже не досталась на долю их поколения. И словно в ответ, Лидия вздохнула:

— Мы, девочки конца семидесятых,
А, может, даже середины их,
Мы уже знали, что ничто не свято,
Но еще дерзко верили в святых…

Кто у тебя?

— О, всего лишь Шуретта с Лизой…

— А, три девицы — неужели гадать собрались?

— Ну, практически…

— Дело святое, — усмехнулась Лидия. — Тогда вино потом, пошли.

Уже вчетвером они, не включая света, вошли в гостиную, бывшей одновременно и столовой, и библиотекой, и спальней для гостей. Темные корешки мерцали по стенам, вспыхивая от огней проезжавших машин.

— Крутанемся? — как в детстве предложила Шуретта, и едва ли не взявшись за руки, четыре фигуры завертелись, задевая руками друг друга и хохоча. — Давай!

И четыре руки почти одновременно потянулись к разным полкам, наугад выхватывая тома.

Часы пробили двенадцать.

* * *

Они вернулись на кухню осторожной цепочкой, неся выпавшее, будто спеленутых младенцев.

— Гаси свет, и окропим, — распорядилась Лиза, и черное в темноте вино полилось в узкие бокалы. — Ну, кто первый?

Однако почему-то никто не спешил, баюкая на груди разношерстные книги, и молчание становилось уже тягостным, словно они были нашалившими детьми, прекрасно знающими, что поступили дурно. Но ведь это смешно, и не бросать же игру посередине!

— Ладно, я, — сдалась правильная Шуретта, социализированная в силу профессии больше всех и сильнее всех привыкшая подчиняться правилам. В руках у нее была очень маленькая и тоненькая книжечка, зато изданная на удивленье изящно. Шуретта подошла к окну и в косом свете уличного фонаря старательно, как лучшая ученица на показательном уроке, прочла:

В слепые ночи новолунья,
Глухой тревогою полна,
Завороженная колдунья,
Стою у темного окна.

Стеклом удвоенные свечи
И предо мною, и за мной,
И облик комнаты иной
Грозит возможностями встречи.

В темно-зеленых зеркалах
Обледенелых ветхих окон
Не мой, а чей-то бледный локон
Чуть отражен, и смутный страх

Мне сердце алой нитью вяжет.
Что, если дальняя гроза
В стекле мне близкий лик покажет
И отразит ее глаза?

Что, если я сейчас увижу
Углы опущенные рта
И предо мною встанет та,
Кого так сладко ненавижу?

Но окон темная вода
В своей безгласности застыла,
И с той, что душу истомила,
Не повстречаюсь никогда.

— Оптимистично, черт возьми! Прямо Лесбос какой-то! — рассмеялась Лиза, но было видно, что смеяться ей вовсе не хочется, и что-то тоскливое повисло в воздухе маленькой кухни. — Ладно, надеюсь, мне достанется повеселее.

Алая книга взмахнула крылом обложки с характерным осликом росписи в углу.

У очень многих людей есть «обезьяны». Возможно даже, что есть своя у каждого, мало-мальски недюжинного, только не часто их наблюдаешь вместе. Я говорю об «обезьяне» отнюдь не в смысле подражателя. Нет, но о явлении другой личности, вдруг повторяющей первую, отражающей ее в исковерканном зеркале. Это исковерканное повторение, карикатура страшная, схожесть, — не всем видны. Не грубая схожесть. На больших глубинах ее истоки. Как будто и не похожи? Нет, похожи. Обезьяна — уличает и объясняет…

— Этого еще не хватало, — одернула Лиза сама себя и захлопнула книгу с неприятно гулким звуком. За окном снова отвратительно заорал кот, но его никто не поддержал, и пронзительное мяуканье обиженно смолкло. — Теперь вы, Лидия. Оставим хозяйке честь закрыть эту бесовщину, а заодно и что-нибудь разъяснить.

Лидия спокойно вышла из-за стола, где задумчиво слушала предыдущие отрывки, и так же неторопливо, спокойно раскрыла дешевый том в мягкой обложке, какие многотысячными тиражами издавались в начале девяностых. Голос Лидии был глух и ровен:

Самое ценное в нас — наши страсти, наши мечты… Жалок тот, кто отрекается от них! Из страха общественного мнения, из чувства долга

перед близкими, из любви к детям и семье мы все топчем и уродуем наши души, вечно юные, вечно изменчивые., где звучат таинственные и зовущие голоса… Только эти голоса надо слушать! Только им надо верить… Надо быть самим собой! О, не думайте, что это так просто! Берегите свой протест! Уважайте возмущение! Не поступитесь своей мечтой и желанием ни из страха, ни из долга, ни из состраданья!

— Наивный феминизм! — снова фыркнула Лиза, но ее будто никто не услышал.

— Может, все-таки не стоит дальше? — сделала попытку Шуретта.

— Да уж ты молчи, тебе и так попалось самое невинное. Ну, сейчас нас Тинка добьет!

Тина действительно встала так, чтобы черная книжка в ее руках была видна как можно меньше, но три серебряные розы на корешке все же явственно читались под пальцами.

И все, кого сердце мое не забудет,
Но кого нигде почему-то нет…
И страшные дети, которых не будет,
Которым не будет двадцать лет,
А было восемь, а девять было,
А было… — Довольно, не мучь себя,
И все, кого ты вправду любила,
Живыми останутся для тебя.

— Конечно, Тинке, как всегда… — но голос Лизы оборвался, не договорив. В коридоре запищало радио. — Не может быть… Шесть часов?!

Но в окне уже разливалось предчувствие рассвета. Недопитое вино потускнело и обесцветилось, но зато губы у всех четверых запунцовели и налились. Все четверо стояли, сгрудившись у окна и не зная, что теперь делать и как себя вести; было и стыдно, и сладко, и даже страшно. На смену котам снова пришли ранние собаки на площадке напротив. Но никто так и не решался нарушить это странное оцепенение.

— Глупости! — наконец взмахнула кудрями Шуретта. — Чего только не напридумываешь в ночь равноденствия…

— Знаешь, все уже напридумано Михаилом Афанасьевичем. Да и многими прочими…

— Простите, девушки, но я пойду, у меня какие-то немцы приезжают сегодня в Куоккалу, а они дотошные, черти, и пунктуальные, сами понимаете. Спасибо за милую ночь, Тина. — И Лидия первой вышла из кухни, но в еще молодой линии ее спины вдруг четко обозначилась усталость времени.

— У меня выходной, я у тебя ночую, то бишь утрюю, — поспешила занять единственное ночлежное место Шуретта, а Лиза промолчала, но решительно достала ключи от машины.

— Глупы вы, как овцы. Пока.

Утро обещало быть морозным и злым.

Ольга Денисова

ИЗБРАННИКИ ГНЕВНОЙ ПЛАНЕТЫ

«Избранники гневной планеты» — один из итогов семинара Дмитрия Вересова в рамках Новой Малеевки. Семинаристы получили задание написать рассказ на тему «Полдень, XXIII век», который начинался бы со слов «Она проснулась от утренней эрекции…» — размышление о нивелировке полов в будущем?

Ауне проснулась от утренней эрекции Олафа — и испугалась. Испугалась повторения того, что было ночью.

Олаф теснее прижался к ее спине, провел губами по волосам, шершавыми пальцами сдавил измученную, ноющую грудь. Нет, не сильно — нежно, хорошо. Дохнул в ухо неуверенным, дрогнувшим выдохом…

Оранжевое солнце, будто раздвинув мягкие губы полосатых туч на горизонте, пронзило пространство плотным пучком лучей, осветило замершую над брачным ложем статую Планеты. Долгий полярный день шел к концу, Ледовитый океан тяжело бил волнами в высокий берег, бирюзовое небо раскинулось над головой.

Тело замирало от страха перед новой болью, но Ауне повернула лицо к Олафу, приподнявшемуся на локте, и улыбнулась — наверное, получилось жалко, вымученно. Милый Олаф… Его взгляд, полный вожделения, был и умоляющим, и испуганным, и решительным — он не смел требовать, и не умел вызвать ответное желание, и сдержать своего не хотел. Он так долго ждал этого дня…

Ауне еле заметно кивнула, и счастье вытеснило страх перед болью.

* * *

— Олаф, а если он умрет?

— Кто? — сонно спросил он.

— Наш малыш.

— Вероятность семьдесят шесть с половиной процентов, — пробормотал Олаф. — В нашем поколении.

Он был очень умным, не только отчаянным и сильным. Во всяком случае, Ауне так считала.

— Тебе его не жалко?

Олаф не ответил — вздохнул снисходительно.

Она еще не знала, смогла ли зачать, но мысль о смерти ребенка кольнула остро, до слез. Раньше это ее не трогало, она знала, что большинство ее детей умрет сразу после рождения, останутся те, кого выберет Планета, кто сможет дышать воздухом сам. У ее матери в живых осталось двое детей из двенадцати рожденных, у матери Олафа — двое из восьми.

В допотопные времена вулканы не выбрасывали в небо столько пепла и углекислоты и все дети рождались способными дышать — Ауне с тоской подумала о том, что не родилась раньше, до потопа: тогда бы ее нерожденный малыш выжил. И устыдилась своих мыслей. Они гипербореи, потомки тех, кого выбрала сама Планета — гневная Планета, — кого она оставила в живых, когда суша погружалась в океаны, не сожгла лавой, не разбила чудовищными волнами, не отравила углекислотой, не засыпала пеплом…

Ауне посмотрела в лицо статуе — не только гневная и немилосердная, но и дающая, родящая…

— Пожалуйста, выбери нашего малыша, — шепнула Ауне одними губами. — Пожалуйста!

Задремавший было Олаф прыснул:

— Молишься Планете?

Ауне смутилась, а он высвободил руку из-под ее плеча, легко поднялся на ноги и развернул широкие плечи — наверное, ему надоело валяться.

— Мы — гипербореи. Мы не должны просить.

— Почему? — спросила Ауне, испугавшись вдруг за него, за его дерзость и самоуверенность.

— Потому что Планета помогает сильным.

— Но ведь это от нас не зависит…

— Это не зависит от нас сегодня, сию минуту. А через триста лет дети не будут умирать. А может, даже раньше.

* * *

Благословенна теплая и солнечная гиперборейская весна, и благословенна Восточная Гиперборея, страна счастливых и сильных людей, что, подобно своим легендарным предшественникам, живут в труде и веселье, не зная раздоров и смуты.

Ауне казалось, что родила она легко, хотя солнце обошло по небу целый круг с той минуты, как она ощутила первую схватку.

Ребенка сразу унесли, не позволив ей и взглянуть на него, — она слышала только, что родился мальчик. И Ауне хотела бежать на берег океана, туда, где Планета сейчас решит, останется ли ее сын в живых. Быть рядом с ним, помочь ему — хотя бы своим присутствием… Но врач долго накладывал швы, слишком долго…

Красное полуночное солнце замерло над океаном, у самой его кромки, расцветило небо в сумасшедшие цвета, от ясной зелени до зловещего густого багрянца. Ауне нетвердо поднялась на ноги и, ступая узко и осторожно, направилась к берегу.

Она никого не встретила. И все стало ясно давно, хотя бы потому, что не слышно было ни приветственных радостных криков, ни детского плача. Хотя бы потому, что ей не принесли младенца. Все было ясно, и тешиться надеждой Ауне не стала. Она всю зиму представляла себе этот страшный миг, просыпалась в холодном поту, прижимала к животу руки, гладила и ласкала неродившееся дитя, ужасаясь тому, что может его потерять. И теперь, когда это произошло, ощутила не острую боль, а тяжесть, придавившую ее к земле. Может, виной тому усталость?

Тишина и безветрие, полночное солнце и неподвижная Планета с гордо поднятой головой. Ауне посмотрела ей в лицо без осуждения и не сразу заметила сжавшегося, скорчившегося у ног статуи Олафа — маленького, уязвимого рядом с ее могуществом.

У него тряслись плечи. Ауне никогда не думала, что Олаф может плакать. Она опустилась возле него на колени и провела рукой по его спине. Он всхлипнул и вскинул мокрое от слез лицо с опухшими губами.

— Это был мой сын… — сказал он полушепотом.

Ауне не смогла улыбнуться, только погладила его снова — рука была деревянной, негнущейся, дрожащей — и сказала ломким, как сухая трава, голосом:

— У нас будут еще дети. Еще много детей.

Микрорассказы

Между Ь и Ъ

* * *

На излёте века
взял и ниспроверг
злого человека
добрый человек.
Из гранатомёта
шлёп его, козла!
Стало быть, добро-то
посильнее зла.

* * *

Покажите-ка грядущее...
как-то сшито бестолково...
и расцветочка гнетущая...
А другого никакого?

* * *

Добро не выстроит хором,
не выслужит жезла́,
не назовёт себя добром —
в отличие от зла.

Куда б тебя ни завело,
на сходку, на погром,
пойми, что зло и только зло
зовёт себя добром.

* * *

А ты представь, что этот мир
никто не создавал.
Торчит какой-нибудь кумир —
Перун или Ваал.

Его уста обагрены,
прищур неумолим —
и никакой на нём вины
за то, что мы творим.

* * *

Когда во храме Артемиды
вдруг обнаружится растрата,
взамен служителей Фемиды
разумней вызвать Герострата.

Народ — о космосе

(декламируется задумчиво)

Космонавт летить,
мать его етить...
Ну, лети-лети,
мать твою ети...

Частушка

Прилетит метеорит,
о планету грянется.
Всё, естественно, сгорит,
а Чубайс останется.

Евгений Лукин

Анна Самойлова

КИКОНА

— А с вами бывало так, что в полутёмном переулке вы вдруг чувствуете страх. Резко оборачиваетесь. И видите только свою тень? — с интересом поглядывая на меня, спросил худенький мужичок в сером пальто и в кепке. Очень худенький.

— Ну и что? — ответила я.

— Вот! — он победно поднял вверх указательный палец.

— Что вот?

— Вот вам и доказательство.

— Доказательство чего? — спросила я и внимательно посмотрела на него.

— Доказательство существования киконы! Я про них всё знаю. Незадолго до нашей с вами встречи одна такая выползла из тени и цапнула меня за ногу. Вот, даже след от зубов остался, — и он гордо продемонстрировал свою голень с отпечатками зубов.

Я посмотрела на его ногу и подумала: «Это же надо быть таким худым» — а вслух сказала:

— Вам, наверное, очень повезло. Судя по отпечаткам.

— Я сбежал от неё. О, эти киконы — коварные твари. Прячутся в вашей тени, потом, в самый неожиданный момент, выползают и трансформируются. И тогда всё. Каюк. И не подавятся.

— Похоже, вам очень повезло, — попыталась я прервать его, но мужичок разошёлся:

— Гнуснейшие, я вам скажу, твари эти киконы. А какие у них зубы… Жуть! А чешуя… А шипы на хвосте… А какие приобретают формы! Иной раз и не сразу узнаешь…

— Вам. Очень. Повезло.

— Если бы не тututры, они давно бы расплодились. Милейшие тututры. Такие пушистенькие, симпатичные, а вот с киконами справляются запросто…

Тут я не выдержала и… Я ведь с ним хотела пообщаться. А он? Тututры ему, видите ли, пушистые и милейшие. Да гнуснее тварей не существует! Того и гляди, вцепятся в тебя зубами. И кикон поносит. Знает, видите ли, про них всё. По-моему, так они само очарование. И зубки ничего так… Симпатичные зубки. И шипы на хвосте один к одному. Ровненькие. И чешуя приятного оливкового цвета.

Брр! Очень худенький был мужичок. И тень его слишком маленькая. Спрятаться как следует негде. Киконы ему, видите ли, не нравятся. Это он мне не понравился. Сбежал! Ха! Одни кости…

Я потянулась, трансформируясь. Приближалась новая тень. Хорошая тень. Большая.

Анна Агнич

БЮРО НАХОДОК

Я — женщина. Очень и очень женщина: тайны и очарования во мне — с ума сойти сколько! Впрочем, в других тётках не меньше, если всмотреться, как следует. Да и в мужчинах этой самой тайны полно, просто мода такая в нашей культуре — толковать о женской загадочности. Мужчины и женщины, они вообще-то довольно похожи, только мужчин жальче. Почему? А вот жальче — и всё.

У меня четверо детей: два мальчика и две девочки. Мальчики настоящие, девочки воображаемые. Мужей двое: один — домосед и книгочей, питался одним бы кофе без сахара, если б я ему позволила. Второй, напротив, сибарит и жизнелюб, за каждой юбкой волочится, зараза этакая. Был бы настоящим, не приняла бы его обратно после первой же! Впрочем, кто знает, как оно было бы с настоящим. А с этого, с Васи моего, и вовсе взятки гладки.

Я его давно выдумала, сразу после школы, когда подруги стали замуж выскакивать. Воображаемый муж — сплошной праздник: ни быта тебе, ни забот. Сочинила я его и думала: никто другой мне не нужен ни в жисть. А тут настоящего встретила — и всё.

— Прости-прощай, Васенька, не поминай лихом!

А он даже, вроде, обрадовался:

— О! Я как раз мечтал мир посмотреть, по Африке пошляться, мне ж билетов не нужно на самолёт. Только ты обо мне вспоминай почаще, чтоб я не истончился и не сошёл на нет.

С той поры, как солнцу заходить, поднимаюсь я в каморку на чердак и сижу, закатом любуюсь, о Васе думаю, чтобы он не истончился и не исчез. Семья уже знает: на закате мне мешать нельзя — это моё время. Из чердачного окошка далеко видать, красота сказочная! Вот что-что, а небо с облаками я никогда не выдумываю, у меня на такое просто не хватит фантазии.

Поскучала я о Васе сколько-то времени, а там родился у нас с настоящим мужем сын. Я хотела сразу ещё ребёнка, чтобы вместе росли, да не вышло по-моему. Ну вот, живём втроем, вроде всё хорошо, мальчик славный подрос — а грустно мне, особенно по вечерам. Плачу без причин, на мужа сердиться стала, я всегда хотела много детей, а если не много, так хотя бы четверых.

А тут Вася вернулся, настранствовался. Стали мы с ним закаты встречать. Ну что сказать? Родила я ему девочек-близняшек. С воображаемыми детьми никаких хлопот: ни пелёнок тебе, ни болезней — если, конечно, воображение у вас здоровое.

Года не прошло, тут и настоящий сынок родился! Так бывает: усыновят ребеночка, сразу же свой появится. И стало у меня всё, как я хотела: четверо детей и любимый муж. Даже два.

И работы у меня тоже две — ну, это само собой, это вы уже догадались,

да? О настоящей особо рассказывать нечего, а вот выдуманная просто сказочная! Я бюро находок держу, к этому делу у меня с юности талант: посетитель только на порог, я уже знаю, какая вещь его и где её искать.

Приходит бабушка согнутая, из-за прилавка еле видна. Палочку потеряла. Смотрю: нет, не приносили. Зато есть от другой старушки палка. Другая старушка уже год в кресле катается, ей без надобности. А бабушка упрямая попалась, ещё и спорит:

— Нет, эта не моя! У моей вот тут сучочек был и изгиб не тот…

Палка напряглась вся: а ну не возьмут? Она же как человек, плохо ей без дела и компании хочется.

— Возьмите-возьмите, она вам от хорошего человека достаётся. Ну как, удобная?

— Ой, удобная! Пожалуй, не хуже прежней будет.

Ещё бы! Палке этой двести лет, и все её хозяйки долго жили: хорошая палка, заботливая. Но только женская, мужчин она не понимает.

И всё бы хорошо, да только подросли мои девочки — и затосковали. Никто с ними не водится, даже не замечает их никто. Воображаемых людей одни младенцы видят, да кошки с собаками — вот и вся компания.

Пришёл как-то наш черед у себя семейный праздник устраивать. Семья, чтоб не сглазить, большая, если с двоюродными. На лужайке перед домом шум и гам, дети носятся, в пятнашки играют. Только девочки мои сидят на траве под деревом и грустят.

Я на всю компанию чай в большой кастрюле кипячу — на такую ораву никакого чайника не хватит. Настоящий муж над шашлыками колдует, воображаемый туда-сюда фланирует, на женщин поглядывает. Весь в белом, шляпа набекрень, такой импозантный, прям куда! Смотрю: о, уже какая-то тётка его вдохновила. Вообразил он себе качели, на них две грудастых пастушки в кринолинах. Качаются и хохочут-заливаются! А Вася мой шашлычок им подносит, в усы ухмыляется, ну точно котяра на задних лапах. Ну, думаю, погоди, на закате я тебе устрою!

В это самое время бабуля моя на веранду выскочила, воду из-под сосисок вынесла. Стала у перил: над кастрюлей пар облаком, белые космы торчком, папироса во рту, глаза от дыма щурит — ну не старуха, а вулкан перед извержением. Бабуля у меня замечательная, в юности, между прочим, ворошиловским стрелком была. Прицелилась она хорошенько, да горячую жирную воду на моего Васю и выплеснула. Я аж вскрикнула! А гости — они же не видят, что случилось, они удивляются: чего это я? Васе, конечно, ничего не сделалось, а вот костюм ему придется новый сочинять. И шляпу тоже. Пастушки, на это дело глядя, так развеселились, что от смеха с качелей попадали. Барахтаются в юбках, вопят, бранятся, друг друга поднимают, поднять не могут. Собаки подбежали, в кучу малу кинулись, весело им. Тут и меня смех разобрал. А бабуля моя глянула так, что веселье в момент пропало, и говорит:

— Идём, доча, покурим.

Я не курю, это шутка у нас такая — ещё с тех пор, как бабуля жива была. Отошли мы за дом, чтобы гости не думали, что я сама с собой разговариваю. Бабуля села на бревно, ногу на ногу закинула, пепел стряхнула со своей беломорины. Сидит, такая

стильная, строгая, ехидная. Ох, как же я по ней соскучилась! Затянулась она, дым папиросный в две струи выдохнула, чисто тебе дракон, и говорит:

— Не дело это, доча. Надо девочек отпустить. У них же души настоящие, им дальше идти, куда назначено. А ты поймала их и держишь при себе.

Меня как стукнул кто.

— Ба, как же я? Я без них не смогу…

— Сможешь. И этого, фигляра твоего, что весь в белом, гони взашей!

Тут уж я не выдержала:

— А тебя? Тебя тоже нельзя воображать?

Бабуля сходу в крик:

— А ты меня с кем попало не равняй! Ишь, какая, нашла ровню… Я до Берлина, между прочим, дошла!

Я же говорю, характер у неё после смерти совсем испортился.

И вообще, если вы думаете, что с воображаемыми людьми легко, вы сильно заблуждаетесь. Выдуманная жизнь на настоящую похожа, только не расскажешь о ней никому. Сразу подумают: свихнулась тётка. А я, между прочим, поздоровей других буду. Все люди свою жизнь сочиняют, все до единого — никто друг друга настоящим не видит! Только у них вперемежку реальность и выдумка, а я умею разделять. Вот и вся разница

К вечеру разъехались гости. Поднялись мы с Васей в каморку на закате, дочек уложили, сидим, грустим: он моё настроение сразу чувствует. Я забыла даже ему за пастушек хвост накрутить.

— Ох, Вася-Васенька, что же я без наших девочек делать буду?

— Что-что… скучать! Да ладно, воображаемые дети — не настоящие. Привыкнем. Переживём вместе как-нибудь.

— Так ведь и тебя надо, того… отпустить? У тебя же тоже, ну, эта… душа.

— Вот меня не надо. Как ты помрёшь в своё время, так я уж сам отпущусь.

— Ну смотри, Васенька, твоё решение, ты взрослый человек.

Обняла я его, по голове погладила. Обернулась на дочек взглянуть, а их и нет уже, постель пустая, подушки смятые. Как же это? Зачем так сразу? Едва подумать успела — и всё, и нет моих девочек? Теперь что хочешь делай, хоть плачь, хоть вой, а не вернёшь, Теперь они уже далеко. Отпустила так отпустила.

Утром после праздника в доме тихо и пусто, только ветер во дворе бумажные стакашки перекатывает. Я младшего в садик забросила — и бегом на работу.

Есть у меня в бюро находок детская, там игрушки сидят, хозяев ждут. Только за ними редко приходят. Как срок выйдет, я их в детдом отношу: им там весело, когда обвыкнутся, их там любят. А пока я их развлекаю как могу, своих детей поиграть привожу — всех четверых… ох, нет, теперь уже не четверых, забрали моих девочек.

Вошла я в детскую, игрушки обступили, в глаза заглядывают: не за ними ли пришли? Пищат, жалуются: у кого лапка оторвана, у кого глаз не открывается, кто просто по голове погладить просит. Я пришиваю, чиню, жалею. У самой душа заходится, так бы и заревела над ними, а нельзя: чуть слезу покажи, они до неба вой поднимут, не уймёшь потом.

Но если приходят за кем-то хозяева, это такая радость, такой праздник… А тем, кто остался, тем, конечно, грустно. В такие дни мы с ними чай пьем из кукольной посуды. Я тогда настоящему мужу звоню, предупреждаю, что задержусь на часок. Воображаемому звонить не нужно, он обо мне всё знает и так.

Вот так я и живу: не хуже других и не лучше. Но иногда по ночам ко мне приходят игрушки. Обступают, дёргают за подол — и пищат, и бубнят, и бормочут. Я закрываю ладонями уши, но всё равно слышу их голоса:

— Ты уверена? Ты не спутала? Ты точно знаешь, какая жизнь настоящая, а какая понарошку?

Я уверена, я не спутала, я точно знаю. Но просыпаюсь и уже не сплю, боюсь опять увидеть тот сон. Набрасываю платок на лампу — мужу в глаза не светить, и читаю себе до утра. У меня на такой случай всегда книга припасена, чтобы не думать. Потому как мало ли что может нафантазировать женщина, лежа без сна в темноте.

Евгения Данилова

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

— Смотри, — Пашка показал соседу по парте стебелек с тремя листиками, — мятлик заговоренный. Желания исполняет!

— Заливаешь! — Юрка фыркнул, но тут же поинтересовался: — А загадать-то что хочешь?

— Начальником быть. Чтобы не таким, как вы все, а с портфелем. И работать за границей!

— Петров! — голос учительницы прозвучал, словно гром среди ясного неба. — Опять болтаешь!

Пашка торопливо дожевывал листья, шепча слова наговора.

Грянул гром.

Уже настоящий…

— Ваше рабочее место, Павел Васильевич. Перерыв на ленч в двенадцать сорок пять, пятнадцать минут, просьба не задерживаться.

В зале, разбитом прозрачными перегородками на крохотные клетушки, трудились одинаковые люди.

— А я пойду. Кстати, слышали, сегодня у вас в Союзе человек в космос полетел? — помощник офис-менеджера показал газету. С первой полосы улыбался Юрка.

Ника Батхан

ВЫХОД В ЛЮДИ

Рецензия на трактат М.Седого «Двери в лето»

Мифология — сладкая штука. Берем, к примеру, фиалку — скучнейший цветок, растущий в любом лесу. Называем её Виолетта, придумываем легенду, как беспечная дева задремала на летнем лугу, женолюбивый бог, воспользовавшись моментом, похитил у неё цвет невинности, а в благодарность подарил тысячу тысяч цветков — и готово. Глупое растение входит в моду, барышни украшают фиалками шляпки, платьица и панталоны, кавалеры выкупают по пять золотых за штучку последний букетик, не стоящий и двух медяков. Появляются фиалковые ликеры, сиропы, танцы, кружки. Все помнят, как школяры Столенвилля прошлись от магистрата до рыночной площади нагишом, с букетиками фиалок на чреслах? Сумасшествие, столпотворение, разверзлись врата небес… И тут другой бездельник выдергивает на свет вульгарную ромашку вроде тех, на которых гадают пастушки, называет её Камомиллой и рассказывает, как богиня явилась прекрасному козопасу на горном лугу. Всё. Про фиалку забыли.

С пресловутыми Дверьми в лето ситуация та же. Этот бродячий сюжет многие сотни лет кочует из книги в книгу, от пространных рассуждений Сенториуса до анекдотов Кратулла. Великий Гуссманн посвятил Двери одну из бессмертных трагедий, своего «Разлученного». Когда старик угольком на холсте рисует Дверь и уходит сквозь ветхую ткань, чтобы отыскать умершую в детстве сестренку, зрители плачут. «Там, на диком холме, поросшем ароматным тимьяном, ты дремлешь, как младенец в материнской утробе. Желтые бабочки садятся на рыжие кудри, принимая их за цветок. На закате приходят лисята — согревать тебе ноги всю ночь. На рассвете… на рассвете я прибегу на холм, вымокнув от росы. И позову тебя «Анна», как звал стылыми вечерами, когда ты стирала и скребла грязь в домах богачей, чтобы принести мне кусок хлеба». Это классика, полная глубокомысленных рассуждений и прозрачных аллюзий — говорят, Мастер вывел Эдуарда XII под видом коварного Шерифа, а его распутную сестру увековечил под маской Регины. И Дверь в лето в данном контексте не более чем аллегория царства Смерти, где праведные души находят друг друга.

Казалось бы, тема исчерпана и давно. Но неугомонные борзописцы раз за разом жуют ту же увядшую розу, не страшась ни колючек, ни ушедших в огонь тиражей. Двести лет назад предписания цензоров отправляли на костер рукописи, случалось — и вместе с авторами, вечного им покоя. Мы же живем в просвещенное время — если книгу не покупают, ей топят печи в домах бедняков. Никаких лишних жестокостей, чистая польза. При всем уважении к мастерству господина

Седого осмелюсь предположить, что его фолианты согреют страждущие сердца в прямом смысле слова, благо прожечь их глаголом не удалось. Мы топим город, пытаясь отогреть бесконечную зиму, а теплей не становится (зачеркнуто).

О чем поведал нам автор? С упорством, право, достойным лучшего применения, попытался доказать, что Двери в лето — не устойчивый образ, вроде единорога или птицы счастья, не выдумка менестрелей Темных веков или поэтов древности, а реально существующее явление. «Представьте себе» — пишет наш доморощенный философ — «Представьте — границы мира похожи на рыболовную сеть. Крупная живность застревает в ячейках, мелкая же протискивается сквозь них и уходит. Искусством проникать сквозь отверстия сети владеют, к примеру, gatto comune — как иначе они бы уходили из домов в снежную зиму и возвращались с зелеными травинками в шерсти, как иначе за считанные минуты преодолевали бы многие лиги в поисках добычи, тепла и человеческой ласки? Искусством рвать сеть — на мгновение, ибо ткань мироздания тотчас заполняет прореху — наделены люди, доведенные до отчаяния, дети в порыве чувств или увлечения игрой, изредка — влюбленные и безумцы. Сеть рвется, когда человеку больше всего на свете нужно отыскать выход. Детям порой удается нащупать обратный путь, и вернуться к родителям — иногда спустя годы. Взрослые не возвращаются никогда. Необычные случаи (текст неразборчив, залит водой). Рассмотрим пример: Мэйда О. девять лет, исчезла из дома бабушки в Хоффилдшире, по версии следствия похищена бродячими лудильщиками. Вернулась домой спустя год, в том же домашнем платье, в котором якобы убежала в метель…»

Чистой воды фантастика! Дитя вернулось. В бури и холода, в долгие зимы, когда порой и благородные семьи с чадами, домочадцами и прислугой ютятся у одного очага, сберегая крохи тепла? В необходимость труда с юных лет, до скорой и неизбежной старости? К десяткам фолиантов — напыщенных, глупых, стыдных, мертворожденных, которые надо прочесть от корки до корки и пересказать, следуя (подлежит цензуре) закону, дабы заработать на пирог с почками, пинту пива и полено хороших дров? К растресканным рамам, сквозь которые пробивается злой сквозняк. К (подлежит цензуре) судьям, вороватым торговцам, невежественным учителям и продажным поэтам. К друзьям — верным до гроба, пока ты в фаворе и при деньгах. К своим книгам, которые в этой стране никто и никогда не напечатает. Одинокие в стране одиночек, снежинки в руках метели, погребенные заживо под бессмысленной суетой — вот мы кто, брат Седой.

Если б ты и вправду знал тайну — ужели ютился бы в городской конуре, терпел угрозы, насмешки и сожженные тиражи, не мог отправить к морю жену и купить детям шубы из настоящего меха? Это вторая книга из твоих четырех, что пойдет в печи, приятель. Прости, я должен делать свою (подлежит цензуре) работу, иначе вместо теплой квартирки с двумя каминами окажусь в развалюхе рабочих кварталов. Ты не жил в таких никогда, ты не знаешь, каково это — поутру находить лед в стакане и снег на полу. Ты не поймешь меня, опьяненный идиотской

принципиальностью, яростной правотой. Ты — то дерево, что не умеет гнуться и потому ломается — или его ломают. Я замерз навсегда, прости. И готов писать что (зачеркнуто) о чем угодно, лишь бы иметь возможность согреться. Понимаешь, если б можно было бы уйти в Лето, просто нарисовав углем дверь на отсыревшей от старости штукатурке…

Примечание редакции:

Рецензия не закончена. Любимый наш рецензент и критик У.Ф. Коу пропал без вести прошлой ночью.

P.S. Если вы имеете сведения, кто в столице осмелился продавать живые фиалки — непременно сообщите в полицию.

Ника Батхан

Родилась 28 сентября 1974 года в Ленинграде. Работает журналистом, опубликовала более пятисот статей: в журналах «Окей», «Шпилька», «ФАНтастика» и других, более сотни в газетах издательского дома «Провинция».

Рассказы печатались в сборниках «Последняя песня земли», «Цветной день», «Цветная ночь», «Раковина», «После Апокалипсиса», «Первый удар», «Классициум», «Фемиониум», «Герои. Новая реальность», повесть — в сборнике «Грани»; печаталась в журналах «Полдень. XXI век», «Реальность фантастики», «Иерусалимском журнале», «Меридиан». Выпустила книгу прозы «Остров Рай». Подборки стихов публиковались в журналах «45-я параллель», «Осколки», «Зарубежные записки», «Конец эпохи», «Сибирские огни».

Гран-при Шестого Израильского фестиваля молодых литераторов, «Интерпресскон» в номинации «Дебют» 2011, дипломант Волошинского фестиваля, медаль Гоголя «За сказочную литературу», четырежды лауреат конкурса рецензий «Фанткритика».

Елена Щетинина

КТО УБИЛ ДРАКОНА?

— Дяденька, это вы убили длякона? — чумазый карапуз поддёрнул спадающие штанишки и засунул в рот палец.

«Дяденька», который был старше малыша всего на пару десятков лет, вздрогнул и отошёл подальше от огромной туши.

— Ну эт-то… д-да… Я… — заикаясь, неуверенно ответил он. Подумал немного и сделал ещё шаг в сторону.

— Дяденька, вы гелой, да? — малыш шмыгнул носом и переместил палец поудобнее во рту.

— Ну это.. ага… — парень опасливо огляделся по сторонам. Вокруг кроме них с малышом никого не было. А, ну да, был ещё дохлый дракон.

Дракон лежал на животе, раскинув лапы в разные стороны. Глаза его были закрыты, гребень поник, а из пасти свешивался огромный фиолетовый язык. И он не дышал. И даже немного вонял. В общем, был мертвее мертвого.

Парень приободрился.

— Ну это, ага. Я герой.

— А как вы его убили? — малыш явно испытывал недостаток информации. Парень мысленно проклял его.

— Ну взял и убил.

— Плям так, голыми луками?

Парень мысленно проклял всю семью мальчика.

— Нет, конечно, малыш! Драконов голыми руками не убивают. Я… — он лихорадочно огляделся. — У меня была эта дубинка! — и схватил валявшийся неподалеку увесистый сук.

— Дубиииинка! — восхищенно протянул малыш.

— Ага! — парень потряс дубинкой, борясь с искушением стукнуть ею мальчика. — Я ею — бац! — дракона. А он — хрямс! — и упал. И умер!

— Вау!!! — малыш был потрясён. Парень, надо сказать, тоже. Он раньше никогда не замечал за собой способностей к такому отчаянному вранью.

— Вот так, малыш, — покровительственно сказал он. — Кушай кашу, слушайся маму и тоже вырастешь таким же сильным.

— Ага… — мальчик явно уже обдумывал перспективы своего геройства с минимальными потерями — то есть с минимум съеденной каши и выполненных маминых просьб.

Парень же справился со страхом и подошёл поближе к туше. Он начал свыкаться с идеей о том, что это он убил дракона и теперь думал, как бы выгодно это обернуть. Возможно, его сочтут героем, выплатят денежное вознаграждение. Нет, это даже не возможно, а несомненно. Скорее всего, его пригласит к себе король и, может, даже даст ему какой-нибудь пост при дворе. Это было бы весьма кстати и хорошо. Король может также выдать за него свою дочь. А вот это уже не очень хорошо. Ибо дочь короля была уже сорокалетней старой девой с глазами навыкате, плохой дикцией и скверным характером. От своего одиночества она не очень страдала и прекрасно проводила время в

окружении фрейлин и мопсов. Периодически их весёлые девичники содрогали до основания замок и окрестности.

Хотя…учитывая, что потенциальная невеста раза в два старше потенциального жениха… может быть, лет эдак через пять-десять он уже будет свободен, с деньгами и титулом…

— АААаа! Кто!!! Ой!!! Надо же!!! Ух ты! Это он??? — нестройный хор воплей отвлёк парня от мыслей о будущем.

На холм к ним карабкалась целая толпа. Местные жители заметили, что у логова дракона что-то произошло, и не меньше, чем мальчик, жаждали получить информацию. Возможно, об этом уже извещен и король, подумал парень. И может быть, где-то в этой толпе карабкается и придворный живописец с холстом наперевес, дабы запечатлеть лик героя. Парень приосанился, принял героическую позу возле туши и попытался ногой запихать вываленный драконий язык обратно в пасть, дабы не портил вид.

Толпа вскарабкалась на холм и замерла в изумлении. Они, похоже, не ожидали такого зрелища. Правда, общую эстетику картины немного портил карапуз в спадающих штанах и со щеками, вымазанными вишней. Но в дальнейшем это можно было повернуть так, что в облике этого малыша проглядывает светлое будущее всей страны, будущее без дракона, без страха, без опасений, будущее, которое с надеждой глядит в светлое будущее… Тут мысли парня запутались, и он решил прекратить это сложное и неблагодарное занятие — думать.

Толпа стояла около них, покачивая головами, поцокивая языками и о чём-то вполголоса переговариваясь. Наконец народ раздвинулся и вперёд вышел кряжистый мужик с окладистой бородой, судя по всему — староста деревни.

— А кто убил дракона? — степенно спросил он.

Парень приосанился.

— Это я.

— Ты? — недоверчиво спросил староста, оглядывая щуплую фигуру и прыщавое лицо «героя».

— Я! — гордо подтвердил тот. — Вот этой дубинкой, — и продемонстрировал узловатый сук.

Судя по всему, именно сук, а не слова парня, убедили старосту.

— Это он убил дракона! — повернулся он к толпе.

Народ зашумел.

— Да, я! — провозгласил парень. — Я состою в отряде драконоборцев! — соврал и даже не заметил.

Народ зашумел ещё сильнее.

Парень довольно улыбнулся. Сейчас его поднимут на руки и понесут вниз в деревню. Накормят, напоят и пригласят в замок короля. Король обнимет его, назовёт своим сыном.. или братом… ну неважно… Предложит ему земли, подарит замок. Может, даже учредит праздник в его честь…

И тут его мечты снова были прерваны. Что-то заставило его прислушаться к тому, о чем переговаривался народ.

— Убил..

— Ага… Вот этой самой дубинкой.

— Герой…

— Да, герой, нечего сказать…

— И что теперь делать?

— А я откуда знаю?

— А мне что делать теперь? На моём постоялом дворе-то только рыцари-драконоборцы и останавливались. Кто теперь на нашу глушь позарится? А мне по миру идти?

— Да ладно тебе жаловаться, вы их с женой по ночам обкрадывать не забывали, так что в кубышке-то у тебя заначка хранится. А моя кузница с металлолома, что после них оставалась, ещё полгода потом кормилась. Сами же придёте ко мне за плугом и подковами. Я их вам из чего, из глины делать буду?

— А кто теперь наши конкурсы красоты судить будет? Он ведь самым объективным был, ему-то всё равно кого лопать — лишь бы самая красивая на деревне была.

— А кто теперь наши поля топтать будет? Я уже пожаловался королевскому министру по полям, что у нас дракон в этом году все пожёг и вытоптал. Что теперь, самим с факелами и на лыжах по огородам бегать? Компенсацию-то растратили.

— Да и вообще, если посмотреть, хороший же дракон был…

— Ага, не то что, у соседей. Там не только огнём жжёт, но и чем-то вонючим плюётся.

— Не плюётся, а совсем из другого места…

— Да какая разница?

— А наш даже и не плевался…

— А какие песни по ночам пел…

— Да уж… не хуже, чем лягушки на болоте…

— Ну и как мы теперь без него?

— Да… скучно будет.

— Бабы, вы что? Что значит «скучно»? Без дракона мы загнёмся, как пить дать.

— Точно. Вы погодите, к нам лет десять как королевская винная комиссия не заезжала, его боялась. Теперь нагрянут. Мигом все самогонные аппараты конфискуют.

— Да…

— Меня теперь никто не назовёт самой красивой!!! Кто теперь скажет, кто лучше — я или соседская дура?

— Доченька, ты, ты самая красивая!

— А без дракона никто не повееееерит!

Из толпы протолкалась скрюченная старушка с клюкой.

— Изверг! — заорала она. — Ирод окаянный! Пошто нашего дракона убил, чувырла городская?

Клюка стукнула парня по уху.

От неожиданности тот попятился, споткнулся об драконий язык, и смачно шмякнулся задом на траву.

Толпа, угрожающе рокоча, приближалась к нему. В авангарде были та самая старушка, уже без клюки, и полногрудая пейзанка — судя по всему, потенциальная победительница следующего местного конкурса красоты. Они угрожающе сжимали и разжимали руки, производя характерное удушающее движение.

Парень понял, что пришёл старина каюк.

— Эй… эээээ… не наааадо… — залепетал он. — Я ж это… Я не это..

— Что ты не это? — прошипел кто-то из толпы.

— Я не трогал вашего дракона!

— Ага, врби больше, — проскрежетала старуха.

— Правда! Правда-правда! Я просто мимо шёл. А тут он лежит… И мальчик спросил… Ну я и сказал…

— Селяне, он же, гад, всё на ребёнка валит! Вы ж поглядите — мало того, что дракона ухайдокал, так теперь ещё и про ребёнка гадости говорит.

Рокот усилился. Судя по чавкающим и стукающим звукам, которые доносились где-то из центра толпы и чуть ниже, народ активно подбирал камни и выдергивал с корнем компактные колючие кустики. Может даже выкорчевывал мелкие пеньки.

Парень понял, что его сейчас будут бить. И даже не ногами. А более твёрдыми предметами.

— Я не трогал-не трогал-не трогал… — затараторил он, с ужасом понимая, что правда у него получается менее убедительно, чем ложь. — Я просто шёл, просто шел…

— Драконоборец он… фигов… — в толпе смачно плюнули. Плевок попал ему в лоб. Парень понял, что это было просто пристреливание и сейчас полетит что-то более существенное.

Он неуклюже вскочил на ноги.

— Я не драконоборец!! И никогда не был среди них! Нет! Ой! Я не трогал! Я мимо шёл! Аааа!!! — и бросился бежать по холму, мимо пещеры дракона, и вниз — к реке, лугу и дальше.

Толпа, смачно ругаясь, подбрасывая в руках камни, помахивая сучьями и постегивая колючими розгами, поспешила за ним вслед.

За ними, неторопливо, поддергивая спадающие штаны и ковыряя в носу, потопал чумазый карапуз. Он не волновался, что идёт медленно. Он знал, что если им повезёт, то всё равно успеет на самое интересное.

Когда вся процессия скрылась под холмом, огромная туша зашевелилась. Дракон шумно вздохнул, потянулся и засунул в пасть оттоптанный язык. Затем сел и стал разминать затёкшие лапы.

— Вот так всегда, — пробормотал он. — Пока не сдохнешь, слова доброго не скажут. А тут… Чуть на слезу не пробило… Надо почаще так.

И хитро улыбнулся.

Елена Щетинина

БОРИСЕВИЧ И ДОМОУПРАВЛЕНИЕ

— Не могу понять, где эти чертовы электрики? — Борисевич выглянул в окно, где туман, смешавшись с вечерними сумерками, покрыл улицу плотной пеленой. — Уже неделя, как лампочка в фонаре перегорела, а они и не чешутся.

— Ну а что тебе? — зевнул Андрюха. — До магазина— то идти пару минут. Страшно?

— Да нет, — пожал плечами Борисевич. — Просто не могу понять, за что наш ЖЭК зарплату получает. Неделю вечерами как в черничном киселе сижу. Невесело.

— Весело? — рассмеялся я. — Борисевич, приходи ко мне переночевать. Мне фонарь всю ночь аккурат в кровать пялится, никакие шторы не помогают. Я тебя как дорогого гостя в эту кровать уложу, а? То— то повеселишься.

— Нет, — Борисевич снова недовольно уставился в окно. — Нет, я

все— таки напишу завтра кляузу в домоуправление. Слышите? — он высунулся в форточку. — Завтра жалобу накатаю!

«Катаю— таю— таю….» — разнесло эхо.

— Чего орешь? — Андрюха подавился крекером.

— У меня начальница ЖЭКа в соседнем подъезде живет, — пояснил Борисевич. — Я так им последние китайские предупреждения делаю.

— И что, помогают?

— До сих пор — да. И отопление давали, и воду холодную включали, и даже в подъезде убирали.

— Совпадение, — пожал я плечами.

— Может быть… — неуверенно ответил Борисевич. — Завтра и проверим.

Он накинул куртку, собрал с нас по сотне, бесцельно побродил по квартире и снова, словно бы случайно, выглянул в окно.

— Ага! — его крик разбудил кота, заставил Андрея судорожно икнуть, а я уронил на пол пульт от телевизора.

— Ага! — Борисевич горделиво потрясал кулаком. — Все-таки испугались. Починили!

Мы выглянули в окно.

Действительно, во дворе, сквозь туман и темень, тускло светил одинокий огонек.

— Поздравляю! — я хлопнул Борисевича по плечу. — Ты настоящий мужик. А теперь по этому освещенному проспекту дуй в магазин.

Борисевич хмыкнул и ушел.

— Слышь, — Андрей стоял в дверях. — Борюсик деньги на тумбочке забыл. Сбегай-ка, а то облажается на кассе.

Я вышел на улицу, зябко поежился и начал застегивать куртку.

И замер.

Потому что увидел ноги Борисевича.

То, что это были именно его ноги, я понял по красным китайским кроссовкам «Abibas» и домашним штанам в зеленую клеточку — убийственное сочетание, в котором Борисевич по вечерам выгуливал таксу жены и бегал в магазин за пивом. Кроме ног больше ничего не было видно.

Потому что весь остальной Борисевич был скрыт в пасти огромного склизкого существа, похожего на фиолетового слизня-переростка.

А перед пастью этого слизня висела лампочка.

Существо фыркнуло, заглотнуло ноги Борисевича и икнуло.

— Кляузу он накатает… — просипело оно.

Потом кокетливым жестом откинуло лампочку набок.

— А ты кляузу будешь катать? — обратилось оно ко мне.

— Эээ… неет… — прохрипел я.

— Правильно, — кивнуло существо. — Верный ответ. Когда понадобится, сами включим.

Лампочка моргнула и погасла. Существо повернулось ко мне спиной и растворилось в тумане.

Вот сижу теперь в подъезде и думаю — что я Андрюхе скажу?

И что мы скажем жене Борисевича?

А то вдруг она тоже в домоуправление жаловалась?

Александр Карнишин

ЧЕРНЫЙ ПОЕЗД

Из нашего поселка-то выхода ведь нет совсем. Он ведь так и называется потому неспроста — Глухарь. И это ведь не охотники какие-нибудь его так назвали, понимать надо, да и охотников у нас здесь просто так ведь и не бывает вовсе. Где им тут охотиться? В степи, что ли? А откуда тогда на охоту приезжать-то? У нас же тут даже дорог никаких вокруг нет. Вон, только железная, да и та в пяти километрах — будто кто-то специально поставил дома поселка так, чтобы ничего вокруг не было: ни холмов тебе, ни лесов никаких, ни рек — степь да степь, серая от полыни. В одну сторону глянешь — сто километров ничего нет, в другую… Глухарь, в общем. Верное слово.

Что говоришь? Железная дорога?

Так, чо, там же просто два рельса, значит, и сарайчик старый для обходчика. А кто того обходчика хоть раз видел? Может, никакого обходчика вовсе и нет. Я вот лично не видел его ни разу. Хотя к дороге бегал часто. Мы тут все к дороге бегаем — куда еще-то?

А, заметил, да? Ну, это так говорят у нас просто: сбегать на огороды, значит, на зады, то есть, сбегать за водой, сбегать на железку. Говор такой местный, традиция, вроде. Иногда и вправду так бывает, что бежишь. Ну, тут же простор кругом — бегай себе и бегай. Особенно если в детстве.

Вот на железку мы и бегали. Поезда у нас тут не останавливаются. Надо если, так ехай на вокзал в район. А на чем и как? Дорог-то ведь нет никаких. Это только если вдруг придет рабочий поезд, который у каждого столба тормозит, так на него еще надо заранее собираться и потом ждать весь день — кто знает, когда он точно подползет. Рабочий поезд смену везет. У нас там, на юг дальше, карьеры большие, так народ туда нанимается и вахтовым способом работает. Два месяца через два — говорят, нормально получают. А нам даже и туда не добраться никак иначе, чем по той же железке.

А потом мы узнали про Черный поезд. Рано или поздно всегда узнаешь про Черный поезд.

Ну, чего, чего ржать-то сразу? Чего сразу — «в черном-черном городе, на черной-черной улице»… Вы послушайте, послушайте! Черный поезд — он взаправду был, и он есть, и я его сам видел неоднократно. Мы тогда с дружком моим Васькой решили из нашего Глухаря слинять. Пешком тут — сами видите — просто некуда. На рабочем поезде — кто нас возьмет, мелких и безденежных? А вот когда про Черный поезд услышали…

Ну, да, тоже посмеялись сначала-то. Но книжки правильные были всякие. Типа, там, Кинг и все такое прочее. Конечно, наш Глухарь — это не Безнадега тебе американская какая-нибудь. Но там у Кинга даже веселее было. Движуха, хоть и страшно. А у нас тебе здесь вовсе не Америка. У нас тут, понимаешь, степь. Туда — сто километров, сюда — сто километров… Да, больше, пожалуй!

А Черный поезд — он пролетает мимо, не оставляя ни запаха, ни звука, только рельсы прогибаются, и долго еще стук колес слышен, если к рельсу ухо приложить.

В общем, мы с другом Васькой поняли тогда, что из Глухаря — только Черным поездом.

Ну и что, если он не тормозит? Он же — Черный! Понимаете? Он не настоящий на самом деле! Он такой… Ну, как адский, что ли. Или еще сказать — как такая прореха во всем мировом пространстве. Вот! Точно! Прореха такая черная, которая носится по кругу по нашей железке, запертая у нас в древности кем-то. И мы даже догадывались с Васькой, кем. У нас тут есть могилка, за которой все всегда ухаживают. Там пирамидка простая и фамилия-имя-отчество. А весь поселок, значит, следит, чтобы все в порядке было. Это не на кладбище. Это вот на как раз полдороги к железке с правой стороны. Так мы тогда сами все додумали, докумекали. Ну, хорошо, пусть будет — придумали, ладно. Что смешного-то? Зато логично все было. Эту прореху адскую вот тот самый, чья фамилия на памятнике, закольцевал, запер как-то чуть не в древности. А сам он тут и остался, вроде как сторож над нею. А когда помер, так те, значит, кто в курсе был, еще дальше от железки строиться стали. Потому что страшно это и опасно. Если бы не так все было, то стоял бы наш Глухарь прямо на железной дороге, и была бы станция, и ресторан при ней, и поезда бы ходили регулярно. А у нас вон как. Понятно же каждому, отчего и почему.

Вот мы с Васькой стали каждую свободную минуту на нашей железке проводить. Мы с ним отслеживали Черный поезд и составляли такой специальный график. Он, понимаешь, не только ночью пролетал. Он и днем мог просвистеть, и рано утром — вот в самое как бы любое время. Но мы график составили, потому что целых три года ходили и отслеживали. Три года ровно. Все равно ведь в школе надо было доучиться, а потом уже решаться на что-то.

На что решаться-то? Да линять с этого Глухаря, нафиг! Тут жизни нет! Что значит родители жили и деды жили? Это их жизнь, а это — наша. Вот мы и решили для себя, что мало ли кто и как тут живет, а нам тут в глухой степи не место.

Три года! Вам не понять, как это долго. То по очереди, то вдвоем — чуть что, сразу на железку. И караулить там Черный поезд…

Да мы его тормозить-то и не собирались. Вот не хватало нам еще эту дырку черную остановить. Тогда бы и степь наша и поселок — все туда ухнуло. Я думаю, что до карьера бы дотянулось точно. Такой был бы катаклизм — ого-го! Нет, тормозить его не надо было ни в коем случае. Надо было просто встать перед ним, перед Черным поездом. И он уносил тебя, как если бы ты нырнул в настоящую космическую черную дыру.

Есть, слышь, такая теория, что можно выжить, даже если — в черную дыру. Тогда, мол, насквозь пролетаешь и вылетаешь в другом совсем пространстве, за миллионы километров. А может и в другом времени. Наука сейчас разное говорит. Но это все в космосе. А у нас тут — Черный поезд. Надо, выходит, просто дождаться, встать перед ним, и тебя перенесет сразу в город.

В какой? Ну, это мы тогда с Васькой не обдумывали, чтобы точно с названием. Но мне лично казалось — в самый большой должно перенести.

И вот мы три года составляли график движения Черного поезда. И мы его, блин, составили! Оказывается, была такая хитрая формула, которой можно посчитать, когда он появится в следующий раз. И даже время вычисляется с точностью примерно до часа.

В общем, мы с Васькой собрали свои рюкзачки. Ну, там, поесть на первый случай, попить. Трусы-носки, как положено. Немного денег. Совсем немного — мы бы в городе заработали, потому что уже не маленькие были. И однажды ночью, решившись, оставили записки родителям, а сами побежали на железку. Все у нас было рассчитано. Час шагом до рельсов, час там ждать, а потом придет за нами Черный поезд. И мы улетим на нем в город.

Что?

Ну, дождались, ага. Стук колес, гудок такой страшный, просто сердце рвет, прожектор в глаза…

Мы с Васькой встали прямо между рельсами. А чтобы не так страшно было, просто отвернулись. А то ведь дрогнешь там, испугаешься, шарахнешься в сторону… И вот, значит, он летит, гудит, рельсы под ним прогибаются и стонут, шпалы трясутся, а мы стоим спиной.

Васька первым к поезду встал. Я вторым, за ним следом. Рядом там все же тесно было. А надо было как раз рядом становиться, это я уже теперь понимаю — рядом надо было! А так вышло, что Ваську-то толкнуло, он — меня. И я сорвался, качнулся, шагнул чуть в сторону. Вот и все, значит. И не вышло из-за этого у меня ничего.

Ага, тогда как раз и ноги свои потерял.

Ну, так что, мужики, угостите инвалида, а? Я ж старался, рассказывал вам про наш Глухарь, да про наш страшный Черный поезд..

Что? Про Ваську-то? А что про Ваську говорить. Васька теперь в городе. В самом большом. Вы его тут в Глухаре с тех пор видели хоть раз? Не видели. Вот то-то же и оно.

Роман Демидов

ЛЮБОВЬ И РЕЛЬСЫ

«Да что такое эта ваша любовь? — говорите вы. — Что она может?»

И делаете такое лицо, что сразу ясно: вы-то знаете, какие силы правят этим миром.

Ничего вы не знаете.

Давайте я объясню.

Представьте себе: где-то впереди по ходу нашего поезда лежат два параллельных рельса. Обычные куски металла, ничего особенного в них нет.

Теперь представьте себе, что пролетавший мимо бог любви решил пошалить и коснулся их своими серебристыми крыльями. И в этих самых кусках металла, которые до того момента вообще ничего и никогда не чувствовали, внезапно разгорается бешеная страсть друг к другу.

Только — вот беда-то! — быть вместе им не суждено. Они же рельсы. Они параллельны и не могут пересечься. Это закон.

Вы, думаю, и представить себе не можете, какая это мука — не иметь возможности прикоснуться к тому, кого обожаешь, особенно когда он находится так близко. Проводить целую вечность рядом, но не вместе. Жить в плену чужих законов и путевых шурупов.

К счастью, там, где в дело вступает любовь, никакие законы уже не действуют.

И вот раздается скрежет. Это рельсы избавляются от крепежей, отрываются от шпал — и устремляются навстречу друг другу. Они переплетаются, запутываются в узел, становятся неразделимы.

Навсегда.

Вот оно — могущество любви!

Нелепица, говорите? Смешно?

Что ж, может и так. Не буду больше вас отвлекать своими глупыми разговорами. Исчезаю.

Но, пока в тесном пространстве купе кружатся последние пылинки, потревоженные моими серебристыми крыльями, подумайте, над чем вы смеётесь. У вас есть ещё время, чтобы понять.

Любовь делает неживое живым.

Любовь сметает любые преграды на своём пути.

А сколько поездов пойдёт при этом под откос — ей совершенно наплевать.

Макс Черепанов

ГОРЯЩИЙ ТУР

— По-ожалуйста ми-инеральной во-оды. И суха-ариков.

Я взял купюру, протянутую женщиной сквозь решётку в окошке, и провёл ею по сканнеру. Снаружи моё логово выглядело заурядным круглосуточным киоском в плохом районе: черное листовое железо, зев норы для передачи денег и товара, более ничего. Внутри следовало ожидать завалов из ящиков с дешёвым пойлом, чипсами и прочим ширпотребом, однако гораздо более окружающее меня пространство напоминало кабину самолёта: экраны, пульты, голограммы.

Перевалочный пункт «Галактических путешествий» на планете Земля.

Сканер мигнул зелёным, и ближайшей монитор изобразил истинный облик стоявшей передо мной женщины — трёхметровый синий четырёхглазый гуманоид. Доминирующая раса Сириуса. С этой всё понятно — возвращается домой из туристического путешествия.

Молча я протянул сдачу. Покупательница прикоснулась к ней и с лёгким хлопком исчезла. Доброго пути.

Ночь выдалась спокойной. Кроме сириусянки, час назад я отправил на Титан семейство с Бетельгейзе, прибывшее на отдых в биоскафах, имитирующих мух. Метан-этановые озера и суровые — сто семьдесят по Цельсию для этой братии — как белый песочек и тёплое море для нас.

Эх, а хорошо бы сейчас в отпуск…

— Полторашку пива «После работы». Нет, две. И пачку «Кента».

Ужас, какой перегар. Этот наверняка местный. Но на всякий случай я проверил его банкноту — обыкновенные деньги. Чёрт, и где же у меня эта отрава?

— Погодите минутку.

Пока парень мялся у окошка, я от нечего делать провёл его полное сканирование. Приятная внешность, и глаза не пустые, что сейчас редко встретишь. Вместе с тем — хроническая интоксикация этанолом. Прогноз негативный. В течение трёх лет — цирроз печени и смерть. Жаль…

— Долго ещё?

— Сейчас.

Ментальное сканирование. Одиночество, хроническая депрессия. Расставание с девушкой. Первый запой, исключение из института.

И я решился. Это может стоить мне тёплого места, но…

— Ваше пиво.

Парень коснулся бутылки, затем его глаза расширились и с изумлённым воплем он исчез.

На Алькоре-4 душистые леса, прозрачные озера и дружелюбные туземцы, генетически совместимые с нами. Жизнь проста и сурова. Уверен, ему всё там понравится.

Кроме того факта, что на всей планете нет ни капли алкоголя.

Андрей Скоробогатов

МАЛЬЧИК И МАРСОХОД

Мальчик Миша мечтал о марсоходе. Мобильном, но мощном, метеоритоустойчивом, могущим махнуть между мегаполисами — мол, мало ли.

Мракобесие местного мэра мешало мечте. «Мальчик мал, — молвил мэр, мрачно мыля морду между meeting-ами. — Марсоходами могут маневрировать мамы, не малыши». Мимоходом мямлил о Матриархальных Моральных Мерах Марса, мешающим мещанам мечтать о марсоходах.

Миша меланхолично махнул механическим манипулятором-протезом и молча мелькнул мимо мэрского мордоворота.

Мелочность, мнительность и мозгоусугубительство марсианских местоблюстителей морщили малыша, моча мокрым мимику и мотая по мостовой.

Мимопроезжающие марсиане в мини-машинах матюгали Мишу, мигая моргалками.

* * *

Модуль «Москва-5». Мама мешает молоко в мини-сепараторе. Марсианская «мультикорова», мимикрировавшая под московский мини-бар, мило мычит Мише.

— Марсоход?.. — мама, меркуя мордовыражение Миши, макнула в молоко мультикоровье «мясо».

— Мамо! Мерзко мне мракобесие мэра… — мальчик махнул манипулятором, маня *и переходя на шёпот. — Купи! Не могу уже! Ну купи мне марсоход! Ну и что, что я киборг?! Хочу я, понимаешь, хочу как настоящий человек изъясняться по-человечьи, хочу свободы, в скафандре прошвырнуться по песочку родному марсианскому, да под солнышком, на волю хочется, свалить хочу из этого сраного городишка, не могу под кумполом проклятым я!!!*

— Молчи, молчи!.. — мама с мышиным мнением мотает макушкой — мигают ли монокуляры-мреокли мэрских мерзавцев, моняторющих *не*-марсианскую мову. — Монолингвистика, молви «М-м», меньше мельтеши, мимо мрачные мысли…

Как будут выстраиваться взаимоотношения кошек и собак, если и те и другие наполовину люди? Смогут ли они стать чем-то большим, чем просто оборотни с жестко заданной матрицей как поведения, так и внешнего облика?

Какие дела придется расследовать Шерлоку Холмсу и доктору Ватсону в Лондоне стимпанка, успешно пережившем нашествие марсианских треножников? Какие проблемы встанут перед космонавтами в мире победившего ислама?

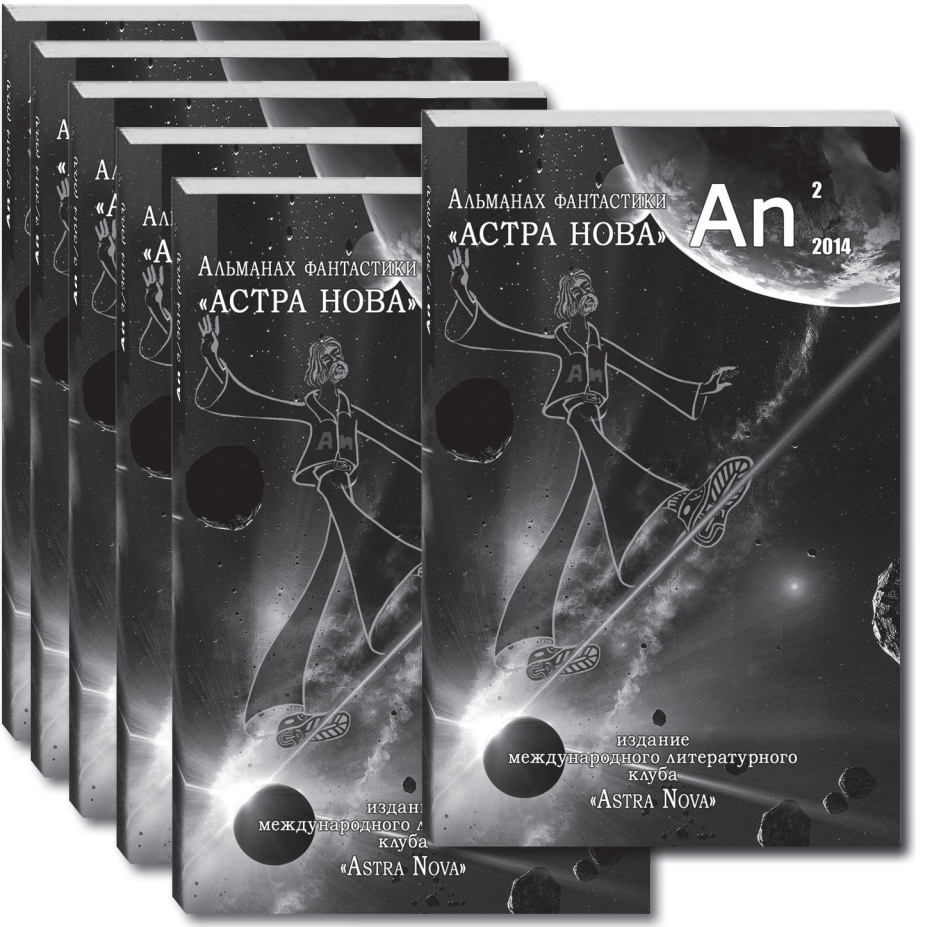
Неожиданные повороты сюжета, качественный язык, нетривиальная точка зрения, детективная интрига и мягкий юмор.

www. sz-izdat.ru

•Северо-Запад•

Медведи-оборотни и сейчас называют себя берендеями. Берендей по имени Егор слишком молод и только становится на ноги, когда на его территорию приходит огромный медведь-людоед. Но убить медведя для берендея — все равно что убить брата...

Книги Ольги Денисовой — это вовсе не женское фэнтези, хотя в них чувствуется мягкая, добрая рука женщины. Ее книги пронзительны, иногда жестки и даже жестоки, и добро в них не всегда побеждает зло — но оторваться от них невозможно, пока не прочтешь до конца.



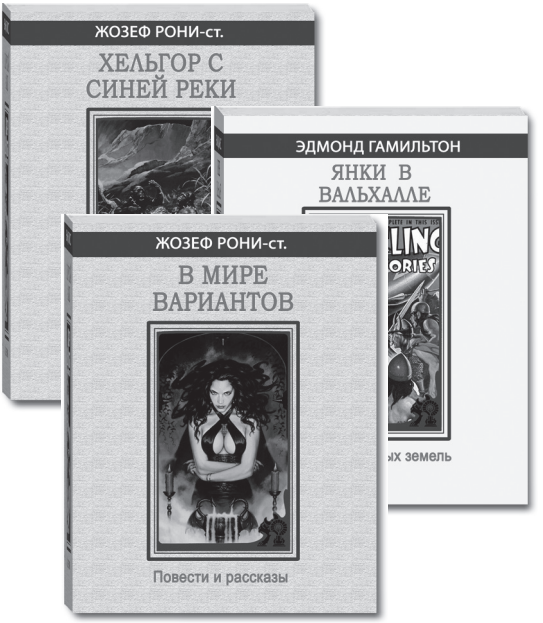
Все номера альманаха всегда в продаже
в интернет-магазине «Агенты будущего»
на https://agenty-buduschego.ru/

Возвращение легендарной «желтой» серии

УЖЕ В ПРОДАЖЕ

Г. Фокс «Меч колдуна»
Э. Петайя «Звездная мельница»
Э. Петайя «Украденное солнце»
Р. Вильямс «Затерянная земля»
Р. Лупофф «Меч демона»
«На заре времен» (сборник)
«Тень призрака» (сборник)
К. Э. Смит «Зотик»
К. Э. Смит «Затерянные миры»
Д. Блиш «ФОК»

Впервые на русском языке!



www. sz-izdat.ru

•Северо-Запад•

Литературно-художественное издание

Астра Нова
альманах фантастики

Главный редактор: *Кирилл Берендеев*
Редколлегия: *Юлия Крюкова, Григорий Панченко,*
Анна Райнова, Светлана Тулина,
Александр Тишинин, Игорь Петрушкин
Корректоры: *Светлана Тулина, Олег Поль*
Компьютерная верстка и дизайн *Ольга Денисова*
Художники: *Светлана Тулина, Анастасия Галатенко*

Подписано в печать 28.04.2014
Формат 64×90 1/16. Гарнитура «Book Antiqua». Отпечатано
с готового оригинал-макета по технологии
Print-on-Demand. Усл. печ. л. 19,20. Уч.-изд. л. 16,52.

Заказ книг
agenty-buduschego.ru
sz-izdat.ru

Издательство Северо-Запад, 2014